





Санкт-Петербургский научно-культурный центр по исследованию
истории и культуры Скандинавских стран и Финляндии
Кафедра истории Нового и Новейшего времени
исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета
Русская христианская гуманитарная академия



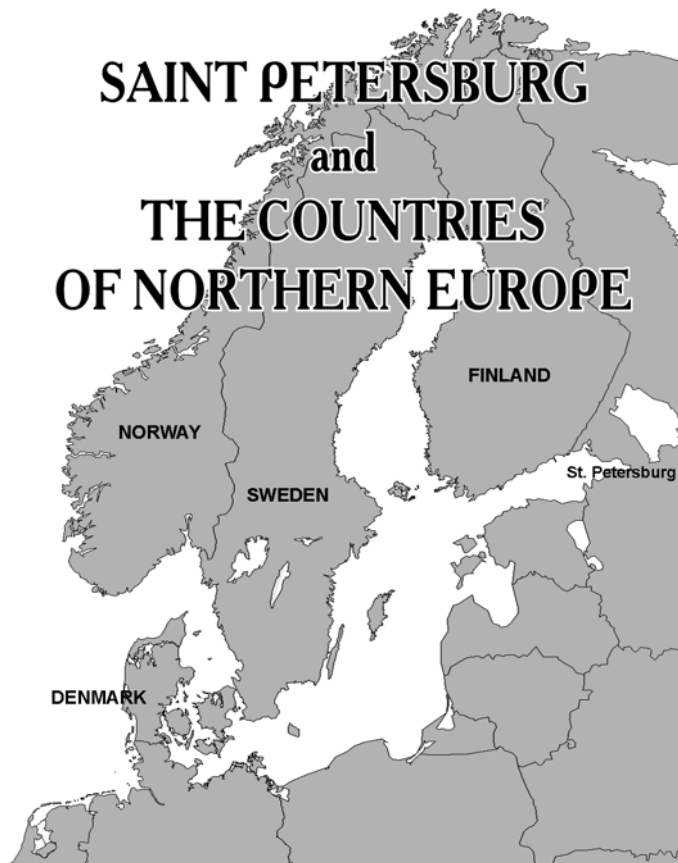
*Материалы Двенадцатой ежегодной
международной научной конференции*

Санкт-Петербург
2011



St. Petersburg Scandinavian Center
Saint Petersburg State University,
Department of History
The Russian Christian Academy for the Humanities

SAINT PETERSBURG and THE COUNTRIES OF NORTHERN EUROPE



*Proceedings of the 12th Annual International
Conference*

Saint-Petersburg
2011

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, профессор *В. Н. Барышников*
(ответственный редактор),
д-р ист. наук, профессор *Н. И. Барышников*,
д-р ист. наук, профессор *В. Е. Возгрин*,
Т. Н. Гордецкая,
д-р ист. наук, профессор *А. П. Кротов*,
канд. ист. наук *К. Е. Нетужилов*,
канд. филос. наук *Т. Ф. Фадеева*,
д-р филос. наук *Д. В. Шмонин*

Рецензенты:

канд. ист. наук, доцент *А. В. Лихоманов*
(Российская Национальная библиотека);
канд. ист. наук *А. И. Терюков*
(Музей антропологии и этнографии РАН)

Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Двенадцатой ежегодной научной конференции (14–15 апреля 2010 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб.: РХГА, 2011. — 408 с.

ISBN 978-5-88812-402-4

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов Двенадцатой ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Книга рассчитан на всех тех, кто интересуется проблемами отношений Санкт-Петербурга со странами Северной Европы.

ISBN 978-5-88812-402-4



© В. Н. Барышников, П. А. Кротов,
сост., 2011
© Издательство Русской христианской
гуманитарной академии, 2011

The Editorial Board:

PhD in History, professor *V. N. Baryshnikov* (managing editor),

PhD in History, professor *[Baryshnikov N. I.]*,

PhD in History, professor *V. E. Vozgrin, T. N. Gordezkaya*,

PhD in History, professor *P. A. Krotov*,

PhD in Philology *K. E. Netuzhilov*,

Candidate of Philosophy *T. F. Fadeeva*,

PhDoctor in Philosophy, professor *D. V. Shmonin*

Reviewers:

Candidate of Historical science *A. V. Likhomanov*

(The Russian National library),

Candidate of Historical science *A. I. Teryukov*

(The Museum of anthropology and ethnography
of Russian Academy of Science)

Saint-Petersburg and Northern European countries: Materials of the twelfth annual scientific conference (14–15 of April 2010) Edited by V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov. SPb. RCHGA, 2011.

The collection consists of scientific articles based on the materials of the reports of the twelfth annual international scientific conference “Saint-Petersburg and North European countries”.

The book is intended for those who are interested in problems of relations between Saint-Petersburg and North European countries.

© V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov, 2011

© Russian Christian academy for humanities publishing house, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов Двенадцатой ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Конференция была организована под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре скандинавских стран и Финляндии, кафедрой истории нового и новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Русской христианской гуманитарной академией (РХГА), а также Историко-этнографическим музеем-заповедником «Ялкала».

Конференция проходила 14–15 апреля 2010 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, музееведов и культурологов, которые ведут исследования в рамках изучения истории Санкт-Петербурга и северо-западного региона¹. Традиционно в конференции принимали активное участие ученые РХГА, многие из профессорско-преподавательского состава исторического факультета и факультета международных отношений СПбГУ, а также научные сотрудники Российской Академии наук, ряда музеев и архивов. Зарубежными участниками конференции были историки из Финляндии, Швеции, Дании и Великобритании.

Как в ходе работы конференции, так и в подготовке к изданию сборника большое внимание уделялось вопросам, связанным

¹ См.: *Михалкова Т.* Университетская Финляндия // Санкт-Петербургский университет. 2010. № 14 (3821) 29. 10.

с юбилейными датами, характеризующими в 2010 г. отношения Санкт-Петербурга и России со скандинавскими странами и Финляндией. Поэтому в сборник включены прежде всего доклады, посвященные событиям, касающимся истории Второй мировой войны, 65-летний юбилей окончания которой отмечался в Петербурге в мае 2010 г. Кроме того, часть выступлений, включенных в сборник, была также выполнена в рамках международной научной конференции «Зимняя война» 1939–1940 гг.: военно-политические итоги», которая прошла 20 марта 2010 г. в Историко-этнографическом музее-заповеднике «Ялкала»².

Одновременно особое внимание при составлении материалов сборника было обращено на научные статьи, выполненные на основе докладов, касающиеся раскрытия генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях Северной Европы в эпоху Нового и Новейшего времени.

Материалы более ранних конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98–99», а также в последующих изданиях, вышедших под названием «Санкт-Петербург и страны Северной Европы»³.

² См.: Труды кафедры Истории нового и новейшего времени. 2010. № 4. С. 315–317; URL: http://www.novist.narod.ru/event_13.html.

³ Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98–99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб., 1999. С. 431–490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы четвертой ежегодной научной конференции. СПб., 2003; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы пятой ежегодной научной конференции. СПб., 2004; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы шестой ежегодной научной конференции. СПб., 2005; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы седьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2006; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы восьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2007; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы девятой ежегодной научной конференции. СПб., 2008; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы десятой ежегодной научной конференции. СПб., 2009; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы одиннадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2010.

PREFACE

The collection contains scientific articles prepared on the base of reports' materials of the twelfth annual International conference "Saint Petersburg and Northern European countries".

The conference was organized by St. Petersburg Center for Research and Culture Of Scandinavia and Finland, the Modern history department of the Historical faculty of the St. Petersburg State University, Russian Christian Academy for Humanities (RCHGA) and the Historical – ethnographic museum – reserve "Yalkala" took part in organizing the conference too.

The conference was held 14–15 of April 2010. Historians, philologists, ethnographers, researchers of art and museums, cult urologists, who make their research work in studying Petersburg and North-West region, participated in it. According to tradition scientists from RCHGA, many teachers and professors from historical, philological faculties of the State University, also research workers of the Academy of Science, some museums and archives took part in the conference. Foreign participants of the conference were historians from Sweden, Denmark, Finland and Great Britain.

During the conference as well as preparation for it much attention was paid to themes concerning anniversaries characterizing relations between Saint-Petersburg and Scandinavian countries and Finland in 2010. So the most of the reports devoted to the events connected with the history of the World war II, the 65-th anniversary of its ending was celebrated in St. Petersburg in May 2010 were included in this volume. The researchers' attention was also captured by the "winter war", and many reports were presented during the international scientific conference: < "the winter war" 1939–1940:

military – political results.> which was held on 20 of March 2010 in the Historical – ethnographic museum – reserve “Yalkala”.

While drawing up the materials for this volume much attention was paid to scientific articles based on the reports of the conference. They are devoted to revelation of genesis, evolution, discursive and political practice in polinational communities in Northern Europe in modern and up-to-date epoch.

The materials of previous conferences were published in volume “Petersburg readings 98–99” and further editions called “Saint Petersburg and Northern European countries”.

**ЛЮДИ И СОБЫТИЯ
СКВОЗЬ
ПРИЗМУ ИСТОРИИ**

Т. А. Базарова

**ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ ВИЦЕ-КАНЦЛЕР
П. П. ШАФИРОВ В ДОНЕСЕНИЯХ И ЗАПИСКАХ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ**

Выдающийся деятель петровской эпохи Петр Павлович Шафиров, начавший государеву службу с должности переводчика в Посольском приказе, стал первым в российской истории вице-канцлером (1709) и бароном (1710)¹. Среди дореволюционных историков, посвятивших свои очерки и статьи жизни и деятельности П. П. Шафирова, — Д. Н. Бантыш-Каменский², А. В. Терещенко³, Е. А. Лихач⁴. В этих не потерявших и по сей день своего значения исследованиях излагаются основные факты биографии первого российского вице-канцлера, к которым нередко обращаются и современные историки. Из последних работ следует особо отметить основанное на архивных источниках исследование Д. О. Серова⁵. Одной из причин того, что до сих пор о П. П. Шафирове не написано ни одной монографии⁶, по-видимому, является недостаток источников. Как отметила Е. П. Подъяпольская, архивы всех осужденных за злоупотребления видных деятелей эпохи Петра I дошли до нашего времени «в плачевном состоянии»⁷. Важные сведения для воссоздания биографии П. П. Шафирова могут дать донесения, записки и дневники западноевропейских дипломатов. Историкам петровского времени хорошо известны опубликованные на русском языке описания России Ч. Уитворта, Ю. Юля, Ф. В. Берхгольца⁸, а также переписка иностранных дипломатов при царском дворе. Безусловно, значительное место в донесениях западноевропейских дипломатов занимают описание пере-

говоров с руководителями российского внешнеполитического ведомства, оценки позиций сторон, проблемы войны и мира, развитие торговых отношений и т. п. Однако, помимо этого, донесения англичанина Ч. Уитворта, французов А. де Лави и Кампредона, саксонского дипломата И. Лефорта⁹ и других ярко запечатлели обычаи, нравы, государственное устройство России петровской эпохи.

Одной из важных задач западноевропейские дипломаты считали предоставление своим правительствам точных характеристик российских государственных деятелей. Безусловно, главное внимание уделялось личности царя и его ближайшего сподвижника А. Д. Меншикова¹⁰. Оставшийся в тени главы Посольского приказа Ф. А. Головина переводчик П. П. Шафиров не сразу заинтересовал иностранцев.

Считалось, что впервые П. П. Шафиров в донесениях иностранных дипломатов появился во время первого заграничного путешествия Петра I (1697–1698). В 1975 г. в научно-популярном исследовании «Петр Великий» Н. И. Павленко процитировал анонимного иностранца: Петр I «окружен совершенно простым народом; в числе его перекрещенец еврей и корабельный мастер, которые с ним кушают за одним столом»¹¹. Эту цитату со ссылкой на Н. И. Павленко привел С. Ю. Дудаков¹², и затем она разошлась по другим сочинениям. Между тем, эта фраза содержалась в донесении шведского агента в Голландии Прейса и относилась не к первому, а ко второму заграничному путешествию, и никакого отношения к вице-канцлеру не имела¹³.

П. П. Шафиров начинает регулярно появляться на страницах донесений иностранцев только после того как в 1703 г. стал тайным секретарем и, по сути, правой рукой возглавлявшего Посольский приказ Ф. А. Головина. В начале XVIII в. (до того как он начал фактически возглавлять российскую дипломатию) знавший немецкий и голландский языки П. П. Шафиров наиболее близко контактировал с иностранными послами и резидентами в Москве.

Иностранцы, дававшие первые характеристики тому или иному государственному деятелю, отмечали и внешний облик и деловые качества. Описывая облик П. П. Шафирова, они прежде всего подчеркивали низкий рост и полноту. Так, в 1710 г. датский посланник Ю. Юль писал, что вице-канцлер «мужчина

толстый, низкого роста»¹⁴. В анонимном описании Петербурга 1710–1711 гг. корректно упоминается коренастая, полная фигура барона¹⁵. Спустя более чем два десятилетия камер-юнкер гольштейн-готторпского герцога Карла Фридриха Ф. В. Берхгольц заметил, что П. П. Шафиров «очень мал ростом и так неестественно толст, что едва может двигаться; но при всем том человек необыкновенно приятный»¹⁶.

Мнения иностранцев разошлись при оценке деловых качеств П. П. Шафирова. Ч. Уитворт отмечал, что вице-канцлер прилежен, но «у него больше опыта, нежели природных способностей. Он пользуется репутацией человека, ведущего дела вполне честно»¹⁷. Впрочем, осенью 1708 г. английский посланник сообщил своему правительству о намерении предложить П. П. Шафирову за решение проблем английских купцов в качестве вознаграждения 300–400 фунтов, «в надежде, что ее величество не сочтет такой расход чрезвычайным, так как Шафиров не безучастен к своим выгодам, пользуется большим расположением царя и всегда может быть нам полезен. Впрочем, я не буду излишне торопиться с этим подарком»¹⁸. Упомянутое вознаграждение вице-канцлер получил лишь весной 1710 г.¹⁹

Датский посланник Ю. Юль писал о П. П. Шафирове: «крайне надут и чванен», однако умен, «по-немецки говорит, как на родном языке, в переговорах с ним легко приходишь к соглашению, да и в иностранной политике он довольно сведущ»²⁰. Первая встреча датского дипломата с вице-канцлером в начале 1710 г. в Москве прошла не слишком гладко. П. П. Шафиров настаивал на том, чтобы в официальных документах его именовали титулом «excellence». Ю. Юль потребовал доказательств того, что царь произвел его в тайные советники. «Однако по прошествии нескольких дней спорный вопрос (о титуле) разрешился сам собою — тем, что Шафиров заявил английскому посланнику, посланнику Грунту, прусскому посланнику Кейзерлингу и другим иностранным министрам о своем производстве в тайные советники. Затем, по общему соглашению, мы стали давать ему оспариваемый титул. Впоследствии во всю бытность мою в Москве между мною и Шафировым постоянно существовали добрые дружеские отношения»²¹. Отметим, что позднее датчанин сделал запись: «Смеху достойно, что государственный вице-канцлер Шафиров

требует равенства с римским имперским вице-канцлером, тогда как в сущности он не более как дьяк (Canceler) Посольского приказа»²².

Секретарь датского посланника также заметил, что «одно время они были (с посланником) не в ладах. Шафиров <...> с самого нашего приезда во всем, в чем мог, постоянно противодействовал посланнику»²³.

Добрые отношения между датчанином и вице-канцлером сложились после того, как летом 1710 г. посланник взял к себе в петербургский дом сына вице-канцлера Исайю и поручил своему секретарю обучать его латыни. Р. Эребо писал: «Молодому барону я давал уроки в течение всего лета, притом безвозмездно: всякий раз, как отец (Шафиров) присылал мне деньги за мой труд, а посылал он мне рублей по 20, по 30 за раз, я, несмотря на нужду в них, отсылал их ему обратно»²⁴. Действительно, П. П. Шафиров, которому судьба дала шанс сделать выдающуюся карьеру благодаря знанию голландского и немецкого языков, стремился образовать своего младшего брата Михаила и сыновей Исайю и Якова именно в этой области. Через несколько лет, в 1715 г., вице-канцлер отправил своего старшего сына Исайю за границу, сначала в Германию, а потом во Францию под покровительство русского резидента И. Х. Шлейница.

Ю. Юль во время пребывания старшего сына барона в его доме сделал интересное наблюдение о семейных обычаях Шафировых. В своем дневнике он записал: «мне много раз случалось замечать, у меня за столом сын Шафирова не прикасался к свинине, а однажды на мой вопрос, почему он ее не ест, отвечал, что ее не едят ни родители его, ни братья, ни сестры, ибо считают это грехом»²⁵. Ю. Юль нашел в этом подтверждение слухов, что вице-канцлер «втайне <...> остался евреем»²⁶.

В те же годы с вице-канцлером общался и имперский секретарь (позднее резидент) Оттон Антон Плейер. Он назвал П. П. Шафирова «любимцем царя»²⁷ и ошибочно полагал, что он (как Н. М. Зотов и Г. И. Головкин) входил в состав Ближней канцелярии. «А вице-канцлер Шафиров в таком уважении у царя и у князя в этой канцелярии, что часто удерживает их обоих от принятых уже мер или останавливает приказы их

к исполнению. Оттого-то граф Головкин и следует ему почти во всем, так как Шафиров теперь единственное лицо, имеющее лучшие сведения и опытность в московских придворных обрядах и пользах Московского государства в отношении к иноземным державам»²⁸. Затем имперский секретарь (как ранее Ч. Уитворт) предложил своему правительству обратить внимание на вице-канцлера и «укрепить в нем еще лучше и без того уже доброе его расположение к императорским выгодам милостивым отличием и небольшим подарком по высочайшему усмотрению, который должно будет доставить ему в величайшей тайне для предохранения его от зависти и гонений»²⁹.

Несколько лет спустя, в 1717 г., француз Э. де Либуа охарактеризовал П. П. Шафирова как вежливого и остроумного человека, пользующегося большим доверием царя³⁰. Другой французский дипломат назвал барона человеком «весьма умным» и отметил прекрасное знание итальянского языка³¹.

У обладавшего взрывным темпераментом П. П. Шафирова сложились неоднозначные отношения с представителями российской аристократиями и коллегами по дипломатическому ведомству. Значительная часть конфликтов развивалась на глазах у иностранных дипломатов. Особенно острыми были противоречия между возглавлявшими российскую внешнюю политику канцлером и вице-канцлером, людьми не только разного происхождения, но и несхожих характеров³². Нередко в литературе можно встретить мнение, что П. П. Шафиров рассчитывал занять место скончавшегося Ф. А. Головина. Однако находившийся в Москве в 1706 г. Ч. Уитворт не сообщал о претензиях П. П. Шафирова на вакантный пост главы Посольского приказа. Англичанин назвал трех других претендентов — Г. И. Головкина, Ф. М. Апраксина и Г. Ф. Долгорукого³³. Конфликт между Г. И. Головкиным и П. П. Шафировым развивался в течение длительного времени, и в заключительную фазу перешел к концу петровского царствования, когда положение вице-канцлера настолько усилилось, что он стал менее сдержанным в своих действиях. Так, в 1722 г. Ф. Бассевич отметил не только наличие неприязненных отношений между Г. И. Головкиным и П. П. Шафировым, но и то, что вице-канцлер нередко позволял себе высмеивать скудость канцлера³⁴.

Ф. В. Берхгольц писал, что канцлер и вице-канцлер «почти смертельно ненавидят друг друга»³⁵.

По наблюдениям А. де Лави, П. П. Шафилов и П. А. Толстой действовали «в полном согласии между собой, не предпринимая ничего, не сообщив о том друг и другу». Далее он заметил, что «смертельно ненавидят друг друга» вице-канцлер и Б. И. Куракин³⁶. В конце 1722 г. Ф. В. Берхгольц писал о «страшной ссоре» П. П. Шафилова с А. Д. Меншиковым в Правительствующем Сенате, после которой они перестали наносить друг другу визиты³⁷.

26 сентября 1722 г. вице-канцлер инициировал приговор Правительствующего Сената о выплате своему брату, советнику Берг-коллегии М. П. Шафирову, жалования за шестимесячный период, когда тот по семейным делам находился в Москве. Обер-прокурор Г. Г. Скорняков-Писарев (семья которого была близка к А. Д. Меншикову) немедленно выдвинул обвинение против П. П. Шафилова.

В начале 1723 г. над П. П. Шафировым и Г. Г. Скорняковым-Писаревым началось следствие. Созданный Петром I Вышний суд обвинил вице-канцлера в казнокрадстве, буйном поведении в Сенате и приговорил к смертной казни с лишением всех чинов, титулов и имений³⁸. Французский посланник Ж. Кампредон писал: «все его имения конфискованы, жена и дети выгнаны из дому и от всего собранного им богатства <...> остались теперь лишь ежедневно выдаваемые ему 50 су да милостыня <...>. Не могу я все еще поверить, что опала его была безвозвратна. Царь его любил и заслуги его громадны»³⁹. Следствие по делу вице-канцлера и день казни подробно описали Ф. В. Берхгольц и легационный советник Августа II И. Лефор⁴⁰. В последний момент смертный приговор П. П. Шафирову Петр I заменил ссылкой в Якутск (потом — в Новгород). По мнению современников, место ссылки изменили не для облегчения участи вице-канцлера, а в связи продолжением следственных действий. Ж. Капредон сообщал, что «после приговора открыта какая-то подозрительная переписка его [П. П. Шафилова. — Т. Б.] с некоторыми иностранными дворами»⁴¹.

По свидетельству И. Лефорта, в Новгороде семья Шафилова была крайне стеснена в средствах. Исай Петрович был вы-

нужден служить переводчиком за 160 рублей в год и собирать «пожертвования, чтобы иметь возможность возвратиться оттуда в Петербург»⁴². Явно сочувствовавший семье бывшего вице-канцлера саксонец в сентябре 1724 г. встречался с Исаем Петровичем, который поведал о предстоящем браке своей младшей сестры с князем Мещерским. «Зятя и сестры должны были сложиться, чтобы сделать приданое сестре. Из всего имущества у отца осталось 200 рублей <...>. Сын, который в Польше [Яков. — Т. Б.], также, должно быть, в страшной нужде, просит своих сестер прислать денег»⁴³.

После смерти Петра I императрица Екатерина I позволила П. П. Шафирову прибыть ко двору, восстановила его баронский титул, возвратила часть конфискованного имущества и назначила его президентом Коммерц-коллегии. Ф. В. Берхгольц полагал, что этому способствовало влияние на императрицу симпатизировавшего П. П. Шафирову гольштейн-готторпского герцога. По его словам, вечером 27 марта 1725 г. «ее величеству представлялся старый Шафиров, которому она возвратила шпагу и свободу. Он с восторгом рассказывал у тайного советника Бассевича, как милостиво был принят государынею. При этом случае он имел счастье видеть и императорских принцесс, которые нарочно для того призваны были императрицею. Старика это привело в такую радость, что глаза его наполнились слезами»⁴⁴.

Не являвшаяся сильным государственным деятелем Екатерина I в первые месяцы своего царствования стремилась собрать вокруг себя, как писал И. Лефорт, «хороших советников». 1 мая 1725 г. он доносил, что при дворе «поговаривают об учреждении тайного совета», в который могли войти герцог гольштейн-готторпский Карл Фридрих, А. Д. Меншиков, А. В. Макаров и возвращенный из ссылки П. П. Шафиров⁴⁵. Писал саксонский дипломат и о надеждах П. П. Шафирова на должность канцлера⁴⁶.

Однако занять прежнее положение при дворе и вернуться в большую политику барону не дали его давние противники — А. Д. Меншиков, Г. И. Головкин и А. И. Остерман. Положение барона заметно пошатнулось после кончины благожелательно относившейся к нему Екатерины I. 19 июля 1727 г. Верховный тайный совет постановил отправить П. П. Шафирова в Ар-

хангельск для улучшения китоловного и рыбного промыслов. Барон всячески оттягивал поездку на север, но в конце концов был вынужден просить императора Петра II об отставке. Эта просьбу удовлетворили в феврале 1728 г., однако «не у дел» бывший петровский дипломат оставался только несколько месяцев. 12 июля 1728 г., по свидетельству испанского посла герцога де Лирия, П. П. Шафирова «простили <...> и позволили ему приехать ко двору поцеловать руку у царя»⁴⁷. Молодой император пожаловал барона чином действительного статского советника и возвратил каменный дом на Городском острове⁴⁸.

Судя по донесениям дипломатов, по Москве снова пошли слухи о намерении П. П. Шафирова сместить с поста вице-канцлера А. И. Остермана. Английский посол Клавдий Рондо считал это вполне возможным, поскольку, по его мнению, А. И. Остерман сильно стеснял в действиях молодого императора⁴⁹. Однако уже в мае 1729 г. он писал, что «о Шафирове речи больше нет, иностранными делами занимается исключительно Остерман»⁵⁰. Возвращение П. П. Шафирова в политику иностранцы связывали с влиянием Долгоруких, с которыми барон породнился через брак своей дочери Марфы. В январе 1730 г. И. Лефорт писал: «Некоторая партия женская из семейства Долгоруких употребляет все усилия возвратить Шафирову прежнее значение»⁵¹. В начале царствования императрицы Анны Иоанновны, отмечая падение влияния А. И. Остермана, он снова задавался вопросом «не приобретет ли Шафиров прежнего значения? Когда я его покинул, он был недалек от этих мыслей»⁵².

Действительно, при новой императрице оказались востребованными дипломатические таланты П. П. Шафирова: в 1730–1731 гг. в качестве второго министра он был направлен в Персию к генерал-лейтенанту В. Я. Левашову (по свидетельству И. Лефорта, в поездке барона сопровождала вторая жена⁵³, Анна Даниловна). П. П. Шафиров снова возглавил Коммерц-коллегию и стал заседать в Правительствующем Сенате. Однако прежнего влияния на российскую политику он не достиг. В 1733 г., по сообщению французского дипломата, Б. Х. Миних предпринял безуспешную попытку заменить А. И. Остермана П. П. Шафировым. Одной из причин неудачи француз называл расстроенное

здоровье барона, отметив, что «известный некогда его глубокий ум стал уже почти неузнаваем более»⁵⁴.

Таким образом, записки и донесения иностранных дипломатов содержат не только личностные характеристики, но и проливают свет на проблему взаимоотношений между П. П. Шафировым и представителями русской аристократии, а также дают исследователям уникальный фактический материал, позволяющий установить неизвестные ранее эпизоды жизни и деятельности вице-канцлера.

¹ Петр Павлович Шафиров (1673?–1739) родился в семье крещеного еврея, переводчик с немецкого (потом и голландского) языков в Посольском приказе (с 1691), сблизился с царем в первом заграничном путешествии (1697–1698), после Полтавской победы стал вице-канцлером (1709); за договор о браке курляндского герцога Фридриха Вильгельма с племянницей Петра I Анной Иоанновной первым в России удостоился титула барона (1710). Заключил Прутский (1711) и Адрианопольский (1713) мирные договоры. Вице-президент Коллегии иностранных дел (с 1717), сенатор (с 1718), приговорен к смертной казни (1723), замененной ссылкой; помилован Екатериной I (1725).

² *Бантыш-Каменский Д. Н.* 1) Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого. М., 1812. Ч. 1. С. 89–142; 2) Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1847. Ч. 3. С. 520–528.

³ Терещенко А. В. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. СПб., 1837. Ч. III: Вице-канцлеры. С. 3–48.

⁴ *Лихач Е. А.* Шафиров Петр Павлович // Русский биографический словарь. СПб., 1904. Т. «Чаадаев — Швитков». С. 553–567.

⁵ *Серов Д. О.* Администрация Петра I. М., 2008. С. 89–136.

⁶ За исключением написанной на основе опубликованных материалов научно-популярной работы С. Ю. Дудакова (*Дудаков С. Ю.* Барон П. П. Шафиров. Иерусалим, 1989).

⁷ *Подъяпольская Е. П.* Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» // АЕ за 1972 г. М., 1974. С. 59.

⁸ Россия в начале XVIII века: Сочинение Ч. Уитворта / Перевод Н. Г. Беспятых, ред., статья, комментарий Ю. Н. Беспятых. М., 1988; *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: (1709–1711) // Лавры Полтавы: Юст Юль. Оттон Плейер. М., 2001. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725. Ч. 1, 2 // Неистовый реформатор. М., 2000; Ч. 3–5 // Юность державы. М., 2000.

⁹ Письма легационного советника курфюрста саксонского и короля польского Иоанна Лефорта // Сборник РИО. СПб., 1868. Т. III. С. 317–531. Дипломатическая переписка английских посланников при русском дворе:

1704–1708 // Сборник РИО. СПб., 1884. Т. XXXIX. Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра Кампредона с 1722 по 1724 г. // Сборник РИО. СПб., 1885. Т. XLIX.

¹⁰ До сих пор не предпринималось серьезных попыток использовать донесения западноевропейских дипломатов для уточнения биографии первого российского вице-канцлера. Отметим исследование Ю. Н. Беспятовых, который сравнил характеристики государственных деятелей петровской эпохи (в т. ч. и П. П. Шафирова), содержащиеся в трудах по истории России, с депешами нескольких аккредитованных при царском дворе послов и резидентов (*Беспятовых Ю. Н. Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в.: (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмальм)*. СПб., 1998. С. 66–78, 165–178, 360–368).

¹¹ Павленко Н. И. Петр Первый. М., 1975. С. 331.

¹² Дудаков С. Ю. Барон П. П. Шафиров. С. 41.

¹³ Извлечение из донесений шведского комиссионс-секретаря Прейса о пребывании Петра Великого в Голландии в 1716 и 1717 г. // Чтения ОИДР. М., 1877. Кн. 2. Отд. 4. С. 4.

¹⁴ Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. С. 122.

¹⁵ Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях // Беспятовых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 70.

¹⁶ Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725. Ч. 1. С. 159.

¹⁷ Россия в начале XVIII века: Сочинение Ч. Уитворта. С. 76.

¹⁸ Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта и секретаря его Вейсброта с 1708 г. по 1711 г. // Сборник РИО. СПб., 1886. Т. L. С. 91.

¹⁹ Там же. С. 334.

²⁰ Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. С. 122.

²¹ Там же. С. 114–115.

²² Там же. С. 137. Отметим, что после Полтавской победы в русской официальной пропаганде получила развитие имперская идея. Несмотря на то, что Петра I провозгласили императором только в 1721 г., впервые этим титулом (а Россия — империей) он был именован уже в 1709 г. во время торжеств в честь Полтавы.

²³ Эребо Р. Выдержки из автобиографии Расмуса Эребо, касающиеся трех путешествий его в Россию // Лавры Полтавы. С. 374.

²⁴ Там же.

²⁵ Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. С. 190.

²⁶ Там же. С. 122.

²⁷ Плейер О. А. О нынешнем состоянии государственного управления в Московии в 1710 году // Лавры Полтавы. С. 404.

²⁸ Там же. С. 411.

²⁹ Там же.

³⁰ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник РИО. СПб., 1881. Т. XXXIV. С. 166.

³¹ Письма де Лави французскому министерству // Там же. С. 324–325.

³² Опытный царедворец Г. И. Головкин (1660–1734) приходился Петру I троюродным дядей. Ю. Юль охарактеризовал канцлера: «высокий, худой, тем не менее видный старик, никакого языка, кроме русского, не знает и умом весьма недалек» (Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. С. 122).

³³ Дипломатическая переписка английских посланников при русском дворе: 1704–1708. С. 300.

³⁴ *Бассевиг Г. Ф.* Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого // Юность державы. М., 2000. С. 403.

³⁵ Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725. Ч. 1. С. 158.

³⁶ Письма де Лави французскому министерству. С. 325.

³⁷ Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725. Ч. 2. С. 471, 474.

³⁸ Подробнее см: *Иванов П. И.* Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым // ЖМЮ. 1859. Т. 1. Кн. 3. С. 3–62.

³⁹ Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра Кампредона с 1722 по 1724 г. // Сборник РИО. СПб., 1885. Т. XLIX. С. 304.

⁴⁰ Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725. Ч. 3. С. 25–26; Письма легационного советника курфюрста саксонского и короля польского Иоанна Лефорта. С. 357–359.

⁴¹ Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра Кампредона с 1722 по 1724 г. С. 329.

⁴² Письма легационного советника курфюрста саксонского и короля польского Иоанна Лефорта. С. 375.

⁴³ Там же. Л. 381–382. По-видимому, в донесении упоминается капитан Иван Алексеевич Мещерский. Однако неясно о какой из дочерей П. П. Шафирова идет речь. В историографии упоминаются пять дочерей вице-канцлера, вышедших замуж за представителей первейших фамилий России — князя С. Г. Долгорукова (Марфа), князя А. М. Гагарина (Анна), графа А. Ф. Головина (Наталья), князя В. П. Хованского (Екатерина) и М. М. Салтыкова (Мария). Но возможно, у Шафировых были и другие дочери.

⁴⁴ Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725. Ч. 4. С. 275.

⁴⁵ Письма легационного советника курфюрста саксонского и короля польского Иоанна Лефорта. С. 404.

⁴⁶ Там же. С. 405.

⁴⁷ *Герцог Лирийский*. Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII в. глазами иностранцев / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова. Л., 1989. С. 209.

⁴⁸ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета: 1728. Т. VI (Июль — декабрь 1728 г.) // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. LXXXIV. С. 56, С. 170.

⁴⁹ Дипломатическая переписка английских посланников при русском дворе: 1728–1733 г. // Сборник РИО. СПб., 1889. Т. LXVI. С. 16

⁵⁰ Там же. С. 48.

⁵¹ Дипломатические документы, относящиеся к истории России XVIII столетия // СПб., 1870. Т. V. С. 340.

⁵² Там же. С. 386.

⁵³ Там же. С. 383–384.

⁵⁴ Донесения французского поверенного по делам Маньяна и распоряжения французского правительства за 1730–1733 г. // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. LXXXI. С. 537.

Н. Кент

ВПЕЧАТЛЕНИЯ АНГЛИЧАНИНА ДЖОЗЕФА АЧЕРБИ О ЛАПЛАНДИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА*

Двухтомная книга «Поездки через Швецию, Финляндию и Лапландию к мысу Нордкап в 1798 году и в 1799 году»¹ является уникальным источником по изучению северной Лапландии конца XVIII века, составленным путешественником из Англии Джозефа Ачерби. Эта книга представляет собой многообразие разнообразных впечатлений автора, начиная от положительных и одновременно отрицательных для европейцев красок ужаса от отдаленного от Западной Европы края, и в тоже время наполнение его романтическими образами, также как и стремление дать представление о жителях Лапландии, как о «дикарях», столь широко популярных для мыслителей эпохи Просвещения.

После довольно длительного пребывания в Лапландии Ачерби сразу же заявляет, что это не то место, которое способно расположить к себе. Он пишет: «Жутко длинная зима и угнетающие мучающие тысячи насекомых летом — это, по мнению большинства, уничтожает любые положительные впечатления от красоты природы или от притягательности сельской жизни». Также он сетует на отсутствие у народа саами, проживающего в этом крае, элементарной цивилизации. Так о саамах финляндской деревни Муонионикка он пишет: «Лапландцы-пастухи не знают ни поэзии, ни музыки, ни музыкальных инструментов».

* Перевод с английского языка выполнил к. филол. наук, доцент РХГА
С. Г. Халипов.

Причем, очевидно, что такой обзор местного населения несколько наивен, также как и те положительные впечатления автора, которые у него возникают от его знакомства с саамами. Он пишет: «Люди здесь ведут крайне трезвый образ жизни, спиртных напитков они вообще не пьют за исключением лишь свадебных праздников, когда обычно находятся в крайнем веселии. Процедура женитьбы представляет собой обед в их стиле, а затем танец, но без всякой музыки, кроме криков и пощелкивания пальцами. Они не интересуются пивом... Священник заверял нас в самых патетических тонах, что на двухстах квадратных милях его прихода невозможно выпить ни одной рюмки коньяка; он сказал нам также, что пьянство считается самым постыдным пороком, и мы не могли не заподозрить, что это одна из причин того, почему его прихожане так мало уважают его. Болезни очень редки среди этих людей; некоторые крестьяне его прихода доживали до ста десяти лет: единственная опасная болезнь для местных жителей — это воспаление легких».

Джозефа Ачерби явно удивляют также способы бороться с насекомыми, которые буквально кишат в Лапландии летом. На автора произвело сильное впечатление то, что «он обнаружил, приблизившись к ним [саамам], поскольку их лица были намазаны смолой, а их голова и плечи покрыты материей, защищающей от комаров». Другой отрывок книги рассказывает о передвижных жилищах саамов, которые состояли из шестов, связанных в их верхнем конце кожаными ремнями, и которые затем плотно оборачивали кусками парусины. Удивительным для автора также было разнообразие, с которым местные жители использовали дым. Ачерби наблюдал, как «во время доения над головой того, кто доил домашнее животное, держали факел так, чтобы с помощью дыма от него отгонять комаров, позволяя таким образом животному быть избавленным от укусов насекомых и быть весьма спокойным». Тем не менее, Ачерби заключает: «Удовольствие, испытываемое летом после отвратительной зимы, длящейся с сентября до июля... полностью исключено из-за этих ужасных мух».

Личная гигиена также, по мнению автора, оставляла желать много лучшего: «Лапландцы нечистоплотны, а их одежда грязна и неприятна до невозможности. Рыбу во время еды они держат руками, жир с нее стекает по их рукам, затекая в рукава их

одежды, запах которой чувствуется на расстоянии нескольких ярдов. Девушкам свойственна большая чистоплотность, ведь это некоторое приличие их пола». В нравственном смысле он нашел их добрыми и заботливыми людьми, ибо, как он сообщает, «мы наблюдали, что они облегчают ношу тем, кто не в состоянии нести тяжелые вещи».

В отношении сохранения здоровья для саамов, по наблюдению Джозефа Ачерби, большую роль играли природные лекарства, которые занимали значительное место в их жизни. Он, например, отметил важное значение таких трав, как *angelica* (дягиль), а также сока некоторых деревьев. Он еще заметил, в частности, что саамы для приготовления лекарственных мазей применяют еловую смолу, а сухожилия оленей используют для того, чтобы лечить растяжение мышц. Лапландцы нередко применяют кровь от убитых ими тюленей или оленей для лечения внутренних расстройств.

Для автора явно было удивительным то, как саамы воспитывают своих детей. Относительно детей саамов он писал: «Лопари не обращают внимания на своих детей, словно их не существует. При этом они явно страдают от их проказ, но при этом проявляют полное безразличие. Дети же, не заботясь ни о чем, чувствуют себя хозяевами. Родители не говорят им ни единого слова, не делают им замечаний, даже когда те, например, обливают водой обувь гостей. Их никогда не наказывают. Их способ обучения детей — не воспитывать их вообще».

Следует заметить, что к этому времени христианизация саамов еще не была завершена, но Ачерби понимал, в отличие от большинства других европейских путешественников этого края, ужасавшихся устойчивости здесь языческих верований и обычаев, необходимость существования для лапландцев их традиционной «народной» веры. Местный священник жаловался Ачерби, что «кочующие лопари еще сохраняют некоторые пережитки язычества. На пустырях встречаются камни, имеющие сходство с человеком. Лопари, переходя со стадами оленей с места на место и проходя мимо такого камня, подносят ему жертвоприношения, как идолу. Рядом всегда можно видеть оленьи рога». Однако Ачерби видел и другую сторону этого явления. Он отметил: «Когда монархи Северной Европы, подвигнутые духом веры и благочестия, направляют своих

миссионеров в этот забытый богом край, чтобы проповедовать Евангелие и распространять христианство, миссионеры не забывают за свои труды здесь получать благодарственные дары. А бедные, невежественные лопари терпеливо пытаются оплачивать эти труды тем, кто просто обещает им счастье в мире ином, которое, вероятно, состоит, по мнению лопарей, в употреблении ими с утра до вечера коньяка».

Но Ачерби казалось, что все попытки не имели должного успеха среди этих людей, которые полностью пренебрегали христианством и его праздниками. Действительно, Ачерби отметил, что «во время общения с этими людьми нельзя было не заметить ни малейшего знака уважения к религии или набожности». Здесь он, естественно, имел в виду христианскую веру, поскольку язычество достаточно очевидно продолжало у них проявляться. Скалы и горы считались у саамов святыми местами, и многие поклонялись им. Ачерби писал: «Лопари, одетые в свои лучшие одежды, посещают их ежегодно. Даже если они не совершают новые жертвоприношения, они оставляют нетронутыми кости, сохранившиеся от прежних жертв языческим богам. Ни в коем случае они не ставят переносное жилище в этих святых для них местах, чтобы не беспокоить божеств криками их детей или прочим шумом. Проходя мимо этих мест, они проявляют большое уважение. Около этих мест они никогда не охотятся ни на лису, ни на медведя, ни на другое животное. Если же среди них окажется женщина, ей придется обязательно отвернуться от этого места и прикрыть лицо руками», поскольку женщинам строго запрещается все то, что для мужчин считалось бы священнодействием. Ачерби утверждает: «Женщина не могла также готовить жертвоприношения; это являлось исключительно привилегией мужчин, относящихся к т. н. «ноайды»... Эти мужчины умели разделить разные части животного в зависимости от характера жертвоприношения и божества, которому оно было предназначено. Причем в этом случае они постоянно одевали еще особую одежду».

Сами «ноайды» и их бубны, разумеется, являлись главными признаками религиозности саамов, которую все путешественники могли наблюдать на протяжении почти тысячелетия. Ачерби сообщает нам: «Прежде чем лопарь отправляется в далекую поездку или предпринимает что-то для него важное, он

обязательно посоветуется со своим бубном. Он на бубен кладет кольцо, используемое только для этой цели, и затем резко бьет по нему молоточком из оленьего рога. Кольцо колеблется и движется по поверхности из стороны в сторону, и когда оно касается определенных изображений хорошего или плохого знака, лопарь предсказывает успех или неуспех своего предприятия. Например, если кольцо движется по ходу солнца, то лопарь знает, что ему все удастся; если против хода солнца, то его охота или рыбалка будет безуспешной».

Разумеется, «юойге», то есть песнопение, также часто упоминается в наблюдениях Ачерби. «Оно используется, отмечает он, «ноайдом» во время занятий магией. Сказать, что это песня, означает дать неверное представление о манере шамана производить песнопение, которое он исполняет в виде отвратительного рода криков. Песнопение также часто используется непрофессиональными шаманами; поскольку «юойг» («йойк»), по-видимому, считался способным прогнать волка и защитить стадо».

Однако всяческое романтическое восприятие древней саамской религии исчезло, когда автор стал рассматривать ее вредоносное воздействие на повседневную жизнь саамов. Ачерби писал: «Жертвоприношения в условиях значительного сокращения количества скота часто доводило лопарей до настоящей нищеты. Горные лопари в момент эпидемии оспы или кори могли с большим трудом преодолевать эти болезни, поскольку их кожа покрывалась коркой и становилась непроницаемой из-за грязи и дыма, сопровождающих их жизнь. Лечение же заключалось в том, что они приносили крупные жертвоприношения во время своей болезни — порядка 12 оленей с человека».

Почему христианству так и не удавалось здесь победить? Ачерби, размышляя, об этом считал, что, «поскольку христианской Бог, по-видимому, обещал им счастье лишь в будущей загробной жизни и был слишком мягким, чтобы помогать им при болезнях, лопари считали выгодным продолжать жертвоприношения богам своих предков, чтобы избавиться от болезни и злой судьбы в настоящем».

Христианство проникало в сообщество саамов из центра церковного прихода, который мог и не быть крупным. Ведь саамские деревни, благословленные наличием лютеранского

священника, были небольшими. Так, деревня Каутокейно во время визита Ачерби насчитывала только четыре семьи и одного священника, но имела свою кирху. До этого, а точнее, до 1751 г. ее территориальный статус был неясным. Лишь по договору между Швецией и Данией деревня стала принадлежностью Норвегии, а значит, Дании. Даже более обширный приход, доходящий до 25 норвежских миль по длине, и 12 по ширине², был очень малонаселен, поскольку только два района этого прихода были заняты оседлыми лопарями, т. е. где-то двенадцатью семьями. Все остальные были кочевыми, или, по выражению Ачерби, «бродячими». Их насчитывалось в 1756 г. до 90 семей. Некоторые из них временами переходили в другие приходы.

Можно было бы представить их вполне самодостаточными. Но Ачерби этого не увидел. Он лишь отметил, что они скорее могли себя обеспечить, «охотясь и рыбака, нежели занимаясь хозяйством. Они легко при этом меняли излишки рыбы или шкуры медведей и прочих убитых ими животных на зерно».

Несмотря на редкость населения Лапландии, был период, когда эта небольшая деревня Каутокейно становилась центром оживленной жизни края. Это происходило в момент организации здесь ежегодной февральской ярмарки. Сюда собирались люди сразу с четырех стран северного региона, включая русскую Лапландию, купцов из шведского Торнио и саамских оленеводов с Кольского полуострова. Как отмечает Ачерби, «все они приезжали в Каутокейно для продажи оленьих шкур, меха и прочих предметов. На этих ярмарках средством торговли является бартер. Лопари отдают шкуры оленей, лисиц, волков и медведей с рукавицами и обувью, вернее короткими сапогами, в обмен на грубую фланель, но в основном в обмен на коньяк, табак, муку и соль».

Причем любопытно, что людьми несколько побогаче автору показались береговые норвежские лопари. «Каждый лопарь — владелец территории вокруг его маленького жилища в одну норвежскую милю, то есть 8 английских в любом направлении. У них есть коровы, снабжающие их прекрасным молоком, и луга, дающие коровам корм зимой. Каждый из них имеет запас рыбы, высушенной на солнце, не только для собственного потребления, но и как средство для покупки роскоши, то есть соли, овса и некоторых шерстяных предметов одежды. Их дома

построены в виде чумов с отверстием в середине, которое дает свет и служит для пропуска дыма от костра, который разводится прямо в центре чума. Именно вокруг места, где разводится в чуме костер, они спят, тесно прижавшись друг к другу. Зимой, помимо жары от костра, они ощущают тепло от коров, которые находятся в том же чуме, так же, как это заведено у шотландцев, горцев или обитателей северных островов. Двери чумов летом всегда открыты, и, хотя в летний сезон ночь так и не наступает, они привыкли спать в то же время, что и прочие европейцы...»

Несмотря на то, что, как замечает автор, прибрежные саамы спят одетыми, он уверенно утверждает, что «видел очень мало мест, где люди живут столь легко и просто, как в береговых районах Лапландии», но далее все же отмечает: «Поскольку Норвегия заполонена нищими, нищенство известно и в Лапландии».

Однако внутри сообщества ситуация была не столь радужной. Конфликты саамов и новоприбывших колонистов с юга были достаточно частыми. Уже население деревни Энонтекис с ее окрестностями было 930 человек, из которых 250 являлись колонистами. Более того, если береговые саамы и колонисты пользовались лампами, мебелью и прочими удобствами, горные саамы этого всего не имели. «Стулья, столы или подобного рода вещи, необходимые всем людям, совершенно им были не нужны. Вся их кухонная утварь состоит из нескольких медных котелков, оловянных чайников, деревянных чаш и костяных ложек. К этому скудному перечню некоторые люди побогаче добавляли еще две-три оловянных тарелки и несколько серебряных ложек».

Однако было одно значительное исключение из этого правила: «Самый изысканный предмет мебели во владении лопаря — это люлька его ребенка — кусок дерева, выскобленный и углубленный рукой лопаря... С помощью веревок люлька крепилась к спине матери на время ходьбы».

Далее Ачерби весьма подробно постарался описать еще брачные обычаи и структуру семейной жизни. Он нашел, что саамы редко вступали в брак с иноземцами и что процесс ухаживания следовал строгим формальностям: «Когда лопарь намерен жениться на юной лопарке, он сообщает об этом желании своей семье, которая, в свою очередь, направляется к жилищу родителей девушки, захватив с собой коньяк для

выпивки по данному случаю, а также некоторый подарок для молодой женщины, например вышитый серебром платок, кольцо и т. д. Подойдя к двери чума, где она живет, сват входит первым, за ним прочие родственники, жених же остается снаружи, ожидая, чтобы его пригласили войти. Как только все войдут, сват наполняет чашу коньяком и протягивает ее отцу девушки, который, принимая чашу, показывает одобрение брачного предложения».

Однако Ачерби особенно изумляло то, что в отличие от остальной Европы роды у жены принимал сам муж. На другом же конце жизненного пути похороны проводились только мужчинами, и в очень ограниченном составе: «Церемония похорон незначительна. — пишет автор. — Тело, обернутое в грубую материю, несут к могиле в присутствии небольшого сопровождения из членов семьи и друзей умершего, для развлечения которых готовят немного еды... Лопари соблюдают древний обычай хоронить в земле охотников, хорошо стрелявших из лука или из ружья, вместе с их оружием, — обычай в честь их божеств. Надгробие — перевернутые старые сани. Раньше было принято насыпать над могилой кучу камней, но это уже не делается, — замечает Ачерби, — и единственный могильный знак — старые сани». В целом, очевидно, что автора, больше всего поражала экзотичность саамов.

Далее же в книге описывается визит датского короля Христиана VI в свои норвежские владения в Лапландии в 1733 г. и что за ним затем последовало. Он пишет, что тогда «молодых лопарей пригласили посетить королевский двор, где их милостиво должен был принять сам король», но саамы это приглашение, как замечает автор, не приняли. «Лишь позднее, — отмечает Ачерби, — молодой лопарь Петер Николас Копфнес согласился все же отправиться на судне в Копенгаген. По прибытии в Копенгаген ему был оказан великолепный прием. Его красиво одели и заботились о нем... но осенью он заболел и в конце года скончался... Его тело было торжественно похоронено, а красивые одежды, дарованные ему королем, были посланы в виде утешения его родителям». Этот печальный рассказ символизирует добрые, но часто неудачно заканчивающиеся стремления наладить контакты саамов с их южными соседями, осуществлявшими политическую власть над их родиной.

В итоге, можно сказать, что хотя Ачерби и обладал острым талантом наблюдателя, но и он все же стал жертвой романтизма, из-за которого часто просто был не в состоянии отличить фантазию от реальности в отношении саамов. Эта черта до сих пор, к сожалению, продолжает доминировать в связях саамов с окружающим им миром.

¹ *Acerbi J.* Travels through Sweden, Finland, and Lapland, to the North Cape in the Years 1798 and 1799. Vol. I, II. London.1802.

² Норвежская миля — 8 английских миль или 1,61 километра.

Т. П. Бородина

**НАДЗОР СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ ФИНЛЯНДИИ
ЗА И. Е. РЕПИНЫМ И ЕГО СЕМЬЕЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА
ФИНЛЯНДИИ)**

Несколько лет назад Национальный архив Финляндии открыл доступ исследователей к ранее секретным документам сыскной полиции. В результате стало возможным, в частности, познакомиться с документами, касающимися надзора полицией за Ильей Репиным, его за детьми Верой и Юрием, а также за внуком Дием, сыном Юрия Ильича, проживавшими тогда в Финляндии.

Рассекреченные документы по своему составу можно разделить на несколько категорий. Это, прежде всего, личные карточки на тех лиц, за которыми полиция осуществляла свой надзор. В них содержались биографические сведения. Кроме того, в деле еще хранятся документы, связанные с процедурой выдачи разрешения на проживание в Финляндии, предоставлением финского гражданства и выдачей т. н. «нансеновского» паспорта. Но наиболее интересными в данном случае кажутся документы, которые представляют собой непосредственные рапорты надзора полиции, которые сделаны на основе перлюстрации писем, а также отчетов о разговорах наблюдаемого как в его бытовом общении, так и по телефону. Не менее интересным является еще информация, получаемая полицией по средствам т. н. «наружного слежения».

В результате по открытым сейчас документам уже можно восстановить прежде всего последовательность получения семьей Репина удостоверений личности с видом на жительство и «нансеновских» паспортов, а позднее и гражданства.

И. Е. Репину первое удостоверение личности — вид на жительство, сроком на два года — было выдано лишь 22 марта 1924 г. Это произошло в Хельсинки, в помещении Центральной сыскальной полиции. Получение для русских тогда документа, разрешающего им проживать в Финляндии, по тем временам было для них очень большой удачей. Дело в том, что те петроградцы, которые имели или снимали дома на Карельском перешейке и которые жили там круглогодично, буквально в одночасье, никуда не уезжая, оказались в статусе эмигрантов в молодом самостоятельном финляндском государстве. К тому же усадьба «Пенаты» находилась всего в 6 километрах от поселка Белоостров, через который проходила российско-финляндская граница. Ранее пересечение границы осуществлялось в безвизовом режиме, но с определенными правилами таможенного контроля. После же провозглашения независимости Финляндии в декабре 1917 г. границу также не закрыли сразу. Это произошло, только лишь когда части белой армии Финляндии захватили Карельский перешеек и вышли к прежней таможенной границе, которая отделяла Великое княжество Финляндское от Российской империи. Это случилось 13 апреля 1918 г. и оказалось совершенно неожиданным для жителей Карельского перешейка.

Современные исследователи справедливо отмечают то, что правовое положение российских граждан, оставшихся на территории Финляндии после закрытия границы и беженцев, прибывавших в огромном количестве из России как легальным, так и нелегальным путем, было очень не стабильным и тяжелым. Иммиграционная политика финского руководства как на центральном, так и на местном уровне в начале двадцатых годов неоднократно менялась. В предложениях для законодательств по иммиграционным вопросам отмечают две главные задачи: уменьшить количество русских в Финляндии и предотвратить проникновение в страну под видом беженцев большевистских агентов, распространяющих коммунистические идеи¹. Первое постановление об иностранцах, вступившее в силу в августе 1919 г., предусматривало: лицо, въезжавшее в страну, должно иметь паспорт и визу².

Те же, кого закрытие границы неожиданно оставило в Финляндии, обычно имели лишь старые российские паспорта, которые не давали им возможности уехать в другие государства.

Были и проблемы в перемещении по Финляндии в целом. Передвижение по стране без специальных разрешений первоначально было ограничено. Такое положение было у русских не только в Финляндии, но и в Европе и на других континентах, что требовало принятия решения по их правовому статусу. Лишь 3–5 июля 1922 г. в Женеве в Лиге Наций вступили в силу правила выдачи сертификата для беженцев, получившего название «нансеновский» паспорт. В графе о подданстве в этом сертификате ставилась запись: родился русским, сейчас поданным никакой страны не состоит.

Этот паспорт был предназначен для выезда за границу и определения на работу. Право на получение «нансеновского» паспорта имели только иностранцы, получившие от губернской власти вид на жительство, где они значились русскими по происхождению, не принявшими другой национальности, уезжающими за границу. Выдавался он сроком не более чем на один год. На сертификате стояла отметка, что он не действителен для возвращения в Финляндию, если в нем дополнительно не поставлена обратная виза, которая выдавалась на срок не более трех месяцев. Русские, жившие в Финляндии до закрытия границы, могли получить вид на жительство, имея серьезных поручителей. Вновь прибывшие из России беженцы пять лет должны были считаться советскими гражданами. Но это правило иногда нарушалось³.

В такой ситуации только 23 января 1925 г. «нансеновский» паспорт получил внук Репина Дий. По следующему полученному им «нансеновскому паспорту» он уже ездил в 1928 г. в Лондон⁵.

Неоднократно получала такой паспорт и дочь художника Вера Репина. Она первый раз выехала по нему в Париж 9 ноября 1927 г. Что же касается сына — Юрия Репина, то он, судя по документам, в 1925 г. обратился с письмом, написанном на немецком языке, в центральную полицию Хельсинки, в котором «с большой надеждой» пытался выяснить, как можно быстро получить «паспорт Лиги Наций». Этот паспорт он получил 3 ноября 1925 г.⁶

При этом следует учитывать, что к русским в Финляндии относились с крайней подозрительностью. Любопытно, что тогда в этой стране желание освободиться от русских всегда являлось

превалирующей идеей в решении любых проблем и особенно политических. Антирусские настроения были столь велики, что в дебатах в финском парламенте высказывалось почти абсурдное мнение об опасности любого русского — будь то большевик или буржуа⁷. В результате в связи с острыми проблемами внутренней безопасности в Финляндии была введена и широко применялась практика полицейского надзора. Прослеживались связи, знакомства, перлюстрировалась переписка, прослушивались разговоры по телефону, велось наружное наблюдение.

Отдел надзора — орган военной контрразведки и политического сыска — в составе военной разведки был создан 1 января 1920 г. Уже в тот период отделение надзора № 1 имело свои аппараты и представителей в различных населенных пунктах Финляндии. Непосредственно рапорты по надзору поступали в отделения сыскной полиции, существовавшие почти во всех городах⁹.

За И. Е. Репиным, несмотря на то что он был всемирно известный художник и имел знакомства с представителями высших кругов финляндского общества, также велся полицейский надзор. Отчеты наблюдений за И. Е. Репиным, представленные в документах полиции, были написаны на финском языке. В основном они подавались в машинописном виде. Но есть и рукописные материалы. На некоторых из них имелась подпись наблюдателя, подавшего рапорт. В документах на Илью Репина преобладают отчеты Аарона Столберга. Личная же карточка на Репина в сыскной полиции Терийоки была заведена в 1925 г.¹⁰

Судя по содержанию рапортов, основной задачей наблюдателей было выявление связей и анализ отношений художника и его семьи с большевиками. Поэтому самое большое количество отчетов по надзору поступило в сыскную полицию Терийоки после пребывания у Репина в 1926 г. делегации советских деятелей культуры. На группу посланцев советского государства, которую возглавлял художник Исаак Бродский и в которую входили еще три человека — художники Е. Кацман и П. Радимов и поэт А. Григорьев, была возложена ответственная миссия — уговорить Репина переехать в новую Россию. Делегаты гостили у Репина с 30 июня по 13 июля 1926 г.

Первый же отчет надзора поступил в сыскную полицию 14 июля 1926 г. Этот рукописный рапорт был выполнен трудно

определяемым сейчас человеком, поскольку подпись под документом имела крайне неразборчивый характер. Тем не менее в рапорте Репина называли «дедом». Но это отнюдь не означало, что данный документ составили родственники художника, скажем, его дети либо внук Репина.

Неизвестный «наблюдатель» сообщал: «Вчера был у большого художника И. Е. Репина. Цель моего посещения — узнать мнение Репина о четырех русских художниках, которые приезжали к нему несколько дней назад. Дед был на этот раз к ним намного внимательнее, чем к другим, кто посещал его в этом году. (Из России к Репину в 1925 г. приезжали еще И. Гинцбург, П. Безруких и К. Чуковский, но на их проезд рапорта не поступало. — Т. Б.). Один из приезжавших, — как следует далее в отчете, — Бродский, его ученик. И он был к нему тоже очень расположен. В этот день к деду приезжал доктор. Из их разговора понятно, что, дед является исторически значимой фигурой. Бродский его очень превозносил. С каждым годом Репин становится все более необходим России»¹¹.

Попытка переселить Репина в СССР была одной из первых акций советского государства по возвращению на родину деятелей культуры. Переезд крупнейшего русского художника в советскую Россию действительно был бы очень важным и престижным событием для СССР. В глазах мирового сообщества это выглядело бы как признание авторитета советской власти и ее достижений.

Идея «возвращения Репина на родину» возникла в ситуации противостояния авангардного искусства, пережившего официальный взлет в первые годы революции, и утверждавшегося тогда нового направления, получившего позднее название «социалистический реализм». Советской республике понадобился, если использовать фразеологию тех лет, идейный вдохновитель реалистического искусства провозглашенного тогда главным и единственным направлением, необходимым советскому народу. Приезд Репина был бы значительной поддержкой для только что созданной Ассоциации художников революционной России (АХХР), являвшейся по сути художественной организацией, идеологически ориентированной на задачи партии и государства. Нужен был художник, в творчестве которого демократические традиции возводились в ранг революционной идейности, которая и должна была стать основой содержания

произведений мастеров реалистической живописи. «Мы, русские художники, — писал Репину в 1923 г. художник А. А. Рылов, — современники Ваши, всегда гордимся великим художником земли Русской и искренне жалеем, что не видим Вас в своей среде, хотя и чувствуем близость Вашу. Многочисленные произведения Ваши, собранные в Русском музее, поражают своей мощью», Восхищаясь картиной Репина «Государственный совет», он восклицал: «Какими жалкими кажутся все горделивые неистовства современных новаторов»¹².

«Искреннее» желание рядовых художников видеть Репина в своих рядах, трансформировалось в политическую задачу, решением которой занялось правительство. Вопрос по делу Репина был поставлен на заседании Политбюро и по нему вынесена за подписью Сталина резолюция: «разрешить Репину вернуться в СССР, поручив гг. Луначарскому и Ионову принять соответствующие меры»¹³. При этом для общественности вопрос преподносился так, что желаемое выдавалось за действительное: Репин хочет приехать в новую Россию, а правительство — разрешает.

История о «возвращении Репина» была по своей сути большим сюжетом, который имел достаточно витиеватое развитие. Сначала подготовка в виде информационной обработки художника и его семьи. Затем, напористые или заискивающие приглашения друзей, официальных организаций, откровенные уговоры, с большими посулами, дипломатически выверенные письма от самых высоких представителей власти и, наконец, жесткие приказы переговорщикам: «Действуйте, как хотите, — писал К. Е. Ворошилов, — но так, чтобы И. Е. был перемещен к себе на Родину...»¹⁴

Однако эта история не имеет счастливого для агитирующих лиц конца: Репин не приехал.

Документы полицейского надзора — это еще один источник, который со стороны, глазами наблюдателей сыскальной полиции позволяет взглянуть на некоторые страницы этой истории — эпопеи «возвращения Репина». Они не раскрывают всех деталей, но передают самое важное: Репин не хотел переезжать в советскую Россию. Содержание двух рапортов, поступивших после посещения Бродским и его компанией «Пенатов», практически одинаково. Безымянные авторы сообщали: «...К Репину

приезжала делегация из советской России, которую возглавлял ученик Репина Исаак Бродский. Делегация привезла деньги 220–300 рублей, что составляет 4000–6000 финских марок. Привезли книги и письма от друзей и знакомых Репина. Говорили о возвращении Репина в Россию. Ему обещали предоставить все условия для творчества и присвоить звание Народного художника. Обещали решить вопрос с возвращением Репину его имущества. Также привезли официальное приглашение от художественного объединения АХРР. Репин подарил в Россию картины, а ехать в СССР не хочет, ссылаясь на свою старость и любимый дом. Делегация посетила также сына Репина, Юрия, и решила из общей суммы выделить ему 500 марок. А также пригласили Юрия приехать в Россию. Через сына надеются уговорить Репина вернуться».

Далее в рапорте сообщалось: «31 июля Юрий Репин и Исаак Бродский ездили в Хельсинки в советское полпредство, чтобы решить вопрос о выделении части денег для Юрия. Репин просил Бродского сделать для Юрия заказ на выполнение картины. Сын Юрий восхищен большевиками и открыто высказывает свои восторги по поводу Советского государства. И не боится таких разговоров, даже если его арестуют. Юрий хочет поехать в Россию к русским художникам, но хочет вернуться, и для этого просит выхлопотать обратную визу. Художники уехали, договорившись, что Юрий Ильич приедет в СССР к Бродскому. Юрий чувствует себя большевиком, но хочет и визу назад получить», — резюмирует «наблюдатель»¹⁵.

Посещение делегации из СССР повлекло за собой уже рапорт от сыскной полиции Терийоки министру образования Финляндии. Сыскная полиция выслала министру для сведения еще также полную биографическую справку «о проживающем в Куоккале русском художнике Илье Репине» с записями об его отце и матери, а также бумаги и справку об имеющейся у него собственности. Документ был дополнен сообщением: «большевикам удалось склонить на свою сторону сына Репина, Юрия»¹⁶. Трудно однако понять, почему сыскная полиция информировала по этому вопросу именно министерство образования, поскольку по документам вообще складывалось впечатление, что полиция даже «подчинялась» этому министерству, поскольку туда направлялись наиболее важные наблюдения ее сыска по Репину.

Следующий рапорт был уже связан с поездкой Юрия в Ленинград. В сыскную полицию была направлена, в частности, перепечатка небольшой статьи известного искусствоведа Николая Радлова в утреннем номере ленинградской «Красной газеты», от 17 августа 1926 г. под названием «Ю. И. Репин в Ленинграде». В заметке пишется: «В Ленинград приехал после восьмилетнего отсутствия Ю. Репин, сын знаменитого художника, выдающийся живописец сам, известный в Ленинграде по выставкам передвижников и Союза русских художников. Все эти годы Юрий Репин прожил почти безвыездно со своим отцом в Куоккале. Несмотря на спокойную жизнь и возможность углубленной и плодотворной работы художник постоянно стремился на Родину. Он отмечает духовный подъем, который чувствует здесь особенно остро, после долгого его отсутствия.

Юрий Репин работал в области портрета, пейзажа и исторической живописи. Художник с большим воображением, он предпочитает натуре образы, выношенные фантазией. Даже в портретной живописи он творит, отвлекаясь от непосредственного впечатления. Несколько композиций он посвятил одному из самых своих излюбленных героев — Петру Первому... Художник не привез сейчас сюда своих работ. Не рассчитывал остаться здесь долго, в этот первый свой приезд. Хотелось бы думать, однако, что его поездка является провозвестником окончательного возвращения на родину двух крупных художников»¹⁷.

Таким образом, «возвращение Репина» активно рекламировали. Но, когда идея «перемещения художника» потерпела фиаско, в газетах написали, что Репин не может приехать «из-за болезни ноги». Это была ложь. Поэтому трудно судить насколько точными были и остальные высказывания Н. Радлова, по поводу стремления Юрия вернуться на Родину.

Но для Юрия его теплое отношение к большевикам и поездка в Россию имели негативное последствие уже при попытке получить финляндское гражданство. В 1929 г. Юрий подал об этом заявление. В ответ на его прошение 3 июня 1929 г. Выборгскому губернатору из сыскной полиции Терийоки пришел доклад о том, что «проситель в августе 1926 г. получил паспорт, по которому он уехал 14 августа в Россию и вернулся 4 сентября. И поскольку до этого времени Юрий Репин не представил бумагу о том, что он отказался от российского гражданства, он, таким образом,

был признан официально гражданином СССР и останется им пять лет до конца действия советского паспорта. В этом случае, полиция считает недостаточными основания, для предоставления финского гражданства»¹⁸.

В 1931 г. Юрий вновь просит о выдаче гражданства и пишет Выборгскому губернатору: «Я подтверждаю, что ездил в СССР. Но у меня никогда не было советского паспорта и других бумаг, подтверждающих, что я являюсь подданным СССР»¹⁹. Он просил дать ему разрешение на жительство, так как он русский по рождению. Однако, можно предположить, что Юрий уже зарегистрировался в советской миссии в Хельсинки, перед тем как поехать в Ленинград и именно при этом условии ему и выдали советскую визу. Регистрация же в дипломатической миссии СССР и означала продление советского подданства, от которого он не отказывался ранее.

Тем не менее и на Илью Ефимовича Репина в фонде сысской полиции сохранилось еще два документа. В одном из них, датированном 1926 г., продолжается тема «возвращения на Родину». В документе указывалось, что поскольку Репин не хочет возвращаться в Россию, то к нему планируют прислать еще одну делегацию. Эти сведения сысской полицией были почерпнуты из перехваченного финскими службами письма И. Бродского. Причем копия письма прилагалась к рапорту и таким образом сохранилась в архиве. В письме же Бродский писал: «...у меня была выставка, на ее открытие приехал Климентий Ефремович Ворошилов, которого мы все очень уважаем и я в том числе. Ему понравились мои работы и, конечно, заговорили о Вас. Разговор продолжился и закончился в его рабочем кабинете. Ваше дело, по моему мнению, в очень хорошем положении и будет решено (речь идет о возвращении Репину пропавших при национализации российских банков его денежных накоплений. — Т. Б.). Ворошилов делает о Вас представление в правительство, которое даст указание Луначарскому (это я сам читал) послать к Вам комиссию из нескольких представителей для переговоров с Вами. Разговаривать будут о деньгах, о квартире, и о Вашем возвращении. Конечно, Вам не обещают вернуть всю собственность, но все-таки большую часть, которая сможет поддержать доход Вашей семьи до конца Вашей жизни. И думаю, что Вам дадут звание “Народного художника”, от которого нельзя отказаться,

поскольку это даст Вам правительство. Я бы хотел быть в составе этой делегации, и это было бы очень полезно для Вас. И поэтому напишите, пожалуйста, Луначарскому, чтобы я приехал. Я уже говорил с Луначарским, он ничего против не имеет, но лучше, чтобы Вы написали. Могу гарантировать, что о вашей старости будет заботиться Советское правительство, которое отдает дань уважения и любит Вас»²⁰.

Однако, вместо Бродского, в качестве переговорщика приехали профессор и ректора Второго московского университета А. П. Пинкевича²¹.

Его миссия закончилась так же безрезультатно. Репин отказался не только от возвращения, но и от присвоенного ему звания «Народный художник»²².

Важный визит А. П. Пинкевича остался не проконтролирован полицейским надзором. Документов по нему в фонде сыскной полиции нет. Возможно, отказ Репина возвращаться снизил интерес к нему финских спецслужб.

Однако через два года в сыскную полицию поступил рапорт от уже упоминавшегося нами господина Столберга. Он докладывал: «В декабре 1928 года я заметил на станции Куоккала выходящим из поезда господина Николая Буренина²³. Его, — пишет далее Столберг, — никто не встречал. Я позвонил полицейскому констеблю Вестерлунду, чтобы тот проследил, куда он пошел. В конце концов через начальника станции Куоккала по телефону он передал, что Буренин пошел к Репину. Буренин, хорошо воспитанный человек, идет к Репину, чтобы соблазнить его вернуться в Россию. Я сразу пошел к Репину, но там Буренина не было. А Репин мне сказал, что он окончательно порушил мосты с большевиками и изолировал себя как в пещере, чтобы его никто не смог беспокоить. Я не знал, куда делся Буренин, и, вернувшись на станцию, увидел, что он пришел к четвертому поезду в Выборг. Его провожал господин Дзескальн, совершенно не скрываясь. У него летом жила госпожа Колбасьева, о которой я Вам раньше писал²⁴. Я шел за ними, — продолжает Столберг, — на таком расстоянии, чтобы они меня не видели, но я слышал: они разговаривали о теософских вопросах, которыми Дзескальн очень увлечен. Мне неудобно было спрашивать, по каким делам был Буренин, но постараюсь узнать. Контролер сказал, что Буренин вошел в поезд в Мусталмяки, где живет Крит и где, я думаю,

полиции есть что проверять»²⁵. Так финская сыскная полиция жестко отслеживала через своих агентов-осведомителей круг общения русских, проживающих в Финляндии.

В деле же Юрия Репина есть просто уникальный документ, датированный 1935 г. До этого, в 1930 г., выдающийся русский художник Илья Ефимович Репин умер, и к середине 1930-х гг. в «Пенатах» остались жить лишь его дети Вера и Юрий с сыном Дием. Однако Дий, став моряком, обратился с просьбой предоставить ему «нансеновский» паспорт, чтобы начать активно плавать. Но, как пишет «наблюдатель», он совершил серьезный проступок: «2 февраля 1935 года нелегально отправился в Советскую Россию, о чем я в этот же день в соответствии с телефонным разговором имел честь доложить в отделение сыскной полиции»²⁶. А через десять месяцев, 17 ноября 1935 г., о чем мы также узнаем из донесения в полицию, была представлена копия письма Ю. Репина с сопроводительным текстом, характеризующим сына русского художника: «Юрий Репин — очень странный, как мальчик, хотя уже взрослый человек, иногда он пишет о Сталине как о Боге». А далее уже: «Сегодня он был на почте и послал письмо: Москва, Центральный комитет, Сталину».

Само письмо, датированное 12 ноября 1935 г. также, естественно, было перехвачено. В нем финские агенты спецслужб прочли: «Братья во Христе и нынешний руководитель Сталин. Добавьте хлеба всем, кому не хватает пищи и Вам воздастся и укрепится Ваше положение в правлении. Сохраните народ от грабительства, синдикатов торговцев. Не уменьшайте силы господа. Он правитель. Но и милующий. Войны не будет долгое время, так сказал господь. *Пост Скриптур*: Поскольку в консульстве мне не дали ответ, Вы дайте мне ответ: где он, который ушел в этом году в конце февраля искать счастья в России. Сведения о нем: Дий Юрьевич Репин. Родился в России в марте 1907 г. в Петроградской губернии, в деревне Иллики под Ораниенбаумом. Он одаренный художник и был также моряком. 11 лет плавал и два раза на разных парусниках огибал мир. Я не писал ему. Не хочу мешать на новом месте, чтобы не вызвать к нему недоверия. Если он забыт или попал в неприятную жизненную ситуацию, прошу ее улучшить. С уважением, Юрий Репин»²⁷.

Действительно, из содержания перехваченного финской полицией письма можно составить представление об его авторе, что он был тогда совершенно потерянный от горя человеком.

Сейчас известно из опубликованных архивов спецслужб СССР, что судьба Дия была очень трагична. По данным НКВД, он состоял членом сразу двух подпольных антисоветских организаций: сначала в куоккальском отделении БРП (Братства Русской Правды), а затем в РОВСе (Русский Обще-Войсковой Союз). По сведениям контрразведки, Дий 2 февраля 1935 г. был отправлен в СССР с четким заданием организовать покушения на высших руководителей партии и государства. Но этот «заговор» был раскрыт, Дий арестован и приговорен 10 июня 1935 г. военным трибуналом Ленинградского военного округа по статьям 58–8 и 84 УК РСФСР к расстрелу²⁸. Ему тогда было двадцать восемь лет.

В «Пенатах» остались после этого лишь дети Репина — Юрий и Вера. Юрий более всего общался с богом и в этом общении он находил покой и душевное равновесие. Трудно говорить о его психической болезни, но судя по его письмам и дневникам, он был, по крайней мере, очень добрый, трогательный человек. Кто к нему хорошо относился, называли его «духовидец». Он продолжал писать картины, причем ввиду его очевидной бедности, работы создавались или на фанере, или на картоне. Эти были прекрасные работы, на которых он воссоздавал свои видения, сны и фантазии.

В 1939 г., с началом «зимней войны», вместе с Верой он уехал в Хельсинки. Вера умерла в 1948 г., а Юрий в 1954 г. выпал из окна дома Армии спасения, где он жил очень бедствуя. «Пенаты» же во время военных действий в 1944 г. сгорели. В 1962 г. были восстановлены и перешли в ведение Академии художеств, став музеем, в котором почти все сохранено таким, каким было при жизни художника. Может быть, агенты сыскной полиции Финляндии, в том числе и господин Столберг, наблюдавший за Репиным и его соседями по Куоккале, тоже посещали этот музей.

¹ См.: Рупасов А. И. Дебаты в Эдускунте о беженцах из России Январь 1919 г. // Российское зарубежье в Финляндии. Между двумя мировыми войнами. СПб., 2004; Богарова З. С. Правовое положение русских беженцев в Финляндии: нансеновский паспорт, репатриация // Российское зарубежье в Финляндии. Между двумя мировыми войнами.

² *Невалайнен П.* Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 76.

³ См. подробнее: Там же.

⁴ Kansallisarkisto (КА). EK-Valpo. Ф. Илья Репин. Д. 10454.

⁵ Ibid. Д. 10964.

⁶ Ibid. Д. 10178.

⁷ *Рунасов А. И.* Дебаты в Эдускунте о беженцах из России Январь 1919 г. С. 26.

⁸ Там же.

⁹ См. подробнее: *Мусаев В. И.* Русская диаспора в Финляндии в 1920–1930-х годах. Проблема адаптации. *Невалайнен П.* Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939).; *Невалайнен П.* Финляндия и СССР в 1920 х 1930 х гг.: основные характеристики миграции и торговли // Россия и Финляндия в XVIII XX вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 106.

¹⁰ КА. EK- Valpo. Ф. Илья Репин. Д. 454.

¹¹ Ibidem.

¹² Научно-библиографический архив Российской академии художеств (далее: НБА РАХ). Ф. 25. Оп. 2 Д. 448. Л. 1, 2.

¹³ Российский Государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163 (ч.1). Л. 422. Протокол заседания Политбюро от 22 мая 1924 г.

¹⁴ НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2 Д. 448. Л. 5–6.

¹⁵ КА. EK-Valpo. Ф. Илья Репин. Д. 10454.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibid. Ф. Юрия Репина. Д. 10178.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibidem.

²¹ См.: Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка. М., 2006, С. 246.

²² РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 297. Л. 11 и 11об.

²³ Николай Евгеньевич Буренин — профессиональный революционер, После революции 1917 года работал в Наркомвнешторге и в Комиссариате театров и зрелищ. Как сотрудник Наркомвнешторга был направлен в Финляндию в качестве заместителя торгпреда РСФСР.

²⁴ Известно, что Дзескальн был архитектором и в музее «Пенаты» хранится его портрет, написанный Ю. Репиним.

²⁵ КА. EK-Valpo. Ф. Илья Репин. Д. 10454.

²⁶ Ibid. Ф. Дий Репин. Д. 10964.

²⁷ Ibid. Ф. Юрия Репина. Д. 10178.

²⁸ *Базанов П. Соловьев М.* «Ночью Сталину не спится, все веревка ему снится...». Братство русской правды — забытая организация русского зарубежья // Родина. № 8. С. 81.

К.-Ф. Геуст

**СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ
В ФИНСКОЙ АРМИИ В 1939–1940 гг.***

Вопрос о попытке использования советских военнопленных в финской армии в период «зимней войны» 1939–1940 гг. уже в той или иной степени рассматривался в мемуарной и научно-исследовательской литературе¹. Действительно, по словам начальника политического отдела министерства иностранных дел Финляндии Ааро Пакаслаhti, в первые дни «зимней войны» Маннергейм обдумывал возможность создания в районе восточной границы Финляндии «русского правительства». Одновременно это была еще определенная контрмера по отношению к инициативе СССР по организации т. н. «терийокского правительства», возглавляемого О. В. Куусиненом².

Вероятно, что сама мысль о «российском правительстве» родилась у Маннергейма в результате его контактов с русскими эмигрантами, в кругу которых считалось, что у финского маршала были наилучшие возможности из всех бывших царских генералов возглавить контрреволюцию в СССР. В итоге, некоторые руководители русской эмиграции стали планировать образование в Финляндии «российского правительства в изгнании» под руководством либо проживавших в Америке бывшего премьер-министра России А. Ф. Керенского, либо высланного большевистского лидера Л. Д. Троцкого. Согласно сведениям,

* Перевод с финского языка выполнила к. педог. наук, доцент РХГА Н. В. Белкина.

которыми располагал министр иностранных дел того периода Вяйно Таннер, предполагалось, что Финляндия передаст Троцкому часть советской Карелии — район Реболы, для образования «русского государства»³. Однако вскоре как Маннергейм, так и Таннер категорически отказались от этой идеи.

Тем не менее те сведения, которые удалось недавно почерпнуть из собраний личных документов К. Г. Маннергейма, документов финской Ставки, а также других материалов, хранящихся в архивах Финляндии⁴, показывают, что русские эмигранты, проживавшие в различных странах еще до этого, осенью 1939 г. стали активно предлагать свои услуги руководству Финляндии, что не могли не учитывать в финском руководстве⁵.

Так, уже сразу после заключения между СССР и прибалтийскими странами договоров о взаимопомощи и после получения Финляндией соответствующего приглашения начать свои переговоры в Кремле среди некоторых самых известных представителей белого движения России стала явно нарастать активность по т. н. «финской проблеме». Уже 10 октября 1939 г., т. е. в день, когда в Хельсинки передали советское приглашение посетить Москву, с тем чтобы начать переговоры с руководством СССР, финское правительство стало получать от русских белых эмигрантов заверение в их стремлении поддержать Финляндию. Тогда готовность помочь финскому народу в его противостоянии Советскому Союзу выразил живший в США Карл Рокоссовский фон Врангель. Он был племянником бывшего генерал-губернатора Финляндии П. И. Рокоссовского и в условиях резкого обострения советско-финляндских отношений проявил готовность даже записаться добровольцем. Затем 13 ноября свои услуги предложили уже целый ряд известных русских эмигрантов, проживавшие во Франции: Николай Голицын, Алексей Пударов, бароны Николай де Тандефельд и В. Д. Фредрикс, а также Эрнст фон Шлот.

С началом 30 ноября «зимней войны» поток русских эмигрантов, желающих стать добровольцами и помочь Финляндии, начал стремительно увеличиваться. В числе тех, кто спустя уже десять дней войны, 11 декабря, предложили свои услуги, были генералы Чекаренко и Брусилов, полковник князь Александр Амилчар. Из Испании финскому руководству поступил запрос также от капитана Гогуйджони. Кроме того, известный издатель И. Л. Со-

лоневич, который в то время выпускал в Берлине русскоязычный периодический печатный орган русской эмиграции — «Наша газета», также изъявил желание оказать всемерную поддержку борьбе Финляндии против СССР по средствам налаживания печатной пропаганды. Через некоторое время 31 января 1940 г. он сам лично вместе со своим сыном Сергеем прибыл в Финляндию, где на переговорах с финским генералом Рудольфом Вальденом высказал конструктивную критику, касающуюся пропагандистской деятельности на русском языке, которая велась в финских войсках на фронте. Далее 16 декабря предложение о помощи высказал также издатель и редактор эмигрантского журнала «Доброволец» генерал-майор А. В. Туркул.

Однако всем русским добровольцам был отправлен вежливый отрицательный ответ. Он был подписан специальным представителем главнокомандующего по вопросу иностранных добровольцев генерал-лейтенантом Оскаром Энकेлем. Сам этот ответ был подготовлен старшим лейтенантом Торстеном Аминовым⁶. Некоторым наиболее влиятельным эмигрантам Оскар Энкель отправлял личный ответ, который составлялся по соответствующему согласованию и личному указанию Маннергейма. Только несколько человек получили приглашение прибыть в Финляндию. Однако фактически единственным иностранным офицером, которого пригласили служить в финской армии, был, очевидно, гражданин Англии и пилот истребителя князь Эммануил Голицын, который воевал в финских военно-воздушных силах вплоть до конца 1940 года⁷.

Тем не менее, наряду с идеей, которая существовала в русской эмигрантской среде в отношении личного участия в качестве добровольцев в «зимней войне», были и другие обращения к финскому руководству, имеющие несколько иные задачи. Так, в частности, 18 декабря 1939 г. заместитель председателя одной из ведущих эмигрантских военных организаций белого движения «Русский Общевоинский Союз» (РОВС) вице-адмирал М. А. Кедров, а также монархист М. Семенов, занимавшийся изданием русскоязычной газеты «Восхождение», и князь М. К. Горчаков обратились к финскому маршалу К. Г. Э. Маннергейму с предложением, принять в Финляндии Б. Г. Бажанова⁸. Он, по их мысли, смог бы начать с финским руководством переговоры о создании из военнопленных русского военного

подразделения. Более того, с аналогичным предложением к Финляндии 22 декабря 1939 г. обратился капитан 1-го ранга, бывший морской атташе России в Берлине Б. И. фон Бок, который сам был готов постараться создать «подразделение, состоящее из 40–50 военнопленных».

Таким образом, русская белая эмиграция начала ставить перед финским руководством вопрос об организации из советских военнопленных боевые части, которые могли бы в условиях «зимней войны» участвовать в операциях против подразделений Красной армии. Причем обращения в данном случае в Хельсинки поступали фактически от разных белых организаций. В частности, 23 декабря вице-президент т. н. Международной антикоммунистической Антанты доктор Лодгенский лично отправился в Финляндию. В тот же день профессора П. Б. Струве, С. Каревский и С. Н. Прокопович предложили, чтобы в Финляндию пригласили представителя Керенского В. М. Зензинова, который прибыл в начале февраля и, очевидно, 6 февраля 1940 г. уже посетил лагерь военнопленных № 4 в Пелсо. Далее, 29 декабря 1939 г. генерал Н. Н. Головин, занимавшийся до этого в Париже руководством Высших военно-научных курсов при РОВСе, предложил, чтобы из ревностных членов эмигрантской организации Народный трудовой союз нового поколения (НТСНП), поддерживаемой Аркадием Столыпиным, сыном бывшего председателя Совета Министров России П. А. Столыпина, использовали в диверсионной деятельности в тылу советских войск. В феврале 1940 НСНП сделал предложение, чтобы добровольные ударные группы забрасывались самолетами в северо-западные и северные регионы СССР с целью освобождения заключенных ГУЛАГа, из которых потом необходимо было подготовить антикоммунистические партизанские отряды. Ударные отряды должны были носить советскую форму и оснащаться бы современным оружием, в том числе финскими пистолетами-пулеметами, гранатами, взрывчаткой и автоматами.

Во второй половине января 1940 г. Аркадий Столыпин как представитель НТСНП был принят Маннергеймом. Одновременно с этим письменно обратились к Маннергейму еще капитан 2-го ранга Борис Четверухин и ротмистр, граф Георгий А. Шермет. Они просили, чтобы финский маршал

все же принял помощь русской эмиграции. Таковую же просьбу 15 февраля 1940 г. высказал в своем письме еще и генерал, князь Сергей Белосельский-Белозерский. Он тогда проживал в Англии, но до этого в 1918 г. служил в Финляндии в штабе белой армии генерала К. Г. Маннергейма, что, очевидно, позволяло ему надеяться на возможность повлиять на решение финского маршала. Более того, 6 января 1940 г. председатель РОВС и Высшего союза монархистов, главный редактор газеты «Возрождение» генерал Алексей Архангельский и руководитель 2-го отдела РОВС генерал Владимир Витковский повторно обратились с предложением о том, чтобы Маннергейм официально принял Бориса Бажанова.

После продолжительных переговоров Маннергейм согласился с тем, чтобы Бажанов приехал в Финляндию и встретился с генералом Рудольфом Вальденом, после чего Маннергейм готов был лично его принять в Ставке в Миккели⁹. Бажанову разрешили посетить несколько лагерей для военнопленных и попытаться начать вербовать для финской армии в качестве добровольцев советских пленных. Он дважды с 20 по 21 января и с 5 по 10 февраля 1940 г. он находился в лагере № 4 Пелсо в Линтукумму, причем второй раз в этом лагере вместе с ним был еще и В. Грязьбяк. Кроме того, 23 января 1940 г. Бажанов побывал в лагере № 1 в Кёюлиё. По словам Бажанова, боевой дух Красной армии был крайне низким. Особенно, как он считал, это относилось к солдатам и низшим офицерам. Поэтому 29 января он предложил генералу Вальдену сформировать 4–6 подразделений (в каждой по 30 военнопленных), где командирами были бы русские, а заместителями командиров финны. В это же время отдел пропаганды Ставки начал планировать издание газеты «Друг пленных». Эта газета предназначалась сугубо для военнопленных. В редакцию газеты входил, в частности, бывший генерал-майор русской армии, активный деятель белого движения и эмиграции в Финляндии С. Ф. Добровский, а его помощником стал капрал запаса русский эмигрант Петр Быстревский¹⁰.

В своих воспоминаниях Бажанов рассказывает, что всего из 500 советских военнопленных 450 были бы готовы стать добровольцами в финской армии. Однако в его письме, отправленном в Ставку 12 февраля 1940 г., говорится, что на тему личной заинтересованности в сотрудничестве был опрошен

только 5-й барак, и из него только около половины, или 94 из 197 военнопленных, сообщили, что готовы служить. Бажанов полагал реальным создание пяти подразделений из 30-ти человек, но Грязьбяк считал Бажанова сверхоптимистом.

По разрешению подполковника Карла Линдхина, занимавшегося в Ставке делами военнопленных, и на основе составленного им бюджета Бажанов вместе с капитаном финского отдела РОВС Федором Шульгиным принялся вербовать желающих. Причем в качестве командиров и инструкторов предполагалось использовать переехавших в Финляндию офицеров-эмигрантов, так как советских офицеров или не удавалось завербовать, или им не хотели доверять.

В подразделении, созданном Бажановым, кроме Шульгина было пять офицерских вакансий, а также вакансии начальника канцелярии и машинистки. Командиром подразделения стал заместитель финского отделения РОВС капитан Владимир Киселев, другими офицерами были бывший штабс-капитан В. Луговской, А. Будянский и братья Николай и Владимир Бастамовы¹¹. У последних, однако, не было никакого настоящего офицерского образования, поскольку они закончили лишь заочные курсы генерала Н. Н. Головина. Задачами пропаганды занимались лейтенант П. П. Соколов (который являлся на финском радио русскоязычным диктором), П. Быстревский и Истомин¹². Все командиры и инструкторы были членами финского отделения РОВС.

В конце февраля 150 военнопленных перевели из Кайнуу Пелсо, в лагерь № 5 в Гуйттинен, находящийся в Сатакунта. По плану Бажанова в Гуйттинене должны были провести окончательную сортировку и выбранных пленных перебазировать в лагерь № 1, находящийся рядом с Кёлио. Здесь для русского подразделения создавался специальный учебный центр со своим штабом. В Кёлио действительно довольно быстро прибыло 250–300 пленных, из которых 200 человек могли уже через несколько дней обучения отправить на фронт в первый отряд «Российской народной армии» под командованием капитана В. Киселева.

Деятельность «народной армии» должна была состоять из двух этапов. В начале бывших русских военнопленных следовало использовать на пропагандистской работе, которая

выражалась в составлении текстов листовок, выступлениях по радио и т. д. Листовки же затем нужно было распространить на советской территории с помощью авиации или перебрасывать через линию фронта с помощью артиллерии. На втором этапе обученные и скомплектованные подразделения должны были уже передислоцироваться к линии фронта в район северного Приладожья, а также частично быть переправлены в тыл Красной армии в восточном Приладожье. Задачей русских здесь было перерезать мурманскую железную дорогу у Петрозаводска, а также занять район побережья Белого моря, включая захват лагеря ГУЛАГ на Соловецких островах.

После этого они должны были продвигаться в глубь СССР, к Ленинграду, имея целью разжечь внутреннюю гражданскую войну между «Российской народной армией» и Красной армией, которая, по мысли создателей «народной армии», могла привести к внутренним беспорядкам и крушению советского правительства.

По словам Бажанова, дальнейшей целью было уже уничтожение колхозов, раздача плодородных земель крестьянам, свободный рынок труда, а также право работников на долю в прибыли предприятия. Дальние политические цели Бажанова были до конца еще не ясны, но формируемой «Российской народной армии» надо было сохранить рабоче-крестьянский характер, потому на начальном этапе в командовании ее подразделений количество белых офицеров должно было быть как можно меньше. Белым офицерам также надо было оставаться и далее как можно более скромными и незаметными в этих частях.

Согласно воспоминаниям Бажанова, два подразделения «Российской народной армии», общей численностью 450 человек, даже были отправлены на фронт. Более того, он указывает на то, что при столкновении с частями Красной армии новобранцы новой армии смогли убедить 300 советских солдат перейти на сторону Финляндии¹³.

В военном дневнике отдела просвещения IV-го армейского корпуса, действовавшего в Ладужской Карелии, существует несколько упоминаний о «Российской народной армии» Бажанова. В частности, в нем пишется, что подразделение под командованием капитана В. Киселева, состоявшее из тридцати русских

военнопленных 1 марта 1940 г. действительно прибыло «для испытаний» в город Сортавала. Их разместили в летних постройках Касинхянта, находившихся на юге города. Далее русскими было подготовлено 20 000 листовок, которые были подписаны от «командования подразделения Российской народной армии». В документах отдела просвещения армейского корпуса можно обнаружить, однако, сведения о том, что здесь существовали по поводу подготовленных пропагандистских материалов, адресованных солдатам Красной армии, «опасения, что наряду с русскими, захотевшими сдаться, за линию фронта могут еще попасть специально засланные группы» диверсантов.

Далее 2 марта 1940 г. в дневнике отдела просвещения указывается, что начальником отдела разведки IV-го армейского корпуса капитаном У. Кяконеном и заместителем начальника оперативного отдела корпуса майором У. Тено был подготовлен план практического использования военнослужащих русского подразделения на фронте. Причем уже 4 марта есть упоминание о том, что «экзамен удался». К сожалению, точно выяснить, где и какой «экзамен» держали бойцы «Российской народной армии», пока выяснить весьма сложно.

На основании сборника документов, составленного совместно финскими и русскими исследователями и вышедшего в 2009 г., известно, что, по крайней мере одиннадцать советских пленных были в Финляндии переодеты в финскую униформу с «красной лентой на рукаве», десятки же других различными способами проявляли желание сотрудничать с финскими властями¹⁴. Сто советских военнопленных, из которых, очевидно, многие входили в «Российскую народную армию», вообще остались в Финляндии весной 1940 г. В числе не вернувшихся в СССР был военнопленный из 436-го полка 155-й стрелковой дивизии 8-й армии Орест Белянский, который был взят у Иломантси, затем он под псевдонимом Александр Калашников работал садовником в Хейнола¹⁵. Однако сотрудники отдела СМЕРШ в Союзной контрольной комиссии весной 1945 г. его обнаружили. Вместе с двадцатью другими лицами он был задержан и тайно, по указанию государственной полиции, был передан в СМЕРШ и вывезен в Москву, где его следы теряются.

Вероятно все, служившие в «Российской народной армии» и возвращенные в СССР весной 1940 г., были казнены. Ини-

циатор же попытки создания этой армии Борис Бажанов смог 13 марта 1940 г. по совету генерала Рудольфа Вальдена, незамедлительно покинуть Финляндию¹⁶.

Во время «войны-продолжение» Бажанов вновь установил контакт с Маннергеймом и предложил ему 6 марта 1944 г. в своем письме обдумать идею о передислокации в Финляндию «Русской освободительной армии», которая состояла из захваченных немцами советских военнопленных и которой командовал генерал А. Власов. Маннергейм ответил Бажанову лишь более чем через месяц, 13 апреля 1944 г. Он вежливо отказался. Утверждается, что сражающиеся войска этой «армии» перешли под командование Власова только в ноябре 1944 г. Тогда Финляндия уже два месяца как заключила соглашение о перемирии с СССР и Великобританией, и было слишком поздно, чтобы власовские войска смогли решительно повлиять на окончательные результаты войны.

Однако наряду с русскими эмигрантами, старавшимися создать в Финляндии «Российскую народную армию», в Ставке обсуждалось, а затем было и образовано подразделение — «Комитет К». Его деятельность была несколько схожа с тем, что хотели создать в Финляндии русские эмигранты, но по своему характеру она все же серьезно отличалась от «добровольческого проекта»¹⁷. Начальником отдела пропаганды «Комитета К» являлся заместитель председателя Академического карельского общества (АКС), лейтенант запаса Рейно Кастрен, а персонал состоял из активных членов АКС, которые, будучи ярко выраженными русофобами, не могли одобрить никакого сотрудничества с группами, составленными из русских¹⁸.

Настоящим объектом «Комитета К» были «угнетенные» в Советском Союзе карелы и ингерманландцы, которые пытались поддерживать активное антисоветское сопротивление. По приказу «Комитета К» начиная с 30 декабря 1939 г. был создан 5-й диверсионно-разведывательный партизанский батальон, который состоял из бежавших в Финляндию в 1918–1922 гг. карелов и ингерманландцев. Этот батальон должен был действовать в тылу Красной армии на территориях, где проживали близкие к финнам народности. Но в первую очередь он принял непосредственное участие в уничтожении в районе Куссели в феврале 1940 г. сводной лыжной бригады полковника Долина.

Кроме этой своей основной деятельности, «Комитет К» стремился также к сотрудничеству с представителями малых народов СССР, которые имели своих представителей за границей. Выяснилось, что, как и русские эмигранты, эмигранты малых народов Советского Союза тоже пытались с самого начала сотрудничать с финским военным командованием. Однако чуть ли не конспиративная работа «Комитета К» за границей могла вестись лишь на деньги частных пожертвований. Деятельность «Комитета К» в частности финансировал активный националист, майор егерей и судовладелец Рагнар Нордстрем, а организатором их работы в Париже стал профессор Герман Гуммерус¹⁹. Из-за своей деятельности как у Нордстрема, так и у Гуммеруса, были обширные международные контакты и вдобавок использовались полезные связи общества «Прометей»²⁰.

Профессор Гуммерус, работая в Париже начиная с 27 января 1940 г., установил связь с бывшим министром иностранных дел Закавказской республики и Грузии в 1918 г. А. Чкенкельем (1874–1959), представителем Национального союза Туркестана М. Тшокли, бывшим казачьим атаманом Билым, представителями азербайджанских эмигрантских кругов Мухаммедом Эмин Ресул-Зада и Миром Бейем, бывшим министром иностранных дел и военным министром Крымской республики Кафером Седрахмед-Кримером, одним из руководителей эмигрантских кругов Северного Кавказа Саидом Шамилем, атаманом кубанских казаков черкесом А. Намитоком и др. Деятельность этих лиц, а также групп, связанных с ними, ограничивалась прежде всего личной пропагандой, иными словами, подготовкой листовок на разных языках и составлением радиопрограмм.

Более тесным, однако, было сотрудничество Гуммеруса с украинскими эмигрантами. Многих из них он знал лично уже тогда, когда работал представителем по делам Финляндии в Киеве в 1918 г. Поэтому партнеры не стеснялись активно обсуждать кандидатуры центральных фигур правительства Украины в изгнании. Гуммерус тогда вел переговоры с «президентом и премьер-министром Украины» Вячеславом Прокоповичем, «министром иностранных дел» Александром Шульгиным, «министром обороны» генералом Александром Удовиченко, а также гетманом Павло Скоропадским. Уже 30 декабря 1939 г. генерал Удовиченко обещал даже 3000–4000 украинских добро-

вольцев в течение трех-четырёх месяцев. Через неделю маршал Маннергейм эти контакты прервал. Причиной разрыва было то, что к довольно большому украинскому подразделению примкнули бы эмигранты из Франции, США и Канады, что могло бы, очевидно, изменить смысл оборонительной войны, которую вела Финляндия и перенесло бы «зимнюю войну» на Запад.

Тем не менее, активисты «Комитета К» не прекратили своих попыток, а наоборот, пригласили (минуя Ставку!) профессора Шульгина, а также других эмигрантских представителей малых наций в Финляндию. Шульгин в конце января 1940 г. посетил лагеря для военнопленных в Пелсо, где встретился в том числе с пленными из 44-й стрелковой дивизии, которая разворачивалась накануне войны на Украине и которая была разбита у Суомисалми. Причем из 1013 пленных из этой дивизии в лагере было около 600 украинцев. На встрече, которая состоялась в городе Торнио 22 января 1940 г., Нордстрем и Гуммерус сами договорились о создании небольшого подразделения — 40–50 украинцев, из которых половина были офицеры. Подразделение, управляемое из Парижа, могло бы сражаться под украинским флагом, а финансировалось бы это подразделение из Англии и Франции²¹.

Когда 26 января 1940 г. Шульгин вернулся в Париж, Гуммерус последовал за ним и открыл в городе совместный с ним офис. Самостоятельная деятельность «Комитета К» потерпела серьезную неудачу после визита Оскара Энкеля к Гуммерусу. Энкель, который в Париже проводил переговоры о помощи франко-английского экспедиционного корпуса, немедленно сообщил о своих наблюдениях Маннергейму. На следующий день Гуммерус получил распоряжение прервать свою деятельность по созданию собственного украинского военного подразделения, причем Маннергейм ссылался на принципиальное решение не принимать на службу русских добровольцев. В переписке Гуммеруса и Кастрена видно разочарование от непонимания «полурусскими» в Ставке разницы между украинцами и русскими и того, что является лучшим для Финляндии.

В целом активисты не прекратили свою деятельность, а обратились напрямую к премьер-министру Финляндии Р. Рюти и маршалу К. Г. Маннергейму. Когда же ситуация на Карельском перешейке серьезно изменилась из-за прорыва «линии

Маннергейма», переговоры о помощи с западными союзниками ускорились, использовал это и Гуммерус. Он 23 февраля 1940 г. отправил новый рапорт из Парижа и написал, что украинцы готовы к сотрудничеству с кавказцами, а также туркменами и только ждут «зеленый свет» из Финляндии. «Власть Советского Союза в настоящий момент очень неустойчива», — сообщает Гуммерус в Финляндии. Но когда 3 марта 1940 г. письмо дошло, оказалось, что никого более не интересовали содержащиеся в нем сведения.

В свою очередь профессор Шульгин в Париже 10 марта 1940 г. выразил свое глубокое разочарование тем, что никто в Финляндии так и не заинтересовался его деятельностью. Тем не менее существует мнение, что несколько десятков украинцев, живущих в Финляндии, все же добровольно участвовали в «зимней войне».

Тем не менее в последние дни «зимней войны» деятельность «Комитета К» дала, наконец, конкретные результаты. 9 марта 1940 г. наконец был основан особый лагерь для «не-русских» военнопленных, он был связан с тюрьмой Какола в Турку. Далее, 11 марта 1940 г., была достигнута договоренность пригласить из Парижа в Финляндию трех украинских офицеров, которые представляли общество украинских ветеранов-фронтовиков, для того чтобы они начали готовить деятельность для «будущего украинского подразделения». В последний день войны, 12 марта, уже даже составили план создания еще и «восточно-карельского подразделения», состоящего из финно-угорских добровольцев и военнообязанных лиц, проживавших тогда в Финляндии. Но на следующий день все планы, касающиеся создания как «русских», так и «не-русских» военных подразделений больше не стали актуальными, а их разработки затем сдали в архивы и надежно забыли вплоть до наших дней...

¹ См.: Александров К. Русские солдаты Вермахта. М., 2005; Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1997; Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.). СПб — Хелс., 2003. С. 214–225; Gummerus H. Ukrainan murrosajoilta — kuusi kuukautta lähetystön päällikkönä Kieivissä. Hels., 1931; Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo, 1970; Turvallisuuspoliisi 75 vuotta. Hels., 1994; СМЕРШ — исторические очерки и архивные доку-

менты. М., 2003; *Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana.* Hels., 1950; *Sotavangit ja internoidut.* Hels., 2008; *Westerlund L. Saksan vankileirit Suomessa ja raja-alueilla 1941–1944.* Porvoo, 2008; *Sotatapahtumia, internointeja ja siirto sodanjälkeisiin oloihin.* Hels., 2010; *Talvi-, jatko- ja Lapin sodan sotavanki- ja siviilileirit 1939–1944.* Hels., 2008; *Tuntematon talvisota.* Hels., 2009; *Власов Л. Густав Маннергейм и белая эмиграция. История в письмах.* СПб., 2008; *Волков С. В. Белое движение — энциклопедия гражданской войны.* СПб — М., 2003. *Волков С. В. Офицеры российской гвардии.* М., 2002; *Зимняя война 1939–1940 гг. в рассекреченных документах ЦА ФСБ России и архивов Финляндии.* М., 2009.

² *Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.).* С. 214–225.

³ См.: *Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana.*

⁵ *Kansallisarkisto. Mannerheimin G. Kokoelma; Sota-arkisto. Pääarkisto sekä entinen; Ulkoministeriön arkisto.*

⁶ Как Оскар Энкель (1878–1960), так и Торстен Аминов (1881–1946) служили в царской армии и знали русский язык.

⁷ Маннергейм служил в царской армии с отцом Эммануила Голицына и дважды в течение 1940 г. приглашал молодого князя к себе. На последней встрече в канун 1941 г., Маннергейм просил Голицына доставить Черчиллю его личное письмо.

⁸ Борис Бажанов (1900–1983) работал в 1923–1924 гг. в секретариате Сталина и до конца 1927 г. в секретариате ВКП(б) Туркменской СССР. Однако 1 января 1928 г. бежал в Иран, откуда переехал в Париж. Издал мемуары «Я был секретарем Сталина» в 1930 г., мемуары вышли во многих странах, в том числе в России (см.: *Божанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина.*)

⁹ Как Вальден (1878–1946), так и Маннергейм (1867–1951), знали русский язык. Вальден имел бизнес в Финляндии и России в 1902–1917 гг. и в 1918 г. в Киеве. Генерал-майор Вальден работал министром обороны Финляндии в 1917–1918 гг., а также в 1940–1944 гг. Он был участником мирных переговоров в Москве, как в марте 1940 г., так и в сентябре 1944 г. Как известно, Маннергейм служил в царской армии 30 лет, пока не ушел в отставку осенью 1917 г. в звании генерал-лейтенанта, будучи командиром дивизии.

¹⁰ Газета «Друг пленных» вышла общим числом 16 номеров весной 1940 г. Северин Добровольский (10.09.1881–26.01.1946) был военным юристом и во время гражданской войны в России служил военным прокурором Северного округа в подчинении генерала Е. К. Миллера. Тогда он жил в Выборге, был связан с руководством РОВС, регулярно писал в газеты «Возрождение» и «Наш путь». Добровольский лично издавал в том числе крайне правую газету «Клич». Как Добровольского, так и Быстреевского (1904) незаконно заключили 20 апреля 1945 г. под стражу в Хельсинки и передали в СМЕРШ Союзной Контрольной комиссии, который немедленно отправил их в Москву, где Добровольского приговорили к смерти и казнили 26 января 1946 г. Быстреевский получил срок в лагерях и умер в СССР.

¹¹ Н. Бастамов и В. Луговой работали в лагере Гуйттинен специальными дознавателями разведотдела Ставки. Братья Бастамовы были упомянуты под номером 8 в розыскных списках СМЕРШа. Задержали только Владимира

и передали в Москву, т. к. Николай был тогда на лечении в Швеции. Владимир вернулся в Финляндию в 1956 г.

¹² Петр Соколов (1891–1971) был вратарем футбольной команды России на Олимпиаде 1912 г. в Стокгольме. После 1918 г. он служил в Английской разведке и был членом нескольких эмигрантских организаций во Франции. Во время «войны-продолжения» Соколов сотрудничал с немцами и был руководителем Северного подразделения Русской освободительной армии (РОА). В 1944 г. переехал в Швецию, где умер в 1971 г.

¹³ См.: *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина // URL: <http://www.lib.ru/MEMUARY/BAZHANOW/stalin.txt>

¹⁴ Примечательно то, что книге под редакцией Т. Вихавайнена и А. Сахарова, в русском издании (Зимняя война в рассекреченных документах из архивов ФСБ и Финляндии) отсутствуют сведения о военнопленных, которые, однако, присутствуют в финноязычном издании (Tuntematon talvisota).

¹⁵ См.: Turvallisuuspoliisi 75 vuotta. S. 165; *Westerlund L.* Saksan vankileirit Suomessa ja raja-alueilla 1941–1944. S. 342.

¹⁶ *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина // URL: <http://www.lib.ru/MEMUARY/BAZHANOW/stalin.txt>

¹⁷ См.: Kansallisarhisto. SARk P3132/44 ja45, Gummeruksen kokoelma, sekä EK-VALPO:n henkilömaappeihin.

¹⁸ Кастрен (1908–1981) был заместителем председателя общества Карелия в 1927–1940 гг., руководителем «Комитет К» в 1939–1940 гг. и заведовал разведывательной деятельностью в оккупированной восточной Карелии в 1941–1943 гг. Кастрен был помощником мэра Хельсинки вплоть до 1968 г.

¹⁹ Нордстрем (1894–1982) получил военное образование в 27-м егерском батальоне в Германии в 1915–1918 гг., участвовал как в финской гражданской войне в 1918 г., так и в так называемой «межплеменной войне» в Олонце в 1919 г., где был серьезно ранен. После 1919 г. он был успешным судовладельцем. Во время «зимней войны» возил оружие из Швеции и в 1941 г. участвовал в создании гражданского правительства оккупированной Восточной Карелии. В 1944–1948 гг. Нордстрем жил в Швеции.

Гуммерус (1877–1948) также служил егерем в Германии. Летом 1918 г. он был уполномоченным по делам Финляндии в Киеве во время краткого периода независимости Украины и осенью 1919 г. посланником Финляндии в Риме. С 1933 г. он был профессором истории Хельсинского университета. Мемуары Гуммеруса (Ukrainan murrosajolta – kuusi kuukautta lähetystön päällikkönä Kieivissä) о его деятельности в Киеве в 1918 г., вышли на украинском языке в 1997 г.

²⁰ Общество «Прометей», которое в 1926–1939 гг. издавало в Париже одноименный журнал, объединяло представителей русофобов и антикоммунистов от кавказских народов, Украины и т. п. В Финляндии общество «Прометей» было тайным подразделением академического общества «Карелия».

²¹ Согласно другим сведениям состоятельный Нордстрем сам пообещал оплатить проезд добровольцев в Финляндию.

З. Н. Софронова

**НАСТРОЕНИЯ В ФИНСКОЙ АРМИИ
ПО ДОПРОСАМ ВОЕННОПЛЕННЫХ,
ВЗЯТЫХ В ПЛЕН НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ
ПАРТИЗАНСКИМИ ОТРЯДАМИ
(ЗА ПЕРИОД 1942–1944 гг.)**

Допросы финских военнопленных являлись в годы войны ценнейшим источником получения информации, связанной с уточнением дислокации войск противника, определением типов его вооружения, для изучения политико-экономического состояния оккупированных районов и политико-морального состояния армии Финляндии. Оценка политико-морального состояния частей и соединений войск противника являлась одной из важнейших частей полного допроса военнопленного. Правильная его оценка давала возможность советскому командованию судить о боеспособности финляндской армии. К тому же офицер-разведчик, опрашивая пленного, был обязан критически относиться к полученным от пленного данным. Он обязан уметь дать правильную оценку этому состоянию, поэтому при допросе данный вопрос не имел какого-то либо шаблона, потому как политико-моральное состояние в армии невозможно установить, задавая один шаблонный вопрос. Для любого военнопленного главной целью в плену являлось сохранение жизни и здоровья, желание скорее вернуться домой. Эти обстоятельства заставляли пленного в большинстве случаев сообщать допрашивавшим всю информацию, которой он располагает. Чтобы установить четкую картину морального настроения в армии задавалось большое количество вопросов, которые условно можно разделить на несколько разделов: настроения в армии, дисциплина, возрастной и национальный

состав, потери и пополнения, питание и обмундирование, условия жизни¹.

Допрос должен был вестись в понятной форме, затрагивались такие вопросы, в которых пленный предположительно мог разбираться и давать более четкие ответы.

Автор статьи изучала допросы финских военнопленных, захваченных партизанскими отрядами на территории Восточной Карелии за период 1942–1944 гг., хранящиеся в Национальном архиве республики Карелия (НАРК). Анализируя эти допросы, можно проследить, как менялись настроения финских солдат с течением войны.

Необходимо подчеркнуть, что изучалась только часть допросов пленных финских солдат (захваченных партизанскими отрядами) и только на части оккупированной территории Карелии, поэтому нельзя говорить о всесторонней представительности полученной картины.

Как было сказано, оценка политико-морального состояния армии противника является одной из важнейших частей полного допроса военнопленного. И главный вопрос, стоящий во главе каждой войны: «За что воевать?». Ответ на этот вопрос является ключевым для данного исследования, он позволяет рассмотреть и проследить, как с течением войны менялось отношение финских солдат к войне.

Финнам тяжело было признавать поражение в «зимней войне». Поэтому идея реванша завладела финским народом. Она в большой степени была подстегнута знаменитым приказом Маннергейма № 34 от 14 марта 1940 г., призывавшим «к защите меньшей своей Родины с той же решительностью и силой, как мы защищали и неразделенную Родину». Имелись в виду территории, которые отошли к Советскому Союзу после заключения мирного договора. Подготовка к войне должна была быть в первую очередь проведена в умах. Пропагандой в армии занимался «Информационный отдел Ставки» при штабе вооруженных сил Финляндии, а именно «бюро просветительской работы» 2-го отделения, которые существовали при всех штабах корпусов, дивизий, полков и в отдельных батальонах. Пропагандой в частях занимались офицеры просвещения; также к работе они широко привлекали священников и гражданских лиц. Непосредственно же среди солдат политическую пропаганду

проводили командиры подразделений или офицеры, выделенные для этого командирами рот. Как итог, большинство финских солдат были уверены, что их правительство в июне 1941 г. начнет вести справедливую войну, направленную на возвращение несправедливо отторгнутых от страны земель.

Удачный ход начального этапа войны (была занята большая часть Восточной Карелии и Ленинградской области) только подкреплял эту уверенность среди финских солдат, давал чувство уже выигранной войны. Этим объясняется и нежелание финских войск переходить старую границу с Советским Союзом. Они уже получили то, что хотели, — «свои» территории. Однако война затягивалась и уже к концу 1941 г. в финской армии значительно увеличилось число дезертиров и случаев членовредительства.

С победой советских войск под Сталинградом становится понятно, что Германия, являющаяся союзником Финляндии, в конце концов потерпит поражение. «Офицеры уже летом успокаивали солдат взятием Сталинграда, но теперь уклоняются от разговоров на эти темы. Иногда можно слышать от солдат и даже в присутствии командира взвода язвительные реплики: «Сталинград уже русскими занят, зачем нам еще воевать? Война с занятием Сталинграда должна закончиться»². При этом финские солдаты не хотели, чтобы конец войны пришел с поражением в ней Финляндии. Они желали выхода своей страны и соответственно самих солдат из этой войны. Пути избавления Финляндии от войны, а в большей степени от опасного союзника Германии, представлялись финнам разные: «Солдаты не верят в победу Финляндии и тайно слушают советские (на финском языке) и английские радиопередачи и следят за событиями на южном фронте в надежде, что победа русских над немцами избавит их от войны»³. Некоторые думали о возможном расколе антигитлеровской коалиции: «В настоящей войне Германия, а также и СССР потерпят поражение, так как Америка и Англия ведут двойственную политику и, разбив Германию, нанесут поражение и СССР, а сами будут полными хозяевами Европы. Финляндия будет также под властью Америки и Англии»⁴. Существовали и вовсе упаднические настроения. Например: «Оставить эту Карелию и отойти к старым границам»⁵. В связи с недовольством финских военнослужащих продолжением войны и союзником Финляндии — Германией, интересно

рассмотреть отношение финнов к немецким солдатам, находившимся в то время в Финляндии, которых они называли «ремонтниками»⁶. Такому отношению к немцам способствовало их привилегированное положение в Финляндии: «Немцы чувствуют себя в нашей стране полными хозяевами». В ресторанах, гостиницах, публичных местах они занимают лучшие места⁷, «финские солдаты-отпускники не могут получить мест в гостиницах, хотя бы и были деньги»⁸. Также в допросах встречается много примеров драк и скандалов финских солдат, вернувшихся с фронта, с немцами⁹.

Желание воевать до победного конца, до воссоединения Финляндии с отошедшими Советскому Союзу после «зимней войны» землями, находило все меньше отклика в умах воюющих солдат. «В начале войны население Финляндии было упоено большими надеждами на быструю победу немцев, а вместе с тем и финнов, но в связи с затяжной войной, резким ухудшением экономического положения страны и большими потерями армии в людском составе на фронте» эйфория исчезла¹⁰. Складывавшаяся обстановка только укрепляла финнов во мнении, что с течением времени потерь будет больше, а питание¹¹ на фронте и в тылу все хуже. Солдат Киннунен Эррки в письме своему товарищу Хайканену (12.07.1942) пишет: «Товарищ, я такого отношения к этой войне, что это есть проект уничтожения финского народа»¹². «Война 1941–1942 гг. принесла больше жертв, чем война 1939 года, это видно по увеличению числа кладбищ»¹³.

Падение политико-морального состояния и дисциплины в армии Финляндии отразилось в приказе командующего Карельской армией генерала Э. Хейнрикса от 6 апреля 1942 г.: «...учитывая, что в некоторых войсковых подразделениях имели место случаи проявлений усталости от войны, в связи с чем иногда были случаи серьезной недисциплинированности, предлагаю командирам и начальникам обращать на это серьезное внимание и сделать все возможное для предотвращения данных проявлений, а также для поднятия морального состояния в подразделениях»¹⁴. Характеризовать состояние дисциплины в финляндской армии также можно по приказу командира 4-й дивизии полковника Таккула (9.06.42). В нем говорится: «В штаб дивизии продолжают поступать сведения о том, что лица рядово-

го и даже младшего офицерского состава не приветствуют своих командиров, при обращении с начальниками ведут себя вяло не по-военному. В форме военнослужащих наблюдается также небрежность. Все эти нарушения устава ведут к расслаблению дисциплины в подразделениях и т. д.»¹⁵

С течением войны учащались случаи дезертирства и уклонения от воинской службы. Это в первую очередь проявлялось в фактах самовольных уходов с постов, опоздания из отпусков и пререканий солдат с офицерами. Наряду с отдельными случаями недисциплинированности солдат имели место более серьезных проявления вплоть до заговоров по невыполнению приказов командования. Об этом свидетельствует письмо одного солдата от 7 мая 1942 г. из Масельги. Солдат писал: «...в прошлое лето (1941 г. — З. С.), когда мы пошли в поход, думали, что он продлится всего несколько недель, но теперь видно, что мы и в этом году не попадем домой. Здесь несколько сот человек отказались пойти на передовые линии и их должны скоро судить. Эти люди были старших возрастов с 1906 по 1911 год рождения. Если бы все поступили бы так, как они, то война скорее бы закончилась»¹⁶; «Солдаты неохотно идут патрулировать лыжни и часто сокращают назначенный маршрут»¹⁷; «Слышны разговоры, что пора организованно уходить домой»¹⁸.

Интересно рассмотреть причины дезертирства. Так, по мнению одного из пленных, «когда перед войной началась мобилизация, то населению объяснили, что мужчины призываются в армию для резерва, но сразу же все были отправлены на фронт»¹⁹. Поэтому многие, недолго прослужив, решали дезертировать. Важную роль также играла пропаганда боязни русского плена. С самого начала войны в сознании финского солдата под воздействием такого рода пропаганды укоренилось, что «у русских нет пленных, они их всех поубивали»²⁰. Финские военнослужащие говорили, что они «боятся сдаваться в плен, потому что им говорят, что русские плохо обращаются с военнопленными... подвергают нечеловеческим пыткам и издевательствам во время допроса, а по окончании допроса военнопленного расстреливают»²¹. Из-за того, что «солдаты этому верят», как полагал один из пленных, финны «в плен не сдаются, добровольно сами не переходят»²².

Во многом благодаря боязни плена, финские военнослужащие предпочитали дезертировать. Например, в январе 1942 г. солдат Лайнне получил отпуск домой, «но он больше не вернулся из отпуска. Из дома он писал одному солдату, что он больше не вернется туда, на фронт, так как ему неплохо жить и там»²³. А кто-то вливался в ряды так называемой «Лесной гвардии» (группы дезертиров, скрывавшихся от трибунала в лесах и горах в северной части Финляндии близ границы со Швецией), появившейся в конце 1941 г. Так, летом 1942 г. в районе деревни Кюрокангле действовал отряд дезертиров силой до роты, на вооружении которого имелось не только стрелковое оружие, но и пулеметы. На их поимку был отправлен отряд шюцкоровцев. В возникших боях «гвардейцы» были частично уничтожены, частью захвачены²⁴.

Как видно, проявления усталости от войны, нежелания воевать имели разный характер. В настоящей статье прослежены изменения политико-морального состояния солдат финляндской армии. По массовым представлениям финских солдат война началась в 1941 г. как справедливая, направленная на возвращение утраченных «исконных» финских земель. Спустя некоторое время стало нарастать нежелание продолжать в ней участие. Если финские военнослужащие начинали воевать с твердым намерением победить, что являлось и следствием официальной пропаганды, то по мере перерастания войны в затяжную позиционную политико-моральное состояние армии ухудшалось. Это проявлялось в нарушениях воинской дисциплины, значительном увеличении дезертирства и случаев членовредительства. Растущее недовольство солдат продолжением войны явилось одним из факторов, подтолкнувшим правительство Финляндии к подписанию мирного договора с Советским Союзом.

¹ Сурин С. И. Допрос военнопленных. М., 2003. С. 82–83.

² Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-213. Оп. 1, кор. 34. Д. 408. Л. 20.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 49.

⁵ Там же. Л. 70–71.

⁶ Там же.

- 7 Там же. кор. 44. Д. 634-а. Л. 7, 4; кор. 34. Д. 408. Л. 14–15 и др.
- 8 Там же. Оп. 1, кор. 34. Д. 408. Л. 24.
- 9 Там же. Л. 55, 70–71 и др.
- 10 Там же. Л. 112.
- 11 В Финляндии было введено нормирование отпуска продуктов питания.
- 12 НА РК. Ф. П-213. Оп. 1, кор. 34. Д. 403. Л. 5.
- 13 Там же. Кор. 14. Д. 178. Л. 25.
- 14 Там же. Л. 25.
- 15 Там же. Л. 26.
- 16 Там же.
- 17 Там же. Кор. 34. Д. 408. Л. 20.
- 18 Там же. Л. 14–15.
- 19 Там же. Л. 114.
- 20 Там же. Кор. 44. Д. 634-а. Л. 3.
- 21 Там же. Л. 4.
- 22 Там же.
- 23 Там же. Л. 3.
- 24 Там же. Кор. 34. Д. 408. Л. 24.

Л. И. Вавулинская

**ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ
В КАРЕЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПУДОЖСКОГО РАЙОНА)**

Карелия принадлежит к числу регионов страны, где особенно рельефно отразились особенности мобилизационного типа развития экономики в неблагоприятных климатических условиях при острой нехватке трудовых ресурсов. Применение принудительного труда в 1920–50-е гг. сыграло существенную роль в экономическом развитии республики и наращивании объемов лесной продукции, поставлявшейся во многие регионы страны и на экспорт. В первые послевоенные годы определенный вклад в восстановление и развитие экономики республики внесли иностранные военнопленные. В статье на материалах Пудожского района, где располагался один из 4-х лагерей республики для иностранных военнопленных, рассматриваются вопросы режима, условий труда и быта военнопленных, их медицинского обслуживания, эффективности принудительного труда.

Пудожский лагерь № 447 был организован на основании приказа НКВД СССР по Ленинградской области от 20 октября 1945 г. и постановления СНК СССР от 11 ноября 1945 г. и рассчитан на 4 тыс. военнопленных¹. Создание лагеря главной своей целью имело обеспечение рабочей силой Пудожского лесокombината Ленгорлеса и удовлетворение потребностей г. Ленинграда в древесине. Хотя территория Пудожского края в годы Великой Отечественной войны не была оккупирована, лесная промышленность и здесь оказалась отброшенной на много лет назад. Основное лесозаготовительное предприятие — Пудож-

ский леспромхоз — в 1945 г. насчитывало всего 500 рабочих, в основном женщин². В 1946 г. на предприятиях Пудожского лесокомбината работали 1710 рабочих, в 1947 г. — 1524, что составило 60,7% к плану³.

Военнопленные были доставлены осенью 1945 г. поездом из Ленинграда в Петрозаводск, а далее — на барже через Онежское озеро, затем по реке Водле в место расположения лагеря. Несмотря на холодную осеннюю погоду, одеты они были по-летнему: френчи, пилотки, многие без шинелей. Большая часть военнопленных была захвачена в плен в последние дни войны при разгроме курляндской группировки противника. В лагерь самолетом было доставлено обмундирование, в том числе ватники, офицеры получили полушубки.

Управление лагеря располагалось в г. Пудоже. Первоначально лагерь включал 4 лагерных отделения: Новостеклянное (1200 человек), Бочилово (1200 человек), Подпорожье (800 человек) и Пудож (400 человек)⁴. Позднее сформировались новые лагерные отделения — Черная Речка, Шалица, Колово, Поршта, «8-й квартал», «9-й квартал». Лагерные отделения располагались на расстоянии от 4 до 50 км от Пудожа. Ближайшая станция железной дороги — Медвежьегорск — находилась в 240 км, а ближайшая водная пристань — Шала — в 35 км от Пудожа. Имевшаяся грунтовая проселочная дорога до г. Медвежьегорска зимой становилась недоступной для транспортного сообщения из-за заносов и глубокого снега.

Большинство лесопунктов, куда в основном поступали военнопленные, оказались не готовыми к их приему. В значительной степени это объяснялось объективными причинами: плохим состоянием лесных дорог, удаленностью лагерных пунктов друг от друга, отсутствием транспорта для завоза продовольствия и т. д. Большинство из лагерных подразделений вынуждены были решать жилищную проблему собственными силами, используя военнопленных.

Военнопленные размещались в рубленных из бревен домах барачного типа с двухъярусными нарами на 150–250 человек, оставшимися от Беломорско-Балтийского комбината. Даже к началу 1946 г. рамы почти везде (за исключением лазаретов) были одинарные, остекленные на 50%; старые кирпичные печи требовали перекладки. Цоколи жилых зданий были разрушены,

полы перекошены и требовали переборки, стены неоштукатурены. В большинстве лагерных помещений не было сушилок, в столовых и бараках не хватало столов и скамеек, почти во всех лагерных отделениях отсутствовали умывальники, бачки для кипяченой воды. На одного военнопленного приходилось в среднем 2,2 кв. м жилой площади⁵.

В трех лагерных отделениях — Новостеклянном, Бочилово и Подпорожье — освещение было электрическим, в остальных использовались керосиновые коптилки. Дрова заготавливались самими военнопленными, при этом лесозаготовительные участки находились на расстоянии от 1 до 5 км от лагеря. Дрова доставлялись в лагерь гужевым транспортом, а зимой — санным путем.

Во всех лагерных отделениях были оборудованы бани, кроме Пудожа, где военнопленные пользовались городской баней. В 8 лагерных отделениях имелись прачечные, но они не были обеспечены необходимым инвентарем. Оборудованные котлами и ведрами пищеблоки имелись во всех отделениях лагеря. Кроме того, насчитывалось 4 походных и 3 переносных кухни для приготовления пищи на месте работ в лесу.

Столовые имелись не во всех лагерных отделениях. За исключением отделений в Пудоже и Черной Речке они не были оборудованы инвентарем и посудой. Военнопленные питались непосредственно в жилых помещениях из котелков, изготовленных из консервных банок. Администрация лагеря разрешала им собирать под надзором охраны ягоды и грибы. По воспоминаниям одного из работников лагеря, кормили военнопленных лучше, чем вольнонаемных работников, которые получали паек по карточкам.

База снабжения лагеря — склады ОУВС НКВД Карело-Финского округа — находилась в Петрозаводске. Лагерь не имел своего обозного хозяйства, автотранспорта и для перевозок продовольствия использовал транспорт хозяйственных органов. Продовольствие доставлялось в основном водным путем, а зимой — санным, по Онежскому озеру на расстояние 150–160 км, но из-за снежных заносов оно было крайне затруднительно. Центральные склады лагеря находились на расстоянии 15–60 км от лагерных отделений, куда продовольствие доставлялось гужевым транспортом. Во время распутицы весной и осенью связь с некоторыми лагерными отделениями прекращалась,

в связи с этим приходилось создавать запас продуктов на срок от 10 дней до 2 месяцев.

При 4-х лагерных отделениях имелись хлебопекарни, способные изготовить 3000 кг хлеба в сутки, остальные лагерные отделения получали хлеб из местного сельпо или хлебопекарен ОРСа хозяйственных организаций. В снабжении хлебом перебоев не было.

Обеспеченность военнопленных основным вещевым имуществом к началу 1946 г. составляла: шинелями и куртками — 100%, ватными шароварами — 68%, валенками — 38%, зимними портянками — 63%, теплым бельем — 60%, зимними головными уборами — 76%, кожаной обувью — 75%⁶. Военнопленным разрешали носить свою форму, но знаки отличия были изъяты. Обмундирование военнопленных было ветхим и требовало ремонта. В связи с этим в каждом лагерном отделении и при управлении лагеря были оборудованы сапожные и портновские мастерские, в которых работали 33 портных и 32 сапожника⁷.

В январе 1946 г. Пудожский лагерь был обследован комиссией из представителей ГУПВИ, ОПВИ НКВД, обкома и горкома ВКП(б) по Ленинградской области. Комиссия вскрыла ряд недостатков в работе лагерных отделений, основными из которых являлись: неподготовленность к зиме и отсутствие надлежащих жилищно-бытовых условий, неполная обеспеченность контингента теплой одеждой и обувью, слабый врачебно-санитарный надзор. Подавляющее большинство военнопленных не были обеспечены постельными принадлежностями и спали на голых нарах. Все это привело к росту заболеваемости и смертности военнопленных. В первой половине декабря 1945 г. из-за отсутствия сушилок по лагерному отделению Бочилово произошло 17 случаев обморожения⁸.

28 февраля 1946 г. МВД КФССР приняло от УМВД по Ленинградской области лагерь для военнопленных № 447 с крайне неблагоприятным по физическому состоянию контингентом: из 3004 человек к 1-й группе относились 285 человек, 2-й — 426, 3-й — 740, дистрофиков — 955, лазаретных больных — 567, инвалидов и некоммунированных — 31 человек⁹.

На 1 января 1947 г. в лагере осталось 5 лагерных отделений: Новостеклянное, Бочилово, Поршта, «9-й квартал» и Пудожское при Управлении лагеря, в которых содержались 1967 военноплен-

ных¹⁰. В конце второго квартала 1947 г. в лагере насчитывалось 1779 военнопленных и интернированных, в том числе 1400 немцев, 88 австрийцев, 261 венгр, 30 интернированных. За период с 1 апреля по 25 июня 1947 г. из лагеря убыло 164 человека, из них отправлено в лагерь № 120 в Петрозаводске — 150 человек, в спецгоспиталь — 123 человека, умерло — 2 человека. По воинским чином в июне 1947 г. военнопленные распределялись следующим образом: офицерского состава — 59 человек, младшего начальствующего состава — 485, рядового состава — 1235 человек¹¹.

Правовой статус военнопленных, в сравнении с другими группами принудительного труда, в большей степени определялся законодательными актами и международными правовыми нормами и в меньшей степени — ведомственными инструкциями. И хотя страна испытывала острую нужду в предметах первой необходимости, в жилье, продуктах питания, правительству СССР, исходя из общепринятых норм международного гуманитарного права, пришлось решать ряд проблем по жилищно-бытовому устройству иностранных военнопленных. В отличие от советских военнопленных, содержащихся в нацистских лагерях, бывшие солдаты и офицеры вермахта получали пусть и скромное, но регулярное продовольственно-вещевое и санитарно-медицинское обеспечение, имели право переписки. С одной стороны, это способствовало поддержанию благопристойного имиджа СССР на международной арене. С другой стороны, в военнопленных, которым в большинстве своем предстояло вернуться на родину, советское руководство видело возможных агентов влияния (а иногда и прямую агентуру спецслужб), которые вели бы просоветскую деятельность.

Одним из основных принципов лагерной системы ГУПВИ была изоляция военнопленных. Она осуществлялась, во-первых, в целях предотвращения побегов военнопленных, во-вторых, для предотвращения утечки и распространения негативной по отношению к СССР информации¹². Ввиду удаленности Пудожского лагеря от населенных пунктов и недостатка кадров¹³ ряд лагерных отделений не охранялся конвойными гарнизонами, из-за отсутствия колючей проволоки лагерные зоны были обнесены частоколом. Конвойные войска насчитывали 120 человек. Как правило, за зоной лагерных отделений находились бараки, в которых жили работники леспромхоза, администрация

отделения лагеря и охрана. Администрация лагерных отделений была немногочисленной: начальник отделения, 3–4 офицера и медицинский работник. Охрана являлась самостоятельным подразделением. В ряде лагерных отделений офицерский состав и сотрудники управления лагеря проживали на частных квартирах в городе.

Конвоирование на работу производилось составом конвойных войск НКВД, а в отделениях, не принятых под охрану конвойными войсками, — вахтерским составом. В сентябре 1946 г. третья часть военнопленных выходила на работу без охраны, под расписку мастеров и других представителей хозяйственного органа.

Из-за нехватки вахтерского состава широкое распространение получила практика расконвоирования военнопленных и создания команд самоохраны. Расконвоированные выпускались из зоны лагерного отделения по пропускам, в которых указывался маршрут их движения, объект работы, время выхода из зоны лагеря и возвращения обратно. Они использовались в основном на работах в мастерских, пищеблоках, лазаретах, банях, прачечных, парикмахерской, портновской и сапожной мастерских при Управлении лагеря.

Во всех лагерных отделениях были созданы вспомогательные команды из числа военнопленных, которые использовались в качестве патрулей внутри лагерных зон в ночное время. Среди военнопленных было организовано самоуправление, имелись свои бригадиры, старшие барачков. Администрация лагеря назначала коменданта из числа военнопленных.

Побеги были нечастым явлением. Сказывались незнание военнопленными русского языка, удаленность Пудожского лагеря от населенных пунктов. В 1945–1946 гг. все побеги, за исключением одного, были предотвращены силами сотрудников лагеря в Пудожском районе¹⁴. За полгода (с 1 августа 1946 г. по 15 февраля 1947 г.) из лагеря бежали всего 3 военнопленных, которые были задержаны и водворены в лагерь. За это же время было предотвращено 9 случаев готовившихся побегов¹⁵. Как правило, нарушители лагерного режима направлялись в штрафные роты с особым режимом содержания на срок от одного до трех месяцев.

Военнопленные Пудожского лагеря использовались в основном на лесозаготовках. В большинстве своем работать в лесу они

не умели. К тому же зима 1945–46 гг. выдалась снежной. Заготовленный лес вывозили на санях, а снежный покров достигал высоты до метра. Расстояние до места работы составляло от 1 до 9 км.

В ноябре 1945 г. общий процент вывода военнопленных на основные работы хозяйственных органов составил лишь 44,7% к трудовому фонду, или 26,8% к их общему числу против 80%, предусмотренных планом. Имелись случаи вывода на работу без рукавиц (Новостеклянное), в результате увеличилось число обморожений: по лагерному отделению Черная Речка 18 декабря 1945 г. произошло 18 случаев обморожений, по лагерному отделению Бочилово 21 декабря — 21 случай¹⁶.

При обследовании лагерных отделений начальником лагеря № 447 совместно с представителем ОПВИ МВД КФССР в январе 1947 г. выяснилось, что в лагерном отделении Бочилово военнопленные, несмотря на наступившие морозы, доставлялись к месту работ по железной дороге на открытых платформах на расстояние до 15 км и часто находились вне лагеря от 12 до 14 часов. В лагерном отделении Поршта военнопленные ходили на работу за 5,5 км, и это время не засчитывалось как рабочее время. В лагерном отделении «9-й квартал» военнопленные часто трудились сверхурочно, иногда без перерыва на обед. Даже военнопленные 1-й и 2-й групп, как правило, не выполняли нормы выработки, в результате заработок был низким. В декабре средний заработок составил 9 руб. 18 коп.¹⁷

В ряде лагерных отделений не был организован учет работы военнопленных, наряд-задания составлялись в конце месяца по памяти, все работы оплачивались не по нормам, а временно по одной цене — 6 руб. за 1 человеко-день. Мало внимания уделялось поощрению передовиков. Организацией горячего питания на месте работ начальники отделений не занимались и контингент по 10–11 часов находился в лесу без пищи.

Тяготы жизни пленных усугублялись не только тяжелой работой и недостаточностью питания, но и суровым северным климатом. В связи со слабым физическим состоянием военнопленных и в целях стимулирования повышения производительности их труда Главснаблесом при СНК СССР и НКВД СССР было разрешено применить временное снижение норм выработки на заготовке, подвозке и вывозке древесины. В приказе по Управлению лагеря № 447 от 25 декабря 1945 г. предусматривалось «введение

с 25 декабря 1945 г. пониженных норм выработки с постепенным повышением и доведением до полного наполнения норм всем контингентом военнопленных к 15 февраля 1946 г.» В случае невыполнения установленных норм выработки военнопленные, одетые в зимнюю одежду (валенки, телогрейки), должны были задерживаться дополнительно на работе с общей продолжительностью рабочего дня до 10 часов. При перевыполнении указанных норм выработки каждому военнопленному предусматривалось выдавать второе горячее блюдо за счет лесокомбината и дополнительное питание из продовольственного снабжения лагеря. Выдачу талонов на второе горячее блюдо производили мастера. Помимо этого, лицам, которые систематически ежедневно выполняли норму выработки (по заготовке древесины — свыше 3-х кубм), до 15 февраля 1946 г. за каждые 6 дней выполнения этих норм по воскресным дням предусматривалась выдача 100 гр. водки за счет лесокомбината¹⁸.

За лучшие показатели на заготовке и вывозке древесины военнопленным также выдавалось от 100 до 150 грамм табака. Так, приказом начальника Пудожского лесокомбината карело-финского управления Главснаблеса при СНК СССР и начальника управления лагеря военнопленных № 447 от 14 февраля 1946 г. таким образом было поощрено 42 человека¹⁹.

Часть военнопленных, чтобы не выходить на работу, прибегала к членовредительству. С этой целью военнопленный Хофман 27 ноября 1946 г. отрубил себе палец²⁰. Имели место попытки скрытого саботажа со стороны отдельных лиц. Так, 23 июня 1947 г., возвращаясь с работы, бригадир, военнопленный лейтенант Богач, ругался на военнопленных, которые перевыполняли норму. Он говорил: «Эти люди — виновники того, что мы здесь находимся в Карелии. Если бы все пленные не выполняли нормы, то уже были бы дома». Военнопленный Янке 28 апреля 1947 г. заявил: «Много еще идиотов, которые перевыполняют нормы, и через них не можем поехать домой»²¹. В лагерном отделении Бочилово 17 мая 1947 г. военнопленный Хааг Вилли высказался так: «Товарищи, это большое свинство, что мы, находясь в плену, не можем дружно жить. Если бы мы жили дружно, то русские не могли бы заставить нас работать. Есть военнопленные, которые перевыполняют нормы, но они не понимают, что этим самым отнимают хлеб у тех, кто недо-

выполняет. Нам положено 600 грамм хлеба в день, и мы их получим, если прижмем тех, кто перевыполняет нормы, чтобы они не работали больше других. Только тогда мы избавимся от русского «давай, давай»²².

Прораб Пудожской районной стройконторы, М. П. Агеев так оценивал работу военнопленных: «По утрам ко мне приводили под конвоем 50 пленных. Они всегда были в форме вермахта. Бригадиром у них был полковник Крейс, других я не знал. Жили они в транспортном городке. Там их было больше. Работали они и в леспромхозе, чистили берега. Жилось им, наверное, не хуже, чем нашим людям. А ведь в Пудоже было голодно. И они, пленные, таскали с огородов картошку и доили чужих коз. Это были крепкие, здоровые мужчины. Они не знали, когда их освободят, и трудились без охоты. “Если бы мы знали, — говорили они, — когда нас освободят, то построили бы клуб за год”»²³.

Одной из главных проблем трудового использования военнопленных являлось их слабое физическое состояние. На 1 февраля 1947 г. из 1992 военнопленных к 1-й группе относились 334 человека, ко 2-й — 325, к 3-й — 245, к 4-й — 10, в оздоровительной команде состояли 971 человек и в лазарете находились 89 человек, неустановленных — 18 человек²⁴. В 1-м квартале 1947 г. в лагере умерло 13 человек, из них в лазарете — 5, в результате несчастного случая на производстве — 1, от дистрофии — 3, по другим причинам — 4. В госпиталь было отправлено 44 человека²⁵.

Значительным оставалось количество военнопленных, отнесенных по физическому состоянию к 3-й группе, а также содержащихся в оздоровительной команде. Одной из причин такого положения являлись случаи использования военнопленных 3-й группы на тяжелых работах. Так, военнопленные лагерного отделения «3-й квартал» работали в карьере на строительстве дороги. К месту работы и обратно они проходили пешком до 10 км, что сказывалось на выполнении ими норм выработки. В результате военнопленные не получали положенную норму питания. В лагерном отделении «Поршта» военнопленные 3-й группы использовались на погрузке и вывозке древесины. В лаготделении Бочилово на погрузочно-разгрузочных работах военнопленные работали по 14–15 часов, в 9-м квартале — по 10 часов. Не всегда соблюдался режим работы для оздоровительных команд.

Лечебная сеть лагеря в начале 1946 г. состояла из 2-х лазаретов на 700 коек (вместо одного на 350 коек, предусмотренного планом), 3-х специальных оздоровительных отделений, амбулатории и изолятора, имевшихся при каждом лагерном отделении. Лазареты были снабжены кроватями, но в некоторых из них использовались деревянные двухъярусные нары, недостаточной была обеспеченность постельными принадлежностями и предметами ухода. Поскольку медицинских кадров остро не хватало, врачами работали в основном военнопленные. Как правило, в лагерном отделении был врач из военнопленных и медицинская сестра.

В связи с передачей в феврале 1946 г. лагеря № 447 в подчинение НКВД КФССР в ведение Наркомздрава республики был передан эвакогоспиталь № 5879, рассчитанный на 400 мест и предназначенный для обслуживания военнопленных местных лагерей, занятых на лесозаготовках²⁶. В докладной записке председателя СНК КФССР П. С. Прокконена наркому здравоохранения СССР Г. А. Митереву от 26 февраля 1946 г. сообщалось о том, что эвакогоспиталь № 5879 прибыл в республику из Удмуртской АССР в начале января 1946 г. В госпитале не было ни одного врача, технический персонал укомплектован менее чем наполовину, насчитывалось не более 150 коек, не имелось лаборатории, рентгеновского и зубного кабинетов, физиоаппаратуры. Укомплектовать госпиталь за счет наличного числа врачей не представлялось возможным, так как за ноябрь 1945 г. — февраль 1946 г. из республики убыло 37 врачей — жен офицеров, а врачи расформированного госпиталя № 4870 были направлены для пополнения госпиталя № 1755 в Кемском районе²⁷. Кроме того, отсутствие путей сообщения с районом Пудожя не позволяло до начала навигации на Онежском озере развернуть работу госпиталя. В связи с этим госпиталь находился на ст. Пиндуши Кировской железной дороги. В марте 1946 г. НКВД СССР направил в госпиталь 7 врачей из военнопленных²⁸.

К сожалению, на данный момент нет пока сведений о работе до осени 1946 г. спецгоспиталя № 5879, после того как он был передислоцирован из Пудожя в Петрозаводск. Дальнейший поиск архивных документов, возможно, позволит восполнить этот пробел.

К лету жилищно-бытовые условия и физическое состояние военнопленных несколько улучшились. На 1 июня 1947 г.

1-я группа насчитывала 343 человека, 2-я группа — 615, 3-я группа — 725, 4-я — 3, оздоровительная команда — 178 и в лазарете находились 74 человека²⁹. Это способствовало увеличению выхода военнопленных на работу. Так, если на 1 апреля 1947 г. на оплачиваемую работу выходило 680 человек (43% к трудовому фонду), то на 1 июня — 1404 человека, или 88% к трудовому фонду³⁰. Улучшению производственных показателей лагеря способствовала также отправка на родину больных и ослабленных военнопленных. К июлю 1947 г. на родину было отправлено 150 нетрудоспособных немцев — военнопленных лагеря № 447³¹. Несмотря на то, что отправка производилась под видом перевода в оздоровительную команду, оставшиеся военнопленные догадывались, что их соплеменники уезжают домой. Военнопленный Артур Покк 14 июня 1947 г. заявил: «Я не верю, что нас скоро отправят домой. Мы будем дома только тогда, когда станем дистрофиками, и это уже можно наблюдать здесь, так как уезжают только больные и нетрудоспособные. Я не верю пропаганде, что хорошо работающие в первую очередь поедут домой, так как до сих пор еще ни один хороший работник не уехал домой и не уедет до тех пор, пока не доработает до смерти». Военнопленный Гизе сообщал своей жене: «Сейчас отправляются только больные, но мы тоже надеемся скоро вырваться из этого ужасного ада»³². 1 декабря 1947 г. Пудожский лагерь был закрыт³³.

Таким образом, с помощью принудительного труда в послевоенные годы отчасти удалось решить проблему дефицита рабочей силы в республике, обеспечивать потребности страны и Ленинграда в лесопродукции. Однако по целому ряду причин трудно определить конкретный вклад иностранных военнопленных в развитие экономики страны и региона: продукция военнопленных поставленных по «нарядам» другим ведомствам, не всегда учитывалась за НКВД; они работали, как правило, на самых тяжелых и низкооплачиваемых участках производства; нередкими были случаи приписок или, наоборот, занижения объема выработанной военнопленными продукции со стороны администрации предприятий.

¹ Архив Информационного центра при МВД по Республике Карелия (АМВД РК). Ф. 16. Оп. 8. Д. 15. Л. 2.

- ² *Кораблев Н. А.* Пудож. Петрозаводск, 1983. С. 85.
- ³ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-2947. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.
- ⁴ АМВД РК, ф. 20, оп. 18, д. 12, л. 1.
- ⁵ Там же. Ф. 16. Оп. 8. Д. 15. Л. 4.
- ⁶ Там же. Л. 8.
- ⁷ Там же. Л. 9.
- ⁸ Там же. Ф. 20. Оп. 18. Д. 12. Л. 10.
- ⁹ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 226. Л. 4.
- ¹⁰ Там же. Ф. 16. Оп. 3. Д. 15. Л. 161 об.
- ¹¹ Там же. Д. 20. Л. 405.
- ¹² *Кузьминых А. Л.* Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Вологда, 2005. С. 91.
- ¹³ *Суслов А. Б.* Системный элемент советского общества конца 20-х — начала 50-х годов: спецконтингент // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 125–134.
- ¹⁴ АМВД РК. Ф. 20. Оп. 6. Д. 2. Л. 152.
- ¹⁵ Там же. Ф. 16. Оп. 3. Д. 18. Л. 26.
- ¹⁶ Там же. Ф. 20. Оп. 18. Д. 12. Л. 17.
- ¹⁷ Там же. Д. 6. Л. 2
- ¹⁸ Там же. Д. 12. Л. 19–20 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 59.
- ²⁰ Там же. Ф. 16. Оп. 3. Д. 18. Л. 25.
- ²¹ Там же. Д. 20. Л. 413.
- ²² Там же. Л. 414.
- ²³ *Смирнов В.* Пудож далекий и близкий. Кондопога. 1994. С. 40.
- ²⁴ АМВД РК. Ф. 16. Оп. 3. Д. 19. Л. 37.
- ²⁵ Там же. Д. 20. Л. 345, 346.
- ²⁶ НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 7. Д. 42/305. Л. 31.
- ²⁷ Там же. Л. 32.
- ²⁸ Там же. Оп. 4. Д. 4. Л. 34.
- ²⁹ АМВД РК. Ф. 16. Оп. 3. Д. 20. Л. 405.
- ³⁰ Там же. Л. 346, 406.
- ³¹ Там же. Л. 406.
- ³² Там же. Л. 362, 407.
- ³³ Там же. Ф. 20. Оп. 18. Д. 10. Л. 138.

**ЭКОНОМИКА, ВОЙНА
И ПОЛИТИКА**

А. Г. Шкваров

**РУССКИЕ ГАРНИЗОНЫ
В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ФИНЛЯНДСКОМ:
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ**

История размещения российских гарнизонов в Финляндии начинается с 1710 г., когда Выборгский лен был занят войсками Ф. М. Апраксина и превращен, по сути, в русскую провинцию. Однако нас интересует в качестве отправной точки присоединение всей Финляндии к Российской империи со статусом Великого княжества, юридически оформленное Фридрихгамнским мирным договором, подписанным в сентябре 1809 г.

Наиболее серьезное исследование истории пребывания русских войск с 1808 по 1918 г. в Финляндии принадлежит финскому историку П. Лунтинену¹. В отечественной историографии данная проблема исследована мало. Интерес представляют труды петрозаводских историков Е. Ю. Дубровской и И. М. Соломещ². Большое количество неопубликованных материалов хранится в Национальном архиве Финляндии в фондах «Канцелярии генерал-губернатора» и «Русские военные бумаги».

Необходимо отметить, что огромное влияние на отношение населения к расквартированным во всех крупных городах Финляндии русским гарнизонам и отдельным воинским командам оказал предшествующий столетний период, на который пришлось четыре войны. Трижды русские войска в ходе боевых действий полностью оккупировали территорию шведской провинции, устанавливая соответствующий режим. В народной памяти все это осталось как «годы лихолетья», «беда», и эти названия даже закрепились в официальной финской историографии.

Периоды оккупации давали о себе знать длительными посттравматическими психологическими синдромами в самых различных формах — от полной депрессии, передававшейся даже в поколениях, до открытой ненависти как к русским, так и к тем, кто сотрудничал с ними, входил в состав временной администрации, а также к женщинам, которые добровольно или же насильно, но имели связь с русскими солдатами, что превратило их позднее в фактических изгоев общества, «проституток» и «торговок спиртным»³. Война 1808–1809 гг. отмечена мощнейшим партизанским движением, чего не было в таких масштабах весь предшествующий век, и соответственно жестокими карательными мерами против партизан, что добавило неприязни местных жителей к расквартированным войскам как к завоевателям.

Все это складывалось в легенды, предания, мифы, передававшиеся из поколения в поколение, и формировавшие общее негативное отношение к русским, отголоски которого мы можем встретить даже сегодня. Примером этому служит совсем свежая статья в газете «Туурун Саномат», опять напоминающая о былых «зверствах» русских⁴.

С присоединением Финляндии к Российской империи отношение местного населения к расквартированным войскам можно охарактеризовать как спокойное, но настороженное. Особых конфликтов не возникало благодаря высокой дисциплине войск, поддерживаемой прежде всего офицерами с их либеральными европейскими взглядами, в том числе и на способы ведения войны и отношение к мирному населению, которое они вынесли из войн против Франции в 1799–1807 гг. Подтверждение этому мемуары Ф. Булгарина и Д. Давыдова.

Исключением здесь могут быть отдельные бытовые конфликты, связанные в основном с немногочисленным казачеством, присутствовавшим в Финляндии на протяжении всей истории Великого княжества. Отношения с местным населением складывались обычным для казаков образом. Исходя из того умозаключения, что они «защищают» жителей в понимании казака от возможного нападения некоего неприятеля, они находили возможным для себя порой пожить у имущества местного населения. На самом деле такие ситуации возникали повсеместно, где казаки несли кордонную службу, а не только

в Финляндии. Причем офицеры поощряли, а иногда даже и заставляли отнимать у местных жителей что-то необходимое для казачьей повседневной жизни⁵.

Что касается непосредственно Финляндии, то это подтверждается следующими фактами. Например, в 1816 г. есаул Поздеев донского полка отобрал у ленсмана⁶ Вазбеля сено для казачьих лошадей, за что позднее пришлось через канцелярию генерал-губернатора взыскивать с него 15 рублей⁷. В 1825 г. определенные «обиды» были нанесены крестьянам близ Сестрорецка офицерами и казаками другого донского полка⁸. А в 1831 г. казаки конфисковали 240 лисьих мехов близ города Торнео⁹ и т. д.

Надо отметить, что и финны в долгу не оставались, устраивали по этому поводу драки, в которых зачастую победителями выходили местные жители. Так, например, в Торнео избили казака Богданова, а в Куопио — казаков Мурзина и Попова¹⁰.

Интерес также вызывает документ от 12 января 1817 г. «О доставлении сведений о мальчике Иоганне, отданном по условию для воспитания казаку Василию Арешкину, и вывезенном им на Дон»¹¹. Речь здесь идет об усыновлении ребенка, что означало прежде всего то, что мальчик становился уже не финном, а природным казаком, получая даже отчество и фамилию усыновителя. И на основании этого, абсолютно не сомневаясь в правильности своего решения, казак Василий Арешкин вывез его на Родину, т. е. на Дон. Известный военный юрист Н. М. Харузин, изучая обычное право в Донском Войске, подчеркивал насколько серьезно в казачьей среде смотрели на факты усыновления чужого ребенка¹².

Появление собственных финских воинских подразделений, их участие в русско-турецкой (1877–1878.) войне, усилило националистические настроения в финляндском обществе при одновременном проведении политики централизации в империи, которая была воспринята финнами как русификация Финляндии, что вызвало протест и ухудшение отношений с российскими военными. Вторым шагом, обострившим эти отношения, стала ликвидация впоследствии этих национальных формирований и попытка распространить на Великое княжество действие закона о всеобщей воинской повинности в 1901 г.¹³

Произошли волнения и даже стычки. Западная пресса откликнулась массовыми публикациями о новых «зверствах» русских

казаков, которые «верхом въезжали в главный протестантский храм Хельсинки, вынуждая людей выпрыгивать в окна, избивали женщин и детей и даже убили полицейского»¹⁴.

Описываемые события относились к 1902 г. и, по мнению авторов публикаций, имели место по всей Финляндии. Однако на территории Великого княжества в тот момент находилось всего две сотни казаков 3-го Самаро-Уфимского Оренбургского казачьего войска полка¹⁵.

В целом обстановка в Финляндии в годы до и после первой русской революции не идет ни в какое сравнение с тем, что, скажем, творилось в Польше, где, помимо двух кровавых мятежей, имели место постоянные покушения на офицеров и солдат русской армии¹⁶. Однако продолжение политики русификации вызвало изменение сопротивления ей — с пассивного, на активное. Появилась партия, схожая по тактике с партией эсеров, — *Finska Aktiva Motståndsparti* (Партия активного сопротивления). Тем не менее массовая террористическая деятельность не осуществлялась, хотя имели место отдельные политические убийства — генерал-губернатора Бобрикова (3 июня 1904 г.) и прокурора Сената Йонсона (6 февраля 1905 г.), совершались единичные нападения на жандармов и солдат¹⁷. Но Финляндия считалась наименее затронутой террором окраиной империи, хоть ее и называли «красным тылом революции»¹⁸. Финляндские революционеры, как правого, так и левого толка, предпочитали иной путь борьбы с царским правительством. Их действия выражались в предоставлении другим антиправительственным организациям России убежища в Финляндии, поддержки подполья, а также в помощи в организации съездов и конференций нелегальным в империи организациям. Финские власти и полиция арестовывали филеров охранки и одновременно затрудняли выдачу русскому правительству революционеров, а также помогали этим революционерам бежать из-под стражи. Кроме того, власти явно оказывали содействие нелегально действовавшим в России организациям в изготовлении, испытании и перевозке бомб, а также взрывчатых материалов империи. Через Финляндию осуществлялись поставки оружия в центральную часть России, и жандармские, казачьи патрули были вынуждены постоянно рыскать по шхерам, стараясь этому помешать¹⁹.

Подпольная националистическая газета «Свободное слово», печатавшаяся за границей, опубликовала список финнов, продолжавших верой и правдой служить царю и «большому отечеству», называя их предателями Финляндии. В этом списке значилось и имя К. Г. Маннергейма²⁰.

Но даже всеобщее участие, включая финскую полицию, во всероссийской забастовке в октябре 1905 г., продолжавшейся две недели, не давало повода для вмешательства русских войск. Именно тогда в Гельсинфорсе была создана рабочая милиция — Красная гвардия под командованием капитана Йохана Кока, которая поддерживала порядок в столице Финляндии. Позднее эта же милиция приняла участие в свеаборгском восстании и была распущена после него, а 79 человек преданы финскому гражданскому суду.

После ликвидации национальных финских вооруженных сил, вся территория Великого княжества вошла в состав Петербургского военного округа. Накануне Первой мировой войны в Финляндии размещались части 22-го армейского корпуса, состоявшего из 4-х Финляндских стрелковых бригад (16 полков), 20-го Финляндского драгунского полка, 22-й мортирной батареи, 22-го саперного батальона и Оренбургского казачьего дивизиона: 1-я стрелковая бригада расквартировывалась от Або до Гельсингфорса, 2-я — от Куоволы до Выборга, 3-я — от Лахти до Тавастгуса, 4-я — от Або до Васы²¹. Общая численность корпуса достигала около 40 тыс. человек. 22-й корпус наряду с 18-м армейским корпусом входили в VI-ю армию, на которую возлагалась задача обороны Финляндии и Петербурга от Швеции²².

Для унтер-офицерского состава частей был выпущен специальный обзорный «Краткий очерк истории Финляндии и нынешнего его устройства», автором которого был ротмистр Ильин²³, где разъяснялись причины недовольства части жителей Великого княжества, в основном шведского происхождения, а также запрещалось причинять какие-либо «обиды» местному населению.

Между тем в финской прессе не прекращалась череда публикаций о дурном отношении русских солдат к местному населению, обвинений в воровстве, самовольстве, бесчинствах и приставании к женщинам. Возмущение газетчиков вызы-

вало, например, даже то, что отдельные воинские команды передвигаются по городу со строевыми песнями²⁴. В целом «претензии» не соответствовали действительности, но публикации являлись скорее отражением политики сопротивления высших слоев Финляндии имперскому давлению, что должно было настраивать финское общество против России. Попытки русских военных властей привлечь к ответственности за клевету журналистов и редакторов газет наталкивались на глухое сопротивление финских гражданских судов, ограничивавшихся вынесением виновным чересчур мягких приговоров, оставляя фактически их без наказания, что в свою очередь стимулировало продолжение подобных публикаций. Об остроте конфликта свидетельствуют десятки документов, выделенных канцелярией генерал-губернатора в особое делопроизводство: «Об оскорблении войск»²⁵. Однако в провинции сохранялось естественное общение, без обоюдной ненависти и серьезных конфликтов.

С началом Первой мировой войны военное присутствие в Финляндии было увеличено, части 22-го армейского корпуса постепенно были заменены на подразделения 42-го корпуса, созданного из полков 2-й и 3-й очереди. Вместе с бригадами и дружинами государственного ополчения, гарнизонами крепостей Выборга, Свеаборга, Або-Аландской укрепленной позиции, а также личного состава Балтийского флота, базировавшегося в ряде портов Финляндии, в первую очередь в Гельсингфорсе, общая численность русских войск достигла 125 тыс. человек²⁶.

Отношения между военными и местным населением в целом оставались спокойными. Наряду с отдельными высказываниями о том, что «немцы победят и освободят от русского ига», нашлось 544 добровольца, вступивших в русскую армию. Неразбериха первых месяцев войны закончилась, население Финляндии получило возможность брать подряды у военного ведомства, сбывать часть продуктов в воинские гарнизоны, производить натуральный обмен²⁷. Вместе с тем имели место случаи дебошей и вызывающего поведения отдельных военнослужащих, в том числе и офицеров, зачастую из-за незнания местных обычаев²⁸. Проявление неприязни и упреки со стороны русских военных могли объясняться и тем фактом, что население Великого княжества было освобождено от воинской повинности.

Тем не менее затянувшаяся война неизбежно вела к общему напряжению социально-политической обстановки в России, а в Финляндии к этому добавлялись противоречия националистического характера, с социальным подтекстом, в то же время усиливались сепаратистские настроения.

Февральская революция, падение самодержавия были встречены одинаково радостно и солдатами, и матросами, и жителями Финляндии. Однако эйфория первых дней прошла, и стало сразу понятно, чего каждый ждал от революции. Финляндия ощущала приближение своей независимости. В этом отношении присутствие русских войск стало вызывать особенное недовольство, тем более что дисциплина среди солдат и матросов стремительно падала²⁹. Временное правительство начало осуществлять переброску части войск из Финляндии, с одной стороны, с целью уменьшить революционное брожение, с другой — усилить боевые части, так как обстановка на фронтах была катастрофической.

Летом 1917 г. финляндская демократия выступила за принятие сеймом законопроекта о верховной власти, что означало передачу всей полноты законодательной и исполнительной власти автономному княжеству, за исключением внешнеполитических вопросов. Временное правительство позволить этого не могло, поэтому А. Ф. Керенский отдал приказ о роспуске сейма. Но в возникший тогда конфликт оказались втянутыми русские войска³⁰. Матросы и солдаты Гельсингфорса отказались подчиняться Временному правительству. Тем не менее прибывшие незадолго до этих событий в Финляндию казачьи части воспрепятствовали проведению очередного заседания уже распущенного русским правительством сейма³¹. Между тем численность войск в Финляндии к концу 1917 г. сократилась почти вдвое от первоначальных 125 тыс. человек.

В конечном итоге русские войска, находившиеся в Финляндии, прямого участия в политической борьбе в этой стране не приняли. Русская армия практически никак не отреагировала на провозглашение 6 декабря 1917 г. независимости страны. Более того, в начавшейся затем в Финляндии в 1918 г. гражданской войне присутствие частей 42-го корпуса и моряков Балтийского флота также мало влияло на общую ситуацию в стране. Русские войска заняли нейтральную позицию, которая

явно не устраивала обе враждующие финские стороны. Красные рассчитывали на реальную помощь со стороны русских, белые, которыми командовал К. Г. Маннергейм, ставили задачу разоружить русские гарнизоны и переправить их в Россию. При этом случались столкновения и обоюдные как боевые, так и случайные потери. Но они не носили массового характера. Гораздо больше русских солдат и матросов погибло уже после победы белых, поскольку тогда некоторые из них все же решились по собственной инициативе участвовать в финской гражданской войне на стороне красных и после поражения красных попали в плен в Финляндии. В свою очередь, как только красные финны поняли, что русские не собираются активно участвовать в предстоящей борьбе, начался ряд выступлений, носивших явно неприязненный к русским характер, захватывались склады с оружием и некоторые укрепленные позиции³².

Вместе с тем психология общества, порожденная жесточайшей гражданской войной и истреблением соотечественников, нашла свое проявление в поиске врага с националистической позиции. Именно этим можно объяснить жестокие расправы с русским мирным населением, оставшимся в стране после окончания гражданской войны, в Выборге и других городах Финляндии. Но массовые казни русских весной 1918 г. уже в меньшей степени можно отнести к проблеме взаимоотношений гарнизонов российской армии в Великом княжестве Финляндском с местным населением.

¹ *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki. 1997.

² Напр.: *Е. Ю. Дубровская.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Перовой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск. 2008; *Соломещ И. М.* Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Петрозаводск, 1992.

³ *Vilkuna K. H. J. Viha.* Perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta. Helsinki. 2005. P. 585–587.

⁴ *Vahtera R.* Tuon uljaan kasakat //Turun Sanomat. 01.02.2010.

⁵ *Мануйлов А. Н.* Обычное право кубанских казаков. СПб., 2007. С. 196–197.

⁶ Представитель местной полицейской и податной власти в Финляндии.

⁷ Kansallisarkisto (далее: KA). Kenraalikuvernöörin kanslian asuakirjat. Fa 138. № 85.

- ⁸ Ibid. Fa 265. № 144.
- ⁹ Ibid. Fa 450. № 133.
- ¹⁰ Ibid. Fa 463. № 526; Fa 1206. № 40.
- ¹¹ Ibid. Fa 144. № 8.
- ¹² Харузин М. Н. Сведения о казацких общинах на Дону: Материалы для обычного права. Вып. 1. М., 1885. С. 85–88.
- ¹³ Последним был расформирован Гвардейский батальон в 1905 г.
- ¹⁴ The disorders in Finland. Due to the Recruiting Law — Cossacks invaded Homes of Peaceable Citizens of Helsingfors// The New York Times. April 26, 1902.
- ¹⁵ Halen H. Kasakat Suomessa 1712–1924. Helsinki. 2004. S. 16–17.
- ¹⁶ Гейфман А. Революционный террор в России 1894–1917. М., 1997. С. 37–40.
- ¹⁷ Например, об этом говорится в рапорте коменданта крепости Выборг ген.-лейт. А. К. Петрова начальнику 22-го корпуса от 12 ноября 1911. РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 329. Л. 113 об.
- ¹⁸ Невалайнен П. Изгой. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб, 2003. С. 16.
- ¹⁹ Гейфман А. Революционный террор в России 1894–1917. С. 46–47.
- ²⁰ Глазков К. В. Белое дело генерала России и маршала Финляндии Карла Густава Маннергейма. К 50-летию со дня кончины // Кадетская переписка. 2002. Апрель. №№ 72–73. Нью-Йорк. С. 80.
- ²¹ Места дислокации: 1-й Финляндский стрелковый полк — Або, 2-й и 3-й — Гельсингфорс, 4-й — Экенес, 5-й — Св. Михель, 6-й — Фридрихгам, 7-й и 8-й — Выборг, 9-й — Тавастгус, 10-й — Рихимяки, 11-й — Лахти, 12-й — Куовола, 13-й — Николайштадт, 14-й Таммерфорс, 15-й — Тавастгус, 16-й — Або; 20-й драгунский Финляндский полк — Вильманstrand. Артиллерийские дивизионы расквартировывались в Экенесе, Куоволе и Тавастгусе (Марков О. Д. Русская армия 1914–1917 гг. СПб., 2001. Приложение №№ 2–3).
- ²² Вооруженные силы Швеции на тот момент составляли около 120 тыс. человек. — Luntinen P. French information on the Russian War Plans 1880–1914. Helsinki. 1984. P. 181.
- ²³ KA. Venäläiset sotilasasiakirjat. Д. 17247 Л. 1–24.
- ²⁴ Ibid. Kenraalikuvernöörin kanslian asuakirjat. Hd 105:22. Д. 20 Оскорбленные войск.
- ²⁵ Ibidem.
- ²⁶ Ibid. Venäläiset sotilasasiakirjat Д. 7682. Приказ № 1 по 42-му армейскому корпусу от 10 июля 1915 г.
- ²⁷ Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). С. 57–67.
- ²⁸ KA. Kenraalikuvernöörin kanslian asuakirjat. Hd 102. Справка о бывших в Финляндии в 1915 г. происшествиях.
- ²⁹ В своих мемуарах офицер 1-го Кавказского казачьего полка Ф. И. Елисе-ев, прибывший с Кавказа, отмечает, что поначалу финны приняли их довольно прохладно, но удостоверившись в том, что дисциплина казачьих частей намного

лучше, нежели разогитированных большевиками пехотных полков русской армии, изменили свое отношение к казакам. См.: *Елисеев Ф. И.* С Корниловским конным. М., 2003. С. 348–390.

³⁰ *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). С. 109.

³¹ В 1917 г. в Финляндию прибыла Закаспийская казачья бригада (кроме Туркестанского дивизиона), переформированная в 5-ю Кавказскую казачью дивизию — 1-й Таманский генерала Бескровного Кубанского казачьего войск полк, 1-й Кавказский ген.-фельдм. Кн. Потемкина-Гаврического Кубанского казачьего войска полк, 4-ая Кубанская казачья батарея; 3-й Линейный, 3-й Екатеринодарский и 3-й Кубанский, а также 43-й Донской полки. Все полки Кубанского казачьего войска 3-й очереди. 3-й Кубанский казачий полк из состава 4-й Кавказской казачьей дивизии. 43-й Донской полк полковника Нефедова не входил в состав бригад и дивизий. См.: *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. IV. М., 1994. С. 17–18.

³² РГА ВМФ. Ф. з-42. Оп. 1. Д. 18.

В. Г. Баданов, Н. А. Кораблев

**ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ОЛОНЕЦКИМ ЗЕМСТВОМ
ФИНЛЯНДСКОГО АГРАРНОГО ОПЫТА
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ РЕФОРМЫ П. А. СТОЛЫПИНА**

Краеугольным камнем экономической программы российского правительства после революционных событий 1905–1907 гг. стала аграрная реформа, инициатором которой выступил Председатель Совета Министров Петр Аркадьевич Столыпин. Она была призвана ускорить буржуазную модернизацию сельского хозяйства страны и стабилизировать социально-политическую обстановку в многомиллионной российской деревне. В качестве главной цели, особенно на первых порах, реформа предусматривала разрушение общины и форсированное создание в деревне широкого слоя мелких земельных собственников.

Юридической основой новой аграрной политики стал указ Николая II от 9 ноября 1906 г., который после одобрения его III Государственной Думой 14 июня 1910 г. обрел статус закона. Реформа включала целый комплекс мероприятий, главными из которых являлись: выход крестьян из общины с закреплением за ними надельной земли в собственность; создание на укрепленной земле участковых (хуторских и отрубных) хозяйств; проведение землеустроительных работ без выдела из общины; организация переселения крестьян на окраины империи. Большое внимание уделялось также агротехнической стороне сельскохозяйственного производства.

Общеизвестно, что аграрная реформа П. А. Столыпина в одних регионах страны проходила успешно, в других, напротив, шла с трудом. Более активно она осуществлялась в районах,

где не было аграрного перенаселения (Нижнее Поволжье, Новороссия, Сибирь), а также в местностях, граничивших с территориями, где уже господствовала частная собственность на землю (Белоруссия, Новгородская, Псковская, Смоленская и некоторые другие западные губернии).

Карелия, имевшая протяженную границу с Великим княжеством Финляндским, также испытала на себе влияние западного соседа, которое, правда, в силу различных причин не стало определяющим. Но несмотря на то, что «фермеризация» не получила в крае широкого распространения в ходе столыпинской реформы, предпосылки для дальнейшего продвижения по этому пути тогда все же были заложены. Не случись Первой мировой войны, развитие крестьянского хозяйства фермерского типа в Карелии пошло бы, по всей видимости, успешно, так как это наиболее целесообразная форма аграрного производства в северных почвенно-климатических условиях.

Свойственный для советской историографии крен в сторону изучения социально-политической направленности аграрной реформы П. А. Столыпина в ущерб ее хозяйственно-экономическому и собственно агротехническому аспектам не позволил исследователям обратить внимание на позитивную организационно-техническую, агрономическую и культурно-просветительную деятельность земских учреждений Олонецкой губернии. А ведь они по сути выступали в роли катализатора перехода сельскохозяйственного производства в крае на интенсивный путь развития. Земства в немалой степени способствовали осознанию крестьянами выгоды рационального ведения хозяйства на собственной земле.

К концу XIX — началу XX в. в сопредельной Финляндии был накоплен весьма богатый опыт интенсификации сельскохозяйственного производства в сходных с Карелией природно-климатических условиях. Первую попытку привлечь внимание местных властей и земской общественности Олонецкой губернии к достижениям финских крестьян предпринял в 1881 г. только что назначенный министром государственных имуществ России М. Н. Островский (родной брат знаменитого драматурга А. Н. Островского). Посетив сельскохозяйственную выставку в г. Або (Турку), он поделился своими впечатлениями и размышлениями об увиденном с олонецким губернатором

Г. Г. Григорьевым. Министра особенно поразили успехи финнов в деле развития животноводства и, в частности, в селекционной работе по выведению высокопродуктивных пород крупного рогатого скота. «Пример Финляндии, — отмечал М. Н. Островский, — показывает, что скотоводство вообще на Севере России, изобилующем лугами, могло бы достигнуть цветущего состояния, но в настоящее время во многих северных губерниях, между прочим, и в Олонецкой, скотоводство находится далеко еще в неудовлетворительном состоянии». М. Н. Островский особо подчеркнул, что «для северных местностей, с развитием скотоводства тесно связано и улучшение сельского хозяйства вообще»¹. Сановник предложил губернатору вступить в сношение с земскими органами для выработки мероприятий по улучшению породы скота, и в частности по закупке племенных животных и бесплатному размещению их у надежных хозяев².

Однако в отличие от другой северной губернии — Вологодской, где усилиями выдающегося энтузиаста-одиночки Н. В. Верещагина уже в 70–90-е гг. XIX в. было создано весьма сильное маслодельческое производство, продукты которого не только не уступали, а подчас даже и превосходили финляндские³, животноводство и молочное хозяйство в Олонии не получили тогда сколько-нибудь устойчивого развития и роста. Хотя губернатор Г. Г. Григорьев довел до сведения земских органов предложения министра М. Н. Островского, однако никаких заметных шагов с их стороны по реализации этих предложений не последовало. Во-первых, это объяснялось тем, что в то время финансовые средства олонцкого земства были направлены на ликвидацию последствий неурожаев 1880–1881 гг., а также на активное распространение начального образования и сельской медицины, которые рассматривались местными деятелями как первоочередные задачи. Во-вторых, земство не располагало еще тогда необходимыми организационно-кадровыми ресурсами для работы в аграрной сфере (отсутствовала агрономическая и зоотехническая службы, необходимая инфраструктура).

Лишь с середины 1890-х гг. с изменением кадрового состава земских учреждений после контрреформы 1890 г. и под воздействием тяжелого продовольственного кризиса 1891–1892 гг. в центральной России, земцы карельского края начали регуляр-

ные отчисления из своего бюджета на сельскохозяйственные нужды, прежде всего на привлечение специалистов-агрономов и ветеринаров.

Приступив к радикальному реформированию аграрного сектора российской экономики, Председатель Совета Министров России П. А. Столыпин дважды обращался с циркулярными телеграммами в земские органы с просьбой активно поддержать начинания правительства. В первый раз это произошло сразу после издания указа от 9 ноября 1906 г., в другой – в 1910 г., когда социально-политический фактор реформы уже исчерпал себя, и руководство страны перешло на путь проведения исключительно агротехнических мероприятий. Земства с пониманием отнеслись к просьбе премьер-министра и взяли на себя значительную часть работы не только по пропаганде аграрной реформы, но и по оказанию практической помощи селянам⁴. Не являлись исключением в данном отношении и земские учреждения карельского края, значительно увеличившие финансирование села.

Динамику расходов земских учреждений Олонецкой губернии можно проследить по таблице 1⁵.

Таблица 1

	Расходы в тыс. рублей						
	Годы						
	1900	1905	1906	1911	1912	1913	1914
Средства на содержание агрономического персонала	5,9	20,2	23,6	57,2	60,7	85,1	100,4
Средства на содержание ветеринарных врачей и фельдшеров	15,3	26,1	31,0	35,3	36,5	37,6	42,9
Средства на мероприятия по улучшению производства в сельском хозяйстве	15,3	59,9	69,9	41,8	52,3	62,7	80,7
Пособия сельскохозяйственным обществам	0	0,40	0,70	0,95	1,47	1,95	3,22

	Расходы в тыс. рублей						
	Годы						
	1900	1905	1906	1911	1912	1913	1914
Расходы на содействие экономическому благосостоянию	22,1	83,3	97,1	111,1	118,3	153,1	187,8
Всего расходов на экономическое обустройство села	58,6	189,9	222,3	246,35	269,27	340,45	415,02

Как мы видим, за время подготовки и проведения столыпинской реформы ассигнования со стороны земств на хозяйственные нужды олонецкой деревни выросли в 7,1 раза, причем активный рост наблюдался по широкому спектру производственных, кадровых и организационных мероприятий.

В период столыпинских преобразований возникли реальные объективные предпосылки для восприятия в Карелии опыта модернизации сельского хозяйства, накопленного в Финляндии. В целях пропаганды реформы олонецкие земцы стали активно ссылаться на достижения финских аграриев. Так, председатель Повенецкого уездного земского собрания Е. А. Богданович, выступая в 1906 г. с докладом по вопросу о поднятии благосостояния крестьян, особо подчеркивал преимущества и большую пригодность к местным условиям усадебного (хуторского) ведения хозяйства. Он прямо заявил, что «на такой же самой почве, как и у нас, финляндец чуда делает»⁶. Позднее Е. А. Богданович, повторив свой доклад на сессии губернского земского собрания, добавил, что с принятием закона 9 ноября 1906 г. «путь к поднятию благосостояния крестьян открыт». На той же сессии губернский агроном К. К. Вебер в качестве главной причины убогости и отсталости аграрного производства Олонии также указывал на условия общинного владения землей, «когда временный владелец ведет хозяйство так, чтобы земля только не лежала впусте»⁷. А один из земских гласных прямо заявил: «В нашей местности, чтобы привести землю в такое состояние, чтобы получать высокие урожаи, требуются десят-

ки лет и огромная трата труда и денег, и хозяин только тогда решится затрачивать труд и капитал, когда тот участок будет собственностью, и плод его трудов достанется хоть не ему, так его детям»⁸. В результате дебатов губернское земское собрание вынесло резолюцию, в которой говорилось: «Переход к подворному владению является единственным средством к подъему благосостояния крестьян»⁹. Земский агроном Олонецкого уезда Н. А. Бодалев также отмечал, что в осознании местным населением необходимости перехода к частному землевладению большую роль сыграла Финляндия, где, бывая по своим торговым и другим делам, крестьяне видели «как можно на скале развести цветущий сад, если право собственности на нее будет предоставлено одному человеку»¹⁰.

На страницах начавшего выходить с 1907 г. журнала «Вестник Олонецкого губернского земства» систематически публиковались материалы об аграрной реформе и о финском опыте интенсификации сельского хозяйства¹¹. С 1908 по 1914 г. губернское и уездные земства организовывали ежегодные специальные экскурсии для своих аграриев в страну Суоми. Экскурсионную группу возглавлял земский агроном, в ее состав обычно входили 5–6 крепких хозяев из крестьян и переводчик (иногда его заменял местный финский специалист, хорошо владевший русским языком). Экскурсанты осматривали передовые фермерские хозяйства, знакомились с устройством в них скотных дворов, кормопроизводством, селекционной работой. Они также знакомились с деятельностью финских кооператоров, посещали артельные маслодельни, торфо- и мохоперерабатывающие предприятия, прокатные пункты сельхозинвентаря, объекты мелиорации. Особое впечатление на олончан производила тщательная селекционная работа финнов (наличие особых племенных книг со списками быков и продуктивных коров, существование особых «контрольных и бычьих союзов», постоянное проведение конкурсов и выставок с премированием хозяев — владельцев племенного скота)¹².

Любопытно, что олонецкие экскурсанты, обращали внимание даже на примечательные стороны хозяйственно-семейного быта, связанные с особой ролью животноводства у финских хуторян. Так, один из олонецких крестьян побывавших с экскурсией в Выборгской губернии в июне 1911 г., рассказывал затем зем-

скому агроному К. К. Веберу: «Что нас удивило — это то, что там каждый хозяин знает, сколько у него какая корова съела корма, на какую сумму, сколько она дала за год молока и даже когда отелилась, а у нас, смотри, немного хозяев, знающих, сколько у них коров в хлеву, не спрося хозяйку»¹³.

С учетом финляндского опыта Олонецкое губернское земство еще в период подготовки столыпинской реформы разработало план деятельности по подъему сельскохозяйственного производства, который окончательно был утвержден в 1906 г. Краеугольным камнем модернизации отрасли, как и в Финляндии, было признано развитие молочного животноводства. Основной упор делался на расширение кормовой базы путем распространения травосеяния и проведения мелиоративных работ, а также на улучшение породности скота и организацию товарного маслоделия. Другой важной задачей признавалось повышение культуры земледелия за счет ознакомления крестьян с прогрессивными агротехническими методами, новыми машинами и орудиями.

Внедрение травосеяния земские органы начали с раздачи крестьянам семян травяных культур. В 1902–1903 гг. только губернское земство закупило и бесплатно распространило среди крестьян 78 пудов семян клевера и тимофеевки. Однако к началу 1910-х гг. земские агрономы убедились в недостаточности такой формы работы в крае, где, как образно выразился один из них, «повинуясь злему року, крестьяне косят лишь осоку», и перешли к закладке показательных полей с травосеянием и многопольными севооборотами. И постепенно у крестьян зарождался интерес к возделыванию травяных культур как выгодной статье хозяйства. К 1917 г. в карельских уездах площадь сеяных трав составила 154 га (0,3% всей посевной площади края)¹⁴.

Укрепления кормовой базы животноводства земство пыталось достичь также за счет приобщения крестьян к мелиорации, как известно широко практиковавшейся в Финляндии. В 1903 г. Олонецким губернским земством был образован специальный фонд для разработки заболоченных участков. Из этого фонда выдавались средства для проведения исследовательских работ по изучению перспективных для мелиорации участков и их разработки¹⁵. В 1908 г. эти начинания олонечких земцев обратили на себя внимание Николая II. На годовом отчете губернатора

Н. В. Протасьева, там, где речь шла о начатых на средства казны и земских учреждений исследованиях «многочисленных озер и речек с целью понижения уровня озер и осушения болот для обращения по примеру Финляндии осушенных пространств в луга», император собственноручно начертал резолюцию «полезно»¹⁶.

В 1911 г. губернское земство приняло на службу специалиста по осушке болот и луговодству К. И. Виганда, а в дальнейшем при уездных земствах появились также инструкторы по культуре болот¹⁷. К 1914 г. в карельских уездах Олонецкой губернии было заложено 42 показательных полосы по разработке болот и 45 показательных участков по улучшению суходольных сенокосов¹⁸. Наиболее активно на земские инициативы откликнулись жители самого северного в губернии Повенецкого уезда, где недостаток в сенокосах ощущался особенно остро. Если в 1905 г. болота под травосеяние здесь разрабатывало 4 крестьянина, то в 1910 г. — уже 45 крестьян¹⁹. Известность в уезде получила практика таких хозяев, как И. С. Гайдин (с. Шуньга) и И. Д. Федотов (д. Покровская Мяндусельгской волости), которые, благодаря систематическому проведению мелиоративных работ, успешно обеспечивали скот кормами даже в самые неурожайные годы. Их деятельность получила общественное признание.

Губернский земский журнал отмечал, что они «достигнутыми на своих болотах результатами подбили к подражанию в этом деле не только более смысленных крестьян-односельчан и соседних деревень, но и крестьян более отдаленных деревень той же волости, которые, убедившись, что полученный с такой разработанной пожни урожай с лихвою вознаграждает затраченные средства и труд... сами взялись за разработку болот под пожни»²⁰. Указом Николая II от 6 декабря 1912 г. передовые хозяева И. С. Гайдин и И. Д. Федотов были награждены серебряными медалями «За усердие» на Станиславской ленте.

Приоритетным направлением модернизации сельского хозяйства олонецкое земство по примеру Финляндии признало развитие животноводства как важнейшей и наиболее продуктивной отрасли северного сельского хозяйства. На страницах журнала «Вестник Олонецкого губернского земства», в частности, отмечалось, что соседи-финны «избрали улучшенную

породу скота, распространили ее в массе населения и теперь пожинают обильные плоды за свой труд»²¹. В связи с этим в публикациях земского органа основной упор делался на освещение вопросов улучшения породности скота и организацию товарного маслоделия.

Так, после проведенного съезда земских агрономов Олонецкой губернии в 1907 г. было принято решение о закупке быков-производителей в Финляндии, чтобы в дальнейшем обеспечивать создававшиеся в губернии земские случные пункты исключительно быками восточно-финской породы как наиболее пригодными для местных условий²². Подробное объяснение данного выбора дал агроном К. К. Вебер в статье «Животноводство», адресованной в первую очередь хозяйственным-активным крестьянам.

Он писал: «Прочное повышение молочности и прибыльности стада своим приплодом достижимо, лишь если назначенный для этого бык, принадлежа к выносливой молочной породе, произошел от действительно жирномолочных матери и бабушек, поэтому, покупая быка более подходящей молочной породы, крайне важно иметь ручательство, что бык этот из действительно обильно-молочной и жирномолочной семьи. А такое ручательство возможно лишь там, где ведется правильная, находящаяся под контролем запись, как молочности у лучших коров, так и регистровка, степени обильно- и жирномолочности матери и бабушек каждого быка, выращиваемого как производителя. Такие строго проверенные записи у нас в России... пока ведутся только в Финляндии. Поэтому только выписываемые оттуда быки восточно-финской породы с таким аттестатом от общества племенной книги восточной Финляндии дают нам полную гарантию, что данный бык из действительно обильно- и жирномолочной семьи».

В примечании автор добавлял, что рентабельность данной породы очень высокая: потребляет меньше кормов в сравнении с костромской и йоркширской породами крупного рогатого скота, а молока дает больше. Молочность у этой породы коров составляла не менее 200 ведер молока с 4% жирности²³.

На пособия Главного управления землеустройства и земледелия России в Финляндию командировались земские специалисты для закупок быков-производителей восточно-финской породы

как наиболее подходящих для Олонецкой губернии. Преимущество при этом отдавалось районам Восточной и Северной Карелии в Куопиоской губернии, которые по своим климатическим и почвенным условиям, рельефу местности, обилию озер и болот были весьма схожи с российской Олонией. Так, например, зоотехник С. А. Виноградов в 1912 г. был командирован на сельскохозяйственную ярмарку в г. Йоэнсуу для приобретения партии быков, предназначенных для открытия новых случных пунктов в районах единоличного землеустройства.

С 1907 по 1914 г. губернское и уездные земства организовывали ежегодные специальные экскурсии для своих аграриев в страну Суоми. Экскурсионную группу возглавлял земский агроном, в ее состав обычно входили 5–6 земских работников или крепких хозяев из крестьян и переводчик (иногда его заменял местный финский специалист, владевший русским языком). Чаще всего посещались хозяйства в районах Сердоболя, Хаммслаhti, Йоэнсуу, Куопио. Экскурсанты осматривали передовые фермерские хозяйства, знакомились с устройством в них скотных дворов, кормопроизводством, селекционной работой. Они также знакомились с деятельностью финских кооператоров, посещали артельные маслодельни, торфо- и мохоперерабатывающие предприятия, прокатные пункты сельхозинвентаря, объекты мелиорации.

Публикации по результатам экскурсий регулярно размещались на страницах «Вестника Олонецкого губернского земства». Специалистов-агрономов ознакомительные поездки убеждали в важности и необходимости мелиоративных работ на болотистых почвах, которыми богата Олонецкая губерния. В ходе одной из экскурсий они получили обстоятельную консультацию о роли мелиорации в условиях севера, которую им любезно дал директор сельскохозяйственного института в Кроноборге Е. Хельстрем. Он пояснил: «Лет 10 назад в Финляндии в пользу канав не знали не только крестьяне, но и авторитеты в сельском хозяйстве. В настоящее же время в пользу канализации полей ни у кого нет сомнения». И последующие впечатления подтвердили правоту финского ученого. «При осмотре ли хозяйств на месте, при мимолетном ли их обзоре из окон вагона — везде мы видим полосы и каналы без конца»²⁴.

Большое внимание экскурсантов, как служащих земства, так и крестьян привлекали животноводческая специализация

финляндского сельского хозяйства и высокая доходность этой отрасли, чистота и порядок на фермах. В качестве конкретного примера можно привести впечатления экскурсантов от посещения имения фермера Пекки Контканена в Хаммаслахти: «Это именье поражает постороннего человека новым роскошным устройством скотного двора и молочной, каковые здания возведены из кирпича, имеют цементные полы, водопровод и прочие удобства для работ. Сам же владелец ютится пока в старом, почерневшем от времени деревянном домике. Это прямо указывает, что скотоводство в Финляндии является солидным предприятием, окупающим даже большие на него издержки»²⁵.

К 1913 г. в карельских уездах Олонецкой губернии имелось 43 случных пункта, в которых насчитывались 46 быков, в том числе 35 восточно-финских и 11 полукровных. Молочное стадо в районах данных пунктов насчитывало около 2,5 тыс. голов²⁶. Земствами стали регулярно проводиться выставки молочного и рабочего скота, с премированием хозяев, представивших лучшие экземпляры коров и лошадей. Однако это было лишь только начало кропотливой селекционной работы, так как, по данным специального земского обследования, элитные быки восточно-финской породы к 1913 г. составляли в крае лишь 7% поголовья быков-производителей²⁷.

По инициативе земств на базе некоторых передовых хозяйств по финляндскому образцу стали создаваться специальные контрольные пункты племенного скота, в которых фиксировались экстерьер животных, количество и вид потребляемых ими кормов (грубые, сочные, сильные и проч.) за определенный период времени, прирост живого веса, удои молока. Интересно, что в Олонецком уезде один из первых таких пунктов открыл сразу же по возвращению из экскурсии в Финляндию в 1911 г. крестьянин-карел из д. Спиридон-Наволоч Ведлозерской волости Андрей Иванович Законов²⁸.

Он также просил уездную управу взять на экскурсию в соседнюю страну своего племянника, которому он собирался в будущем передать свое хозяйство. А. И. Законов утверждал: «Тогда только мы друг друга пойдем на хозяйстве и то, что я теперь буду вводить, прочно разовьется»²⁹. Одним из наиболее результативных направлений по внедрению финского опыта

стали земские пункты маслоделия. Характерным примером в данном плане может служить история одного из первых таких пунктов — в селении Вешкелицы Сямозерской волости Петрозаводского уезда. В марте 1901 г. земством сюда была направлена оборудованная сепаратором, закупленным в Финляндии, передвижная мастерская, которой заведовала В. Попова — выпускница школы знаменитого маслодела Н. В. Верещагина.

К июню 1901 г. вокруг мастерской в селе сложилась маслодельная артель, объединившая 32 домохозяина. К концу первого летнего сезона на маслодельном пункте было выработано свыше 43 пудов сливочного масла. Сбыт продукции осуществлялся в Петрозаводске через уездный земский склад, а также частично в Петербурге. Доходы крестьян-артельщиков от животноводства благодаря маслоделию увеличились почти в три раза. К 1902 г. число постоянных участников артели возросло до 65, кроме того, время от времени излишки молока на маслодельню сдавали еще до 40 человек. Сыграв важную роль в пропаганде маслоделия, артель в Вешкелицах распалась в 1907 г. в связи с появлением частных маслоделен. К этому времени в селе и его округе имелось уже 6 сепараторов и дело получило прочное основание³⁰.

Другой земский маслодельный пункт, открытый в 1903 г. в д. Спиридон-Наволоч Олонецкого уезда, в конечном итоге послужил основой для образования Крошнозерского сельскохозяйственного общества, в котором в 1913 г. насчитывалось 30 сепараторов и было выработано 260 пудов масла³¹. Полученные на маслодельнях с помощью сепараторов партии сливочного масла высоких сортов — парижского, голштинского и сладкосливочного — находили хороший сбыт в Петрозаводске и Петербурге. На столичном рынке, по отзывам современников, олонечкое масло продавалось «по очень высокой расценке (до 20 рублей парижское)»³².

Благодаря помощи со стороны земства товарное маслоделие прочно укоренялось в хозяйственной жизни карельской деревни, о чем свидетельствуют статистические данные. Если в 1902 г. в целом по Олонецкой губернии насчитывалось всего 5 сепараторов, а в 1905–17, то в 1912 г. — уже 268³³.

Весьма примечательно, что по количеству сепараторов с большим отрывом лидировал пограничный с Финляндией

Повенецкий уезд, где в 1912 г. сосредоточивалось более половины всех сепараторных установок губернии — 143³⁴. По оценке губернского земского агронома К. К. Вебера молочное хозяйство в Повенецком уезде «...достигло размеров, обращающих на себя внимание»³⁵.

В целях приобщения крестьян к новинкам агротехники, по примеру Финляндии создавались специальные выставочные экспозиции с демонстрацией действия усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин. К 1912 г. в каждом уезде были развернуты земские зерноочистительные обозы, общий парк которых насчитывал 53 машины (веялки, сортировки, триеры). При губернском, Олонецком и Пудожском уездных земствах функционировали также прокатные пункты сельхозинвентаря³⁶.

По примеру финских хозяев многие крестьяне в качестве теплой подстилки для скота стали применять мох, заготовлявая его на зиму. 19 декабря 1912 г. общее собрание Крошнозерского сельскохозяйственного общества (Ведлозерская волость Олонецкого уезда) возбудило ходатайство перед Главным управлением землеустройства и земледелия об оказании помощи в постройке торфо-мохового завода для приготовления подстилки. Уездное земское собрание сразу же выделило на постройку завода 50 рублей.

Один из местных деятелей, оценивая результаты агротехнических мероприятий, реализованных земством в 1911 г. на примере Петрозаводского уезда, писал: «Где раньше приходилось бесплатно навязывать травяные семена, там теперь крестьяне покупают таковые по заготовительной стоимости... Раньше никто не хотел работать на бесплатных плугах, а теперь их ежегодно продается 30–50 штук, и большинство жителей некоторых селений перешло к плужной обработке почвы (с. Ивины, Бесовец), то же можно сказать про веялки-сортировки, которых ежегодно продается 20 штук. Особенно крупный шаг сделан в маслоделии. Со времени учреждения должности разъездного инструктора-маслодела число крестьянских маслоделен (если можно их так назвать) быстро возрастало, а в настоящее время в уезде работают 70 сепараторов, принося хозяевам весьма осязаемый доход. Но не только этим важно маслоделие, оно еще вселяет в крестьянина какое-то собственное стремление

к улучшению всего хозяйства, как то: к травосеянию, улучшению и лучшему кормлению скота и проч. Если кто-либо внимательно следил за развитием деревни и сравнил бы теперешнюю деревню с деревней лет 15-ти тому назад, то, думаю, нашел бы крупные перемены»³⁷.

Все же, несмотря на определенные результаты в развитии крестьянских хозяйств, главная цель столыпинской реформы — создание широкого слоя фермеров в Олонецкой губернии за тот краткий срок, который отвела история для реализации новой аграрной политики, — не была достигнута. Об этом можно судить по официальным статистическим данным за 1914 г. (табл. 2) ³⁸.

Таблица 2

Уезды	Общая площадь земли (тыс. десятин)	Площадь наделной земли (тыс. десятин)	Число крестьянских хозяйств	Из них землеустроенных
Петрозаводский	1438	814	11393	8
Повенецкий	3721	604	4559	176
Пудожский	1853	683	6562	12
Каргопольский	1955	956	15185	193
Вытегорский	1049	446	10185	153
Лодейнопольский	885	338	9388	107
Олонецкий	853	411	7768	318
Всего по губернии	11754	4252	65040	967

Таким образом, по Олонецкой губернии на 1914 г. доля владельцев хуторов и отрубов составила лишь около 1,5% ко всей массе крестьян-домохозяев (общинников и подворников). Данный показатель был примерно в 8 раз ниже среднего по Европейской России в целом³⁹. Нельзя однако не отметить, что самый высокий удельный вес участковых хозяйств в крае отмечался в двух западных, карельских уездах губернии — Олонецком (4,1%) и Повенецком (3,9%), крестьянскому населению которых опыт хозяйствования финских фермеров был наиболее известен.

Процесс создания частных крестьянских хозяйств в Олонецкой губернии тормозился по ряду причин. Вследствие практического отсутствия дворянского землевладения аграрный

вопрос в крае сводился к взаимоотношениям между крестьянами и государством и не стоял столь остро, как в «помещичьих» регионах. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что основную часть денежных доходов местные крестьяне получали вовсе не от земли, а от разнообразных промысловых занятий. Для Карелии с ее суровыми природными условиями были характерны слабый уровень развития аграрного капитализма и укорененность общинных традиций, способствовавших выживанию крестьянского двора в экстремальных ситуациях. В среде местного крестьянства все еще бытовала некая психологическая, мировоззренческая и даже религиозная установка на общину как на особую ценность, данную свыше.

Само общинное землевладение в Карелии имело осложненную, запутанную структуру вследствие преобладания здесь в ходе реализации реформы 1866 г. группового землеустройства. Около 90% бывших казенных и горнозаводских приписных селений получили по владенным записям общие (однопланные) земельные дачи с другими деревнями⁴⁰. При этом нередко существовал разнотип владения пахотными, сенокосными, подсечными и лесными частями надела. Разверстка угодий в таких условиях была крайне затруднена и требовала значительных затрат со стороны государства.

По данному поводу олонецкий губернатор Н. В. Протасьев в письме Председателю Совета Министров П. А. Столыпину 16 августа 1910 г. писал: «Большим тормозом стремлению крестьян в этом отношении служит неудовлетворительность работ, произведенных в свое время при наделении государственных крестьян землею. Далеко не редкое исключение в Олонецкой губернии составляет группировка 40–100 селений, владеющих наделными землями по одному владенному акту, причем в этом наделе находятся земли единственного владения каждого селения и общего владения как нескольких селений, так и общего владения всех селений, поименованных во владенном акте.

Борьба с этим порядком владения составляет насущную задачу крестьянских учреждений Олонецкой губернии»⁴¹.

На ход «фермеризации» сельского хозяйства в Карелии определенное влияние оказало и непростое состояние российско-финляндских отношений в тот период. С одной стороны, после революции 1905–1907 гг., правительственные круги

России осуществляли «поход» на финляндскую автономию, а с другой стороны, в великом княжестве активизировались агрессивно-националистические круги, выступавшие под флагом панфиннизма⁴². Данная ситуация провоцировала взаимное недоверие и мешала развитию устойчивых и тесных контактов между аграриями двух стран. Даже в земской среде, в целом позитивно относившейся к финляндской аграрной практике, звучали оценки, расходившиеся с официальной линией руководства. Так, например, деятель, скрывшийся за инициалами А. Г., в 1910 г. писал в губернском земском офицозе: «В пример нам ставится Финляндия: там все хорошо, цветущая страна, все там в образцовом порядке, хутора бесподобные и проч. А много ли их? Нет ли там и совершенно безземельных, торпарями называемых? Сколько она от нас муки покупает, да нам же и продает, выдавая за свою... Пусть уже, наконец, в ней все прекрасно, но она не может служить примером для Олонии. Хотя она и рядом с нами, но там климат умеряется морем, в ней растут вишни и сливы, а в Олонии яблока хорошего нет. По производству масла скоро одна Вологодская губерния сравняется с Финляндией. Не бывать, кажется, Олонии житницей»⁴³. В то же время сам автор не предлагал каких-либо практических рекомендаций по подъему аграрной отрасли. Ясно, что создававшаяся обстановка не благоприятствовала эффективному восприятию позитивного аграрного опыта Финляндии в соседней российской Карелии.

¹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 12. Оп. 2. Д. 5/13. Л. 230–231.

² Там же. Л. 231.

³ В частности, на I Всероссийской молочнохозяйственной выставке в Санкт-Петербурге в 1879 г. вологодские маслоделы получили 45 наград, обойдя финских мастеров, которые до этого считались лучшими. В столичной прессе отмечалось: «Вологда с ее экспозицией — совершенное для нас открытие, которое обнаруживает наше полное неведение собственной производительности. Не одни только финляндцы и немцы способны к представительству, но и русские, да еще жители лесов и тундр — вологжане». Государственный архив Вологодской области. Ф. 18. Оп. 71. Д. 2934. Л. 2 об.; Ф. 34. Оп. 1. Д. 14/81. Л. 2–3.

⁴ Герасименко Г. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 36–37.

⁵ Бюджет губернского и уездных земств Олонецкой губернии за 1868–1916 гг. Петрозаводск, 1917. С. 196–199, 206–207, 210–211, 212–213, 215–217, 218–219.

⁶ Обзор постановлений очередного губернского земского собрания. Вопрос об общинном и подворном землепользовании. // Вестник Олонекского губернского земства. 1907. № 4. С. 26.

⁷ Там же. С. 27.

⁸ Обзор постановлений очередного губернского земского собрания... С. 28–30.

⁹ Там же. С. 30

¹⁰ Труды VIII агрономического совещания при Олонекской губернской земской управе. Петрозаводск, 1913. С. 195.

¹¹ См. например: *Комаровский М.* Поездка в Финляндию // Вестник Олонекского губернского земства. 1907. № 18–22; *Вебер К.* Первые шестинедельные курсы по молочному хозяйству, маслоделению и скотоводству, при Повенецкой ферме // Там же. 1910. № 12. С. 25; *Тагман А.* Проект премирования образцовых крестьянских хозяйств // Там же. 1911. № 9. С. 29; *Гультман Г.* Деятельность контрольных союзов Финляндии в 1915 г. // Там же. 1916. № 18. С. 119–120.

¹² *Вебер К.* Осмотр олончанами хуторских хозяйств в Финляндии // Вестник Олонекского губернского земства. 1911. № 21. С. 14–17; № 22. С. 23–26.

¹³ *Вебер К.* Осмотр олончанами хуторских хозяйств в Финляндии // Вестник Олонекского губернского земства. 1911. № 22. С. 24.

¹⁴ Социалистическая индустриализация Карельской АССР. Л., 1935. С. 22.

¹⁵ НА РК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4/53. Л. 8

¹⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106/1. Л. 191.

¹⁷ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2/13. Л. 37.

¹⁸ Олонекская губерния: Стат. справочник. С. 334–335

¹⁹ Отчет губернского земского агронома за 1911 г. Петрозаводск, 1912. С. 66–67

²⁰ Земская агрономическая помощь в Олонекской губернии // Вестник Олонекского губернского земства. 1910. № 1. С. 8.

²¹ *Николаевский А. П.* Обзор деятельности Повенецкого земства // Вестник Олонекского губернского земства. 1907. № 22. С. 35.

²² *Вебер К. К.* Следует ли обзаводиться племенным скотом восточно-финской породы // Вестник Олонекского губернского земства. 1909. № 6. С. 33–36; № 7. С. 29–31; № 8. С. 28–30 и др.

²³ *Вебер К. К.* Животноводство // Вестник Олонекского губернского земства 1908. № 10. С. 18–19.

²⁴ *Кербицкий В.* О поездке в Финляндию с целью ознакомления с положением в ней крестьянского сельского хозяйства // Вестник Олонекского губернского земства. 1908. № 19. С. 10.

²⁵ Там же. № 20. С. 9.

²⁶ Олонекская губерния. Стат. справочник. Петрозаводск, 1913. С. 336.

²⁷ Там же. С. 238.

²⁸ Об агрономических мероприятиях Олонекского уездного земства // Вестник Олонекского губернского земства. 1911. № 24. С. 15.

²⁹ *Вебер К.* Осмотр олончанами хуторских хозяйств в Финляндии // Вестник Олонекского губернского земства. 1911. № 22. С. 26.

³⁰ *Молосовкин И. С.* Сообщения из уездов. Вешкелицы // Вестник Оло-
нецкого губернского земства. 1908. № 16. С. 20.

³¹ НА РК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4/48. Л. 51.

³² Обзор Олонецкой губернии за 1901 г. Петрозаводск, 1902. С. 6; ОГВ.
1901. 23 июня; III агрономическое совещание // Вестник Олонецкого губер-
нского земства. 1910. № 12. С. 19.

³³ *Бузин В., Виноградов С.* Материалы по исследованию животноводства
в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1914. С. 24.

³⁴ Олонецкая губерния: Стат. справочник. С. 336.

³⁵ *Вебер К.* Первые шестинедельные курсы по молочному хозяйству,
маслоделию и скотоводству, при Повенецкой ферме // Вестник Олонецкого
губернского земства. 1910. № 12. С. 25.

³⁶ Олонецкая губерния: Стат. справочник. С. 335–336.

³⁷ *Зиадынь Ф. И.* Несколько слов о 15-летней деятельности агрономии
в Петрозаводском уезде // Вестник Олонецкого губернского земства. 1911.
№ 20. С. 32.

³⁸ *Наймарк И.* Обзор агрономической помощи хозяйствам единоличного
владения Олонецкой губернии за 1914 г. Петрозаводск, 1915. С. 7.

³⁹ См.: Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 367–368.

⁴⁰ См.: *Першин П. Н.* Земельное устройство в дореволюционной деревне.
Воронеж, 1928. Т. 1. С. 302.

⁴¹ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106/1. Л. 217 об. — 218.

⁴² См.: *Дубровская Е. Ю.* Противоборство панфиннизма и русского велико-
державия в Карелии (по материалам источников конца XIX — начала XX вв.) //
Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 55–64; «Финни-
заторы» и «обрусители». Документы по истории борьбы за влияние в Карелии
(конец XIX — начало XX вв.). // Нестор. Журнал истории и культуры России
и Восточной Европы. № 10. Финно-угорские народы России. Проблемы истории
и культуры. СПб., 2007. С. 47–71.

⁴³ *А. Г.* Когда что будет? // Вестник Олонецкого губернского земства.
1910. № 22. С. 16.

В.-Т. Васара

ОТНОШЕНИЕ ФИНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ К РУССКИМ НАКАНУНЕ «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ»*

1920–30-е гг. представляют собой во многом интересный период в истории Финляндии. Угроза Советского Союза была одной из главных тем в финской политической жизни в данный период. Надо заметить, что эти первые примерно 20 лет после получения Финляндией независимости еще не полностью раскрыты в финской историографии. Особенно вопросы, касающиеся многочисленных попыток определения финской идентичности, и сопутствующие им явления, в том числе весьма негативное отношение к русским, пока, наверное, не получили достаточного внимания у финских историков.

Вопрос самоидентификации очень важен для финнов. В данном случае было необходимо обозначить отличия от русских. Тема является проблематичной. В финской историографии существуют две основные теории о происхождении весьма отрицательного отношения к русским: во-первых, теория зачатой враждебности и, во-вторых, мнение о том, что крайне негативное восприятие русских явилось результатом правой политики в первые годы независимости Финляндии. В межвоенный период

* Работа выполнена в рамках проекта Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

стали подчеркивать именно такие корни неприязни. В плане этнического происхождения, религии, а также в политическом устройстве финны не были «русскими».

В 1930-е гг. антирусские настроения господствовали в крайне правых организациях, а также в Шюцкоре, финских вооруженных силах и полицейских органах, «соплеменных организациях» и в таких партиях, как центристский Аграрный союз и консервативная Коалиционная партия. Как отметил исследователь Хейкки Луостаринен, если характерным для официальной восточной политики Финляндии было глубокое недоверие, то кроме доверия в финском обществе господствовали разочарование и враждебность к Советскому Союзу¹.

В целом внутренняя политика СССР и советско-финские отношения заняли видное место на страницах финской прессы данного периода. В качестве примера можно выделить некоторые моменты, получившие особенно много внимания в течение 1930-х гг. Это, во-первых, внутренние события советского государства — депортация ингерманландцев в начале десятилетия, убийство С. М. Кирова и сталинские репрессии, начавшиеся после этого; и, во-вторых, события, связанные с Финляндией, — обвинения в шпионаже, судебный процесс Тойво Антикайнена и т. д.²

Характерной чертой финской прессы 1930-х гг. были прямые высказывания по поводу дипломатически острых тем. «Великая стена», поставленная Финляндией на своей восточной границе после 1918 г., оставалась нерушимой до начала «зимней войны». Отсутствие теплых отношений с восточным соседом считали в периодике стандартным отношением, к возможному сближению относились с сомнением и даже негативно.

Практически вся финская пресса межвоенного периода относилась к Советскому Союзу отрицательно или очень отрицательно. Исключение представляли собой некоторые левые социалистические газеты, которым иногда удавалось публиковать небольшое количество оппозиционно настроенных к руководству страны материалов. Социал-демократические издания резко осуждали внутреннее положение в советском государстве, но умеренно выступили за сближение Финляндии и СССР³. Интересным фактом является также то, как финские коммунисты во главе с Арво Туоминеном отмежевались от Советского Союза, обвиняя его в предательстве ленинских принципов⁴.

Начиная с 1936 г. газета Патриотического народного движения (ИКЛ) «Аян Суунта» развернула жесткую критику СССР. Печатный орган Коалиционной партии «Ууси Суоми» также, но в более осторожной форме, начала высказывать тогда подобные же взгляды. Газеты ИКЛ и Коалиционной партии считали, что в военном плане Советский Союз представляет собой главную угрозу безопасности Европы. Газеты Аграрного союза («Илкка») и Прогрессивной партии («Турун Саномат») также относились к восточному соседу с явным подозрением. На страницах социал-демократической «Суомен Сосиаалидемократти» отношение к СССР выражалось в более умеренной форме. По мнению всех не левых газет, СССР являлся виновником холодных отношений между странами⁵. Однако в Финляндии в октябре 1939 г. была введена общая государственная цензура⁶. После этого главные газеты страны, кроме «Аян Суунта», усвоили новую, более умеренную линию.

В середине 1930-х гг. в финской антисоветской пропаганде образ русского также поменялся. Во второй половине этого десятилетия и, в частности, в последние довоенные годы стали подчеркивать милитаристскую угрозу со стороны Советского Союза и опасность нападения. Тем не менее об эффективности и результатах данной пропаганды не существует единого мнения среди финских историков.

Накануне «зимней войны» Финляндия была уже относительно стабильным демократическим государством, чего нельзя было сказать еще в начале десятилетия. Неприязнь к русским, вероятно, не являлась объединяющим фактором для финского народа. Причиной объединения является прежде всего развитие социального и демократического общества, а также причиненный сталинскими репрессиями страх перед коммунистической диктатурой⁷. Нужно также отметить, что и германское направление сохранило свои позиции в Финляндии во второй половине 1930-х гг. Эти позиции были особенно сильны в военных кругах. Что касается отношения к национал-социализму, то многие финские германofilы видели в нем внутривосточное дело Германии, которое для Финляндии имело лишь второстепенное значение⁸. Тем не менее на протяжении последнего перед Второй мировой войной десятилетия углублялось представление, особенно в буржуазных кругах

Финляндии, о Германии как о противовесе Советскому Союзу. В своем исследовании, посвященном формированию в финской периодике в 1918–1939 гг. специфического образа Советского Союза, профессор Университета Турку Кари Иммонен цитирует другого известного финского историка Кейё Корхонена, который характеризует политическую атмосферу Финляндии 1920–1930-х гг. как атмосферу, в которой большая часть финского народа проживала в некоем «ментальном окопе» в полной готовности отразить нападение заклятого врага. Также значительная часть населения в стране относилась открыто враждебно к русским и Советскому Союзу. Отрицательное отношение финского народа и его руководства к советским требованиям накануне войны имело конституционно-юридическую основу: территория Финляндии являлась законно неприкосновенной и неделимой, поэтому на стороне Финляндии было право и справедливость должна была восторжествовать. Далее, согласно мнению Корхонена, так называемый «дух зимней войны» и привел к войне, и помог выдержать ее; он был комбинацией неспособности понимать Советский Союз и желания защищать ценности, связанные с независимостью страны, которые теперь были под угрозой⁹. По мнению военного историка Сампо Ахто, к России и русским относились с некоторой настороженностью. Он пишет, что в конце 1930-х гг. русских считали «подозрительно загадочными»¹⁰.

Последние довоенные парламентские выборы в Финляндии проходили 1–2 июля 1939 г. Вопрос об улучшении обороны представлял собой главную тему предвыборной борьбы. Традиционно левые партии выступали против увеличения ассигнований на нужды вооруженных сил страны. На это повлиял негативный опыт гражданской войны, а также страх того, что армию могут использовать против левых. Однако их сомнения в 1930-е гг. стали заметно ослабевать.

Надо заметить, что в кругах сторонников социалистической газеты «Соихту», которая объединила финских коммунистов, верили, во-первых, в то, что только Германия может напасть на Финляндию, и, во-вторых, что в таком случае Советский Союз придет на помощь¹¹. Новость о заключении «пакта Молотова — Риббентропа» вызвала реакцию во всех финских партиях. Высказывания социал-демократов отражали разоча-

рование по отношению к Советскому Союзу, в котором до этого видели главную противоположную фашизму силу. В социал-демократической прессе неоднократно критиковали решение СССР как измену принципам антифашистской борьбы. В глазах социал-демократов Советский Союз стал сравним с гитлеровской Германией и империалистическим государством¹². Пакт осложнил ситуацию как для правых, так и для левых радикалов, которые до этого обосновывали всю свою деятельность борьбой с противоположной силой. Их реакции были во многом похожи: после первоначального потрясения они пытались объяснить произошедшее лишь внешнеполитическими аргументами, а не идеологией той или другой стороны¹³.

Начало Второй мировой войны обозначило новое осложнение «восточного вопроса». Антисоветские настроения стали очевидными при решении проблемы передачи территорий Советскому Союзу накануне «зимней войны». Стремление СССР осенью 1939 г. заключить соглашение толковали в финском обществе как желание инициировать конфликт между странами. В своих мемуарах премьер-министр последних лет «войны-продолжения» Эдвин Линкомиэс писал о том, что финская общественность строго выступила против этой передачи, и поэтому у финских политиков не было решительной готовности согласиться на советские требования.

Интересным является вопрос, как общественное мнение повлияло на принятие решений официальной властью Финляндии. Можно заметить, например, что инертность страны в отношении восточной политики прямо соответствовала общественному настроению. Накануне «зимней войны» рядовой финн полностью отрицал возможность пойти на такие уступки Советскому Союзу, какие предлагали, например, Паасикиви и Маннергейм¹⁴. По мнению финского общества, любой компромисс мог обозначать лишь путь к судьбе стран Балтии. Можно также вспомнить, что у финнов были традиции отвергать требования России еще с периода русификации рубежа XIX–XX вв.

До начала «зимней войны» среди социал-демократов господствовала убежденность в сохранении мира. Лидер социал-демократов Вяйне Таннер лично не верил в возможности войны, это повлияло на его негативное отношение относительно вопроса о необходимости повышения расходов на оборону страны.

Любопытным является его высказывание о том, что «финский народ требует больше хлеба, а не орудий, которыми убивать». В Социал-демократической партии и Аграрном союзе верили, что переговоры закончатся только тогда, когда обе стороны будут довольны результатом¹⁵.

Можно заметить, что продолжительность и нестабильность советско-финских переговоров не повлияли на широкое общественное мнение. Даже учебные сборы осенью 1939 г. не имели отрицательных последствий для общих настроений финского народа¹⁶. То, что касается финских крайне левых сил, то их возможность поддерживать соглашательскую с СССР линию «восточной политики» являлась несущественной. Подпольная организация КПФ находилась в состоянии распада, ее приверженцы были парализованы в связи с массовыми арестами финских коммунистов, сталинскими репрессиями, подписанием «пакта Молотова — Риббентропа» и капитуляцией Польши¹⁷.

Таким образом, накануне «зимней войны» финское общество крайне отрицательно относилось к русским, отвергало всякую возможность компромисса и видело в СССР главную угрозу своей безопасности. В стране сохранялась антисоветская и во многом прогерманская линия.

¹ *Luostarinen H.* Perivihollinen. Suomen oikeistolehdistön Neuvostoliittoa koskeva viholliskuva sodassa 1941–1944: tausta ja sisältö. Jyväskylä, 1986. S. 184.

² *Ibid.* 186–187.

³ *Ibid.* S. 164.

⁴ *Haataja L.* Kun kansa kokosi itsensä. Suomalaisten talvisota. Keuruu, 1989. S. 138.

⁵ *Teikari E.* Puolueiden päälehtien ulkopoliittinen suunta vuosina 1933–1944. Tampere, 1973. S. 216–218.

⁶ *Ibid.* S. 107.

⁷ Venäjän kahdet kasvot.

⁸ *Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan II. 1933–1939. Helsingi, 1971. S. 77.

⁹ *Immonen K.* Ryssästä saa puhua... Neuvostoliitto suomalaisessa julkisuudessa ja kirjat julkisuuden muotona 1918–1939. Keuruu, 1987. S. 22.

¹⁰ *Ahto S.* Talvisodan henki. Mielialoja Suomessa talvella 1939–1940. Juva, 1989. S. 13–14.

¹¹ *Rentola K.* Kenen joukoissa seisot? Suomalainen kommunismi ja sota 1937–1945. Juva, 1994. S. 103.

¹² *Soikkanen T.* Kansallinen eheytyminen – myytti vai todellisuus? Ulko- ja sisäpolitiikan linjat ja vuorovaikutus Suomessa vuosina 1933–1939. Turku, 1983. S. 321–322.

¹³ *Ibid.* 324.

¹⁴ *Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. S. 216.

¹⁵ *Soikkanen T.* Kansallinen eheytyminen – myytti vai todellisuus? S. 348.

¹⁶ *Ahto S.* Talvisodan henki. S. 68–71.

¹⁷ Kansanvalta koetuksella. S. 269.

В. И. Фокин

**АНТИФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ
НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Во второй половине 30-х гг. XX в. большинство стран Северной Европы столкнулось с неразрешимой для них проблемой обеспечения собственной безопасности в условиях нарастания угрозы европейской войны. Ощущение нарастающей тревоги и собственного бессилия перед грядущей катастрофой породило противоречивость и непоследовательность в общественных настроениях, желание оказаться под защитой более могущественных сил. Перед элитой Северных стран возникала проблема выбора между доминировавшими тогда в Европе общественно-политическими течениями и господствовавшими силами.

Такое положение было созвучно дезориентации значительных слоев населения. Ситуация усугублялась социальной катастрофой, разразившейся под влиянием мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Уже в начале 30-х гг. многие представители либеральной интеллигенции обращают внимание на патологические изменения массового сознания. Потеряв устойчивые внутренние убеждения, социальную опору в обществе, люди становились легкой добычей различных пропагандистских стереотипов, демагогических обещаний и политических авантюристов. Никому из интеллектуалов не удалось предложить отчаявшимся людям (вне рамок революции или войны) такую перспективу, которая могла бы их увлечь. Радикально настроенные круги рассматривали окружающий мир как лишенный гуманистического смысла, где

человек изначально не представляет собой ничего духовного, ему присущи только физиологические функции и некие психологические стереотипы. В этом мире ставились под сомнение нравственные ценности: совесть объявлялась химерой, дух — ложью, а сила — проявлением человеческой воли. Огромный пласт культуры, формирующий человека как личность, объявлялся утратившим значение. Между тем и в этой среде не могли не понимать, что подобный мир чреват саморазрушением. Для преодоления возникшего хаоса общественного сознания необходимым считалось обратиться к национальной традиции и национальному духу как системообразующим факторам. Человек объявлялся носителем национальной идеи, соединенной со способностью к твердому проявлению воли. Борьба за выживание нации во враждебном ей мире становилась самоцелью. Задача ее реализации приобрела привычные рационалистические формы, отводя человеку роль средства достижения цели. Попытка сформировать систему духовных ценностей, основанных на приоритете национальной идеи, вылилась в доктрину фашизма. Государство объявлялось основой национального единства, универсальным регулятором политических, экономических, социальных и духовных отношений в обществе. Таким образом, общество, сохраняя свою структуру, могло обеспечить стабильное развитие путем подчинения личности интересам нации. Государство в этих условиях приобретало всеобщий (тоталитарный) характер. Но мир в целом от этого не становился устойчивее. Более того, столкновение национальных интересов вело к конфликтам, приобретавшим, как показала история, масштабы грандиозных военных столкновений, которые в свою очередь приводили к неизбежной дегуманизации общества. К тому же сама национальная идея, приобретающая в деятельности государственного аппарата самодовлеющее значение, лишила человека права на свободу реализации собственного выбора в рамках ответственности его перед обществом. В Европе было немало сторонников «арийской исключительности». В малых странах их позиция дополняла стремление некоторых представителей политических элит сохранить хотя бы видимость суверенитета в тени нацистского гиганта.

В послевоенной Европе самым страшным воспоминанием о прошлом была война, возникшая вследствие столкновения интересов национальных государств. Поэтому в широких кругах

интеллектуалов естественным было обращение к иным основам духовного здоровья общества. Попытки найти гуманистическое содержание выхода из кризиса, охватившего общество, предприняла философия экзистенциализма. В произведениях М. Хайдеггера, К. Ясперса, вышедших на рубеже 1920–1930-х гг., получает оформление экзистенциалистская концепция личности. Абсурдности, «неразумности» мира, скатывающегося к тоталитаризму, авторы противопоставляют личность человека, которая проявляла себя и в экономической, и в политической, и в культурной жизни людей. Надежды на фундаментальные основы свободной личности, индивидуализм многие ведущие деятели мировой интеллектуальной элиты в 20–30-е гг. В недрах этих кругов формировалось либерально-демократическое пацифистское движение, рассчитывавшее «умиротворить человечество». Идеи пацифизма были наиболее созвучны господствовавшим настроениям народов Северной Европы. Уже к середине 30-х гг. стало ясно, что пацифизм не стал доминантой внешней политики ведущих стран мира. Верх одержали либерально-консервативные силы, которые исходили из необходимости предотвращения войны с Германией на Западе за счет малых государств и направления нацистской агрессии на Восток. Для стран Северной Европы такая стратегия означала неизбежный выбор между двумя альтернативами. Первая: основываясь на идеи единства западной цивилизации, примкнуть к англо-французскому блоку и смириться с весьма сомнительными гарантиями безопасности, так как в любой момент их ждала участь «разменной монеты» при сговоре западных держав с Гитлером.

Другой вариант предполагал возможность активного сопротивления угрозе войны путем объединения в едином антифашистском фронте всех демократических сил. При этом решающее значение приобретал вопрос о союзе с СССР. Отношение к Советскому Союзу находилось в центре внимания международной общественности на протяжении всего межвоенного периода. В разные годы этот вопрос имел разное содержание, но во второй половине 30-х гг. это был вопрос о возможности предотвращения войны.

Для западных стран фашизм был более реальной опасностью, чем гипотетическая мировая коммунистическая революция. Коммунисты в Европе были наиболее убежденными

и последовательными борцами с фашизмом. Было совершенно очевидно, что СССР и коммунистическое движение были той организованной силой, которая противостояла фашизму, отличавшемуся оголтелым антикоммунизмом. В советском эксперименте смущало насилие. Но революционное насилие считалось неизбежным следствием прогресса. Ведь и многие западные демократии родились в кровавых столкновениях реакции и революции, ограничения и подавления движения реставраторских монархических сил. Поддержку вызывало на Западе индустриальное строительство в СССР. Примером для подражания назывались социальные программы, обеспечивавшие массовость и доступность образования, медицинского обслуживания, занятость, программы государственной поддержки науки и культуры. Наконец, существовала надежда на гуманизацию со временем советской системы.

Впервые в международном плане идея создания единого антифашистского фронта с участием представителей Дании, Норвегии и Швеции обсуждалась на Первом съезде советских писателей¹. Съезд вызвал активную дискуссию в кругах творческой интеллигенции. Значительная часть выдающихся деятелей мировой культуры видела в съезде прежде всего проявление единения интеллектуальной элиты советского общества и широких слоев населения, поддерживаемое государством. Съезд писателей СССР рассматривался как шаг на пути создании широкого антивоенного и антифашистского фронта интеллигенции, который вдохновляется «несокрушимым стремлением к миру СССР»². В 1934 г. в рамках левых организаций, объединявших представителей культуры многих стран, возникла дискуссия о необходимости объединения всех антифашистских сил, независимо от их политической направленности. Изменяющаяся ситуация в Европе остро ставила вопрос о будущем не только революционного, но и демократического процесса в мире. Среди деятелей культуры росло сознание необходимости сплочения сил в борьбе против фашизма и угрозы новой мировой войны. Появились новые надежды на благоприятный исход этой борьбы, когда VII конгресс Коминтерна в 1935 г. взял курс на создание широкого антифашистского фронта.

В середине 30-х гг. образовалась Международная ассоциация писателей в защиту мира и культуры. С инициативой ее созда-

ния выступили А. Барбюс, Ж.-Р. Блок, М. Горький, Р. Роллан и А. Мальро. Первый конгресс писателей в защиту культуры состоялся летом 1935 г. в Париже, где были представлены 38 стран мира, включая писателей из стран Северной Европы³.

За пять дней работы конгресса его участники обсудили широкий спектр вопросов: от проблем гуманизма и культурного наследия в творчестве писателей до вопросов о роли писателя в обществе и развитии национальных культур. О варварском отношении к культуре со стороны германского фашизма, о его угрозе человеческой цивилизации говорили немецкие писатели. В ходе дискуссии утверждалось, что современная западная цивилизация переживает глубокий кризис культуры, что неспособность западных демократий разрешить социальные конфликты и обеспечить культурное развитие основной массы населения чревата опасностью фашизма и войны. В этих условиях важным средством предотвращения грядущей катастрофы виделась активная общественная позиция творческой интеллигенции, ее борьба за социальный прогресс, за достоинство и свободу личности. Попытки некоторых ораторов убедить собравшихся в том, что писательская ассоциация должна носить не политический, а творческий характер, что творчество и политика несовместимы, были подвергнуты критике в речах Л. Арагона, К. Михаэлис, М. Андерсен-Нексе, П. Вайяна-Кутюрье и других известных деятелей культуры. В борьбе против фашизма и войны они видели свой гражданский долг.

В центре дискуссий на конгрессе оказалась проблема роли СССР в антивоенной борьбе. Среди выступивших не было ни одного, кто бы не коснулся этой темы. Ораторы высоко оценивали экономический и культурный прогресс в СССР. Высказывались и суждения о том, что сталинское руководство предало идеалы революции, что в условиях бюрократизации сформировался новый эксплуататорский слой государственных чиновников, в стране отсутствует свобода слова и творчества. Выступавшие задавались вопросом: смогут ли деятели культуры в своей борьбе против фашизма и войны опереться на растущую мощь СССР.

Эта точка зрения высказывалась деятелями культуры, поддерживавшими Л. Д. Троцкого. Американские писатели Д. Дос-Пассос и Г. Истмен оценивали происходившие в СССР

события как термидорианский переворот, считали Союз писателей бюрократической организацией, а его членов называли «художниками в мундирах»⁴. Их возмущало не государственное насилие, не ограничение политических свобод как таковые, а репрессии против сторонников Троцкого. Они видели в СССР союзника реакционных сил, включая фашизм. Поэтому они выступали против сотрудничества с СССР и его представителями в антифашистской борьбе. Сталинизм, по их мнению, лицемерно маскировал свою реакционную сущность передовыми идеалами социалистической революции. В последствии эту позицию в Европе озвучил А. Жид. В сохранении диктаторского режима он видел не продолжение революционного насилия, а контрреволюционный переворот, в результате которого утвердятся бюрократический правящий слой. В привилегиях для интеллигенции А. Жид усматривал подкуп со стороны диктатора, превращение художника и литератора в чиновника от искусства. В своих выводах писатель не был оригинален. В «Поправках к моему “Возращению из СССР”» он признавался: «Я просветился уже после того, как была написана книга об СССР. Ситрин, Троцкий, Мерсье, Ивон, Виктор Серж, Палей, Рудольф и др. снабдили меня документами»⁵. Противоположную позицию олицетворял Р. Роллан. Главное, что вселяло надежду в то, что советское общество движется в направлении «социального идеала справедливости», по его мнению, было духовное состояние народа. В дневнике писателя есть размышления, которые текстуально почти совпадают с его статьей «О моем пребывании в Москве»⁶. В них речь идет об ощущении мощного прилива жизненных сил, молодости народа, осознающего эти силы, гордости за успехи, искренней веры в свое дело и в свое правительство. Роллан пишет: «В истории это называется “звездными часами” — часами, когда народы наиболее полно переживают свою судьбу, — такими часами открывается каждая новая эра в мировой истории»⁷. Это ощущение подводило писателя к выводу о том, что, несмотря на все издержки, СССР вносит существенный вклад в прогресс мировой цивилизации.

Особо важное значение этому вкладу СССР Р. Роллан придавал в связи с усилением влияния фашизма и ростом угрозы новой мировой войны. В предгрозовой обстановке середины 30-х гг. Роллан считал нашу страну важнейшим фактором

мира. Он был уверен в том, что в случае нападения на СССР народ дружно поднимется на защиту Родины и будет яростно сражаться. В советском народе Роллан видел залог конечной победы над фашизмом, низко оценивая способность западного общества к сопротивлению⁸.

Хотя в ходе обсуждения не удалось выработать единой точки зрения на характер советского общества, СССР был признан одной из ведущих сил антифашистской борьбы⁹. Конгресс принял решение об объединении писательских сил в борьбе против фашизма и угрозы войны в международную ассоциацию. В его резолюции указывалось: «Бюро ассоциации, составленное из писателей различных философских, литературных и политических направлений, будет всегда готово бороться в области культуры против войны и фашизма, против других опасностей, угрожающих цивилизации»¹⁰. В президиум ассоциации от стран Северной Европы была избрана С. Лагерлёф. В состав бюро ассоциации вошел М. Андерсен-Нексе¹¹.

Таким образом, скандинавские литераторы активно включились в борьбу против фашизма и войны совместно с прогрессивными писателями всех стран. В руководящих органах Международной ассоциации писателей в защиту культуры они заняли одно из ведущих мест.

Р. Роллан и А. Жид выражали две противоположные точки зрения, которые сталкивались в Международной ассоциации писателей и ее национальных секциях. События в Испании, усиление фашистской агрессии в Европе склоняли симпатии деятелей культуры в пользу СССР, кампании против «натурализма и формализма» в литературе и искусстве, развернувшиеся в СССР в 1936 г., сведения о репрессиях, особенно казнь Н. Бухарина и его сторонников, исчезновение в сталинских застенках деятелей культуры, которых знали и уважали в Европе, отталкивали мировую общественность от идеи превратить СССР в стержень антифашистского фронта. Все это создавало крайне неустойчивую ситуацию в мировом общественном мнении, разрушало надежды на формирование антифашистского фронта, в целом ограничивало силы политического противодействия росту военной угрозы.

Международная ассоциация писателей в силу указанных обстоятельств оказалась лишенной альтернативы политике

агрессии и потворства ей. Огромный интеллектуальный потенциал и моральный авторитет организации оказались без мобилизующей политической опоры на международной арене.

Французская, немецкая и американская секции Международной ассоциации были в изучаемые годы наиболее влиятельными организациями среди антифашистски настроенных кругов. В странах Северной Европы секции оказались менее значимыми в общественном плане, либо не были созданы вовсе. Писатели этих стран вынуждены были в индивидуальном порядке искать сотрудничества с Международной ассоциацией.

Антифашистское движение в Дании достигло своего пика в 1936–1937 гг. В нем активно работали М. Андерсен-Нексе, поэт и литературовед О. Галстед, писатель Томансен, видный социал-демократ Г. Болган. Однако общее число активных сторонников антифашизма в Дании не превышало нескольких десятков человек¹².

Со второй половины 30-х гг. внимание шведского общества все больше привлекает внешнеполитическая деятельность СССР. Отражением настроений того времени явилась мысль, высказанная известным шведским социал-демократическим публицистом, ставшая крылатой фразой: «Как не вертись, факт остается фактом, что в настоящее время малые народы живут под защитой советских штыков»¹³. Скандинавская общественность с глубокой симпатией относилась к антифашистской направленности советского искусства. Так, с большим интересом был встречен просмотр советского фильма «Профессор Мамлок», устроенный в декабре 1938 г. полпредством СССР. Присутствовавшие на просмотре зрители бурными аплодисментами встречали сюжеты, где нацистам «приходилось туго»¹⁴.

Антифашистские настроения были распространены в среде норвежской интеллигенции. Их активно выражали художник Х. Серенсен, писательница Р. Хаген, представители академических кругов во главе с президентом норвежской Академии наук Х. Кутом, который позднее стал министром иностранных дел в правительстве Норвежской рабочей партии¹⁵.

В орбиту антифашистской деятельности было вовлечено немало влиятельных политических деятелей скандинавских стран, которые высоко оценивали советскую инициативу по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Но при этом

они предпочитали не проявлять самостоятельности, излишне доверяясь ведущим державам и рассчитывая остаться в стороне от грядущих потрясений.

Для антифашистски настроенных общественных деятелей пассивное отношение к совместной политической борьбе против угрозы войны определялось представлением о своей национальной культуре как части западной цивилизации. Они не считали возможным действовать вопреки внешнеполитическому курсу ведущих западноевропейских государств даже тогда, когда считали его неэффективным, опасаясь остаться вне рамок западного общества. Другим сдерживающим фактором в интеллектуальной среде было распространенное представление о необходимости удержаться от двух крайностей: фашизма и социализма. Но если фашизм отвергался по своей сути, то созидательные тенденции всегда встречали поддержку и понимание в среде интеллигенции.

Во второй половине 1936 г. секретариатом Международной ассоциации писателей было принято решение о созыве в 1937 г. в Испании II Международного конгресса под лозунгом «Культура в опасности»¹⁶. Проведение конгресса в Испании явилось актом солидарности прогрессивной писательской общественности с борьбой испанских республиканцев против мятежников Франко, поддерживаемых германскими и итальянскими фашистами. 4 июля 1937 г. Конгресс начал свою работу. Он проходил одновременно в Валенсии, Мадриде и Барселоне. Вблизи от ожесточенных сражений, в условиях бомбардировок фашистской авиацией собралось 60 делегатов ассоциации писателей многих стран. Среди них: М. Андерсен-Нексе, С. Лагерлёф и др.

Участники Конгресса посещали боевые позиции, выступали перед бойцами, крестьянами. Конгресс превратился в манифестацию солидарности с борьбой Испанской республики. По мнению участников Конгресса, в западных странах пресса, ссылаясь на условия гражданской войны, пыталась замалчивать работу Конгресса, что по существу явилось причиной проведения заключительного заседания в Париже. Писатели, участвовавшие в работе Конгресса, возвысили свой голос в пользу демократии и справедливости, против попустительства фашистским агрессорам со стороны Англии и Франции¹⁷.

II Международный конгресс писателей в защиту культуры обратился с призывом к международной общественности,

писателям и деятелям культуры, в котором объявил фашизм главным врагом культуры. Конгресс заявил о своей готовности «бороться всеми имеющимися средствами против фашизма», подчеркнув, что «в нынешней войне, ведущейся фашизмом против культуры, демократии, мира и вообще против счастья и благополучия человечества, немислим и невозможен никакой нейтралитет». Участники Конгресса призывали всех писателей «осознать свой исторический долг и объединиться с ними в борьбе за благо большинства человечества и за охрану человеческого наследия»¹⁸. Тем самым Конгресс внес существенный вклад в консолидацию сил творческой интеллигенции на антифашистской основе.

Накалившаяся международная обстановка, явное приближение новой мировой бойни осложняли развитие международных связей писателей. Мюнхенский сговор заставил забыть и о сталинских репрессиях даже тех, кто, подобно Г. Уэллсу, разорвал под их впечатлением всякие связи с деятелями культуры СССР. В те годы Л. Фейхтвангер писал: «Перед лицом тяжелого поражения, понесенного западными демократиями в борьбе с фашистской агрессией, интеллигенция всего мира видит свое спасение в Советском Союзе»¹⁹.

Демонстрацией солидарности с СССР стала проходившая с 13 по 14 мая 1939 г. Международная конференция писателей в защиту культуры. В ее резолюции указывалось на необходимость активной борьбы писателей против катившейся уже по Европе фашистской агрессии²⁰.

Большие надежды возлагались общественностью на трехсторонние переговоры в Москве в 1939 г., однако их неудача вызвала глубокий кризис в Международной Ассоциации. Разразившаяся война привела к прекращению деятельности этой международной организации, но многие ее члены продолжали свою благородную борьбу, став в дальнейшем активными членами Сопротивления.

Международная Ассоциация писателей объединила демократических и революционных писателей всех стран на платформе борьбы против фашизма и готовившейся им мировой войны. В рамках объединения выросли и окрепли международные связи писателей многих стран, была продемонстрирована воля к сотрудничеству на миролюбивой основе. Цели и задачи

Международной Ассоциации позволили привлечь к активной общественной деятельности многих популярных литераторов, к мнению которых прислушивались широкие слои населения и политические деятели. Пользуясь большим авторитетом, члены Ассоциации многое сделали для консолидации антивоенных и антифашистских сил в своих странах. На международной арене писательская ассоциация стремилась найти политическую опору, созвучную своим целям, формируя общественное мнение, она влияла на политику государств, с тем чтобы они активнее боролись против фашистской агрессии, вырабатывая альтернативные фашизму решения острых социальных и национальных проблем. Подавляющая часть членов ассоциации была убеждена в неспособности западных демократий преодолеть угрозу мировой войны и уничтожить фашизм. Поэтому пристальное внимание писателей привлекали события, происходившие в советском обществе. Рост его экономического, духовного, да и военного потенциала рассматривался как важная опора в будущей схватке с фашизмом. СССР представлялся решающим компонентом возможного антивоенного сотрудничества государств. Однако противоречивые тенденции в СССР рождали и противоречивое отношение к сотрудничеству с ним. Отсутствие демократических процессов в политической системе и гуманизации духовной жизни советского общества лишало международное антифашистское движение прочной основы для сотрудничества с СССР, а следовательно и политически весомой перспективы в достижении поставленных целей. Моральный авторитет писательской ассоциации, ее огромный потенциал в формировании мирового общественного мнения не был реализован. Сопротивление росту военной угрозы оказалось неэффективным, ибо не повлекло за собой сотрудничества на межгосударственном уровне.

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 5. Д. 547. Л. 137.

² Отклики на I Съезд советских писателей за рубежом см.: Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 613. Оп. 1. Д. 446. Л. 114, 124, 135; Ф. 631, Оп. 11. Д. 308. Л. 88; ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 547. Л. 137.

³ Рихтер Т. К истории Союза пролетарско-революционных писателей Германии // Литературное наследие. Т. 81. М., 1989. С. 100.

⁴ Известия. 1934. 12 авг.

⁵ Жид А. Поправки к моему «Возвращению из СССР» (июнь 1937 г.) // Звезда. 1989. № 8. С. 12.

⁶ См.: Роллан Р. Собр. соч. В 14 т. Т. 13. М., 1958. С. 399–402.

⁷ Московский дневник Ромен Роллана. // Вопросы литературы. 1989. № 5. С. 166–168.

⁸ Там же. № 3. С. 204.

⁹ Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, июнь 1935 г. М., 1936. С. 3–490.

¹⁰ Там же. С. 487.

¹¹ Там же. С. 485–486

¹² ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 218, л. 46; Оп. 5. Д. 366. Л. 61, 62; Д. 377. Л. 12.

¹³ Цит. по: Кан А. С. Новейшая история Швеции. М., 1969. С. 149.

¹⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 20. М., 1976. С. 455.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1. д. 219. Л. 46; Оп. 2. Л. 1–7; Оп. 5. Д. 43. Л. 8; Д. 418. Л. 1–2, 86; Д. 429. Л. 6; Д. 517. Л. 27.

¹⁶ Там же. Д. 308. Л. 60.

¹⁷ Известия. 1937. 16 июня; РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 4. Л. 18.

¹⁸ Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом против развязывания Второй мировой войны (1933–1937 гг.). М., 1961. С. 505.

¹⁹ Там же. Оп. 13. Д. 217. Л. 7, 59.

²⁰ Там же. Д. 38. Л. 155.

В. Н. Барышников

**К ВОПРОСУ
О БОМБАРДИРОВКЕ РАЙОНА ЛЕНИНГРАДА
С ТЕРРИТОРИИ ФИНЛЯНДИИ 22–23 ИЮНЯ 1941 г.***

В научной, мемуарной и публицистической литературе до сих пор существует представление, что война между Финляндией и СССР началась с момента нанесения бомбового удара по финской территории советской авиацией 25 июня 1941 г. Это утверждение является традиционным для финской историографии, поскольку на следующий день, 26 июня, президент Р. Рюти торжественно заявил, что «со вчерашнего дня вооруженные силы Советского Союза, невзирая на соглашения и без всякого повода с нашей стороны, по распоряжению своего правительства производят регулярные обширные военные действия во всех направлениях нашей страны...»¹. Именно тогда официально Финляндия объявила СССР войну.

Насколько, однако, справедливым оказалось это утверждение финского президента? Действительно ли Финляндия не давала никакого повода для начала боевых операций против нее Советского Союза, и что же это были за «обширные военные действия во всех направлениях», которые предпринял СССР 25 июня?

* Работа выполнена в рамках проекта Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

Начиная с конца 1950-х гг. на этот вопрос уже достаточно развернуто и весьма аргументированно давались заключения различными исследователями. Может быть, наиболее логично в данном случае ответил на заявление Рюти американский профессор Чарльз Лундин. Он в своей книге, посвященной участию Финляндии во Второй мировой войне, отметил: «Зачем русским, если они не потеряли окончательно разум, без причины открывать для себя дополнительный и такой сложный фронт в условиях начавшегося военного вторжения в их страну непобедимой военной машины Гитлера?».

Затем же им назывались и те причины, которые предопределили развертывание военных действий. По мнению историка, это было, прежде всего, «присутствие в Финляндии сильных немецких формирований, способных нанести удар по советской территории, создавая реальную возможность совместного с финскими войсками наступления, а также преобладавшие настроения в финском обществе и господствующая официальная позиция Финляндии осуществлять сотрудничество с Германией». В действительности, продолжает Лундин, СССР не создавал новой военной ситуации на границах с Финляндией. В Хельсинки же сами сознательно шли на подготовку к новой войне против Советского Союза, решив принять участие в немецкой агрессии. Он в частности подчеркнул, что в 1940–1941 гг. «для политических и военных лидеров Финляндии было самым сложным делом прикрыть свое приготовление к войне-реваншу и, как мы убедимся, к завоевательной войне»². Это утверждение трудно опровергнуть. Но тем не менее раз за разом в Финляндии в научных кругах, как заклинание, повторяли и повторяют пропагандистские утверждения Рюти, что в конечном итоге дало, естественно, желаемый результат. Пропагандистские утверждения периода войны, очевидно, прочно утвердились в сознании населения страны. Более того, и в современной России также появились из числа писателей и публицистов сторонники данных утверждений.

В этом плане, видимо, все же следует признать, что, если президент Рюти в своем выступлении имел в виду, что уже до 25 июня СССР начал «регулярные обширные военные действия во всех направлениях нашей страны», то это является очевидной неправдой. Он мог бросить обвинение Советскому

Союзу лишь после 25 июня, когда действительно начались массированные бомбардировки финской территории. Но был ли повод у СССР для начала этих бомбардировок? Рюти утверждал, что «нет».

Вот как раз об этом, очевидно, сейчас пора уже сказать правду.

И первое, что нужно заметить, району Ленинграда немецкая авиация начала угрожать уже с первого дня начала Великой Отечественной войны. Боевые операции люфтваффе стали осуществляться тогда именно с использованием финских аэродромов, поскольку технические данные самолетов пока еще не позволяли с территории самой Германии разворачивать массированные операции против района Ленинграда.

Так, уже 22 июня в два часа ночи через аэродром в Финляндии в районе Утти пролетело до 18-ти немецких бомбардировщиков «Ю-88», которые далее пересекли воздушное пространство Советского Союза в районе города Лаппеенранта. После этого над акваторией Ладожского озера они долетели до Невы у Шлиссельбурга, а затем повернули в сторону Ленинграда. Целью этого налета являлось, как утверждают финские исследователи, минирование «объектов, связанных с судоходством на Неве»³. Поставленную задачу, очевидно, германские самолеты выполнили, хотя по советским данным уже тогда состоялся первый воздушный бой в небе у Ленинграда, где немецкие самолеты были встречены истребителями ВВС округа⁴.

Действительно, определенная готовность противовоздушной обороны города к возможной атаке авиации противника на Ленинград, по-видимому, объяснялась тогда тем, что еще до этого налета в половине первого ночи в штаб ЛВО пришла директива, подписанная Наркомом обороны и начальником Генерального штаба. В этой директиве говорилось о возможности уже 22–23 июня нападения немецкой армии на СССР. В результате командованию ВВС округа «была поставлена задача немедленно привести всю авиацию в полную боевую готовность». Такую же задачу поставили командованию ленинградских войск противовоздушной обороны⁵. В результате самолеты истребительной авиации округа были уже спустя два часа после отданного в штаб округа из Москвы распоряжения подняты по боевой тревоге для начала боевого патрулирования

воздушного пространства Ленинграда. Еще раньше на двадцать минут были подняты по боевой тревоги и части ПВО. Они «получили распоряжение занять всеми своими средствами заранее определенные оперативные позиции»⁶. Тем не менее все 18 немецких самолетов смогли благополучно вернуться обратно в Финляндию, приземлившись уже в 3 ч 15 мин утра на аэродроме в Утти. «Иными словами, — как подметил военный историк Х. Сеппяля, — с финского воздушного пространства атаковали район Ленинграда, еще до перехода в наступление немецкой армии» и начала Великой Отечественной войны⁷. В результате можно даже говорить, что Великая Отечественная война началась прежде всего именно на ленинградском направлении.

Однако налеты на советскую территорию в эту ночь этим не закончились. Тогда же еще 14 немецких бомбардировщиков, вылетевших из Восточной Пруссии, тоже использовали Финляндию для своего временного базирования в осуществлении своего налета на район Ленинграда — Кронштадта. Как пишет по этому поводу известный финский исследователь истории авиации К.-Ф. Геуст: «Груженные минами “Ю-88”... взлетели с аэродрома Провехрен в Восточной Пруссии. На штурманском кресле ведущего бомбардировщика сидел капитан финских ВВС Паули Эрви... После сброса мин в 4 ч. 45 минут, “юнкерсы” приземлились на аэродроме Утти, где дозаправились и взяли курс на Германию»⁸. В результате в советских территориальных водах, в фарватере Финского залива у Ленинграда и Кронштадта, начали сбрасываться 1000-килограммовые мины, сразу же создавая серьезную угрозу коммуникациям советского Балтийского флота.

Тем не менее и этот налет не оказался неожиданным для ленинградских средств противовоздушной обороны. По информации ряда советских источников, немецкие самолеты были обнаружены над акваторией Финского залива и обстреляны зенитными батареями кронштадтских фортов⁹, а по некоторым сведениям указывается, что даже «два фашистских самолета с их экипажами отправились на дно Финского залива»¹⁰. Таким образом, бесспорным, становилось то, что начавшиеся с территории Финляндии налеты немецкой авиации четко фиксировались с самого начала их организации и они представляли несомненную военную угрозу.

Более того, уже в 3 ч 30 мин, если верить неопубликованным воспоминаниям генерала Д. Н. Никишева, ему позвонил начальник ПВО округа и доложил «о подходе группы самолетов в направлении Кронштадта и Ленинграда»¹¹. Естественно, начальник штаба Ленинградского округа, сразу же сообщил об этом в Москву. Он связался с заместителем начальника Генштаба Н. Ф. Ватутиным и проинформировал его о налете, а также запросил у него информацию об обстановке в целом. Ответ был весьма коротким: «Война, тов. Никишов, действуйте»¹². В итоге в Ленинграде вовремя получили сведения о начале войны, причем основная угроза для советских войск здесь изначально стала исходить прежде всего с финской территории.

После полученных из Москвы указаний, незамедлительно для штаба и всех окружных управлений была объявлена полная боевая тревога. Также срочно были поставлены в известность о начале войны все военкоматы, партийные и советские организации Ленинграда. Д. Н. Никишев, кроме того, отдал еще срочное распоряжение «предупредить военкоматы о предстоящей мобилизации и формировании частей по схеме развертывания»¹³. Так, уже рано утром войска округа переходили на абсолютный режим военного времени.

Тем не менее финская армия не перешла тогда государственной границы, поскольку, в соответствии с планом «Барбаросса», она должна была включиться в наступательные операции на ленинградском направлении только после подхода к городу войск немецкой группы армий «Север». Но налеты немецких самолетов на советские стратегические объекты из Финляндии, естественно, продолжились. Наряду с попытками проникнуть в воздушное пространство Ленинграда, 14 немецких самолетов «Me-110» утром 22 июня на малой высоте постарались атаковать советский военный аэродром под Выборгом. Однако и здесь они также натолкнулись на достаточно сильную систему противовоздушной обороны. Завязался воздушный бой, в котором участвовали истребители 7-го авиаполка¹⁴. Как отмечает в своем исследовании отечественный историк авиации И. Г. Иноземцев, «советские летчики атаковали “мессершмиттов”, которые, не приняв боя, поспешили скрыться в сторону Финского залива»¹⁵.

Также стали происходить достаточно ожесточенные бои и в небе над советской военно-морской базой в Ханко. Вечером

в первый день начала Великой Отечественной войны здесь появились 20 немецких бомбардировщиков. И хотя, по воспоминаниям командующего базой С. И. Кабанова, «оказалось, что эту первую, причем безрезультативную бомбежку мы, по существу, прозевали: зенитные батареи открыли по самолетам огонь после того, как те сбросили бомбы, истребители так и не поднялись»¹⁶, было предельно понятно, что все это только предвестник более крупных боевых действий.

Подтверждал этот вывод и тот факт, что на Крайнем Севере немецкая авиация также подвергла бомбардировке район Мурманска. Рано утром 22 июня в городе уже был объявлен сигнал воздушной тревоги¹⁷. Более того, как указал в своих мемуарах командующий ВВС ЛВО А. А. Новиков, «в ночь на 23 июня сигнал воздушной тревоги прозвучал и в городе Ленина»¹⁸.

Действительно, немецкое командование тогда решило нанести свой первый авиаудар прямо по Ленинграду. До 18 бомбардировщиков, взлетев поздно вечером с территории Финляндии, пытались прорваться к городу со стороны Карельского перешейка. Причем уже на подлете к цели в районе Сестрорецка они натолкнулись на весьма плотный огонь зенитных орудий. В результате половина этой авиационной группы развернулась и двинулась в сторону Финского залива, в направлении Кронштадта, а другая продолжала свой курс прямо на город.

Обе группы немецких самолетов, однако, так и не смогли выполнить поставленной перед ними задачи. У Кронштадта бомбардировщики были встречены мощным заградительным огнем зенитных орудий Балтийского флота. В итоге, по некоторым данным, было сбито «четыре самолета, а остальные повернули обратно»¹⁹. Другая же группа бомбардировщиков «Ю-88» оказалась прямо над артиллерийскими позициями 2-го корпуса ПВО Ленинградского округа. Сразу же один из самолетов этой группы был сбит огнем зенитной батареи, находившейся в районе станции Дибуны, остальные же бомбардировщики, беспорядочно сбросив свой груз, быстро взяли обратный курс к территории Финляндии²⁰.

Что же касается сбитого над Карельским перешейком самолета, то три члена его экипажа смогли катапультироваться. Однако приземлившись на парашютах у поселка Юкки немецких летчиков сразу же взяли в плен. Они оказались одними

из первых с момента начала войны военнопленных со сбитых немецких самолетов. Поэтому пилотов лично допрашивал генерал-майор авиации А. А. Новиков²¹. Кроме того, летчиков, естественно, допрашивали представители разведотдела штаба Ленинградского округа. В результате, выяснилось, что взятый в плен «экипаж вместе с экипажами других бомбардировщиков получил задачу совершить налет на Ленинград и нанести удар по Кировскому заводу»²². Этот факт также подтверждали и изъятые у пленных летчиков документы. Среди них, в частности, оказались карты района Кировского завода²³. В результате стало предельно очевидным, что главными целями сорванного тогда налета немецкой авиации являлись крупнейшие промышленные объекты города. Иными словами, как признают сейчас финские исследователи, «командование ЛВО получило доказательство наличия планов люфтваффе бомбить город»²⁴.

Одновременно тогда руководству Ленинградского округа стали поступать еще и достаточно разнообразными разведывательные данные из Генштаба о том, что немецкое командование уже готовит масштабные «авиационные удары по Ленинграду, подобно тем, которые подверглись Рига, Каунас, Минск, Смоленск, Киев, Житомир, Севастополь»²⁵. Эти сведения подтверждались также информацией, поступающей по линии радиоразведки. Из получаемых данных становилось ясно, что уже началось «сосредоточение на аэродромах Финляндии крупных сил немецкой авиации»²⁶. Очевидно, эта информация прежде всего была связана с тем, что тогда из Германии на аэродром в Мальми под Хельсинки уже стали перебрасывать немецкую бомбардировочную авиацию 1-го воздушного флота, что было вызвано, как объясняется в финской исторической литературе, недостаточной пропускной способностью аэродрома в Утти²⁷. Но все это требовало от советского командования принятия крайне оперативных решений. Начальник разведотдела штаба округа комбриг П. П. Евсте гнеев срочно доложил об имеющихся у него сведениях своему руководству.

Теперь советскому военному командованию из реально происходивших на северо-западных границах СССР событий нужно было делать адекватные выводы. Как по этому поводу заметил Новиков, «нужно было принимать срочные меры, чтобы избавить Ленинград от участи городов, подвергшихся яростной

бомбардировке в первые часы войны». Далее же он в своих воспоминаниях отметил, что у руководства ВВС округа тогда уже сложилось мнение, что «если не будем медлить, то вполне справимся с такой задачей»²⁸.

Так, на второй день войны позиции Финляндии стали предельно ясны. Нарушение воздушного пространства СССР превращались в весьма регулярные боевые действия. Очевидно, что в подобных условиях требовалось уже дать все-таки соответствующий отпор. Об этом решении, естественно, должны были думать прежде всего в Москве, поскольку ранее, с началом войны, войскам Ленинградского военного округа давалось категорическое указание, чтобы они «не шли на провокации»²⁹.

По воспоминаниям начальника штаба округа генерал-майора Д. Н. Никишева, он 23 июня в 12 часов дня связался по прямой телефонной линии с Москвой и доложил о сложившейся ситуации и о действиях финнов заместителю наркома обороны СССР и начальнику Генштаба Г. К. Жукову. Как пишет Никишев, он сообщил ему о систематических фактах нарушения границы со стороны Финляндии. Ответ был категоричным. Жуков твердо сказал: «"Бейте эту св...чь", — и положил трубку»³⁰. Это означало, что для военных загадок тогда уже не было. Боевые действия Финляндии на советской границе явно указывали на то, что финны вступили в войну на стороне Германии и по этому поводу требуются адекватные действия.

Уже в ночь с 23 на 24 июня разведотделу округа было поручено подготовить карту финских «аэродромов с указанием координат каждого из них», а также «количества базирующихся самолетов и зенитного прикрытия»³¹. Собственно эта карта собственно затем и стала использоваться для разработки весьма поспешного по своей сути плана действий советских военно-воздушных сил против немецкой авиации на финской территории. Сам этот план, судя по воспоминаниям Новикова, был утвержден командующим округа днем 24 июня, когда он уже лично связался с Наркомом обороны С. К. Тимошенко. Тот в свою очередь «проконсультировался в еще более высоких инстанциях, и решение было получено»³². В результате на следующий день, рано утром, разработанный в штабе ВВС округа план уже начал реализовываться, и «первый удар по вражеским аэродромам был нанесен 25 июня в 4 часа утра»³³.

Из общей подготовки, планирования и осуществления данной операции видно, что она готовилась стремительно. Более того, за ее реализацией не скрывалось ничего кроме желания с помощью упреждающих действий, при возникновении реальной угрозы нанесения противником «внезапного удара», не давать ему «инициативы действий». Так, собственно, говорилось в довоенных документах «стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками»³⁴. И теперь эта задача начала осуществляться.

Упреждающий удар был нанесен советской авиацией 25 июня по 18 аэродромам в Финляндии и захваченной Германией Норвегии. В этой операции принимали участие 260 бомбардировщиков и 225 истребителей сопровождения³⁵. Таким образом, на каждую цель советское командование направило приблизительно столько же бомбардировщиков, что и люфтваффе в район Ленинграда на момент их налетов на советскую территорию. В среднем на финские и норвежские объекты бомбовый удар наносили 14 советских самолетов. Разница немецкого и советского авианалетов заключалась лишь в значительно большем количестве целей, которые были подвергнуты атаке советской авиации. В итоге, по данным отечественных источников, было уничтожено 30 самолетов на земле и 11 сбито в воздушных боях³⁶.

Эти показатели, однако, оспариваются в финской научно-исследовательской литературе, где указывается на то, что потери ВВС Финляндии оказались в результате налета советской авиации 25 июня весьма незначительными³⁷. Вероятно, что данное утверждение является вполне справедливым. Но, признавая это, мы тем самым еще больше убеждаемся, что проведенная тогда операция готовилась, а затем была и осуществлена крайне поспешно. Оценивая произведенную советскими ВВС 25 июня бомбардировку финской территории, военный историк Х. Сеппяля прямо отметил: «Воздушные удары были плохо разработаны и подготовлены»³⁸. Тем самым, еще раз на практической основе подтверждалась мысль о том, что в СССР ранее не предусматривался и заблаговременно не планировался «мощный, сокрушительный удар» по Финляндии.

Но, говоря о налете советской авиации, нужно еще, вероятно, учитывать и другое. Для советского командования результат

заклучался прежде всего не в количестве уничтоженных финских самолетов. На самом деле главная задача, ставившаяся тогда перед военно-воздушными силами Северного фронта, а также Балтийского и Северного флотов, заключалась в другом. Основным для СССР являлось предотвращение массированных налетов авиации Германии на стратегически важные районы северо-запада Советского Союза и прежде всего на Ленинград. А вот тут как раз результат этой операции явно был достигнут. И хотя в современных исследованиях до сих пор существует мнение, что «нет никаких данных о потерях немцев» от проведенной бомбардировки и что сами эти потери, «вероятно, были такие же скромные», как и у финнов³⁹, но прежде всего важен общий итог. Он же заключается в том, что с этого момента налеты на Ленинград немецкой авиации с финской территории прекратились и фактически больше уже не осуществлялись до конца войны. Безусловно, это было наиболее существенным из того, что удалось достигнуть советским военно-воздушным силам в самом начале Великой Отечественной войны.

С другой стороны, можно еще отметить, что советский налет нанес и первый удар по военной политике Финляндии того времени. Позволив сначала разместить части вермахта на своей территории, а затем еще разрешив базироваться у себя военно-морским и военно-воздушным силам Германии, руководство страны не до конца, вероятно, задумывалась о возможных последствиях принятия такого решения. В этой связи американский профессор Ч. Лундин прямо заметил: «Политические лидеры маленьких государств, таких как Финляндия, находящихся в ошеломляющей близости от жизненных центров больших стран, таких как Россия, должны быть особенно дальновидными. С одной стороны, очевидно, они должны быть готовы к защите своей страны от вторжения более мощного государства. С другой стороны, им следует учитывать тот факт, что их страна будет всегда жить рядом с этим превосходящим по силе соседом и что такой сосед, как Россия, имеет право чувствовать себя в безопасности»⁴⁰.

Тем не менее, надежды же на то, что вермахт в считанные месяцы сокрушит Красную армию, а люфтваффе уже в первые часы войны сможет подорвать мощь советской авиации, явно не оправдались.

В итоге в момент ответного авиационного удара уже пострадала, прежде всего, территория самой Финляндии. Более того, по данным финского управления противовоздушной обороны, 25 июня 1941 г. от бомбардировки погиб 21 человек, а более 100 было ранено⁴¹. Так появились первые жертвы политики военного сотрудничества Финляндии с Германией.

Единственное, что реально дали события 25 июня финскому руководству, это то, что у Финляндии возникла возможность официально объявить войну Советскому Союзу. Иными словами, в Хельсинки произошедшее позволило тождественно заявить, что «наши закаленные войска, такие же отважные и преданные, но лучше вооруженные и снаряженные, чем в прошлой войне, будут сражаться за свободу родины, за жизненное пространство нашего народа, за веру отцов и за наш свободный общественный строй»⁴². Именно такими фразами сопровождалось объявление 26 июня 1941 г. Финляндией состояния войны.

¹ По обе стороны Карельского фронта. Документы и материалы. Петро-заводск, 1995. С. 54.

² Ibid., p. 80–82, 86, 112.

³ *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S. 584.

⁴ *Новиков А. А.* В небе Ленинграда. М., 1970. С. 45.

⁵ Там же. См. также: *Винницкий Л. Г.* Бойцы особого фронта. Л., 1980. С. 12.

⁶ *Дворянский Е. М., Ярошенко А. А.* В огненном кольце. С. 12.

⁷ *Seppälä H.* Leningradin saarto 1941–1944. S. 38–39.

⁸ *Геуст К.-Ф.* Советская бомбардировка финских аэродромов в июне 1941 г. в начальной стадии «войны-продолжения» // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг. СПб., 2006. С. 225.

⁹ Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М., 1978. С. 187; *Козлов И. А., Шломин В. С.* Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда. Л., 1976. С. 64. (Наиболее подробное описание этого налета см.: Противостояние Люфтваффе и советского балтийского флота. «Немецкие самолеты сбрасывают какие-то предметы...» // URL: http://balfleet.com/burja_v_zalive/13-nemeckie-samolety-sbrasyvajut-kakie-to-predmety.html).

¹⁰ *Гужков А. А., Раздольский Е. И.* Противовоздушная оборона КБФ // Моряки-балтийцы на защите Родины 1941–1945. М., 1986. С. 177.

¹¹ Архив штаба Ленинградского военного округа (далее: АШ ЛВО). Ф. 47. Оп. 47/127. Д. 24 (2). Л. 277. Воспоминания Д. Н. Никишева.

¹² Там же. Л. 278.

¹³ Там же.

- 14 См.: История Ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1988. С. 165.
- 15 *Иноземцев И. Г.* Под крылом — Ленинград. М., 1978. С. 36.
- 16 *Кабанов С. И.* На дальних подступах. М., 1971. С. 136.
- 17 *Иноземцев И. Г.* Крылатые защитники Севера. М., 1975. С. 6.
- 18 *Новиков А. А.* В небе Ленинграда. С. 46.
- 19 *Дворянский Е. М., Ярошенко А. А.* В огненном кольце. Таллин, 1977. С. 19.
- 20 Там же.
- 21 См.: *Новиков А. А.* В небе Ленинграда. С. 47.
- 22 *Винницкий Л. Г.* Бойцы особого фронта. С. 13.
- 23 *Геуст К.-Ф.* Советская бомбардировка финских аэродромов в июне 1941 г. в начальной стадии «войны-продолжения». С. 226.
- 24 Там же.
- 25 *Винницкий Л. Г.* Бойцы особого фронта. С. 13.
- 26 Там же.
- 27 *Jokirii M.* Jatkosodan synty. S. 586.
- 28 *Новиков А. А.* В небе Ленинграда. С. 50.
- 29 АШ ЛВО. Ф. 47. Оп. 47/127. Д. 24 (2). Л. 288. Воспоминания Д. Н. Никишева.
- 30 Там же.
- 31 *Винницкий Л. Г.* Бойцы особого фронта. С. 13.
- 32 *Новиков А. А.* В небе Ленинграда. С. 50.
- 33 Там же. С. 51.
- 34 Россия XX век. Документы 1941 год. С.216; *Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 304.
- 35 *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб. — Хельсинки, 2002. С. 45; *Иноземцев И. Г.* Под крылом — Ленинград. С. 40. В мемуарах А. А. Новикова, подтверждая цифру уничтоженных самолетов противника, указывается, что в этой операции приняло участие 263 бомбардировщика и 224 истребителя (*Новиков А. А.* В небе Ленинграда. С. 51).
- 36 *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. С. 45; *Иноземцев И. Г.* Под крылом — Ленинград. С. 40; *Новиков А. А.* В небе Ленинграда. С. 51.
- 37 См.: *Геуст К.-Ф.* Советская бомбардировка финских аэродромов в июне 1941 г. в начальной стадии «войны-продолжения». С. 229–239.
- 38 *Seppälä H.* Leningradin saarto 1941–1944. S. 47.
- 39 Ibidem.
- 40 Ibid., p. 12.
- 41 Ulkoasiainministeriön arkisto. 110 A 1. Pommituskertomus ajalta 22–26.06.1941.
- 42 По обе стороны Карельского фронта. Документы и материалы. С. 59.

В. Г. Макуров

**КАРЕЛИЯ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1944–1945 гг.**

Одной из самых героических и трагических страниц в истории Карелии является период Великой Отечественной войны. Естественно, что по этой проблеме издано огромное количество литературы. Однако до сих пор полностью в исследовательском плане данная тема далеко не исчерпана.

Известно, например, что в 1944 г. советские войска провели ряд крупных успешных наступательных операций в Карелии, что позволило освободить ее территорию и восстановить государственную границу СССР с Финляндией. Но совсем недавно в ходе дальнейшего научного исследования удалось уже точно установить, что лишь 30 сентября 1944 г. произошло полное освобождение территории Карелии от войск противника. В результате в 2009 г. в республике был официально признан этот день в качестве праздничного дня ее освобождения¹.

Действительно, лишь с полным освобождением территории Карелии началось возрождение мирной жизни в республике, налаживание государственного административно-территориального управления, восстановление экономики и культуры. Решение новых задач было связано с преодолением больших трудностей, поскольку ущерб, нанесенный экономике и культуре Карелии в результате войны и оккупации, оказался исключительно велик. На основе материалов, собранных Республиканской Чрезвычайной комиссией², утверждалось, что сумма ущерба составляла свыше 20 млрд руб., не считая потерь

от прекращения промышленного и сельскохозяйственного производства³.

В частности, на оккупированной противником территории подверглись полному разрушению все промышленные предприятия. Огромные повреждения были причинены Беломорско-Балтийскому каналу, сооружениям и флоту Беломорско-Онежского пароходства. На Кировской железной дороге было разрушено 540 км железнодорожного полотна, 511 мостов, 148 путевых зданий. На месте железнодорожных станций Масельская, Медвежья Гора, Кивач, Кяппесельга, Уница, Лижма и других остались лишь груды кирпича и металлолома. В Финляндию были вывезены оборудование и запасы продукции бумажных комбинатов, около 4 млн кубометров заготовленного в 1941 г. леса. В тяжелом положении оказалось сельское хозяйство. За время оккупации было вывезено в Финляндию около 60 тыс. голов крупного и мелкого рогатого скота, более 10 тыс. лошадей, много техники, свыше 1,5 млн центнеров зерна и т. д. Более половины колхозной пашни в оккупированных районах запустело, пришла в негодность мелиоративная сеть, подверглись разрушению машинно-тракторные станции и колхозы. Большой ущерб понесли учреждения культуры: были сожжены или разрушены здания петрозаводского университета, научно-исследовательского института культуры, публичной библиотеки, 255 школ, сотни клубов и библиотек. Десятки тысяч жителей остались без крова. Полностью были уничтожены 84 и частично 409 населенных пунктов. Сильно пострадала и столица Карелии: в городе были сожжены и разрушены все промышленные предприятия, более половины жилого фонда, больниц, театров и т. д., выведены из строя водопровод, канализация и телефонная связь, взорваны все городские электростанции, мосты и плотины, уничтожены памятники⁴. По существу, после освобождения Карелии предстояло не восстанавливать, а строить все заново.

В ходе освобождения от оккупации территории Карело-Финской ССР вновь возрождались органы местной административной власти⁵. 7 июля 1944 г. Совнарком и бюро ЦК Компартии республики приняли постановление и о переезде руководства Карело-Финской ССР из Беломорска, где оно находилось во временной эвакуации, в освобожденный Петрозаводск. В соответствии с данным постановлением переезд

республиканских учреждений начинался 15 июля. Для этого были приняты специальные меры: выделены вагоны и железнодорожные составы, утвержден график отправления поездов и маршрутов. Таким образом, в июле 1944 г. Петрозаводск вновь стал столицей Карелии⁶.

Руководящие же работники возрождающейся власти в республике подбирались из состава партийно-советского актива, а также из командиров и политработников партизанских отрядов. Некоторых отзывали из эвакуации и рядов действующей армии и направляли в освобожденные районы — главным образом тех, кто работал здесь до войны. Так, из 483 работников, направленных на руководящую работу в освобожденные районы, ранее работали там секретарями парткомов — 22, а председателями исполкомов — 9 человек. Всего к 1 августа 1944 г. в освобожденные районы на руководящую партийно-советскую и административно-хозяйственную работу было направлено 2295 человек, которые нередко прибывали к месту назначения вместе с частями действующей армии, освобождавшими города и села республики⁷.

Изменения в территории и составе населения освобожденной республики выглядели следующим образом. В соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 24 ноября 1944 г. Выборгский, Кексгольмский и Яскинский районы с городами республиканского подчинения Выборгом и Кексгольмом отошли от Карелии к Ленинградской области. Без этих трех районов территория Карело-Финской ССР уменьшилась на 7,3 тыс. кв. км и стала составлять 178,5 тыс. кв. км. Перед войной на ней проживало 606 300 человек⁸.

Основная часть населения Карелии находилась либо в эвакуации, либо в составе действующей армии. К 1945 г. жителей республики насчитывалось 196 тыс. человек, т. е. в три с лишним раза меньше, чем до войны⁹. В некоторых районах имелось лишь несколько процентов населения от довоенного уровня. Например, в Кондопожском районе насчитывалось 4239 человек, тогда как до войны — 34 883 человек, в Прионежском соответственно — 6300 и 26 983 человек, в Шелтозерском — 3360 и 8135 человек¹⁰. К тому же, это были в основном женщины и дети. Поэтому исключительное значение для возрождения республики имело скорейшее возвращение жителей на родные

места и заселение края жителями из других областей и республик страны.

Уже с осени 1944 г. началось массовое организованное возвращение (резэвакуация) местного населения. Только в октябре-ноябре резэвакуировалось свыше 50 тыс. человек. Специальными решениями Совнаркома и ЦК Компартии республики предусматривался ряд мер по оказанию возможной помощи прибывавшим людям: им предоставлялось пособие в размере 1000 руб. на семью и временное освобождение от денежных налогов и обязательных поставок государству сельскохозяйственных продуктов и др.

Для развертывания восстановительных работ на большей части освобожденной территории потребовалось провести разминирование. В этом опасном деле участвовали более 1200 саперов, главным образом 18–20-летние девушки. Сформированные весной 1944 г. девятнадцать районных команд саперов прошли специальную подготовку в Беломорске, Сегеже и других местах. К концу 1944 г. полностью удалось закончить разминирование Петрозаводска, Кондопожского, Заонежского и ряда других районов. Работы по очищению территории республики от взрывоопасных предметов продолжались и в 1945 г. Всего было разминировано свыше 50 тыс. кв. км площади и обезврежено около 1,5 млн мин. За самоотверженные действия большая группа саперов удостоилась государственных наград, среди них И. Херронен, Комарова, Рудницкая и другие, обезвредившие по 2000 мин и больше¹¹.

Восстановительные работы в Карелии развертывались в соответствии с рядом принятых руководством СССР и КФССР решений. В частности 21 августа 1943 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», на основе которого руководство республики разработало планы восстановления различных отраслей народного хозяйства и культуры.

Определялись предприятия, которые должны были начать работу в первую очередь, намечались неотложные меры по резэвакуации населения, а также по строительству объектов жилищно-коммунального хозяйства в городах и селах, особое внимание обращалось на увеличение выпуска продукции,

материалов и оборудования, необходимых для возрождения экономики освобожденных районов¹².

В дальнейшем руководство страны приняло несколько специальных постановлений, предусматривающих неотложные меры по скорейшему возрождению общественно-государственной и хозяйственно-культурной жизни Карело-Финской ССР. Для осуществления намеченной программы выделялись необходимые материальные средства. Как отмечалось на 4-й сессии Верховного Совета Карело – Финской ССР, во второй половине 1944 г. государственный бюджет республики был значительно увеличен, а в 1945 г., по сравнению с 1944 г., он увеличился почти в 1,5 раза¹³.

Стремясь возродить разрушенные города и села, жители республики устраивали массовые трудовые субботники и воскресники. Так, уже на следующий день после освобождения Петрозаводска тысячи людей вышли на очистку улиц города и работы по восстановлению мостов. Горожане, коллективы предприятий и учреждений взяли на себя обязательство отработать на этих работах не менее 8 часов еженедельно. Только с ноября 1944 г. по март 1945 г. на возрождение города было отработано свыше 12 тыс. человеко-дней. Для обеспечения нормальной жизни и удовлетворения неотложных нужд населения после освобождения Петрозаводска до Дня победы вступило в действие 35 предприятий и мастерских. Все эти предприятия давали более 25% довоенного объема продукции. В городе завершился также ремонт четырех электростанций общей мощностью 2100 кВт, в том числе Соломенской гидроэлектростанции мощностью 1350 кВт¹⁴.

В различных районах республики восстановительные работы развертывались тоже сразу после их освобождения. Так, например, начиналось возрождение Олонецкого района. По воспоминаниям секретаря райкома партии Н. Ф. Карахаева, «стали прибывать из эвакуации и с фронта местные жители... Все они... требовали поскорей послать на работу туда, где они нужнее всего»¹⁵. Уже в июле 1944 г. начал работать Олонецкий леспромхоз, что позволило снабжать древесиной не только местные стройки, но и населенные пункты других районов страны, в частности Ленинграда. В том же году вступил в строй Ильинский лесозавод. Бригады плотников восстановили мосты

и дороги. Заработали пекарни. Открылись больницы и медпункты. Была установлена телефонная связь. Активное участие всего населения в уборке урожая позволило отправить на фронт 12 тыс. пудов сверхпланового хлеба. В 1945 г. посевные площади увеличились на 378 гектаров, стали работать машинно-тракторные станции и десятки колхозов¹⁶.

Одна из первоочередных задач состояла в том, чтобы в кратчайшие сроки возобновить движение на освобожденном участке Кировской магистрали. Уже 14 июля первый поезд прибыл в г. Петрозаводск с севера, а через два дня, 16 июля, открылось сквозное движение поездов по Кировской магистрали от Ленинграда до Мурманска. Военные железнодорожники, бойцы спецформирований, местные жители смогли за 37 дней восстановить основные сооружения дороги на освобожденной территории: 540 км пути, 3660 погонных метров искусственных сооружений, 13 пунктов водоснабжения, 4100 проводокилометров связи, 15 промышленно-гражданских объектов. Все работы выполнялись скоростными темпами: в сутки вводилось в строй 14 км пути и 96 погонных метров искусственных сооружений, в местных мастерских изготавливались необходимые детали (поковки, скрепления и т. п.). На самые трудные дела — восстановление мостов через реки Суна и Шуя — ежедневно выходило по 250–300 человек местного населения. С первого дня освобождения Петрозаводска на восстановлении станционных путей и моста через реку Неглинку трудилось более 900 человек. В результате сквозное движение поездов Ленинград — Мурманск открылось на два дня раньше намеченной даты. Благодаря этому на 556 км сократился путь грузов по данному маршруту в сравнении с тем, когда эти грузы транспортировались через Вологду¹⁷.

Особое внимание уделялось ведущей отрасли народного хозяйства — лесной промышленности, так как потребность в древесине была очень большой во всей стране. Восстановление лесозаготовительных предприятий началось с июля 1944 г. К концу 1944 г. начали выпуск продукции 9 леспромхозов, три механизированных лесопункта, а также Шуйская сплавная контора.

В первый лесозаготовительный сезон 1944–1945 гг. среди лесорубов началось движение за досрочное выполнение планов и выработку каждым рабочим 200 дневных норм. С 25 января по 25 февраля на лесозаготовках был проведен «фронтной

месячник». Высоких показателей добивались комсомольско-молодежные бригады, которых насчитывалось 386, многие из них получили право называться фронтовыми. В результате квартальный план заготовки и вывозки древесины был выполнен досрочно, к 25 марта 1945 г.¹⁸

Всего в 1944 г. лесозаготовителям удалось вывезти свыше 1200 тыс. кубометров древесины — на 572 тыс. кубометров больше, чем в 1943 г. Основная часть лесоматериалов отправлялась на восстановление городов и сел страны. Так, летом 1944 г. лесорубы Карелии во внеурочное время заготовили и отгрузили в подарок Ленинграду 40 платформ строительного леса. Это был первый эшелон, который прибыл в Ленинград по восстановленному участку Кировской железной дороги через Петрозаводск. Руководство Ленинграда, секретарь горкома партии А. А. Кузнецов и председатель горисполкома П. С. Попков, писали, что ленинградцы с особой радостью встречают делегацию лесорубов только что освобожденной от оккупации Карелии. В письме, в частности, говорилось: «Трудящиеся Ленинграда выражают свою искреннюю благодарность лесорубам братской республики за присланный подарок — эшелон строительного леса. Присланный вами строительный лес послужит ценным вкладом в дело восстановления наших жилищ, коммунального хозяйства и промышленности города». Тогда же маршрутные поезда из Карелии со строительной древесиной прибыли в Киев, Днепропетровск, Донбасс¹⁹.

Большие работы велись по восстановлению целлюлозно-бумажной промышленности. До войны в Карелии действовали шесть предприятий данной отрасли, из них пять, кроме Сегежского ЦБК, оказались на оккупированной территории. К концу 1945 г. на комбинате Харлу досрочно стали работать все три машины бумажной фабрики общей мощностью 10 тыс. т бумаги в год. К этому же времени заканчивались восстановительные работы на бумажной фабрике Ляскеля и была достигнута довоенная мощность на Сегежском комбинате. Полным ходом шли работы по введению в строй Питкярантского целлюлозного завода и Суоярвской картонной фабрики, началось восстановление Кондопожского ЦБК.

Ускоренными темпами шло развитие рыбной промышленности. За год возобновили работу все существовавшие до войны

рыболовецкие колхозы, три рыбозавода, три моторно-рыболовных станции. Добыча рыбы превысила довоенный уровень. Восстанавливались предприятия и других отраслей индустрии. К выпуску продукции приступили Ильинский лесозавод, Соломенский кирпичный завод, горные разработки «Каменный бор». Вступили в строй предприятия местной промышленности²⁰.

Сельское хозяйство восстанавливалось более медленно, низкой оставалась урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность скота, хотя в течение года было организационно оформлено 675 колхозов, 10 совхозов, 19 машинно-тракторных станций и вновь создано 5 совхозов.

Определенные результаты отмечались в культурной жизни. За год после освобождения были восстановлены 250 школ. Возобновили работу 13 домов культуры, 125 изб-читален, 143 библиотеки, республиканская публичная библиотека, краеведческий музей, ряд техникумов, коллективы народного творчества²¹. В августе 1944 г. в Петрозаводск вернулся из г. Сыктывкара Коми АССР эвакуированный туда Карело-Финский государственный университет. Возрождение вуза оказалось трудным делом. Работу пришлось начинать в новом, малоприспособленном здании (старое подверглось разрушению). Тем не менее уже в течение 1944–1945 учебного года кафедры университета наладили учебный процесс по основным теоретическим и практическим дисциплинам²².

В сентябре 1944 г. в Петрозаводске открылся первый после освобождения города театральный сезон. Республиканский театр музыкальной комедии поставил комическую оперу Ж. Оффенбаха «Перикола». Приступил к работе вернувшийся из гастрольной поездки по Советскому Союзу ансамбль песни и пляски «Кантеле». Финский драматический театр дал несколько спектаклей в городе Олонц²³.

31 октября 1944 г. Совнарком Карело-Финской ССР зарегистрировал православное общество Крестовоздвиженского собора в Петрозаводске. С просьбой о регистрации этого фактически действовавшего с начала войны религиозного объединения верующие жители обратились к местным органам власти сразу после освобождения города от оккупации²⁴.

Возрождалась литературная жизнь. 31 января 1945 г. в Петрозаводск приехали известные ленинградские писатели и по-

эты: М. Зощенко, А. Прокофьев, О. Берггольц, М. Дудин и др. Они приняли участие в работе пленума Союза писателей Карело-Финской ССР, встречались с трудовыми коллективами, интеллигенцией, военнослужащими, студентами и учащимися республики²⁵. Вновь начал выходить ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «На рубеже» (ныне «Север»). Государственное издательство республики увеличило выпуск книжной продукции.

26 февраля 1945 г. в Петрозаводске состоялся съезд учителей Карело-Финской ССР. На нем отмечалось, что до войны в республике работали 692 школы, 14 техникумов, 2 вуза, в которых насчитывалось свыше 100 тыс. учащихся. Материальный ущерб народному образованию от боевых действий и оккупации составил 49 млн рублей. Возрождение учебных заведений началось сразу после освобождения территории республики советскими войсками. На время работы съезда в освобожденных районах работали 247 школ, в них занимались 21 512 учащихся. Возобновил деятельность учительский институт, открылись педагогические училища, лесной техникум, Дворец пионеров²⁶.

Таким образом, активное участие жителей Карелии в возрождении родного края, восстановлении предприятий промышленности и транспорта, сельского хозяйства, учреждений культуры принесло заметные результаты, послужившие основой для дальнейшего хозяйственно-культурного развития республики в годы послевоенных пятилеток.

¹ Карелия. 2009. 30 июня; Подвигу жить в веках. Сборник статей. Петрозаводск, 2010.

² После принятия 2 ноября 1942 г. Президиумом Верховного Совета СССР Указа «Об образовании Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» руководство Карело-Финской ССР создало аналогичные республиканскую и районные комиссии. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. 7 ноября; Карельский государственный архив новейшей истории (далее: КГАНИ). Ф. 3. Оп. 4. Д. 20. Л. 268).

³ Четвертая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. 9–11 июля 1945 г. Стенографический отчет. С. 7.

⁴ *Морозов К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск, 1983. С. 198–199.

⁵ См.: Карелия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы. Петрозаводск, 1975. С. 331–332.

⁶ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 1394. Оп. 7. Д. 207. Л. 2; Советы Карелии. 1917–1992. Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С. 244–245.

⁷ *Морозов К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). С. 205–206.

⁸ Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. Том «СССР». М., 1947. С. 1938; Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 104.

⁹ *Покровская И. П.* Население Карелии. С. 105.

¹⁰ Карельский государственный архив новейшей истории (далее: КГАНИ). Ф. 8. Оп. 14. Д. 131. Л. 1, 5, 7.

¹¹ Там же. Д. 358. Л. 164, 172–173; Оп. 15. Д. 587. Л. 7, 12; Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 341.

¹² Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. 29 августа; Правда. 1943. 22 августа; Известия. 1943. 22 августа; КГАНИ. Ф. 8. Оп. 15. Д. 587. Л. 7, 12.

¹³ Четвертая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. Стенографический отчет. С. 15.

¹⁴ КГАНИ. Ф. 1230. Оп. 24. Д. 1. Л. 13–14; Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. 1944–1950. Документы и материалы. Петрозаводск, 1988. С. 22–23.

¹⁵ Незабываемое. Воспоминания о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1974. С. 361.

¹⁶ Олонец. Историко-краеведческие очерки. Ч. 2. Петрозаводск, 1999. С. 71.

¹⁷ Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 351–353; КГАНИ. Ф. 8. Оп. 14. Д. 286. Л. 31, 52–54.

¹⁸ НА РК. Ф. 1215. Оп. 6. Д. 8. Л. 23–24; Ф. 1943. Оп. 1. Д. 146. Л. 113–114.

¹⁹ Ленинградская правда. 1944. 23 июня; Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 349–351; КГАНИ. Ф. 8. Оп. 14. Д. 265. Л. 169, Д. 405. Л. 13.

²⁰ *Морозов К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). С. 210–211.

²¹ Там же. С. 212.

²² НА РК. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 58. Л. 10–12.

²³ Правда. 1944. 18 сентября.

²⁴ НА РК. Ф. 310. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

²⁵ Ленинское знамя. 1945. 2 февраля.

²⁶ НА РК. Ф. 1217. Оп. 2. Д. 171. Л. 68; Ленинское знамя. 1945. 6 марта.

Ю. В. Кривошеев

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО
ПОТЕНЦИАЛА КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА
В 1940-х гг. И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР**

Карельский перешеек — и в основном его северная часть — становится промышленным регионом во второй половине XIX в., когда он являлся частью Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. С присоединением Карельского перешейка — вначале в 1940 г., а затем в 1944 г. — к Советскому Союзу перешли уже довольно крупные промышленные предприятия.

В данном случае представляет большой научный интерес рассмотрение исторического процесса развития крупнейших предприятий региона, ставших градообразующими и остающимися таковым до сих пор. Одним из таких предприятий, в частности, является целлюлозно-бумажный комбинат Энсо (совр. название Светогорск).

История создания этого предприятия восходит еще к 1887 г., когда на самой большой реке Карельского перешейка Вуоксе было начато строительство «древесно-массного» завода. Вокруг предприятия был создан поселок, которому дали название Энсо (фин. *«enso»* — «первенец»). Позже завод был расширен до картонно-бумажной фабрики (Энсовский комбинат или завод «Энсо»). Это было первое большое бумажное производство в Финляндии. В свою очередь с его укрупнением потребовались большие энергетические мощности, для чего там же на реке Вуокса в начале XX в. возводится регулирующая плотина, а затем в 1930-х гг. строится гидроэлектростанция.

После окончания «зимней войны» весь Карельский перешеек отошел СССР. Однако большой проблемой оказалась определение окончательной демаркационной линии границы, поскольку финляндское правительство особо остро поставило вопрос о том, чтобы сохранить на своей территории города Энсо, тогда как с советской стороны наоборот выдвигалась задача включить этот город и все его промышленные объекты в состав СССР¹. Не менее твердую линию проводило советское руководство и по вопросу о собственности, оставшейся на территории, передаваемой Финляндии по Московскому мирному договору. В Кремле требовали возвращения всего промышленного оборудования, которое в годы советско-финляндской войны было эвакуировано в глубь Финляндии, что создавало дополнительные дипломатические трения².

Тем не менее ЦБК «Энсо» (так он назывался до 1951 г.) был создан на основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 28 мая 1940 г. С июля 1941 г. его деятельность как советского предприятия была временно прекращена, а с декабря 1944 г. возобновлена. К концу 1948 г. коллектив комбината насчитывал 2792 человека.³

Как происходила комплектация ЦБК рабочими и инженерно-техническими кадрами? Вопрос в историческом плане был далеко не простой, ведь речь шла о территории, которая только что оказалась в составе СССР и к тому же являлась пограничной зоной — фактором особого порядка в условиях сначала Второй мировой, а затем и «холодной войны».

В какой-то мере ответ на этот и другие вопросы дают материалы, отложившиеся в Ленинградском областном государственном архиве в г. Выборге. Так, в документе: «Список рабочих, ИТР и служащих Целлюлозно-бумажного комбината “Энсо”, прибывших в 1945–46 гг. в порядке репатриации из Германии, Финляндии и из фильтрационного лагеря Луга» от 29 декабря 1946 г., который визуально представляет собой 155 листов альбомного вида, имеется алфавитное перечисление (с нумерацией, начинающейся заново по каждой букве) около 2-х тысяч репатриантов с указанием их фамилии, имени, отчества, года и места рождения, а также графы «откуда прибыл»⁴. Обращает на себя внимание большое количество репатриантов выходцев из Средней Азии, Кавказа и Украины, много из Ленинграда и его

окрестностей. Показательна и география мест, откуда прибывали светогорские репатрианты. Большинство их было после окончания Второй мировой войны из Германии (из широко известных городов это — Берлин, Кельн, Ганновер, Эссен, Дортмунд, Трир и др.), а также из Финляндии, Франции, Норвегии, Голландии, Чехословакии и Австрии⁵.

В материалах архива существуют весьма яркие примеры того, что практически из всей Европы в Энсо стали прибывать новые его жители. Так, например, Салимов Кохаржан, который был уроженцем Ферганской области, прибыл в Энсо из Гамбурга. Из Австрии из известного концлагеря в Матхаузен прибыл Жаксылы Амреев. Сам он родился в Казахской ССР в Акмолинской области в деревне Уюмшил. Из немецкого концлагеря в Дахау в Баварии прибыл Бальдянов Даржа Бамбертович. Он до войны проживал на хуторе Атамановском Камышинского района Ростовской области. Из Мюнхена в Энсо переехал сразу два человека, родившихся в совершенно разных районах СССР. Жидкий Петр Карпович ранее проживал в Черниговской области Семеновского района, в селении Семеновка, а Кулиев Абилорес Эйбатович — родился в Баку. Из Люксембурга, куда забросила война, в Энсо прибыл Абрамов Николай Евлампиевич. Сам же он родился в селении Средне-Царицинка Калачевского района Сталинградской области. Уже немолодой, 1893 года рождения, крымчанин Османов Булат (Крымская обл., ст. Крымск) был вызволен из германского города Датль, а уроженец Киевской области Ширнобильского (так в тексте) района Финкельберг Ефим Иосифович неведомым образом просуществовал в чехословацком городе Мельник.

В «светогорском списке», но гораздо реже, перечисляются и женщины. Так, в Германии из Пушкина Ленинградской области пребывала, видимо, целая (но неполная) семья Тюлягиных⁶.

Репатрианты, работавшие на комбинате и его подсобных предприятиях, представляли собой весьма «разношерстную публику» и являлись достаточно серьезной проблемой для руководителей и партийных органов приграничной территории. Об этом свидетельствуют определенные документы, хранящиеся в Выборгском архиве. Так, в частности, не мало места уделено этой проблеме в «Докладной записке о деятельности комбината» от 4 ноября 1948 г.⁷ Кроме того важная информация

по существовавшим в руководстве Энсо вопросам, связанным с переселенцами, заключается в «Переписке с Главцеллюлозой и Министерством по вопросам использования на работе спецконтингентов» (на 79 листах), продолжавшейся почти весь 1949 г.⁸, а также в «Справке и докладной записке о деятельности комбината и о недостатках в подборе кадров» (1949 г.)⁹ и «Списке ИТР и практиков, занимающих должности ИТР, работающих на комбинате, имевших в прошлом судимость и другие компрометирующие материалы»¹⁰.

Так, в секретной докладной записке парторга комбината «Энсо» А. А. Сорокина, направленной прямо в Отдел тяжелой промышленности ЦК ВКП(б) заведующему сектором лесной и бумажной промышленности И. С. Латунову, отмечая, что на комбинате «Энсо», который, по его мнению, является крупнейшим предприятием целлюлозной и бумажной промышленности Советского Союза, «восстановительные работы... проходят совершенно НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО»¹¹. Записка представляет собой по сути аналитический материал, поэтому ее автор называет причины сложившейся ситуации. И одна из них заключается именно в том, что «эксплуатация работающих цехов и отделов комбината проходит совершенно ненормально из-за того, что комбинат не пользуется тем вниманием и всесторонней помощью со стороны Министерства, которого он вполне заслуживает»¹².

Вместе с тем, местная парторганизация проводила, очевидно, значительную работу как «по повышению технико-экономических показателей», так и по благоустройству и массово-политической работе. Но и здесь имелись свои трудности. И прежде всего они были связаны с ее малочисленностью: она состояла всего из 139 чел., что в сопоставлении с общим числом работающих составило 5%. Такое положение дел, считает парторг, недопустимо, особенно, если «учесть, что комбинат находится в 800 метрах от границы, и что на комбинате работает более 600 человек репатриантов»¹³. Однако этот вопрос можно решить, переведя на комбинат «250–300 членов и кандидатов в члены ВКП(б) с родственных предприятий Министерства лесной и бумажной промышленности»¹⁴.

Заканчивается записка просьбой «поставить вопрос перед Минлесбумпромом Союза ССР о решительном изменении отношения к комбинату в вопросе темпа восстановительных работ»,

имея в виду кадры (особенно руководящие), материально-техническое обеспечение, проектную документацию¹⁵.

Однако наиболее острой продолжала оставаться проблема кадров, особенно репатриантов. Об этом свидетельствуют уже упомянутые документы: «Переписка с Главцеллюлозой и Министерством по вопросам использования на работе спецконтингентов», продолжавшаяся почти весь 1949 г., а также «Справка и докладная записка о деятельности комбината и о недостатках в подборе кадров» (1949 г.).

Интерес представляет и «Список ИТР и практиков, занимающих должности ИТР, работающих на комбинате, имевших в прошлом судимость и другие компрометирующие материалы». Он, в частности, представляет собой два развернутых листа, на которых перечислены двадцать четыре ИТР-овских «неблагонадежных» светогорца с указанием фамилии, имени, отчества, года рождения, национальности, партийности, образования и специальности, отдела, цеха и занимаемой должности, стажа работы в целлюлозно-бумажной промышленности и, наконец, компрометирующих фактов (судимость, в каком году, статья, пункт и на сколько лет).

Первым в этом списке идет главный механик комбината Григорий Петрович Кузнецов, работавший в целлюлозно-бумажной промышленности с 1923 г. В марте 1935 г. П. Кузнецов был осужден по статье 182 на 3 года лишения свободы, но в июле 1937 г. освобожден¹⁶.

Понятно, что комбинату нужны были такие грамотные и опытные работники, и вот в Главк от директора ЦБК «Энсо» А. Сильченко пошла записка, в которой говорится: «Несмотря на наличие судимости у главного механика комбината тов. Кузнецова Г. П., использовать его и в дальнейшем на руководящей работе считаю целесообразным, препятствий к этому со стороны органов госбезопасности не встречается»¹⁷.

А вот начальнику Центральной лаборатории ЦБК П. Г. Баринову повезло гораздо меньше. До этого он закончил три курса Ленинградского химико-технологического института, но в 1936 г. был судим и приговорен к трем годам ссылки в Котлас¹⁸. По его поводу директор комбината пишет совсем иное: «Тов. Баринов П. Г. по условиям паспортного режима в пограничной зоне подлежит отселению в не режимные районы»¹⁹.

Впрочем, выселение испытали на себе и прочие итээровцы. Так, чуть ниже в той же записке отмечается, что «использовать на руководящей работе гг. Тормасова А. А., Лифшиц А. Б. и Белова А. А. на комбинате не представляется возможным, в связи с отказом органов госбезопасности в допуске их к ведению секретной работы и переписки»²⁰. Отказ же органов был мотивирован тем, что эти работники находились либо в оккупации, либо в плену.

Таким образом, объективные трудности послевоенного восстановительного периода в данном регионе и на примере отдельного промышленного предприятия дополнялись рядом своих субъективных, обусловленных, в том числе и политико-идеологическими мотивами факторами.

¹ Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 2 (часть 1). М., 1998. С. 6, 36.

² *Lundin C. L.* Finland in the Second World War. Broomington, 1957. P. 94.

³ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее: ЛОГАВ). Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 4. Л. 3.

⁴ ЛОГАВ. Ф. Р-180с. Оп. 2. Д. 1.

⁵ Об общей ситуации с репатрированными гражданами, в т. ч. и в Ленинградской области см.: *Геращенко Л. В.* Переселенческая политика Советского государства на Карельском перешейке в 1940–1953 гг. / Дисс. ... к. и. н. СПб., 2009. С. 170–172 и др.

⁶ Тюлягина Анисья Ивановна (1905 г. р.), Тюлягина Вера Петровна (1927 г. р.) и Тюлягин Борис Петрович (1929 г. р.).

⁷ ЛОГАВ. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 4.

⁸ Там же. Д. 7.

⁹ Там же. Д. 6.

¹⁰ Там же. Д. 11.

¹¹ Там же. Д. 4. Л. 1.

¹² Там же. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Ф. Р-180с. Оп. 2. Д. 11. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ Там же. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 2.

²⁰ Там же.

**БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ:
СОТРУДНИЧЕСТВО
И ПРОТИВОСТОЯНИЕ**

А. А. Лебедев

**ПЕТРОВСКИЙ ЛИНЕЙНЫЙ
КОРАБЛЬ «ИНГЕРМАНЛАНД»
В СУДЬБАХ РОССИЙСКОГО ФЛОТА**

Построенному при Петре Великом 64-пушечному линейному кораблю «Ингерманланд» в отечественной историографии посвящено немало обстоятельных работ, описывающих как его конструкцию, так и боевую деятельность в годы Великой Северной войны, в том числе и участие в составе объединенной русско-англо-датско-голландской эскадры под личным командованием Петра I в 1716 г.¹ В этом нет ничего удивительного: при огромной значимости эпохи Петра I в истории России корабль, построенный по чертежам самого монарха, бывший его любимцем и имевший отличные отзывы современников, просто не мог остаться в тени.

Однако анализ русского кораблестроения XVIII в. показал, что роль этого корабля оказалась намного большей, чем просто положение памятника эпохи Петра I. В данной статье автор и попытается проанализировать то влияние, которое оказал данный корабль на Российский парусный флот.

Линейный корабль «Ингерманланд» был построен в 1712–1715 гг. в Санкт-Петербурге корабельным мастером Р. Козенцем по чертежам, созданным лично Петром I. Его спуск совпал с завершением первого этапа создания Балтийского линейного флота (1707–1715), в период которого его линейная часть включала пока исключительно корабли 50–60-пушечного ранга. Иными словами, «Ингерманланд», став первым русским кораблем, у которого число пушек превысило 60, знаменовал

собой начало нового этапа в развитии этого флота, открыв эру появления более тяжелых линейных кораблей в его составе.

Корабль вообще оказался первым сразу по целому ряду характеристик. Во-первых, он имел сразу несколько важных конструктивных новинок (отказ от традиционно крутой и высокой кормы, большой завал шпангоутов внутрь, новшества в конструкции киля). Во-вторых, он впервые получил в состав парусного вооружения третий ярус прямых парусов на фок- и грот-мачтах (фор- и грот-брамсель соответственно). А в-третьих, стал первым кораблем отечественной постройки, показавшим высокие мореходные качества и хорошую скорость хода. Как сообщал Петр I корабельному мастеру Р. Козенцу уже в 1715 г.: «...объявляю Вам, что “Ингерманланд” на парусах зело изрядный, так что лучше его нет, и только не отстают от него братья его; а приемыши все назади...»². В общем, нельзя не согласиться с И. А. Ивановым, написавшим: «Высокие, прочные мачты и реи, изящный покррой парусов, пропорциональность всего рангоута и такелажа придали удивительную стройность и легкость. “Ингерманланд” олицетворял красоту и мощь юного русского флота».

Корабли с подобными оценками редко исчезают в безвестности. Не пропал и «Ингерманланд», прямо повлияв на дальнейшее развитие русского парусного флота, причем сразу по двум направлениям — составу линейных сил и конструкторской мысли.

Начнем с первого. «Ингерманланд» настолько понравился Петру I, что он уже после его первой кампании фактически определился с идеологией дальнейшего развития корабельного состава Балтийского флота. Его основу должны были составлять корабли третьего ранга, а точнее 64–66-пушечники. В частности, уже в штате 1715 г. мы видим как оформление господствующих позиций кораблей 3-го ранга, так и появление 64–66-пушечников, которым сразу отвели 10 позиций (37%). Правда, отдал в нем Петр I 8 позиций и 74-пушечникам. Однако после совместного плавания в 1716 г. совместно с ведущими флотами Европы победную поступь 66-пушечников было уже не остановить³. В штатах 1717–1720 гг. они не только замещают 74–76-пушечники (тех в итоге остается только 2), но и сами достигают численности 12 единиц, что составляет уже 45%

всех линейных сил Балтийского флота. Более того, в «Табели корабельных пропорций» 1723 г. проект 66-пушечника вообще остается единственным вариантом корабля третьего ранга.

Таблица 1
Изменение состава штатов Балтийского флота в 1715–1720 гг.⁴

Ранг корабля	«Мемория» 1715 г.	Штат 1715 г.	Штат 1718 г.	Штат 1720 г.	«Табель» 1723 г.
100-пушечный	—	—	—	—	проект присутствует
90-пушечный	—	—	3	3	проект отсутствует
88-пушечный	—	3	—	—	проект отсутствует
80-пушечный	3	—	4	4	проект присутствует
76-пушечный	—	—	3	2	проект отсутствует
74-пушечный	—	8	—	—	проект отсутствует
70-пушечный	12	—	—	—	проект отсутствует
66-пушечный	—	10	12	12	проект присутствует
50-пушечный	12	6	5	6	проект отсутствует

Как оказалось, это было только начало. Правительство Анны Иоанновны (1730–1740), которому вновь пришлось решать вопрос о составе Балтийского флота, рассмотрев множество вариантов, не нашло ничего лучше, чем превратить 66-пушечный в главный ранг линейных сил Балтийского флота, увеличив их число до 16 единиц (или до 59%). Причем приведенные в пользу этого выбора мотивировки не только подтвердили его происхождение, но и во всей красе подчеркнули достоинства этого корабля.

«1. Особенности русских 66-пушечных кораблей, — читаем у историка Н. Н. Петрухинцева, — позволяют им “носить пушки, также калибры, как в других государствах семидесятные”, и в бою они вполне могут “лежать в линию” против 70-пушечных; 2. корабли этого ранга уже существуют в русском флоте, поэтому при выбытии их из строя часть их оснастки и артиллерии можно использовать для новых кораблей»⁵. Остается добавить, что, во-первых, не только снаряжение и вооружение, но и сама постройка 66-пушечника приносила немалую экономию. Во-вторых, эти корабли имели и отлично проработанную конструкцию.

Иными словами, у кораблей 66-пушечного ранга оказалось столько достоинств, да еще и опиравшихся на имя самого Петра I, что их авторитет стал совершенно непререкаем. Как следствие, и во времена Елизаветы Петровны, и Екатерины II корабли 66-пушечного ранга сохранили ведущие позиции. По штату 1757 г. их число составило 15 из 27, по штату 1764 г. (варианту мирного времени) — 18 из 21; по штату 1777 г. (варианту мирного времени) — 24 из 32; по штату 1782 г. (варианту мирного времени) — 24 из 40⁶. В качестве оправдания важности этих кораблей всегда использовали одну и ту же аргументацию. «Против неприятеля в линии де баталии лежать и действовать надежнее и сильнее 66, нежели 54-пушечные, також и против 70-пушечных, равно сильно те 66-пушечные быть и действовать могут» (1757)⁷. Г. Г. Кушелев писал в 1788 г.: «Сии корабли полагаются в число хороших военных кораблей... Они для службы выгодны, и могут с 80- и 74-пушечными кораблями составлять флот, соединяющий силу с легкостью»⁸. Черноморский линейный флот тоже начали создавать с 66-пушечников, которые в программе 1781 г. составили 12 кораблей из 12, а в программе 1785 г. 10 из 12⁹.

Сохранились 66-пушечники и при Павле I. Однако в штатах Балтийского и Черноморского флотов 1798 г. сказано: «...по прежним штатам положенные 66-пушечные корабли... в линии слабы, да и в других уже европейских державах перестают оные быть употребляемы»¹⁰. Число 66-пушечных кораблей по этим штатам резко снизилось, составив 9 из 45 на Балтике и 3 из 15 на Черном море¹¹.

Впрочем, Александр I не только не отменил корабли этого ранга, но и вновь увеличил их штатное число¹².

Таким образом, 66-пушечные корабли стали основным рангом русского флота практически на весь XVIII в. Поскольку этот успех был тесно связан и с удачностью характеристик первых кораблей этого ранга, теперь попытаемся разобраться с чисто конструктивным наследием «Ингерманланда». Для этого снова вернемся к эпохе Петра I. Следует рассмотреть, какое отношение имел петровский «Ингерманланд» к его преемникам по рангу.

Петр I, приняв решение об особой роли 66-пушечников в составе Балтийского флота, в 1715–1725 гг. попытался создать на основе «Ингерманланда» идеальный корабль, лишенный

небольших недостатков, выявившихся в кампанию 1716 г.¹³ Результат экспериментов, видимо, полностью удовлетворил Петра I, поскольку он нашел отражение в упомянутой «Табели о корабельных пропорциях» 1723 г.¹⁴, согласно которой должен был строиться в дальнейшем флот.

Таблица 2

**Сравнительные характеристики «Ингерманланда»,
«экспериментальных» кораблей 1718–1719 гг. и 66-пушечника
из «Табели» 1723 г.**

Корабль	Длина	Ширина	Глубина интрюма
«Ингерманланд», 1715 г.	151 ф.	42 ф.	18 ф. 3 д.
«Нарва», 1718 г.	155 ф.	43 ф.	18 ф. 11 д.
«Дербент», 1719 г.	151 ф. 6 д.	42 ф.	17 ф.
«Св. Наталья», 1719 г.	155 ф. 8 д.	43 ф.	18 ф.
66-пушечный корабль из «Табели» 1723 г.	155 ф. 6 д.	41 ф. 6 д.	18 ф.

Приведенные в таблице размеры «Ингерманланда» и «корабля 1723 г.» показывают крайнюю близость этих кораблей, а проделанный историками анализ чертежей на первых порах и вовсе вызвал путаницу между ними¹⁵: такими похожими они были. Таким образом, корабль из «Табели» оказывался настолько совершенным, что его характеристики оставалось лишь взять и использовать.

Так и получилось: сначала (в 1731–1733 гг.) по пропорциям «Табели» 1723 г. построили 66-пушечный линейный корабль «Слава России», а затем и целую серию из 58 единиц¹⁶, получившую общее название типа «Слава России» по головному кораблю. Правда, со временем произошло некоторое изменение формы корпуса, кормы и форштевня, но делалось это «плавно по годам, без резких скачков и носило в себе черты ярко выраженной преемственности, традиционности»¹⁷.

На нужды флота в связи с Семилетней войной в России вначале ответили сохранением серии, пойдя лишь на введение по регламенту 1767 г. более сильного состава вооружения (30-фунтовые орудия на нижней палубе вместо 24-фунтовых), и разрешением С. К. Грейгу произвести в 1767–1768 гг. на «Трех иерархах» опробование нового варианта парусного вооружения.

Однако и после выяснения в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. необходимости более глубокой модернизации проекта из «Табели» 1723 г. преемственность в конструкции русских 66-пушечников полностью сохранилась. Дело в том, что приглашенный в Россию английский адмирал Ч. Ноульс, предлагая свой проект 66-пушечного линейного корабля, сохранил все принципиальные положения его предшественника. Он ввел лишь следующие изменения: «что ж до пропорции 66-ти пушечного корабля касается, то как длины оного *прибавляется* (курсив наш. — А. Л.) 4 фута 6 дюймов, ширины 2 фута 10 дюймов, глубины интрюма 1 фут, то по сему на нижнем деке прибавляется 2 пушки 24-х фунтового калибра; сверх того еще и большого калибра пушки поставить можно, ибо по широте свободное действие быть может, да грузу примет больше и для людей место пространнее»¹⁸.

Предложение Ч. Ноульса было утверждено. На свет появилась вторая серия 66-пушечников русского флота, которую открыл построенный самим автором проекта в 1772–1774 гг. 66-пушечный линейный корабль «Азия». Серию завершила «Победа», спущенная в 1797 г. Поскольку, несмотря на свои увеличенные размеры, линейные корабли типа «Азия», как мы видели, стали прямым продолжением кораблей типа «Слава России» и, следовательно, петровского «Ингерманланда», действие петровских судостроительных традиций можно распространить еще на 28 кораблей¹⁹.

Новая серия оказалась более примечательной. «По докладу интендантской экспедиции, — можно прочитать в журналах Адмиралтейской коллегии за 22 декабря 1781 г., — во исполнение определения коллегии у города Архангельского 66-пуш. ранга корабли в рассуждении тамошних вод строятся против строемых здесь того же ранга кораблей особливою конструкциею и примечены в море не так хорошо ходят, как здешнего строения, а при том в ходу в бейдевинд весьма под ветер упадают, да и в фордевинд руля худо слушают, то Интендантской экспедиции велено сделать кораблю 66- пуш. ранга чертеж, *чтоб оный был последней препорции, но конструкциею против прежде строившихся у города и каковою здесь строятся* (курсив наш. — А. Л.); представлены чертежи: один сочиненный корабельным мастером Ямесом, а другой того ж ранга и той ж

пропорции Ямесова за подписанием вице-адмирала Грейга, и при том представляет, что *оние гертежи по рассмотрению экспедиции оказались согинены тожно по предписанию коллегии, последней препорции, держась в конструкции сколько можно противу прежде строящихся у города Архангельского* (курсив наш. — А. Л.) ... А по справке у города Архангельского к весне 1783 г. велено построить из наличных там лесов два 66-пуш. ко-рабля, кои и заложены минувшего сентября 19 дня и строиться имеют по чертежу адмирала Кновлеса, сочиненному в 1771 г., по которому и прежде так строились. Коллегия, рассматривая вышеписанные представленные от Интендантской экспедиции два чертежа, в том числе один за предписанием вице-адмирала Грейга, а сверх того и третий ныне представленный коллегии от него же вице-адмирала Грейга и соображая оние с чертежами же прежде строящихся до 1771 г. у города Архангельского, положила строить помянутые 66-пушечные корабли по первому за подписанием вице-адмирала Грейга и ныне представленному от него чертежам, ибо из них один с другим в пропорциях кроме малых в некоторых местах частях перемене сходствуют...»²⁰.

Таблица 3

**Сравнительные данные трех поколений
русских 66-пушечных линейных кораблей**

Корабль	Длина	Ширина	Глубина интрьюма	Вооружение
«Ингерманланд»	151 ф.	42 ф.	18 ф. 3 д.	26 24-, 26 12- и 16 6-фунтовых орудий ²¹
«Слава России»	155 ф. 6 д.	41 ф. 6 д.	18 ф.	26 24-, 24 12-, 16 6-фунтовых орудий ²²
«Азия»	160 ф.	44 ф. 6 д.	19 ф.	26 30-, 26 12- и 14 6-фунтовых орудий ²³

Документ важнейший. Во-первых, он подтверждает единство серии кораблей типа «Азия», указывая, что чертежи С. К. Грейга были не более чем попыткой устранить появившиеся на некоторых из них после модернизации проблемы. Во-вторых, он недвусмысленно показывает, на какие образцы ориентировался при своих исправлениях сам С. К. Грейг. И в-третьих, он по-

казывает, что предпринятая Ч. Ноульсом попытка усовершенствования кораблей типа «Слава России» в архангелогородском варианте оказалась неудачной²⁴.

Тем не менее, именно 66-пушечник типа «Азия» взял за основу для своего проекта Черноморского линейного корабля А. С. Катасанов в 1780 г. Екатерина II лично одобрила его, и в 1780–1791 гг. в Херсоне были построены семь 66-пушечных кораблей типа «Слава Екатерины», ставших прямыми собратьями балтийской «Азии». Кстати, они же стали и примером максимальных возможностей 66-пушечников данного типа, получив на вооружение орудия 30- и 18-фунтового калибра, а также 1 и полупудовые единороги!²⁵

Однако осознание превосходства плененных шведских 64-пушечников («Rättvisan», «Ömheten») привело к указу Адмиралтейской коллегии от 1798 г. о постройке новых 66-пушечников по их чертежам²⁶.

Еще один пример влияния петровского «Ингерманланда». Из всех названий кораблей, имевших место при Петре I, только «Ингерманланд» неизменно встречается на протяжении всего XVIII в. Причем связано это название неизменно с 66-пушечными линейными кораблями — эпохи Анны Иоанновны (1733–1735), Елизаветы Петровны (1751–1752) и Екатерины II (1771–1773).

Итак, 66-пушечные корабли стали главной «рабочей лошадкой» русского флота практически на протяжении всего XVIII в. Насколько же адекватными требованиям времени оказались преемники «Ингерманланда»?

Начнем с анализа обоснованности самого ранга.

Вооруженные 66-пушками с калибрами, равными калибрам орудий как 60-, так и 70-пушечных кораблей из состава основных европейских флотов начала XVIII в., эти корабли первое время действительно оказывались идеальной находкой для русского флота. Они были как достаточно сильными, так и весьма экономичными. Совершенно логичным видится, что именно 66-пушечники типа «Слава России» стали главной силой Балтийского флота в русско-шведской (1741–1743), Семилетней (1756–1763) и русско-турецкой (1768–1774) войнах.

Однако, вместе с тем, начиная с окончания Семилетней войны, в которой в английском и французском флотах на веду-

щее место среди линейных кораблей III ранга начали выходить 74-пушечники, стали просматриваться признаки устаревания кораблей 66-пушечного ранга (см. таблицу).

Таблица 4

**Сравнительные данные двух типовых линейных кораблей 3-го ранга
русского и английского флотов в 1760-х гг.²⁷**

Корабль / Ранг	Годы постройки	Длина	Ширина	Глубина интрьума	Вооружение
«Трех Святителей» / 66-пуш.	1763–1766	155 ф. 6 д.	41 ф. 6 д.	18 ф.	26 24-фунтовых орудий 24 12-фунтовых орудий 16 6-фунтовых орудий
«Egmont» / 74-пуш.	1765–1768	168 ф. 6 д.	46 ф. 11 д.	19 ф. 9 д.	28 32-фунтовых орудий 28 18-фунтовых орудий 18 9-фунтовых орудий

Тем не менее, от кораблей этого ранга в России решили все же не отказываться, занявшись в 1767–1791 гг. совершенствованием их проекта. Результат оказался не самым лучшим, а время было потеряно: в Англии и во Франции в середине 1780-х гг. окончательно перешли на 74-пушечники. Правда, шведы все-таки начали постройку новых 64-пушечников, но с 36- и 24-фунтовыми пушками на гон- и опер-деках и размерами, близкими к кораблям 74-пушечного ранга. Таким образом, хотя к концу 1780-х гг. русские 66-пушечники по своему рангу и оставались еще равносильными против турок и частично шведов, общая тенденция развития линейного флота показывала, что их время неумолимо заканчивалось.

В этой связи неслучайным выглядит решение Г. А. Потемкина, зафиксированное им в проекте нового штата Черноморского флота от 1791 г. о замене основного ранга линейных кораблей с 66-пушечного на 74-пушечный²⁸, и утверждение этого решения в штате Черноморского флота 1794 г.²⁹ Однако и в этих документах не удалось поколебать авторитет 66-пушечников, сохранявшийся, как показано, в штатах русского флота вплоть

до времени Николая I, который был уже просто вынужден отказаться от них в силу полного анахронизма к этому времени³⁰.

Теперь необходимо проанализировать качества самих кораблей типа «Слава России» и «Азия». Начнем с остойчивости. Во второй половине XVIII в. ее параметры определялись по специфической формуле шведского кораблестроителя Ф. Чапмана, выглядевшей следующим образом: $K = V^2 \times L \div 2900 \times P^2 / 5$, где L — длина корабля по гон-деку в футах, V — ширина корпуса в шхергане в футах, P — вес орудий в пудах. При $K = 1$ размерения корабля соответствовали вооружению и корабль признавался остойчивым, при $K < 1$ размерения корабля уже не соответствовали установленной артиллерии, что означало и недостаточную остойчивость, при $K > 1$, корабль имел лишний запас остойчивости, но одновременно по мере роста величины K становился все более неоправданно дорогим для своего вооружения³¹.

Расчет K для кораблей типа «Слава России» дал цифру 2,6! А поскольку на многих 66-пушечниках типа «Азия» также сохранялись 24-фунтовые пушки, то указанный коэффициент достиг на них 3,0! Таким образом, отдавая должное высокой остойчивости 66-пушечников типа «Слава России» и «Азия», она не раз помогала этим кораблям преодолевать тяжелейшие шторма — вместе с тем нельзя не признать и того, что размеры данных кораблей оказались явно избыточными для их вооружения, из-за чего постройка этих кораблей становилась необоснованно дорогой³².

Далее обратимся к управляемости, которую для кораблей типа «Слава России» можно признать отличной³³, однако для двух последующих типов уже недостаточной.

То же самое можно сказать и по артиллерийскому вооружению. Разумное вначале, в конце XVIII в. оно годилось лишь для борьбы с турецкими кораблями.

Скорость (около 8 узлов) тоже оказалась недостаточной уже для кораблей типа «Слава России», которые, как и их преемники, не смогли преуспеть ни в одной из погонь за противником³⁴. Как вообще это могло произойти, если уже построенный во Франции в 1740-х гг. линейный корабль «Invincible» обладал, к примеру, 13-узловой скоростью.

Однако самой большой проблемой рассмотренных 66-пушечников была все же их недолговечность. Практически все они оказывались способными на действия лишь во время одной войны.

Таким образом, если петровский «Ингерманланд» и особенно «Слава России» были вполне адекватными своему времени — первой половине XVIII в., то во второй половине века и они все более отставали от современных достижений³⁵. Вскрылась бесперспективность практики их бесконечных совершенствований, приводящих в основном к самообману.

В итоге приведенные данные позволяют не только расширить представление об удивительном корабле эпохи Петра I и его вкладе в развитие русского флота, но и оставляют весьма важные уроки. Они показывают все триумфы и трагедии русского парусного флота, в том числе умение отечественных судостроителей опережать время и способность властей превращать любые достижения в опасные шаблоны, умение создавать хорошие по качеству проекта суда и, с другой стороны, способность делать их недолговечными, умение извлекать уроки и неспособность понимать элементарные вещи.

¹ См., напр.: *Попов А. А.* Корабль «Ингерманланд» // Записки Ученого комитета Главного морского штаба. 1835. XII; *Иванов И. А., Константинов А. С.* «Ингерманланд» — флагманский корабль Петра I // Судостроение. 1979. № 1; *Иванов И. А.* Любимый корабль Петра «Ингерманланд» // Моделист-конструктор. 1970. № 2; *Крайнюков В. Г., Ларионов А. Л.* Каким был Петровский корабль «Ингерманланд»? // Судостроение. 1987. № 8; *Турахин А.* Загадка «Ингерманланда»: 66-пушечный корабль постройки 1715 г. // Морской сборник. 1996. № 8.

² *Кротов П. А.* Судостроительные программы Балтийского флота 1707, 1715 и 1717–1718 годов // История отечественного судостроения. СПб., 1994. Т. 1. С. 133.

³ Причину этого, на наш взгляд, можно объяснить лишь одним: во время совместных плаваний четырёх флотов в 1716 г. «Ингерманланд» не только подтвердил Петру I свои отличные качества, но и продемонстрировал преимущества 66-пушечного ранга. Последний благодаря полной сопоставимости как с 60-, так и 70-пушечниками всех основных флотов того времени, позволял выгодно сэкономить, строя два корабля первого типа вместо одного второго.

⁴ Составлено по: *Некрасов Г. А.* Новые источники о численности и корабельном составе Балтийского флота в 1715–1725 гг. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России.

М., 1961. С. 298; *Кротов П. А.* Создание линейного флота на Балтике при Петре I // Исторические записки. М., 1988. Т. 116. С. 313–331; *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. СПб., 2001. С. 328.

⁵ *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. С. 251–252.

⁶ Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗРИ). Т. 44. № 10 725, 12 115, 15 453.; Материалы для истории русского флота (далее: МИРФ). СПб., 1883. Ч. 10. С. 416–418; СПб., 1888. Ч. 12. С. 410, 696.

⁷ ПСЗРИ. Т. 44. № 10 725, с. 65.

⁸ *Иванов И. А., Константинов А. С.* «Ингерманланд» — флагманский корабль Петра I. С. 58.

⁹ МИРФ. СПб., 1877. Ч. 6. С. 724.; ПСЗРИ. Т. 44. № 16 240.

¹⁰ ПСЗРИ. Т. 44. № 18 304.

¹¹ Там же.

¹² По штатам 1803 г. Балтийскому и Черноморскому флотам полагалось иметь по девять 64-пушечников. Только в первом случае это были девять из 27 линейных кораблей, а во втором — девять из 21 (ПСЗРИ. Т. 44. Отд. II. С. 12).

¹³ В частности, по данным И. А. Иванова «завал шпангоутов уменьшал ширину верхней палубы, затрудняя управление парусами и действие канониров у орудий. Кроме того, в волну «Ингерманланд» серьезно качало с борта на борт.

¹⁴ История отечественного судостроения. Т. 1. С. 420.

¹⁵ В частности, по мнению В. Г. Крайнюкова и А. Л. Ларионова, первый исследователь петровского «Ингерманланда» перепутал его с 66-пушечным кораблем по «Табели о корабельных пропорциях» 1723 г.

¹⁶ *Чернышев А. А.* Российский парусный флот: Справочник в 2-х томах. М., 1997. Т. 1. С. 42.

¹⁷ *Иванов И. А., Константинов А. С.* «Ингерманланд» — флагманский корабль Петра I. С. 60–61.

¹⁸ МИРФ. СПб., 1886. Ч. 11. С. 679.

¹⁹ *Чернышев А. А.* Российский парусный флот: Справочник в 2-х томах. Т. 1. С. 62.

²⁰ МИРФ. Ч. 12. С. 657.

²¹ МИРФ. СПб., 1865. Ч. 2. С. 618. Правда, по мнению А. А. Попова, И. А. Иванова и А. С. Константинова петровский «Ингерманланд» имел 30-, 16- и 4-фунтовую артиллерию. Однако, использованная нами ведомость вооружения кораблей Балтийского флота за 1715 г. четко указывает на наличие на нем указанной в статье артиллерии, к чему склоняются и В. Г. Крайнюков и А. Л. Ларионов.

²² Штатный вариант (по Артиллерийскому регламенту 1722 г.).

²³ Штатный вариант (по Артиллерийскому регламенту 1767 г.), скорректированный по числу пушечных портов на кораблях типа «Азия» (см.: чертежи 66-пушечников «Победоносец» и «Слава Екатерины»).

²⁴ Кстати, грейговские корабли получились удачнее, но прослужили очень немного.

²⁵ Адмирал Ушаков. Документы. М., 1951. Т. 1. С. 444–449.; М., 1952. Т. 2. С. 28–30.

²⁶ МИРФ. СПб., 1902. Ч. 16. С. 315–316.

²⁷ Кротков А. С. Корабль «Три Святителя» (исторический этюд). Кронштадт, 1888. С. 3; *Winfield R. British Warships in the Age of Sail. 1793–1817: Design, Construction, Careers and Fates.* L., 2005. P. 47, 97. При сравнении артиллерийского вооружения нужно иметь в виду, что английский фунт был больше русского.

²⁸ МИРФ. СПб., 1895. Ч. 15. С. 582–583.

²⁹ Сацкий А. Г. Создание Черноморского флота // История отечественного судостроения. Т. 1. С. 279.

³⁰ Достаточно сказать, что турки уже в Афонском сражении 1807 г. не имели ни одного корабля 60-пушечного ранга, в то время как эскадра Д. Сенявина насчитывала три 64- и 66-пушечника.

³¹ Окунев М. М. Теория и практика кораблестроения. Руководство для изучения корабельной архитектуры. СПб., 1865. Ч. 1. С. 34–36; Крайнюков В. Г. Гордость Российского флота — 32-пушечный фрегат «Олифант» // Морская история. 1999. № 1. С. 41–42.

³² Тем более, что попытки компенсировать эти затраты усилением вооружения сразу же отрицательно сказывались на остойчивости. В частности, в 1797 г. во время сравнительных испытаний четырех разных кораблей Черноморского флота, вооруженная 30- и 18-фунтовыми пушками «Св. Троица» показала наибольший крен (до 7,5°) и наихудшую метацентрическую высоту (не более 0,3 м); а ведь от проектного вооружения она отличалась только заменой 12-фунтовых пушек на 18-фунтовые.

³³ В исследовании А. А. Попова, в частности, можно прочитать: «...разность между носовой и кормовой частями соответствует весьма сильному действию воды на руль... вообще сказать можно, что качество поворотливости или послушания руля дано в высшей степени против прочих...».

³⁴ Речь идет о погоне за турецким флотом 24 мая 1770 г., 8 июля 1790 г. и 12–16 июля 1791 г.

³⁵ А о том, что наследники Петра I вели себя именно так, говорит и упорное сопротивление Адмиралтейской коллегии изменениям рангоута на рубеже 1760–1770-х гг., и обращение к Екатерине II за утверждением указанного в статье предложения Ч. Ноульса.

М. А. Катцова

**«КОЛЛЕКТИВНАЯ НЕБЕЗОПАСНОСТЬ»
СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ: КРИЗИС СОТРУДНИЧЕСТВА
СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯДИИ
ОСЕНЬЮ 1939 г.***

Разразившийся в ноябре 1939 г. кратковременный, но глубоко драматичный военный конфликт между Советским Союзом и Финляндией, вошедший в историю под названием «зимней войны», во многом стал «моментом истины» для политики нейтральных скандинавских стран. Внешнеполитическая линия малых стран Северной Европы, берущая начало с середины 1930-х гг. и предполагающая усиление регионального сотрудничества с «братскими» северными странами, осенью 1939 г. подверглась серьезному испытанию. Стремительно растущая на восточной границе Северной Европы напряженность впервые столь однозначно требовала от Швеции, Дании и Норвегии определить для себя, насколько окруженная ареалом некоего общескандинавского национального пафоса «северная солидарность» совместима на практике с требованиями безопасности их собственных стран и отстаиваемой ими позицией строгого и беспристрастного нейтралитета. Осенние месяцы 1939 г. внесли в этой связи существенные уточнения в отношения между странами Северной Европы: в этот период были отчет-

* Работа выполнена в рамках проекта Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

ливо продемонстрированы пределы северного сотрудничества и развеяны некоторые иллюзии. В данной статье предпринята попытка определить, какие изменения в отношении стран Северной Европы к сотрудничеству с ближайшими соседями произошли с началом Второй мировой войны, как реагировали правительственные кабинеты скандинавских стран на неуклонно ухудшающиеся отношения одного из членов условного «северного нейтрального блока» с великой державой, какие шаги предпринимались скандинавами для нормализации советско-финских отношений.

Ответы на поставленные вопросы, в свою очередь, позволяют вынести суждение по одной из наиболее острых проблем международных отношений в североевропейском регионе накануне «зимней войны», связанной с оценкой роли скандинавских стран в предвоенной политике Финляндии. Насколько оправданным мог быть расчет финского МИДа не только на моральную, но и на широкую дипломатическую, а также военную поддержку из Скандинавии в случае вооруженного конфликта Финляндии с могущественным восточным соседом? Не обманулись ли финны в своих надеждах относительно масштабов «скандинавской помощи»? Все ли участники «северного блока» воспринимали смысл и цели данной, в большей степени символической, политической комбинации одинаковым образом? Наконец, правомерно ли расценивать некоторые обнадеживающие заявления Швеции осенью 1939 г. в качестве фактора, роковым образом повлиявшего на позицию финского МИДа и его особое упорство и «несгибаемость» при отстаивании своих интересов на переговорах в Москве? Для рассмотрения указанного комплекса вопросов представляется целесообразным обратить более пристальное внимание не только на результаты, но на сам процесс сотрудничества в указанный период — его тенденции, формы и степень интенсивности взаимодействия скандинавских правительств, цели предпринимаемых ими инициатив. Данный подход способствует наиболее полному раскрытию потенциала многостороннего «северного сотрудничества» в преддверии «зимней войны».

Сюжеты сотрудничества четырех северных стран осенью 1939 г. в разной степени затрагивались в работах как зарубежных, так и отечественных исследователей, при этом собственно

объектом исследования «северное сотрудничество» в рассматриваемый период становилось довольно редко. Внимание историков-скандинавистов чаще оказывалось прикованным к таким проблемным и «судьбоносным» аспектам внешней политики малых государств североευропейского региона как их отношения с великими державами, на фоне которых региональное сотрудничество четырех северных стран рассматривалось либо как довольно незначительный (по-видимому, в силу своей малой результативности) сюжет в комплексе официальной внешней политики того или иного северного государства, либо практически полностью сводилось к проблеме отношений Финляндии и Швеции накануне «зимней войны» и хитросплетениям «северного курса» министра иностранных дел Швеции Рикарда Сандлера. Среди зарубежных исследователей наиболее значительный вклад в разработку рассматриваемой проблематики внесли К. Блиндберг, К. Вальбек, В. Карлгрен, М. Туртола, А. Йоханссон и другие. В российской исторической науке, однако, данный аспект североευропейской дипломатии до сих пор остается освещенным крайне неравномерно. Тематически наиболее близкие к теме настоящего исследования труды советских и российских историков посвящены поискам Швеции и Норвегии возможностей углубить сотрудничество с Финляндией уже в ходе «зимней войны» и их попыткам оказать в различных формах посильную помощь соседней «братской стране»¹. Потребность выработать максимально эффективный способ защиты от военной угрозы и сохранить мир в регионе Северной Европы, безусловно, являлась принципиальным консолидирующим фактором для правительств нейтральных северных стран, что обязывало их в напряженные 1930-е гг. поддерживать высокую степень взаимодействия друг с другом. Внешнеполитическое сотрудничество Швеции, Дании, Финляндии и Норвегии осенью 1939 г. имело ту же основополагающую цель, что и в предвоенное десятилетие в целом, а именно посредством определенных совместных усилий и взаимной поддержки в осуществлении нейтральной политики уберечь от войны свою и по возможности — соседние нейтральные страны. Взаимодействие дипломатических служб северных стран в сентябре — ноябре 1939 г. в этом смысле стало новым и последним витком в развитии «северного сотрудничества» в 1930-е гг.

В середине 1930-х гг. ряд международных событий — англо-германское морское соглашение 1935 г., «легализовавшее» наращивание Германией военного флота, дискредитация авторитета Лиги Наций и предлагаемой ею системы безопасности в ходе Итало-эфиопской войны, очевидная неспособность и нежелание лидеров международного сообщества эффективно противостоять агрессии фашистских государств — способствовали тому, что в политике северных стран все отчетливее выявлялся курс на региональное сотрудничество как альтернативу широкому международному сотрудничеству. 27 мая 1938 г. пять северных стран (включая Исландию) согласовали друг с другом новые правила нейтралитета, которые призваны были продемонстрировать твердую волю этих государств оставаться вне европейских конфликтов или блоков. Для внесения изменений в новые правила каждая из подписавших их стран обязалась заблаговременно предупредить о своем намерении остальных участников².

Помимо нейтралитета как актуального фактора внешнеполитического сотрудничества северных стран во второй половине 1930-х гг., любые формы межгосударственного диалога в Северной Европе продолжали, как и в предшествующий период, выстраиваться с учетом идеи об особой общности северных стран, которые (в силу многочисленных исторических, культурных, географических причин) руководствовались в своей внешней политике созвучными принципами и разделяли многие общие интересы и ценности. Данный подход обеспечивал дополнительный мощный стимул для развития сотрудничества, которое воспринималось как своеобразный моральный долг северных стран друг перед другом в реализации благородной цели — совместными усилиями защищать общую «скандинавскую родину». В реальности же, те ограничения, которые накладывало на политику каждой из северных стран их географическое положение и, как следствие, специфика отношений с великими державами, вызывали серьезную разобщенность в определении ими методов, которые следовало использовать для предотвращения советской или германской агрессии в Скандинавии, и оценках обороноспособности собственной страны.

Наиболее уязвимыми стратегически значимыми районами Северной Европы являлись южная граница Дании, восточная

граница Финляндии и Аландские острова. Соответственно, особенно глубокую тревогу за судьбу своих стран, которые, в случае нарушения великими державами их обязательств уважать северный нейтралитет, были наиболее вероятно подвержены нападению, ощущали в Хельсинки и Копенгагене. Датское правительство, посчитавшее целесообразным в конце мая 1939 г. заключить договор о ненападении с Германией³, наиболее рьяно отстаивало идеалы «абсолютного» беспристрастного нейтралитета, пытаясь ничем не спровоцировать недовольство Берлина. В Финляндии, готовящейся (в отличие от Дании) бороться за свой нейтралитет как принципиальную основу государственной независимости и суверенитета страны как такового, двумя альтернативами противостояния возрастающему давлению правительства Москвы (с которым тем не менее в 1932 г. был также подписан пакт о ненападении⁴) являлись ориентация на Германию и на скандинавские страны. Норвежский вариант нейтралистского изоляционизма осенью 1939 г. претерпел серьезное испытание сильнейшим давлением со стороны британского правительства, которое стремилось склонить Осло к оказанию содействия в экономической войне против Германии⁵. Среди всех скандинавских стран наиболее самостоятельную позицию, в которой к этому времени также отмечался, однако, существенный «проанглийский крен», по отношению к воюющим державам занимала Швеция⁶. У каждой из стран Северной Европы, таким образом, к осени 1939 г. имелся тугой узел собственных «особых отношений» как с лидерами воюющих блоков, так и с нейтральным СССР, и эти отношения являлись ступором для их конструктивного регионального сотрудничества в вопросах безопасности⁷.

Нервозная обстановка и неблагоприятные условия, в которых обнаруживали себя окруженные противоборствующими великими державами скандинавские нейтралы в первые месяцы большой европейской войны, с другой стороны, подталкивали их к активизации диалога с соседними «братскими странами». Официальной формой дипломатического сотрудничества северных стран оставались в данный период конференции министров иностранных дел, возобновленные на регулярной основе еще в 1934 г., неофициальные контакты министров осуществлялись посредством личной переписки и телефонных переговоров⁸.

Провал переговоров Англии, Франции и СССР о создании военного блока летом 1939 г. стал причиной новой серьезной обеспокоенности в странах Северной Европы, где начали осознавать всю необратимость последствий заключения в ближайшей перспективе советско-германского пакта. Первый краткий обмен мнениями между правительствами северных стран по складывающейся на арене европейских международных отношений угрожающей ситуации произошел уже 21–22 августа 1939 г. в Осло на очередной конференции Северного комитета сотрудничества социал-демократических партий и лидеров профсоюзного рабочего движения. Консультации ведущих социал-демократических политиков Северной Европы были посвящены в том числе вопросам сохранения нейтралитета для региона и экономического сотрудничества в случае европейской войны, однако, кроме выражения надежд на «готовность Севера держаться вместе вне зависимости от того, что происходит за пределами региона», конкретных новых решений совместных проблем безопасности предложено не было⁹.

Буквально на следующий день, 23 августа, в Брюсселе открылась широкая международная конференция министров иностранных дел стран Северной Европы и Бенилюкса — так называемой «группы Осло»¹⁰. В ходе длившегося всего один день — вместо предполагаемых двух — совещания участниками было принято решение о скорейшем создании постоянного центрального органа для более тесного сотрудничества по практическим вопросам товарообмена в случае войны, а также был согласован текст мирного призыва к конфликтующим сторонам, обнародованного вечером того же дня по радио. Показательно, что в вопросе о наиболее эффективной форме воззвания к западноевропейским державам скандинавские министры придерживались разных точек зрения. Норвежский министр иностранных дел Х. Кут предлагал оформить коллективный призыв в виде официальной ноты, которую надлежало передать через бельгийских посланников в странах-адресатах, что обязало бы их к непременному ответу. Его скандинавские коллеги Р. Сандлер и П. Мунк поддерживали вариант более «мягкой» стратегии (которая в итоге возобладала), а именно обнародования миротворческой сентенции стран Осло в форме обращения к широкой международной общественности¹¹. При этом вопрос

о предложении воюющим странам международного посредничества со стороны нейтралов даже не затрагивался в обсуждениях «группы Осло» как заведомо провальная акция¹².

Призыв малых стран к сохранению мира и разрешению польско-германского конфликта в духе сотрудничества получил значительный международный отклик. Правительства Великобритании, Франции, Польши, США, Швейцарии и стран Латинской Америки выразили свою поддержку и одобрение инициативе «группы Осло», однако со стороны Германии и Италии реакции не последовало¹³, что свидетельствовало о неотвратимости на данном этапе приближающейся войны и бескомпромиссности позиции «держав Оси» в осуществлении своих агрессивных намерений.

В сложившейся ситуации тревожной неопределенности, возникшей на последней неделе августа после неожиданного подписания советско-германского пакта, скандинавские страны и Финляндия, пребывая в неведении относительно того, какие перемены внесет в жизнь Северной Европы новый баланс сил, чувствовали понятную растерянность, которая подталкивала их к поискам информации и поддержки друг у друга. Накануне войны, 30–31 августа, состоялось чрезвычайное совещание министров иностранных дел четырех северных стран в Осло, где обсуждалась складывающаяся в Европе критическая ситуация. В итоговом коммюнике подчеркивалось намерение северных стран соблюдать, в соответствии с принятыми годом ранее правилами, строгий нейтралитет в возможной европейской войне. Помимо этого, на конференции рассматривался широкий комплекс вопросов относительно координации политических и торгово-экономических действий северных стран в условиях международного кризиса¹⁴. Данная встреча оказалась последним согласованием северными МИДами своих позиций в мирное время. После вторжения войск вермахта в Польшу 1 сентября скандинавские страны заявили о своем нейтралитете, подтвердив это заявление еще раз два дня спустя, после начала войны между Германией и Англией и Францией¹⁵.

Несмотря на то, что общность интересов европейских нейтралов с началом войны могла бы способствовать интенсификации их контактов с целью совместной защиты своих экономических интересов или выработки общей дипломатической тактики,

фактически уже в первые военные недели выявилась несостоятельность расчетов на единый «фронт нейтралов», символическим выражением которого во второй половине 1930-х гг. стала деятельность «группы Осло». 11 сентября в Брюсселе состоялась встреча назначенного в преддверии войны Постоянного комитета «группы Осло», задачей которого являлось совместное обсуждение проблем закупок, судоходства, соблюдения прав нейтральных стран и способов защиты «экономического нейтралитета»¹⁶.

Хотя в переговорах объединенных изначально экономическими интересами «стран Осло» по мере обострения отношений в Европе все более важное место занимали вопросы международной политики, малые нейтральные страны, поставленные с началом войны в опасные условия поставщиков товаров воюющим великим державам, в своем стремлении и в дальнейшем координировать свои действия смогли добиться лишь крайне незначительных результатов¹⁷. Между тем, согласно мнению авторитетного нидерландского исследователя данной проблемы Гера ван Руна, «страны Осло» имели шанс развить потенциал своего сотрудничества, если бы не только заявляли совместные протесты, но и вели переговоры с воюющими как единая группа¹⁸. Уже в течение осени, однако, страны Осло оказались неспособны поддерживать прежний, достаточно интенсивный темп взаимных консультаций¹⁹.

Поддержка самой влиятельной из нейтральных стран, но удаленной от очага военных действий — США — также не простиралась дальше выражения сочувствия и обсуждений способов борьбы нейтралов за свои права: надежды малых стран на то, что США встанет во главе нейтрального блока, были опровергнуты поведением президента Рузвельта в первые военные месяцы²⁰. Иллюзорность единства в лагере нейтралов, а также совместные, специфические проблемы Балтийского судоходства в военное время побудили скандинавские страны к более интенсивным поискам решения проблем в рамках собственных взаимоотношений, которые, в силу географической, культурной, политической близости северных стран, могли обнаружить в кризисные моменты большой потенциал.

18–19 сентября в Копенгагене, по инициативе шведского правительства, намеренного согласовать с соседями позицию

в отношении торговых переговоров нейтралов с Великобританией, состоялось первое в военное время совещание премьер-министров и министров иностранных дел Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии. Главное внимание в обсуждении уделялось вопросам судоходства, проблема поддержания торговли с обеими воюющими сторонами, а также экономической взаимопомощи. Однако возможности расширения регионального экономического сотрудничества стран Северной Европы после начала войны оказались значительно ограничены в силу их одинаковых потребностей в схожих товарах²¹, а выступление на внешнеторговых переговорах с Лондоном единым скандинавским блоком затрудняли жесткие требования (как со стороны Великобритании, так и Германии) в условиях войны вести торговые переговоры на сугубо билатеральной основе²². Вышеперечисленные трудности привели к тому, что единственным результатом переговоров северных стран по этому вопросу стала декларация о необходимости оказания друг другу всемерного экономического содействия: в итоговом коммюнике подчеркивалось также, что решения будут приниматься при тесном взаимном контакте и не в ущерб интересам соседа²³. В течение осени 1939 г. торгово-экономические вопросы играли в региональных переговорах северных стран все меньшую роль.

Отсутствие серьезных результатов северного сотрудничества в сфере экономики еще могло быть компенсировано тем не менее сплоченными действиями северных нейтралов в области международной политики. Сохранение группы нейтралов, как заявляли участники копенгагенской конференции, соответствовало не только интересам самих северных стран, но и интересам мира в целом, поскольку в будущем их «беспристрастное посредничество» облегчило бы переговоры о перемирии воюющих сторон²⁴. В коммюнике конференции, помимо прочего, акцент делался на готовности правительств стран Северной Европы предложить свои посреднические услуги воюющим державам. Таким образом, одним из оснований для успешного сотрудничества нейтральных государств Северной Европы, являвшихся на протяжении 1920–1930-х гг. решительными и достаточно авторитетными защитниками принципов международной солидарности, справедливости и универсальности в Лиге Наций,

осенью 1939 г. логичным образом могло стать миротворчество и посреднические инициативы.

Хотя декларирование северными странами своей готовности оказать дипломатическое содействие в середине первого месяца войны явилось не более чем традиционным заявлением, в течение осени-зимы 1939–1940 гг. вопрос о возможностях совместных действий в этой сфере не раз обсуждался в правительствах и обществе скандинавских стран. Особенной активностью (в том числе и вследствие отсутствия конкретных решений по проблеме «в верхах») отличались действия отдельных частных гражданских лиц, формирующих небольшие, но деятельные активистские «миротворческие» группы, и поддерживающих контакты с единомышленниками в «братских» странах²⁵. Тем не менее развитие событий в Европе не давало правительствам скандинавских стран и Финляндии поводов для оптимизма и в этой области.

Уже к середине октября 1939 г., после того как британский МИД отверг «мирные предложения» Гитлера и возможность заключения перемирия между Англией и Францией и правительством Берлина была окончательно сорвана, стало очевидно, что основания для дальнейших посреднических усилий нейтральных стран, по сути дела, исчерпаны, что делало эти усилия в сложившейся ситуации не только бесперспективным, но и опасным для самих «посредников» мероприятием²⁶. Таким образом, «миротворческая линия» сотрудничества северных стран осенью 1939 г., несмотря на обильную риторику и наличие определенного интереса к идее посредничества в скандинавских политических кругах, не вылилась в конкретную программу действий, оставаясь лишь неким морально-нравственным идеалом, с постоянным учетом которого осуществлялся межгосударственный диалог скандинавских стран и Финляндии. В этом смысле на деле «для скандинавских правительств мир становился объектом страстной надежды, с которым он время от времени играл как с игрушкой, никогда не отбрасывая окончательно, но редко пытаясь способствовать ее воплощению и едва ли действительно доверяя этой идее»²⁷.

Стремление содействовать скорейшему окончанию войны являлось закономерным объединяющим фактором для северных нейтралов, однако не отменяло необходимости выстраивать

свое сотрудничество в соответствии с принципами «реальной политики» настоящего момента. Различия в позициях стран Северной Европы, диктуемые их положением на карте мира и отношениями с великими державами, привели к тому, что в сентябре 1939 г. они оказались не в состоянии выработать и собственную (независимую от стран Бенилюкса) общую тактику действий для ведения диалога с воюющими державами²⁸.

В течение осени 1939 г. северное сотрудничество несколько изменило свой характер. Если первым поводом для уточнения внешней политики североευропейских государств стала война в Западной Европе, то уже спустя месяц, когда Советский Союз приступил к «экспорту» своего влияния в западном направлении, «санкционированному» пактом Молотова — Риббентропа, вопрос безопасности восточных рубежей Северной Европы значительно обострился. Очередной причиной для глубоких сомнений северных стран в нерушимости объявленного ими нейтралитета явилось принудительное заключение прибалтийскими государствами в конце сентября — начале октября договоров о взаимопомощи с СССР. После того как Эстония подписала первый подобный договор 28 сентября, шведский главнокомандующий, генерал О. Торнелль, в меморандуме министру иностранных дел Р. Сандлеру высказывал свою уверенность в том, что Советский Союз в ближайшее время попытается оказать подобное давление и на Финляндию. В свете данных обстоятельств разработанный в течение 1938–1939 гг. так называемый «Стокгольмский» или «Аландский» план, предполагающий совместное укрепление Швецией и Финляндией Аландских островов, расположенных в жизненно важном как для Финляндии, так и для Швеции районе и демилитаризованных в 1922 г. по решению Лиги Наций, в новых условиях должен был быть приведен в действие, по мнению шведских военных, немедленно²⁹.

Сандлер, разделяя мнение о том, что Швеция должна «поддерживать» финский нейтралитет путем выражения готовности к совместной защите Аландских островов, вынес предложение на рассмотрение кабинета министров 1 октября, однако не получил ни одного сочувствующего отклика³⁰. После провала «Стокгольмского плана» в мае 1939 г. вследствие позиции Советского Союза в Совете Лиги Наций искусному дипломату, наиболее благожелательно расположенному к Финляндии

и серьезнее всех среди своих скандинавских коллег вовлеченному в вопросы финской безопасности³¹, оказалось нелегко изменить точку зрения шведского правительства. Шведский правительственный кабинет, возглавляемый П. А. Ханссоном, разделяя в данном случае стиль поведения коллег в Норвегии и Дании, демонстрировал в высшей степени осторожное поведение, поскольку, помимо удержания Финляндии в орбите «северной нейтральности», в обстановке идущей войны между великими державами, перед Швецией стояла более насущная задача — не нанести ущерба авторитету собственной политики нейтралитета. Тем не менее скандинавские соседи Финляндии, в особенности Швеция, не могли не рассматривать ухудшение советско-финских отношений осенью 1939 г. как серьезную угрозу для всего региона³².

В Хельсинки при этом в складывающейся ситуации ожидали уточнений, на какую реальную поддержку со стороны соседей можно рассчитывать. Признавая важность моральной поддержки со стороны «братских» скандинавских стран, финское правительство и Генеральный штаб осознавали, что на практике получить какую-либо помощь от Норвегии и Дании, за исключением умеренной дипломатической, в сложившейся ситуации было крайне маловероятно. В связи с этим основное внимание финнов было направлено в Стокгольм.

4 октября министр иностранных дел Финляндии Эльяс Эркко сделал официальный запрос по дипломатическим каналам о готовности Швеции в случае прямой военной угрозы участвовать совместно с Финляндией в укреплении Аландов и (в случае отрицательного ответа на первый вопрос) об ее отношении к односторонним финским действиям на островах³³. После противоречивых дискуссий в риксдаге и Комитете по внешней политике, имевших место в течение первой половины октября, шведское правительство приняло «окончательное в настоящей ситуации» решение не оказывать содействия финнам в обороне архипелага, о чем Эркко был проинформирован 19 октября³⁴.

К этому времени советско-финские отношения вошли в новую напряженную стадию³⁵. Еще 5 октября последовала телеграмма Молотова о необходимости срочного обмена мнениями с финским правительством по «конкретным политическим вопросам», после получения которой финский МИД начал новое

зондирование позиций тех стран, на чье мнение можно было опереться в ведении переговоров с Москвой. Наряду с мнением великих держав в этом вопросе, финнов закономерным образом интересовала принципиальная позиция соседних скандинавских стран — прежде всего Швеции.

Несмотря на отсутствие конкретных соглашений и официальных договоренностей со скандинавскими правительствами о помощи с их стороны Финляндии в случае обострения отношений с СССР, в Хельсинки, где с середины 1930-х гг. на «северную ориентацию» во внешней политике делали немалые ставки, на такую поддержку, очевидно, рассчитывали³⁶. Ожидания финского правительства подогревались и атмосферой, создавшейся в Скандинавии после начала советско-финских переговоров в Москве, которые «стали в Скандинавии предметом пристального и недоброжелательного к нашей стране внимания»³⁷. Скандинавская общественность с самого начала однозначно и горячо поддерживала намерения финнов «быть твердыми до конца», а пресса северных стран уже в первые дни переговоров была переполнена статьями, подчеркивающими общность интересов Финляндии и скандинавских стран³⁸.

Таким образом, усилившаяся в сентябре 1939 г. угроза распространения войны на Северную Европу, которая поначалу рассматривалась как обоюдоострая проблема для всех стран нейтрального региона, «сконцентрировалась» в течение первых двух месяцев на направлении Финляндия — Швеция, поскольку выдвинутые Советским Союзом в октябре требования (хотя волновали также и норвежцев в связи с ситуацией в северных портах) объективно прежде всего затрагивали интересы безопасности этих двух стран.

Начало финско-советских переговоров сопровождалось также демонстрацией «северной солидарности» на официальном дипломатическом уровне. В преддверии начала переговоров, 11 октября 1939 г. скандинавские посланники в СССР, после неудачной попытки добиться приема у наркома иностранных дел, совершили согласованный демарш, вручив личному секретарю В. М. Молотова ноту³⁹ с выражением надежды на неприкосновенность «северного нейтралитета» и отсутствие на текущих переговорах требований с советской стороны, препятствующих сохранению независимой нейтральной позиции Финляндии⁴⁰.

Скандинавские декларации, однако, были отклонены Москвой на том основании, что направившие их страны являются «третьими сторонами»⁴¹.

При наступившем вскоре перерыве в московских переговорах надежды Финляндии относительно прояснения позиции нейтральных соседей возлагались на встречу руководителей четырех северных стран, состоявшуюся по инициативе шведского короля Густава V в Стокгольме 18–19 октября — в момент, кульминационный для советско-финских отношений. Встреча отличалась поистине «королевским» размахом как с точки зрения великолепной организации, так и состава участников: в Стокгольм были приглашены главы государств соседних северных стран вместе с министрами иностранных дел. В сложившейся обстановке в обсуждениях МИДов на первом месте закономерным образом стояли вопросы о возможностях скорейшего преодоления кризиса, вызванного нарастающей напряженностью в советско-финских отношениях. Однако помимо практического обмена взглядами между министрами иностранных дел, организация данной встречи была направлена также на достижение определенного психологического эффекта и имела важное символическое значение в качестве подтверждения «северной солидарности» и верности «северному нейтралитету» перед лицом угрозы. Три скандинавских монарха, к которым впервые присоединился финский президент К. Каллио, собрались вместе впервые с 1917 г.: несмотря на присутствие одного президента, данная встреча получила наименование «конгресса королей».

Массовая демонстрация, сопровождающаяся распеванием скандинавских песен⁴², у королевского дворца в Стокгольме вечером 18 октября и речи скандинавских королей дали журналистам множество поводов для заявлений о том, что «этот великий день войдет в историю Скандинавии как момент, когда впервые отношения северных стран перестали быть прерогативой политиков и государственных институтов и стали делом всего народа»⁴³.

Наряду с обсуждением возможностей вклада северных стран в дело мира и всеобщей безопасности, на повестке конференции МИДов северных стран в Стокгольме стояли более острые проблемы — возможности сохранения нейтрального курса северных стран как такового. В качестве составной части данного вопроса

в первую очередь, закономерным образом, обсуждался предмет финско-русских переговоров.

В ходе конференции Эркко, достаточно подробно изложивший скандинавским коллегам ход переговоров в Москве, особенно подчеркнул заявление Советского Союза о том, что «в случае войны боевые действия, возможно, придется вести с баз нейтральных стран». Одновременно Эркко заметил, что претензии русских на территории на Севере являются только первым шагом в продвижении на Запад (его норвежский коллега Х. Кут подтвердил, что подобное мнение бытует и в Норвегии)⁴⁴. В связи с этим финский министр подчеркивал, что Финляндии в переговорах с СССР важно акцентировать важность своего нейтрального положения, ибо «то, что компрометирует нейтральное положение Финляндии, компрометирует ее жизненные интересы»⁴⁵.

Ход переговоров наглядно продемонстрировал различия в позициях внешнеполитических ведомств скандинавских стран по «финской проблеме». Предложения датского министра П. Мунка сводились к изысканию новых возможностей для усиления пакта о ненападении между Финляндией и СССР (по образцу датско-германского). Кут разделял опасения относительно советской экспансии в северных районах, однако не предлагал никаких совместных мер по обороне Заполярья. При обсуждении новых мер, которые могли бы оказать дипломатическую поддержку Финляндии, Кут и Мунк выразили одинаковое мнение о том, что их правительства «не считают возможным давать Финляндии какие-либо советы в данной ситуации, коль скоро они не могут подкрепить эти советы реальной поддержкой»⁴⁶.

Так оба политика четко дали Эркко понять, что надежды на помощь Финляндии со стороны Дании и Норвегии сверх той «моральной поддержки», которая уже была оказана ей в Москве, едва ли возможны и в будущем. Характерно, что в ответ на вопрос датского и норвежского министров, какую, по собственному мнению Эркко, фактическую поддержку скандинавские страны могут оказать Финляндии, финский министр сообщил, что «демонстрация уверенности соседних стран в строгом соблюдении Финляндией своего нейтралитета» оказала бы существенную пользу для укрепления международного положения его страны:

на большее, в сложившейся неопределенной ситуации в международных отношениях, он и не может рассчитывать⁴⁷.

Более энергичные, но менее конкретные предложения шведского министра Р. Сандлера по акцентированию «высшей степени заинтересованности скандинавов в сохранении Финляндией нейтралитета» (посредством которого предполагалось совершить «лучший вклад в его сохранение») были восприняты Мунком и Кутом без энтузиазма, но не вызвали и возражений. Норвежский министр при этом отметил, что воля северных стран к нейтралитету настолько очевидна, что не требует очередного подтверждения, однако «почему бы и нет? В данной ситуации это заявление может предстать в новом, более позитивном свете»⁴⁸. В конечном итоге Сандлер предпочел оставить вопрос о новом скандинавском демарше в Москве для согласования с коллегами в ближайшем будущем.

На последней неделе октября, однако, различия между степенью шведской и датско-норвежской вовлеченности в «финский вопрос» проявились еще отчетливее. После череды интенсивных контактов, произошедших между министрами и посланниками северных стран за период 29–31 октября, Дания и Норвегия еще сильнее утвердились в своих сомнениях относительно необходимости очередного совместного выступления в Москве и резонности следовать «шведской» линии⁴⁹. Главным аргументом против этого являлась слишком незначительная информированность Осло и Копенгагена относительно хода советско-финских переговоров и связанная с этим (по выражению Кута) «боязнь раздражать русских»⁵⁰. Стремление обеих стран занять отстраненную позицию усилила и речь Молотова 31 октября в Верховном Совете СССР, усугубившая атмосферу отчужденности и непонимания между Советским Союзом и Финляндией⁵¹.

Стокгольмское коммюнике, по замечанию К. Г. Маннергейма, было «таким расплывчатым, что ясно показало изоляцию Финляндии»⁵². При этом неоднозначность оказанной скандинавами Финляндии в течение первой недели после начала московских переговоров дипломатической поддержки заключалась в том, что, при всей своей ограниченности и символичности, она «получила в Финляндии высокую оценку и стимулировала финское правительство и общественность к непреклонности»⁵³.

Помимо психологических факторов, непреклонность финнов, в данном случае, определялась и более «рациональными» мотивами, повлиявшими, видимо, на позицию финского МИДа в период московских переговоров. Хотя стокгольмская конференция однозначно продемонстрировала приоритеты норвежского и датского правительств — не допустить вовлечения своих стран в войну и невозможность подвергать свою страну чрезмерному риску ради защиты «восточной границы Северной Европы», по поводу позиции Швеции у финского МИДа, однако, не было столь однозначной уверенности. И в данном случае представляется важным учитывать несколько моментов.

Прежде всего, планируемое обсуждение позиции Финляндии на переговорах в Стокгольме не было предварительно согласовано в Хельсинки, поэтому «никакой информации не было после возвращения финских представителей» назад в Хельсинки⁵⁴. Как указывает в своих мемуарах, в частности, В. Таннер, представлявший вместе с Ю. К. Паасикиви Финляндию на московских переговорах в октябре — ноябре 1939 г., много позже он узнал от шведского премьер-министра Ханссона, что «Эркко спросил его тогда, можно ли ожидать помощи от Швеции, но получил отрицательный ответ»⁵⁵. Финский кабинет министров, таким образом, ничего не узнал о позиции официального Стокгольма до того, как начался второй этап переговоров в Москве.

Эркко было известно, что в шведском кабинете министров по вопросу о помощи Финляндии существовали значительные разногласия. Министр обороны Швеции П. Э. Шёльд являлся горячим сторонником совместных финско-шведских военных приготовлений. В риксдаге также правые, во главе с радикально настроенным в поддержку Финляндии Й. Багге, и социал-демократы занимали достаточно позитивную позицию по отношению к Финляндии, хотя и проявляли нерешительность из-за отсутствия информации о предъявленных Финляндии требованиях⁵⁶. Таким образом, осведомленность о наличии «особого мнения» во влиятельных политических и военных кругах Швеции оставляла пространство для выстраивания в Хельсинки предположений относительно корректировки генеральной (в целом — негативной) линии шведского кабинета министров. Многие финны и прежде всего Эркко не верили, что сказанное шведами по этому вопросу слово следует считать по-

следним⁵⁷. Так выстраивалась запутанная ситуация, в которой полученный Эркко официальный ответ от шведских властей не считался определенным, и «двери для Швеции, в случае ее перехода к более активной политике в условиях войны, оставались открытыми»⁵⁸.

Следует иметь в виду, что единственным первоисточником относительно разговора Эркко с Ханссоном, Сандлером и Шёльдом, состоявшегося 19 октября, являются записки самого Ханссона⁵⁹, что является причиной выстраивания многими историками предположений относительно того, насколько однозначным был ответ шведского премьера. Более того, возникший 21–22 октября кризис в шведском правительстве, источником которого стало выражение министром финансов Э. Вигфорсом (ярким противником любых схем военного сотрудничества с Финляндией) своего недоверия в отношении способности Ханссона противостоять «аландским авантюрам» Сандлера и его угрозы выйти из правительства с целью возглавить кампанию против посылки войск на Аланды, показывает, что «примирительная» позиция шведского премьер-министра, призывающего к отсрочке решения по Аландам и желающего сохранить обоих министров на своих постах и предотвратить еще более глубокий правительственный кризис, не воспринималась в качестве окончательной даже в Стокгольме⁶⁰.

По всей видимости, однако, дело заключалось не только в беседе 19 октября, но и в общей обстановке, которую Эркко пришлось наблюдать во время стокгольмского визита. Личные резоны финского министра — осознание вероятности того, что приближение войны значительно усилит позиции «профинской группы» в Стокгольме и под нажимом общественного мнения правительство все же санкционирует переброску войск в Финляндию, наличие особого «тайного знания» по поводу шведской военной помощи либо опасение в том, что «неокончательный» ответ Ханссона, будучи озвученным, повлечет за собой излишний пессимизм в Хельсинки в отношении советских требований (прежде всего относительно получения морской базы в Финском заливе), — привели к тому, что Эркко не проинформировал финское правительство о своих частных объяснениях со шведскими политиками. Когда на заседании парламентской комиссии по внешнеполитическим вопросам Эркко был задан

вопрос о позиции Швеции, он дал более чем «осторожный» ответ. Однако, как считает Таннер и ряд историков, четкое разъяснение актуальной позиции шведского правительства: категорический отказ от прямой военной помощи Финляндии со стороны Швеции в возможной войне против СССР, — могло бы повлиять на точку зрения финского парламента⁶¹. Вместо этого в финском общественном мнении и, соответственно, внутри выражающего его государственного органа, парламента, начал формироваться «ошибочный» оптимизм и убежденность в необходимости твердой позиции на переговорах в Кремле.

Так или иначе, по всей видимости, Эркко не посчитал нужным проинформировать правительство о «ясном ответе» Ханссона сразу после возвращения из Стокгольма, поскольку был склонен считать точку зрения, выраженную премьер-министром, неокончательной и полагал, что «скандинавская ориентация страны еще может дать желаемый результат»⁶². Как отмечает авторитетный шведский историк В. Карлгрен, Эркко располагал при этом самой подробной информацией о борьбе мнений в шведском правительстве, а также о резко противоположной мнению Ханссона позиции шведских военных, которые принимали активные попытки повлиять на содержание ответа шведского правительства, данного Эркко⁶³.

Второй момент, заслуживающий пристального внимания, — это поведение Сандлера на конференции 18–19 октября. Шведский министр (как явствует из протокола) играл своеобразную роль беспристрастного арбитра, согласовывающего высказанные мнения и пытающегося вынести из переговоров общий позитивный итог — без оглашения, однако, деталей шведского отношения к проблеме⁶⁴. Очевидно, подобное поведение также оставляло Эркко надежды на изыскание в будущем временно скрытых возможностей двустороннего шведско-финского военного сотрудничества. Причины того, почему Эркко в Стокгольме выглядел «поразительно спокойным и обнадеженным»⁶⁵, некоторые историки пытаются обнаружить в гипотетических закулисных обещаниях помощи со шведской стороны, наличие которых, однако, не подтверждено документально⁶⁶. В любом случае по своему возвращении в Хельсинки Эркко сообщил коллегам, что Сандлер обещал ему «полную дипломатическую поддержку»⁶⁷.

Спустя неделю после «встречи королей», вследствие отсутствия у финских дипломатов на возобновившихся в Кремле переговорах конкретной информации о позиции шведского правительства, в Стокгольм был отправлен личный эмиссар вернувшегося на время из Москвы В. Таннера — член правительства К. Г. Фагерхольм. В задачи финского посланника входило получение ответа от П. А. Ханссона на письмо Таннера, а также зондаж в правительственных кругах Швеции. Переданные Фагерхольмом на родину сведения в очередной раз подтвердили, однако, что в Стокгольме продолжается борьба мнений.

Так, в продолжительной беседе с Фагерхольмом 26 октября у себя дома Р. Сандлер в очередной раз заявил о готовности «содействовать Финляндии любым возможным образом»⁶⁸. К числу таких возможных в данных условиях дипломатических шагов шведский министр относил попытку скандинавов побудить правительство наиболее «беспристрастных» в данном случае стран — США и Италии — «предпринять энергичные меры в Москве в интересах Финляндии», обещая также и «более энергичные усилия в Москве» со стороны Швеции⁶⁹. При этом Сандлер не давал никаких обещаний относительно того, что негативная позиция шведского правительства по вопросу о военной поддержке Финляндии способна измениться в будущем⁷⁰. Расчет на дипломатическую помощь сторонних держав, однако, не оправдался. Вашингтон вскоре достаточно однозначно заявил об отсутствии мотивов для американского демарша в Хельсинки⁷¹. Идея итальянского посредничества в конфликте (после зондирования Сандлера) уже в конце октября также потеряла свою привлекательность⁷².

В объяснении манеры поведения шведского МИДа необходимо учитывать особенность его политической концепции. Сандлер считал, что военный исход событий немислим и нежелателен — в том числе и для Москвы, которая уже в полной мере (как полагал Сандлер) обезопасила себя договорами с прибалтийскими государствами, а дополнительные требования, предъявляемые Финляндии, являлись с ее стороны чистым оппортунизмом⁷³. Упорство СССР на переговорах в Москве расценивалось Сандлером как «война нервов», в обстановке которой Швеция также может «позволить себе удовольствие иногда блефовать»⁷⁴. Смысл этого «блефа», видимо, состоял

для «хитрого шведа» в недопущении демонстрации всему миру очевидной военной нерешительности Швеции, которую означал бы громкий однозначный отказ от участия вместе с финнами в обороне Аландов. Основная озабоченность Сандлера при этом оставалась направлена на устранение не столько советской, сколько германской угрозы на подступах к Стокгольму⁷⁵.

Позитивный настрой шведского министра иностранных дел в этот период, однако, все отчетливее опровергался генеральной линией кабинета Ханссона. Письмо В. Таннера к главе шведского правительства от 26 октября, в котором звучала просьба «по совести» ответить на единственный вопрос: существует ли какой-то шанс рассчитывать, «особенно в связи с вопросом о полуострове Ханко», на «действенную военную помощь» от Швеции в складывающейся ситуации⁷⁶, — побудило Ханссона на следующий день согласовать свой ответ с другими министрами. В ходе обсуждения предложенный премьер-министром вариант был принят без внесения корректив. Общий тон отношения шведского правительства к очередному финскому запросу выразил министр юстиции К. Г. Вестман, который высказал мнение о том, что «шведскому правительству в целом и особенно его членам по отдельности следует избегать каких-либо советов финнам так же, как следует избегать давать советы человеку, который собирается совершить самоубийство или отдать себя в рабство»⁷⁷. Таким образом, по сути, Ханссон в письменном виде подтвердил свои слова, произнесенные во время последней беседы с Эркко в Стокгольме.

Запутывающий ситуацию дуализм мнений в шведском правительстве по поводу необходимости участия в обороне соседней Финляндии объяснялся, в большой степени, отличиями в тактиках поведения премьер-министра и министра иностранных дел⁷⁸. В 1930-е гг. форма проведения в жизнь внешнеполитических решений шведского правительства полностью определялась более эмоциональным и энергичным Р. Сандлером, политика которого отличалась значительной самостоятельностью и подчас долей авантюризма. При этом фигура Ханссона, за которым в действительности было решающее слово, находилась как бы в тени сандлеровского авторитета⁷⁹. Данное «распределение ролей» было способно, по неоднозначности своих внешних проявлений, вызвать неверные представления о действитель-

ном мнении шведского правительства и привело осенью 1939 г. к ситуации неопределенности, в которой финнам было непросто определить, где же именно проходит та черта, за которой обрывается шведская поддержка Финляндии⁸⁰.

Важно подчеркнуть, что большинство скандинавских и финских историков, отмечающих «злой гений» Сандлера в трагической развязке «финского вопроса», имели ввиду именно *тактигескую* ошибку его поведения, а не узость политического мышления в целом⁸¹. Дипломат, мнение которого на международной арене не без основания воспринимали в качестве официальной позиции шведского правительства, считал игру на полутонах и уклончивость приемлемыми и уместными, в то время как заявления Ханссона по «финскому вопросу» осенью 1939 г. были гораздо более прямолинейными. Поведение Сандлера, однако, очевидно, заставляло финнов сомневаться в «правильности слов премьер-министра»⁸². Необходимо заметить, что сам Ханссон, возглавляющий в обстановке борьбы мнений в шведском правительстве «молчаливое большинство»⁸³, не являлся принципиальным противником шведско-финского сотрудничества в сфере безопасности, однако отвергал любые политические меры, которые могли ослабить нейтральность самой Швеции. Единственным оправданием активной поддержки Финляндии являлось, в глазах Ханссона, предотвращение скатывания Хельсинки к немецкой ориентации⁸⁴: накануне «зимней войны», однако, шансы на помощь из Берлина для Финляндии были практически равны нулю, в связи с чем позиция шведского премьера получила необходимые уточнения.

При этом, согласно К. Вальбеку, сложность уяснения для Хельсинки действительного мнения Швеции по «финскому вопросу» определялась, в целом, гораздо более глубокими причинами, чем внешняя канва противоречий по линии Ханссон — большинство кабинета министров — Сандлер и высший генералитет. В данном случае речь шла о самом характере демократического способа правления в Швеции, при котором плюрализм и свободный обмен мнениями, даже при усугубляемых в результате этого противоречиях, составляли основу политической жизни и благополучия гражданского общества⁸⁵.

В любом случае отсутствие единообразия во взглядах на нуэтриполитической арене Швеции предоставляло ее соседям

право решать самостоятельно, может ли измениться официальная точка зрения правительства Ханссона под влиянием новых внешнеполитических обстоятельств. Сложный комплекс эмоций, домыслов, опасений, ожиданий, расчетов и надежд, закономерно сказывающийся в данной неоднозначной ситуации на принятии политических решений, определил тот факт, что ни Эрко, ни Таннер, ни президент Каллио, обладавшие практически идентичной информацией об ответе Ханссона, не проинформировали о нем своих коллег в Хельсинки.

Поскольку после стокгольмского совещания скандинавские страны не смогли договориться о новом совместном демарше, шведская дипломатия в Москве продолжала действовать в одиночку. 2 ноября, к началу последнего этапа переговоров в Москве, шведский посланник Винтер вручил советскому правительству меморандум, по содержанию во многом повторявший ноту от 11 октября, относительно «прочной принадлежности» Финляндии к группе «строго нейтральных государств» и крайней заинтересованности Швеции в том, чтобы советские требования не провоцировали изменения финской ориентации⁸⁶. Очередное проявление шведского заступничества, однако, вызвало с советской стороны лишь раздражение: Молотов вернул меморандум назад в тот же день с резкими словами о «неуместности вмешательства Швеции в советско-финские отношения, которое не может быть оправдано политикой общего с Финляндией нейтралитета», так как «Швеция не имеет к этому вопросу никакого отношения, а СССР ведет дружественные переговоры с Финляндией»⁸⁷.

В то же время Сандлеру удалось согласовать с Кутом и Мунком, которые были весьма скептически настроены в отношении возможности оказать какое-либо позитивное влияние на советско-финские переговоры, вопрос о «смягченных» формах участия Норвегии и Дании в накаляющемся конфликте. 2 ноября оба министра дали согласие выразить интерес своих правительств к ситуации путем передачи распоряжения в московские посольства о «выяснении, как движутся переговоры»⁸⁸.

Дилемма, перед которой оказались Кут и Мунк, заключалась в том, что оба министра в острой международной ситуации не собирались занимать отличную от Стокгольма позицию. Совместная «северная» позиция была удобна также в том плане, что позволя-

ла переложить на чужие плечи или, по крайней мере, разделить груз ответственности за принятие решения с соседними странами. Норвежский и датский МИД до последнего противились осознанию того, что в складывающихся условиях они оказывались на развилке, требующей определить свое собственное отношение без учета «северной солидарности» — чудесной формулы, которая к этому времени все хуже работала в качестве прежнего, хотя бы психологического щита. В этих обстоятельствах предложенный Сандлером компромиссный вариант «мягкого демарша» представлялся для Дании и Норвегии весьма удачной альтернативой. Последовавшие 6 ноября датско-норвежские запросы в советском МИДе стали между тем, напротив, причиной одинаково резких замечаний со стороны Москвы о том, что «переговоры касаются только государств, ведущих эти переговоры, но отнюдь не третьего государства»⁸⁹. На этой ноте фактически завершилось многостороннее «северное сотрудничество» в тяжелой обстановке советско-финских переговоров, основная цель которого заключалась в попытке оказать моральное воздействие на Советский Союз и убедить могущественного соседа Финляндии в прочности «северного нейтрального блока», в которой сами его участники осенью 1939 г. уже были уверены.

В директивах, полученных финской делегацией от Эркко 30 октября, прямо перед ее отъездом в Москву в последний раз, содержалась инструкция «не отступать от Ханко», так как «если мы сделаем это, то потеряем Скандинавию»⁹⁰. Данные указания подтверждают, что даже на последнем, решающем этапе переговоров с Москвой глава финского МИДа считал, что внешняя политика его страны, курс которой выработывался годами, должна в критической ситуации продолжать основываться на северном нейтралитете — системе международных отношений с центром в Стокгольме.

С началом «зимней войны», однако, шведское правительство, являвшееся осенью 1939 г. институтом, где во многом определялись судьбы «северной политики», отрицательно ответило на запрос Финляндии о возможности помощи ей войсками, уведомив советского полпреда в Стокгольме А. М. Коллонтай о неизменности и «традиционности» своего нейтралитета в советско-финском конфликте⁹¹, дистанцировавшись, таким образом, от обеих воюющих сторон.

При оценке «полезности» попыток скандинавов поддержать «северную ориентацию» Финляндии осенью 1939 г. существует немалый соблазн увлечься гипотетической реконструкцией событий с использованием сослагательного наклонения, которого исторический анализ, как известно, не терпит. Внимание в данном случае, по всей видимости, следует направить не столько на ее последствия (которые, в целом, оказали минимальное влияние на исход советско-финских переговоров), сколько на способы ее реализации.

Причины поддержки Финляндии определяются достаточно легко — «северная политика» осени 1939 г. являлась продолжением выстраиваемой северными странами с 1936 г., после серьезного подрыва авторитета Лиги Наций, линии внешнеполитического поведения, которая позволяла участникам, с большей или меньшей степенью эффективности, избежать одновременно изоляции и вовлечения в орбиту европейского противоречий. Малые северные страны, окруженные кольцом воюющих великих держав, не обладали возможностью радикально и тем более единовременно менять свою нейтральную политику. С началом войны в Европе причин для таких перемен стало еще меньше. Следовательно, дипломатическая поддержка Скандинавией финского нейтралитета, для демонстрации которой в Москве, возможно, были избраны не самые эффективные и гибкие методы, являлась закономерным способом предотвратить окончательный развал «северного нейтрального блока», альтернативы которому не существовало. Наряду с этим, в возможность войны в октябре — ноябре 1939 г. в Скандинавии, последний вооруженный конфликт на территории которой имел место в далеком 1864 г., многие просто отказывались верить. Основной же причиной скандинавской поддержки Финляндии, посредством которой Дания, Швеция и Норвегия стремились не «разжечь» финскую самоуверенность, а примирить конфликтующие стороны, стало отношение к нормализации отношений СССР и Финляндии как к принципиальному вопросу сохранения мира в Северной Европе вообще.

При рассмотрении проблем внешней политики Северной Европы накануне и в начале Второй мировой войны основной поток критики обычно направляется в адрес наиболее влиятельной и «объединяющей вокруг себя» остальных со-

седей шведской дипломатии. В этом контексте «вину» Швеции осенью 1939 г., видимо, не стоит преувеличивать, поскольку, являясь центральным и наиболее могущественным государством региона Северной Европы, она оставалась, в общемировом масштабе, слабой «малой» страной, вряд ли способной перед лицом военной угрозы со стороны уже вступивших в войну крупных европейских держав обеспечить собственную оборону. Для Швеции изменить выстроенную в предвоенные годы политику «северного нейтралитета» (смысл которой заключался в поддержке северных стран в их желании оставаться в стороне от любых европейских конфликтов, но не в обязательствах по организации совместной обороны «границ Скандинавии») в условиях предельного напряжения международной ситуации на востоке осенью 1939 г. было так же трудновыполнимо, как и денонсировать Финляндией ее «скандинавскую ориентацию» в октябре 1939 г. Объективно говоря, перед угрозой войны с СССР, в территориальных уступках которому в Хельсинки видели не просто крушение своего «северного» внешнеполитического курса, но посягательство на основы финского государственного суверенитета, для Финляндии ни в дипломатическом, ни в военном отношении не существовало более благоприятной альтернативы, чем нейтральная Швеция. В таком случае Финляндия, как и Швеция, в определенном смысле были «заложниками» предшествующего курса, от которого они не могли отступить за несколько месяцев, но который оказались не в состоянии и скорректировать и дополнить более решительными мерами.

Сотрудничество Швеции и Финляндии представляло собой сотрудничество стран, связанных многими общими интересами, однако имеющих различный исторический опыт, материальную базу, различный международный авторитет и связи и, в зависимости от этого, по-разному расставляющих приоритеты политики безопасности. Таким образом, несостоятельность финско-шведского сотрудничества накануне большой европейской войны определялась тем, что смысл «северного курса» в двух странах, которые возлагали на него серьезные надежды — Швеции и Финляндии, — понимался неодинаково. Для Швеции он означал *превентивные* меры, способные обезопасить регион от вторжения агрессора: продуманного «резервного плана», как

именно следует действовать в случае неудачи этой политики, в шведском МИДе не существовало. В Финляндии сотрудничество со скандинавами (прежде всего, Швецией), в данном случае, понималось более конкретно: оно воспринималось не только в качестве удобной политической риторики, но и в значительной степени как реальная оборонительная концепция, которая способна проявить свой истинный потенциал в случае войны. Туниковый же путь, на который вышло шведско-финское сотрудничество в октябре — ноябре 1939 г., следует прежде всего рассматривать как следствие обстановки, созданной борьбой интересов и противоречиями великих держав, участником которой невольно становились расположенные в стратегически важных районах северные нейтральные страны.

Обвинение в адрес шведов (или скандинавов) в «обмане» или «предательстве» Финляндии или по крайней мере скептицизм относительно их действий в преддверии «зимней войны» не раз озвучивались как современниками событий, так и в исторической литературе. Позиция Дании и Норвегии, как представляется, вполне объяснима и не нуждается в дополнительном комментарии, однако шведская политика вызывает более неоднозначные суждения.

Показательной в этом отношении является историческая полемика, развернувшаяся в 1980-х гг. между историками М. Туртола и К. Вальбеком, по-разному оценивавшими значение шведского фактора в выстраивании внешнеполитической линии Финляндии осенью 1939 г. Финский историк Туртола, в своей диссертации о финско-шведском военном сотрудничестве в межвоенный период подчеркивает соблазн (даже при отсутствии соответствующих документов) объяснять негибкость финской внешней политики накануне войны «надеждой на то, что военная помощь со стороны Швеции все же будет оказана в последнюю минуту»⁹². Вальбек, со своей стороны, доказательно аргументирует слабость этого тезиса. Шведский историк указывает на то, что, во-первых, все же центральные фигуры, отвечающие за политику по отношению к СССР, получили от Ханссона четкий негативный ответ; во-вторых, если бы вера в шведскую помощь при формулировании ответа на советские требования играла бы столь важную роль, то она непременно проявилась бы во время внутренних дискуссий в Хельсинки

в октябре — ноябре 1939 г. и найти документальные подтверждения этому не составило бы труда. Однако таких документов не обнаруживается, что говорит о том, что надежда в финских правительственных кругах на шведскую поддержку как фактор принятия политических решений, вне зависимости от скрытых Эркко и Таннером фактов, осенью 1939 г. была либо ничтожна мала, либо отсутствовала как таковая⁹³.

Вероятно, для установления исторической истины прежде всего следует учитывать оценку развития финско-шведских отношений самими участниками событий — и, в первую очередь, пострадавшей в данном случае финской стороной. В обширном списке мемуарной и исследовательской литературы неоднократно встречаются выражения разочарования финнов в отказе Швеции от прямой военной помощи накануне и в период «зимней войны», однако крайне редко присутствует суждение о том, что Швеция своим отказом нарушила какие-либо обещания, морального либо политического характера. И прежде всего против любых обвинений в адрес соседней «братской» страны свидетельствуют оценки тех финнов, кто имел непосредственную причастность к финско-шведским государственным переговорам осенью 1939 г.

Маршал К. Г. Маннергейм в своих мемуарах однозначно указывает на прозрачность шведской позиции в октябре 1939 г., которая должна была быть верным образом истолкована опытными финскими политиками вне зависимости от, возможно, преувеличенно оптимистичных заявлений Эркко: «когда Каллио вернулся на родину, ему и правительству следовало бы понять, что мы остались в одиночестве»⁹⁴. В качестве одного из доказательств прозрачности шведской политики (на радикальное изменение которой финнам, по его мнению, не приходилось рассчитывать ни при каких обстоятельствах) финский главнокомандующий приводит запрет шведов даже обнародовать новость о предоставленном Финляндии к этому времени займе в 40 миллионов крон⁹⁵. В то же время Маннергейм констатировал, что «вооруженной поддержки Швеции было бы достаточно для отражения угрозы войны», но Финляндия в своих отношениях со Скандинавией к этому времени «еще явно не добилась необходимой близости»⁹⁶. В реалистичной оценке Маннергеймом сути шведско-финских отношений накануне

«зимней войны» усматривается некоторое сожаление при полном, однако, понимании и уважении позиции соседней страны. Любые обличительные характеристики и упреки в отношении обнадеживающей позиции Сандлера и медлительности реакции Стокгольма отсутствуют также и в воспоминаниях В. Таннера, отмечающего, что после начала советско-финской войны и преобразования шведского кабинета министров Сандлер вышел из правительства «из уважения к Финляндии, так как он не мог принять политику, которой Ханссон в качестве главы нового правительства решил следовать»⁹⁷.

Поведение северных стран в отношении Финляндии определялась осенью 1939 г. теми новыми, еще более узкими рамками, которые установила для них жесткая политика европейских гегемонов военного времени. Пространства для маневра у малых стран фактически не оставалось. Однако даже в этой ситуации ограниченная помощь со стороны соседних стран рассматривалась в Хельсинки как мера, способная повлиять на характер советско-финских отношений. Расчет на совместную демонстрацию Северной Европой нерушимых нейтральных намерений, однако, не принес своего эффекта, поскольку в Советском Союзе переговоры осени 1939 г. с самого начала рассматривались как сугубо личное дело двух стран. Фактически мнение о положении Финляндии на международной арене уже было полностью сформировано и не подлежало дальнейшему обсуждению. Советская тактика ведения переговоров — полное саботирование стремления Финляндии сохранить своей нейтралитет и отработанная однозначная реакция на любые возражения против советских требований как на преграду, мешающую Советскому Союзу в «осуществлении его справедливых и умеренных предложений», а именно в «укреплении безопасности СССР и Финляндии, а в конечном счете — всей Северной Европы»⁹⁸, — способствовала тому, что Финляндия, продолжая позиционировать себя в этот период в качестве участника «северного нейтрального блока», оказалась изолирована и вынуждена была в итоге рассчитывать лишь на собственные ресурсы⁹⁹.

Сотрудничество четырех северных стран накануне «зимней войны» представляло попытку обнаружить, во все более накаляющейся обстановке, почву под ногами и, при невозможности, организовать более широкое и постоянное межгосударственное

взаимодействие и «совместную оборону нейтралитета», способствовать этой цели единственным доступным и «безопасным» способом — через свободный многосторонний обмен информацией, в том числе и конфиденциальной. «Зимняя война» между Финляндией и Советским Союзом стала первым тяжелым ударом по «северному нейтралитету», предотвратить который соседние скандинавские страны не имели возможности. Начало «зимней войны» не означало, что скандинавские страны прекратили свои усилия по оказанию помощи Финляндии и посреднические инициативы по примирению сторон, однако в условиях начавшейся войны они неизбежно имели уже иной характер и по форме, и по содержанию.

¹ Барышников В. Н. О попытке создания в начале 1940 г. тройственного союза северных стран // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2000. Сер. 2. № 9. С. 18–29; Вайну Х. М. О попытках политического сближения Финляндии со скандинавскими странами в 1940 году // Скандинавский сборник. 1980. № 25. С. 147–158; Репневский А. В. «Зимняя война» в политике Норвегии. — (URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/repn_zimv.php)

² См. подробнее: Кан А. С. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны. М., 1967. С. 22; Sjøqvist V. Danmarks udenrigspolitik 1933–1940. København 1966. S. 212–215, 221–222.

³ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VI. London, 1956. P. 621.

⁴ Рупасов А. И. Советско-финляндские отношения. Середина 1920-х-начало 1930-х гг. СПб., 2001. С. 168–178.

⁵ История Норвегии. М., 1980. С. 388–389; Русте У. История внешней политики Норвегии. М., 2003. С. 188–190.

⁶ См. об этом: Кан А. С. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны. С. 43–46; Корунова Е. В. Проблема нейтралитета во внешней политике Швеции, 1933–1939 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007.

⁷ Подробнее об итогах военного сотрудничества четырех северных стран в межвоенный период см.: Holtsmark S. G., Kristiansen T. En nordisk illusion? Norge og militært samarbeid i Nord 1918–1940. Forsvarstudier 6/1991. Oslo, 1991.

⁸ Blidberg K. Utrikespolitiska kontakter och samarbete mellan de nordiska länderna september 1939 — mars 1940 // Scandia. 1979. Vol. 45. № 1. S. 108.

⁹ Protokoll vid sammaträde i Oslo den 21 och 22 aug. 1939 // Samråd i kristid. Utg. genom K. Wahlbäck och K. Blidberg. Stockholm, 1986. S. 184–191.

¹⁰ Roon G. v. Small States in Years of Depression: the Oslo Alliance 1930–1940. Assen and Maastricht: Van Gorcum, 1989. P. 289–291.

¹¹ Ibid.

¹² Manchester Guard. 1939. 23.08.

¹³ *Roon G. v. Small States in Years of Depression: the Oslo Alliance 1930–1940.* P. 291.

¹⁴ Ulkoasiainministeriön arkisto (далее: UM). 7 B. Protokoll av nordiska utrikesministermötet i Oslo, 30–31.08.1939.

¹⁵ *Кан А. С. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны.* С. 38.

¹⁶ Riksarkiv, Utrikesdepartementet (далее: RA. UD). HP 20 D. Protokoll av konferensen mellan Oslo-staterna i Bryssel, 11–12.09.1939.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ *Roon v. G. Small States in Years of Depression: the Oslo Alliance 1930–1940.* P. 300–301.

¹⁹ Ibid. P. 301–307.

²⁰ *Roon G. v. Neutralism of the Oslo States // Neutrality in History. Proceedings of the Conference on the History of Neutrality organized in Helsinki 9–12 Sep.1992* (ed. J. Nevakivi). Helsinki, 1993. P. 166–167; *Idem. Small States in Years of Depression.* P. 320–321, 325–326.

²¹ *Кан А. С. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны.* С. 43.

²² *Salmon P. British Security Interests in Scandinavia and the Baltic 1918–1939 // The Baltic in International Relations between the two world wars: Symp. Organized by the Centre for Baltic studies, Nov.11–13, 1986, Univ. of Stockholm* (ed. J. Hiden & A. Loit). Stockholm, 1988. P. 123.

²³ UM. 7 B. Protokoll av nordiska utrikesministermötet i Oslo, 18–19.09.1939.

²⁴ Ibid.

²⁵ См.: *Roon G. v. Small States in Years of Depression.* P. 327; *Ludlow P. W. Scandinavia Between the Great Powers: Attempts at Mediation in the First Year of the Second World War // Historisk Tidskrift.* 1974. Vol. 94. P. 1–58.

²⁶ *Ludlow P. W. Scandinavia Between the Great Powers: Attempts at Mediation in the First Year of the Second World War* P. 34.

²⁷ Ibid. P. 47.

²⁸ *Кан А. С. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны.* С. 46.

²⁹ *Upton A. The Crisis of Scandinavia and the Collapse of Interwar Ideals, 1938–1940 // European Unity in Context: The Interwar Period* (ed. P. Stirk). London and New York, 1989. P. 180.

³⁰ Ibid. См. также: *Carlgren W. Svensk utrikespolitik 1939–1945.* Stockholm, 1973. P. 38–41.

³¹ О «северной политике» Сандлера в 1930-е годы подробнее см.: *Wahlback K. Rickard Sandlers nordiska politik // Socialdemokratin och svensk utrikespolitik: från Branting till Palme* (utg. B. Huldtt, K. Misgeld). Stockholm: Utrikespolitiska Institutet, 1990. S. 29–45.

³² *Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. 1922–1940 гг.* В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 463.

³³ *Carlgren W. Svensk utrikespolitik 1939–1945.* С. 39.

³⁴ *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы. 1930–1950-е годы.* М., 2005. С. 269–270.

³⁵ Подробнее см.: *Маннинен О., Барышников Н. И.* Переговоры осенью 1939 года // Зимняя война 1939–1940. Политическая история. М., 1999. С. 113–130.

³⁶ *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 231, 243.

³⁷ *Кан А. С.* Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны. С. 51.

³⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. М., 1992. С. 181.

³⁹ Текст ноты был предложен Сандлером и согласован без возражений П. Мунком и Х. Кутом 10 октября. (*Blidberg K.* Utrikespolitiska kontakter och samarbete mellan de nordiska länderna september 1939 – mars 1940. S. 110).

⁴⁰ *Upton A.* The Crisis of Scandinavia and the Collapse of Interwar Ideals, 1938–1940. P. 180.

⁴¹ *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии. 1939–1940. М., 2003. С. 119.

⁴² Всеобщая эйфория отразилась и на поведении участников конференции: так, норвежский министр иностранных дел Хальвдан Кут (впрочем, по-видимому, единственный среди своих коллег), встав на стул, распевал национальные песни вместе с народом «во все горло, с гордо откинутой головой» (*Skard S.* Mennesket Halvdan Koht. Oslo: Det norske samlaget, 1982. S. 129).

⁴³ *Upton A.* The Crisis of Scandinavia and the Collapse of Interwar Ideals, 1938–1940. P. 181.

⁴⁴ RA. UD. HP 20 D. Protokoll av nordiska utrikesministermötet i Stockholm, 18–19.10.1939.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ *Blidberg K.* Utrikespolitiska kontakter och samarbete mellan de nordiska länderna september 1939 – mars 1940. S. 111.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне. С. 255.

⁵² *Маннергейм К. Г.* Мемуары. М., 2003. С. 272.

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Таннер В.* Зимняя война. С. 49.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 73–74.

⁵⁷ *Полвинен Т.* Финляндия в международной политике до «зимней войны» // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 188.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *Wahlbäck K.* Svek Sverige Finland hösten 1939? // Historisk tidskrift för Finland. 1989. № 74. S. 255.

⁶⁰ *Кан А. С.* Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны. С. 51; *Wahlbäck K.* Finlandsfrågan i svensk politik, 1937–1940. Stockholm, 1964. S. 197.

⁶¹ *Таннер В.* Зимняя война. С. 49; *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне. С. 244.

⁶² *Барышников В. Н.* К проблеме скандинавской ориентации Финляндии в 1930-е гг. // Скандинавские чтения 1998 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1999. С. 244.

⁶³ *Carlgren W.* Svensk utrikespolitik 1939–1945. S. 49.

⁶⁴ RA. UD. HP 20 D. Protokoll av nordiska utrikesministermötet i Stockholm, 18–19.10.1939.

⁶⁵ *Carlgren W.* Svensk utrikespolitik 1939–1945. S. 50.

⁶⁶ *Turtola M.* Från Torne älv till Systerbäck. Hemligt försvarssamarbete mellan Finland och Sverige 1923–1940. Stockholm, 1987. S. 217.

⁶⁷ *Carlgren W.* Svensk utrikespolitik 1939–1945. S. 54.

⁶⁸ *Таннер В.* Зимняя война. С. 74.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ *Wahlbäck K.* Svek Sverige Finland hösten 1939?... S. 259.

⁷¹ *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне. С. 250.

⁷² *Blidberg K.* Utrikespolitiska kontakter och samarbete mellan de nordiska länderna september 1939 – mars 1940. S. 112.

⁷³ *Оселиус Г.* Финляндия в шведской политике безопасности, 1920–1940 // От войны к миру. СССР-Финляндия 1939–1940 гг. СПб., 2006. С. 26.

⁷⁴ *Таннер В.* Зимняя война. С. 74.

⁷⁵ *Оселиус Г.* Финляндия в шведской политике безопасности, 1920–1940 С. 26; *Upton A.* The Crisis of Scandinavia and the Collapse of Interwar Ideals, 1938–1940. P. 181.

⁷⁶ Полный текст этого письма, как и ответ Ханссона, приведены в мемуарах Таннера: *Таннер В.* Зимняя война. С. 66–71.

⁷⁷ *Westman K. G.* Politiska anteckningar september 1939 – mars 1943. Arlöv, 1981. S. 41. При этом примечательно сделанное Вестманом пронципальное замечание о том, что ответ на письмо Таннера «имеет историческое значение, и потому должен быть дан в письменной форме»: переписка между Таннером и Ханссоном 26–27 октября в действительности стала единственным письменным свидетельством взаимоотношений двух правительств касательно «финской проблемы» осенью 1939 г.

⁷⁸ *Upton A.* The Crisis of Scandinavia and the Collapse of Interwar Ideals, 1938–1940. P. 181–182, 185.

⁷⁹ *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы. 1930–1950-е годы. С. 39–40.

⁸⁰ *Carlgren W.* En kommentar om Per Albin Hasson // Socialdemokratin och svensk utrikespolitik: från Branting till Palme (utg. genom B. Huldt, K. Misgeld). Stockholm, 1990. S. 60.

⁸¹ *Möller Y.* Rickard Sandler. Folkbildare. Utrikesminister. Stockholm, 1990. S. 407–412.

⁸² *Оселиус Г.* Финляндия в шведской политике безопасности, 1920–1940. С. 26.

⁸³ *Upton A.* The Crisis of Scandinavia and the Collapse of Interwar Ideals, 1938–1940. P. 182.

⁸⁴ *Johansson A. W.* Per Albin Hansson och utrikespolitiken under andra världskriget // *Socialdemokratien och svensk utrikespolitik: från Branting till Palme* (utg. genom B. Hultdt, K. Misgeld). Stockholm, 1990. S. 51.

⁸⁵ *Wahlbäck K.* Svek Sverige Finland hösten 1939?... S. 270–271.

⁸⁶ *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне. С. 256;
Кан А. С. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны. С. 55.

⁸⁷ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. М., 1992. С. 253–254.

⁸⁸ *Blidberg K.* Utrikespolitiska kontakter och samarbete mellan de nordiska länderna september 1939 – mars 1940. S. 111.

⁸⁹ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. М., 1992. С. 258. См. также:
Sjøqvist V. Danmarks udenrigspolitik 1933–1940. S. 335.

⁹⁰ *Таннер В.* Зимняя война. С. 83.

⁹¹ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. 1922–1940 гг. С. 472;
Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне. С. 289–290.

⁹² *Turtola M.* Från Torne älv till Systerbäck. S. 212.

⁹³ *Wahlbäck K.* Svek Sverige Finland hösten 1939?... S. 263.

⁹⁴ *Маннергейм К. Г.* Мемуары. С. 272.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. С. 281–282.

⁹⁷ *Таннер В.* Зимняя война. С. 75.

⁹⁸ *Кан А. С.* Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны. С. 51.

⁹⁹ *Вихавайнен Т.* Внешняя политика Финляндии // *Зимняя война 1939–1940. Политическая история.* С. 37–69.

П. В. Петров

**ОПЕРАТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
НА КРАСНОЗНАМЕННОМ БАЛТИЙСКОМ ФЛОТЕ
В 1935–1941 гг.**

Одним из наиболее капитальных, важных вопросов в ходе подготовки ко всякой войне является разработка оперативного плана, который должен предусматривать наиболее вероятный, реалистичный ход предстоящих военных действий. При составлении этого плана крайне важно не ошибиться в определении своих вероятных противников и, соответственно, при постановке боевых задач на случай войны, ибо, как известно, ошибки предвоенного планирования ощутимо затем скажутся на начальном этапе боевых действий.

В период со второй половины 1930-х гг. и вплоть до начала Великой Отечественной войны военно-политическим руководством СССР было выработано несколько вариантов оперативного плана. Во всех этих планах первостепенное место отводилось определению вероятных противников Советского Союза. Здесь следует заметить, что при оценке враждебности разных европейских держав по отношению к СССР советским военно-политическим руководством принимались в расчет зачастую не столько научно обоснованные доводы, сколько идеологические догмы. Считалось, что практически любая европейская страна может стать потенциальным противником СССР в случае возникновения войны, при наличии определенных обстоятельств. А поэтому Советскому Союзу следовало быть готовыми к войне практически со всей Европой.

Причиной для столь радикальных воззрений было твердое мнение советских руководителей, что Запад всегда был, есть и будет единым в своей враждебности к СССР как единственному социалистическому государству в Европе. К тому же, существовала удобная формула, что «капиталист всегда остается капиталистом», так что европейские страны всегда смогут договориться между собой, за спиной Советского Союза. Эти идеологические постулаты прочно засели в умах советского руководства еще со времен гражданской войны, когда действительно имело место некоторое подобие антибольшевистского «крестового похода». Впрочем, отдельные события кануна Второй мировой войны (например, Мюнхенский договор в сентябре 1938 г. или перспектива англо-германских секретных переговоров летом 1939 г.) вполне укладывались в эту схему и лишь укрепляли советское руководство в своих подозрениях.

В соответствии с этим, естественно, в предвоенные годы военно-морское командование СССР регулярно составляло соответствующие оперативные планы. Причем они готовились по строго определенному порядку. Так, согласно директиве от 3 апреля 1934 г. начальника 1-го управления Генерального штаба РККА В. П. Калачева, штаб Балтийского флота, в частности, при составлении оперативного плана должен был учитывать необходимость подготовки, как ообщего плана действий, так и предполагаемого развертывания морских сил в целом. Кроме того, в плане должны были быть представлены задачи для военно-морских сил «по прикрытию мобилизации и развертывания», а также планы первых операций. Далее в этом общем и весьма важном документе должны были присутствовать еще план действий ВВС флота, план обороны главной базы, планы «минных заграждений и траления», логистики военного времени и план «политического обеспечения» готовящейся операции. При составлении оперативного плана особо требовалось учитывать также «материальное обеспечение» флота для проведения соответствующих боевых операций и иметь необходимые сведения о потенциальном противнике. К оперативному плану прилагался еще дневник начальника штаба и вся необходимая документация, которая составлялась исполнителями оперативного плана¹. Эти требования по под-

готовке данного документа затем еще были уточнены 22 марта 1939 г. заместителем наркома ВМФ, флагманом флота 2-го ранга П. И. Смирновым².

Главнейшим требованием к оперативному плану было то, что он «является рабочим документом командования, помогающим ему в управлении боевыми действиями с началом войны», поэтому все документы должны были быть простыми, удобными для пользования и исключительно конкретны³. Причем учитывалось, что этот план не являлся «стабильным», поскольку предполагалось, что «отдельные документы оперативного плана должны подправляться, дополняться или даже изменяться»⁴. В итоге этот основной военный план рассматривался как рабочий документ и должен был прежде всего отвечать на вопросы о том, что будет делать командование с началом войны и как оно для этого будет группировать и использовать существующие материальные силы и средства⁵.

Естественно, что план считался исключительно секретным документом. Для проработки отдельных документов плана допускалось участие лишь ограниченного круга лиц⁶.

В результате по соответствующему установленному порядку уже в середине 1930-х гг. началась выработка соответствующего оперативного планирования на Балтийском флоте. Так, 9 марта 1935 г. нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов направил командующему войсками Ленинградского военного округа И. П. Белову и командующему КБФ Л. М. Галлеру директиву, где поставил задачу «разработать план операций Краснознаменного Балтийского флота на 1935 год»⁷. При этом в директиве указывалось, что советскому командованию следует учитывать в качестве возможных вероятных противников Советского Союза такие страны, как Германия, Польша, Финляндия и Япония. Причем, как отмечалось в этом документе, «выступление Финляндии может произойти как одновременно с другими державами, так и несколько позже выступления Германии и Польши». Что же касается других государств, то в директиве подчеркивалось еще и то, что в отношении Англии, вопрос об ее возможном участии в войне следует также «считать открытым»⁸. Переходя затем к общим боевым задачам, которые необходимо было решать командованию КБФ в ходе начала возможной войны, в директиве прежде всего указывалось на необходимость с помощью

флота уничтожить основные военно-морские силы Финляндии, а также не допустить возможности переброски на финскую территорию по морю войск и боевого снабжения из Германии и Польши. Кроме того советскому флоту ставилась задача нарушить морское сообщение и уничтожать военные и торговые корабли противника на подходах к побережью Германии у портов Штеттин, Гдыня, Данциг и Пиллау. Наконец, КБФ должен был недопустить возможности атаки морских сил противника Ленинградского промышленного района, причем в случае появления в Финском заливе линейных кораблей противника, то с целью их уничтожения руководству флота разрешалось рассчитывать на тяжелую авиацию главного командования⁹. Более того с этой целью не допустить прорыва к Ленинграду морских сил противника КБФ должен был сразу же занять финские острова в восточной части Балтийского моря — Гогланд (Суурсаари), Лавенсари и Сескар (Сейскаари). Эти острова располагались в акватории единственного фарватера, соединяющего Кронштадт с морем, и поэтому имели большое стратегическое значение.

Тем не менее действия советского флота по данному плану носили очевидно вспомогательных характер, поскольку основная его задача также заключалась в том, чтобы содействовать войскам Северо-Западного фронта¹⁰ и обеспечить в военном отношении их боевые действия на флангах, в частности на побережье Карельского перешейка у Финского залива и Ладожского озера¹¹.

Любопытно, что выработанные в Москве директивы сохранили свое значение и в последующий период, поскольку в 1936 г. основные указания при составлении оперативного плана КБФ остались без изменений. Однако уже 30 декабря 1936 г. начальник Генерального штаба РККА маршал А. И. Егоров направил командующему войсками Ленинградского военного округа командарму 1-го ранга Б. М. Шапошникову и командующему Краснознаменным Балтийским флотом флагману флота 2-го ранга Л. М. Галлеру новую директиву, в которой давалось распоряжение разработать новый «план операций Краснознаменного Балтийского флота на 1937 год»¹².

В поступивших тогда указаниях несколько уточнялись государства, которые могли оказаться в числе вероятных про-

тивников СССР на северо-западе. Наряду с Германией, Польшей и Финляндией добавлялись также еще Эстония и Латвия. Однако в директиве подчеркивалось, что «необходимо учитывать, что Эстония и Латвия могут не выступить одновременно с другими державами, сохраняя в первый период благоприятный для противников нейтралитет»¹³. Кроме того, в поступивших из Москвы указаниях видно, что Англия уже не рассматривалась в военном руководстве СССР в качестве вероятного противника. Более того, подчеркивалось, что со стороны германского ВМФ можно ожидать активных боевых действий уже с первых же дней войны.

Что же касается конкретных задач для флота, то, в отличие от предыдущей директивы, теперь цели советского морского командования начали распространяться на необходимость ведения боевых действий с флотами «лимитрофных государств» Эстонии и Латвии. Кроме того, более четко отмечался и главный противник КБФ на море — это военно-морские силы Германии¹⁴.

О том, что пограничные с СССР государства — Финляндия, Эстония и Латвия — вызывали в новых условиях нарастающее беспокойство у советского военного руководства свидетельствует тот факт, что 13 января 1937 г. командующий войсками Ленинградского военного округа Б. М. Шапошников отправил командующему КБФ Л. М. Галлеру директиву, в которой внес ряд дополнений в готовящийся план операций. В директиве особо подчеркивалось, что при условии сохранения Эстонией и Латвией нейтралитета, основным противником СССР на сухопутном фронте будут являться «вооруженные силы Финляндии, поддержанные экспедиционными германскими войсками, при активных действиях германского флота в Финском заливе и немецкой авиации с аэродромов Финляндии и Эстонии»¹⁵. Далее же в этом документе уточнялось, что если Эстония и Латвия начнут боевые действия против вооруженных сил СССР одновременно с Финляндией, то их операции будут развиваться на трех стратегических направлениях: на Карельском перешейке, прямо у стен Ленинграда, а также на кингисеппском и псковском направлениях¹⁶.

Однако 17 мая 1937 г. новый командующий флотом флагман 1-го ранга А. К. Сивков представил на утверждение начальника Генерального штаба РККА маршалу А. И. Егорову «Общий

план действий Краснознаменного Балтийского флота»¹⁷. Отличительной особенностью этого документа стало то, что в нем Сивков выражал некоторые сомнения в степени возможности выполнения отдельных задач, которые были поставлены перед КБФ, указывая в довольно осторожной форме на те трудности, с которыми может столкнуться флот в процессе возможного решения стоящих перед ним в случае начала войны боевых задач.

Справедливо указывая на то, «основным нашим противником на Балтийском морском театре является Германия»¹⁸, он явно не скрывал тогда своих опасений по поводу того, что германский надводный флот (линкоры, крейсера и эсминцы), а также бомбардировочная авиация при действиях их с баз и аэродромов на территории Финляндии смогут создать «большие затруднения при решении поставленных нам задач в первоначальный период войны». А. К. Сивков также подчеркнул, что перспектива возможного вступления Эстонии и Латвии в боевые действия против СССР даст Германии еще один дополнительный плацдарм для базирования, а также наступательных действий ее войск¹⁹.

Оценивая «Общий план действий КБФ», надо отметить, что в основе его лежало положение о том, что противник первым нанесет удар по СССР. Но при это сразу же можно заметить его объективный недостаток, который заключался очевидно в его морально-концептуальной устарелости. В концепцию плана легло непоколебимое убеждение командующего флотом в том, что противник обязательно предоставит время в течение первых 10–12 дней войны для того, чтобы Краснознаменный Балтийский флот смог создать себе благоприятные условия для ведения боевых действий, и лишь после этого организует свои первые операции против советского флота. Самое удивительное, что даже основную, центральную операцию по созданию главного оборонительного рубежа на линии Стирсудден — банка Деманстейн командующий флотом планировал закончить к концу десятого дня с момента начала войны, а создание минно-артиллерийской позиции в р-не острова Гогланд — островов М. Тютерс — Гофты — к концу двенадцатого дня войны. При анализе «Общего плана действий КБФ» складывается впечатление, что действиям флота на всех этапах противник

не будет препятствовать, оказывать какого-либо сопротивления силами своих надводных кораблей, подводок и авиации: иными словами, КБФ будет действовать в некоем «вакууме». Из всего этого складывается какое-то странное впечатление, свидетельствующее о совершенно условном, формальном подходе командования флота к составлению такого ответственного, основополагающего документа, как план войны.

Однако в начале 1938 г. также каких-либо значительных изменений в оперативных разработках КБФ не наблюдалось. Лишь только 23 сентября 1938 г. новый нарком ВМФ командарм 1 ранга М. П. Фриновский направил уже Военному совету Северного флота указания, которые несколько изменили общие представления о потенциальных противниках СССР на северо-западе. В директиве говорилось: «При разработке плана исходить из того, что основным противником на театре будет Германия. Вместе с тем необходимо учитывать вовлечение в войну против нас Финляндии и Польши. Не исключена возможность выступления против нас в совместном блоке с Германией Швеции и Норвегии. Следует ожидать, что Финляндия в первый период войны, а Швеция и Норвегия на протяжении всей войны могут оставаться нейтральными, однако это не исключает их помощи нашему противнику предоставлением в его распоряжение своих портов для базирования, питания и накапливания сил...»²⁰ Таким образом, возникало явное расхождение в определении неприятельской коалиции: вместо ставшей уже привычной схемы Германия–Польша–Финляндия–Эстония–Латвия возникла новая, уже со скандинавским уклоном — Германия–Польша–Финляндия–Швеция–Норвегия. Причем каких-либо убедительных доводов в пользу столь странной перемены взглядов командованием ВМФ не выдвигалось. Скорее всего, политическое руководство СССР, проявив свои подозрения по отношению к правительствам Швеции и Норвегии, выдало соответствующие указания командованию РККА и РККФ. Или же это было следствием непрофессионального подхода к делу со стороны нового руководства наркомата ВМФ.

В целом, анализ советского военно-морского оперативного планирования на Балтике на протяжении 1935–1938 гг. указывает на то, что происходил процесс постепенного усложнения

задач Краснознаменного Балтийского флота на случай войны. Если вначале командование РКВМФ и КБФ придерживалось в большей своей части оборонительной стратегии, то затем решительно перешло к наступательной стратегии. Причем, если в середине 1930-х гг. задачи, ставившиеся Балтийскому флоту, хоть в какой-то мере отвечали его силам и возможностям, то впоследствии наметилась опасная тенденция явного преувеличения своих сил и, соответственно, недооценки сил противника. Причем эта опасная направленность при составлении оперативных планов КБФ постоянно усиливалась и к концу 1930-х гг. привела к тому, что данные планы стали носить характер довольно бессмысленных документов.

Основными особенностями планирования КБФ был сугубо формалистический подход к определению своих противников и постановке оперативных задач. А именно, командование КБФ пребывало в твердой уверенности, что противник будет действовать именно так, как оно наметило себе. Каких-либо альтернативных вариантов при этом не допускалось. Серьезного противодействия со стороны неприятеля не ожидалось. В результате планы носили какой-то абстрактный, искусственный характер. Еще одним крайне важным недостатком советского военно-морского планирования были устаревшие представления командования о характере будущей войны на море. Складывается впечатление, что командование ВМФ и КБФ в своих представлениях о военно-морском искусстве отстало почти на 20 лет. Советской стороной при разработке планов войны практически не учитывались новейшие средства ведения войны на море (ПЛЮ, ПВО, минно-торпедная авиация и др.), вносящие новый элемент в теорию и практику военно-морского искусства и значительно усложняющие будущую войну на море. Совершенно условно и несерьезно были спланированы наиболее важные минно-заградительные операции КБФ на начальном этапе боевых действий. В итоге оперативные планы КБФ приобрели такие опасные черты, как самоуверенность и непродуманность даже в основных, узловых вопросах.

Тем не менее уже наступал 1939 г., время, когда в Европе политическая атмосфера становилась крайне напряженной. В этих условиях 27 февраля 1939 г. нарком обороны СССР

маршал К. Е. Ворошилов и начальник Генерального штаба РККА командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников направили наркому ВМФ М. П. Фриновскому директиву, где изложили новое видение военно-стратегической обстановки: «...Оперативный план РККА на 1939 год исходит из предположения одновременного выступления против СССР: на Западе — объединенных сил Германии и Польши, с вероятным участием военно-морского флота Италии и на Востоке — Японии». Далее директиве указывалось уже новые положения, которые предполагали «возможность сохранения нейтралитета Финляндией, Эстонией, Латвией, Румынией, Болгарией и Турцией, длительность и устойчивость которого будут зависеть от создавшейся политической обстановки и успехов первых операций РККА и РКВМФ»²¹. Так явной особенностью данной установки стало то, что впервые за несколько лет Финляндия не фигурировала качестве возможного противника СССР. Это было, скорее всего, результатом дипломатических усилий правительства Финляндии по улучшению отношений с Советским Союзом, предпринятых им в 1937–1938 гг. Соответственно, советская сторона учла данные обстоятельства и сделала свои выводы.

Тем не менее общей задачей ВМФ, по директиве наркома обороны, являлось прежде всего осуществление активных наступательных действий, которые предполагали нанесение решительного поражения военно-морским силам противника и которые также должны были сочетаться с военно-воздушными и сухопутными операциями частей Красной армии. Кроме того, для советского флота на Балтике оставалась также задача проведения активных действий на коммуникациях противника, не допуская «подвоза войск и боевого снаряжения в порты воюющих против Советского Союза государств», и осуществления общей обороны побережья Советского Союза «от попыток высадки десантов вероятными противниками»²².

Рассматривая основные задачи, поставленные по этой директиве, и сравнивая их с задачами, фигурировавшими в директивах 1935–1937 гг., нельзя не заметить целого ряда отличий. Прежде всего, бросается в глаза еще большая самоуверенность и категоричность армейского командования в постановке боевых задач флоту. Если ранее речь шла о том,

чтобы нанести поражение германскому флоту хотя бы в восточной части Финского залива (и то при соответствующих условиях), то теперь требовалось непременно разгромить его еще до подхода к устью Финского залива и не допустить последующего прорыва в восточную часть залива. Причем решающей силой и в том, и в другом случаях выступают все те же подводные лодки и авиация КБФ. Если ранее проведение десантной операции по захвату островов в восточной части Финского залива допускалось командующим КБФ с большими оговорками (в случае появления немецкого ВМФ), то теперь задача приобрела вполне категорический характер. Кроме того, осталась задача по уничтожению флотов «лимитрофов». Таким образом, высшее военное руководство СССР все время сознательно шло по пути еще большего усложнения оперативных планов, особенно не задумываясь над способом их реализации.

Однако, действуя в соответствии с этой директивой, 22 марта 1939 г. заместитель наркома ВМФ флагман флота 2-го ранга П. И. Смирнов поручил Военному совету КБФ разработать оперативный план на 1939-й г., который был в мае-июне подготовлен²³. Он включал «План подводной войны КБФ»²⁴, «Общий план минной войны КБФ»²⁵ и «План операции по захвату и вооружению островов восточной части Финского залива: Суурсаари, Суур-Тютерсаари, Лавансаари, Сейскари, Сомери и Нарви»²⁶.

При разработке планов разных операций в 1939-м г. командование КБФ лишь слегка подкорректировало уже имевшиеся оперативные разработки 1937-го г. Ничего принципиально нового в указанных планах не содержалось. Вновь фигурировали примерно те же сроки проведения боевых операций флота. В частности, по десантной операции все основные вводные (сроки занятия и оборудования обороны островов) остались без серьезных изменений.

Следует отметить, что в вышеуказанных планах просматривается одна характерная особенность: они предусматривают активные боевые действия КБФ в полном или частичном объеме против вооруженных сил Финляндии. Это свидетельствовало о значительном изменении, по сравнению с началом года, позиции советского военного командования по отношению к Финляндии, которая вновь считалась потенциально враждебным

СССР государством. В силу этого можно говорить об определенной смене приоритетов среди советского военно-политического руководства, приведшей к опасной для финнов ситуации.

Это подтверждается также еще и тем, что 2 августа 1939 г. уже новый нарком ВМФ, флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов отдал распоряжение Военному совету КБФ продолжить работу по разработке оперативного плана Краснознаменного Балтийского флота и Ладужской военной флотилии²⁷, учитывая то предположение, что против СССР могут опять одновременно выступить объединенные силы Германии, Польши и Финляндии. Вместе с тем, в директиве указывалось еще и на то, что советское командование предполагало еще «возможность сохранения нейтралитета Финляндией, Эстонией и Латвией, длительность которого будет зависеть от политической обстановки и успехов первых операций РККА и РКВМФ»²⁸. Хотя одновременно подчеркивалось, что при наличии соответствующих указаний правительства, будет возможно «не считаться с нейтралитетом этих стран и провести ряд мероприятий, направленных к расширению операционного плацдарма Краснознаменного Балтийского флота». Из данной директивы опять явно следовало, что Финляндия отныне воспринимается уже не как нейтральная, а как враждебная Советскому Союзу страна. Эта оценка стала, очевидно, результатом явно несговорчивой позиции финского руководства, проявленная на переговорах с представителем СССР в Хельсинки весной 1939 г.

Тем не менее поскольку Балтийский флот на период военного времени должен был переходить в оперативное подчинение Ленинградского военного округа, то разработка оперативного плана КБФ должна была проводиться «в тесной увязке с Военным советом ЛВО»²⁹. Однако лишь 4 сентября из Ленинградского военного округа наконец поступило распоряжение командованию КБФ, где определялись конкретные задачи для Балтийского флота. Они, как и раньше, предполагали необходимость уже «в первые дни войны уничтожить морской флот Финляндии и Эстонии в его базах и шхерах». Кроме этого силами флота следовало «подавить береговые батареи в районе Биоркэ» и «не допустить оборудования минных позиций и уничтожить существующие артиллерийские батареи в районе

Нарген, Поркелауд», а также захватить стратегически важные финские «острова Сескар, Лавенсаари, Гогланд и Б. Тютерс».

Однако, указывая на необходимость использования сил флота против объектов на финской территории, в директиве все же подчеркивалось, что «при нейтралитете Финляндии захват этих островов осуществить по особому указанию правительства». Более того, несмотря на уже заключенный к этому времени советско-германский договор о ненападении в штабе ЛВО главным противником здесь продолжали считать именно немецкие вооруженные силы. Поэтому перед флотом ставилась особая задача: прежде всего «не допустить прохода линейных сил флота Германии в восточную часть Финского залива»³⁰. В целом, как и раньше, установки на составление оперативного плана предусматривали также активное содействие силами флота в наступательных операциях, которые части Ленинградского округа должны были осуществлять на Карельском перешейке и на Нарвском направлении³¹.

В итоге, оценивая планы советского командования в этот период можно констатировать, что им, как и раньше, были присущи прежние характерные черты, которые выражались в явной нереальности и формализме. Казалось, что на бумаге Балтийский флот был готов вести успешные боевые действия с любыми силами противника. Однако события советско-финляндской войны 1939–1940 гг. не до конца подтвердили реальность вырабатываемых в штабах для этого установок.

Итоги «зимней войны» однако требовали нового отношения к оперативному планированию, что проявилось уже в мае-июне 1940 г. Тогда, можно предположить, советское военнополитическое руководство пребывало в состоянии некоторой растерянности. Внезапный разгром войсками фашистской Германии коалиции западных союзников поставил руководство СССР перед неприятным фактом. Теперь СССР оказался один на один с Германией. Поскольку прежняя стратегическая линия перестала существовать, высшему командованию РККА и РКВМФ требовалось выработать новую стратегию по подготовке к возможной войне.

Еще до разгрома Франции, 2 июня 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов направил Военному совету КБФ директиву в которой сообщалось, что «быстрое изменение обстановки

на Западе затрудняет возможность определить состав и силы вероятного противника»³². Единственное, что в этом отношении оставалось, — это при подготовке к войне «исходить из наиболее сложного варианта и особенностей Балтийского театра». При этом очевидно, что в Москве явно продолжали рассматривать именно Германию в качестве основного противника СССР. В частности, в директиве указывалось, что противник может располагать флотом, численно превосходящим КБФ, и его «надо ожидать из южной части Балтийского моря», т. е. с немецкой территории³³. Далее Кузнецов отмечал, что противник вполне может не только использовать военно-морские базы, аэродромы и коммуникации Швеции, но и втянуть в боевые действия шведские ВМС³⁴, а также подтолкнуть к боевым действиям против СССР войска «Финляндии и враждебных СССР элементов в Латвии, Литве и Эстонии»³⁵.

Что же касается основных задач, которые командование ставило перед КБФ, то они в принципе имели прежнюю направленность. Требовалось прежде всего создание прочной системы обороны в устье Финского залива, опираясь на которую уже следовало «подготовить силы и средства для осуществления господства в северной части Балтийского моря: путем активных действий надводных, подводных и воздушных сил, с целью разрушения баз, кораблей противника, бить его по частям, ослабляя его нарушением подвоза морем, действиями на коммуникациях и по базам, и оборонять морской фланг нашей армии, способствуя его продвижению»³⁶.

Капитуляция Франции, однако, потребовала от командования флотом более ясных уточнений в оперативном планировании. Поэтому в начале июля 1940 г.³⁷ Военный совет КБФ представил наркому ВМФ на утверждение «Общий план действий Краснознаменного Балтийского флота»³⁸. В нем уже четко говорилось о том, что «противником (основным) для нас будет Германия». Причем, как указывалось в документе, Германия будет оставаться противником для Советского Союза в любой ситуации: и в случае ее победы над Англией, и в случае компромиссного мира с ней, и даже «в случае ее поражения в войне с Англией»³⁹. Одновременно, говоря о Балтийском театре военных действий, командование флотом активно в это время продолжало рассматривать в ряду потенциальных про-

тивников также Финляндию и Швецию, поскольку считалось, что эти страны скрытно или явно будут поддерживать «нашего основного противника с полным использованием им всех имеемых возможностей», а наиболее вероятным сценарием начала войны могут стать «первоначальные действия Швеции и Финляндии против СССР по указанию Германии».

Важное место в разделе плана об «оценке обстановки» занимала проблема Аландских островов, поскольку считалось, что переход этих островов под контроль противника даст ему «большие преимущества»⁴⁰. Стратегическое значение Аландов советским командованием определялось в возможности создания на них оперативной базы флота для последующих действий в направлении Балтийского моря, устья Финского залива и Ботнического залива. Причем неприятель со своей стороны мог закрыть проход в Ботнический залив, охраняя его своим флотом и авиацией из шхер. Помимо этого, Аландские острова могли быть промежуточной базой, которая обеспечивала бы переброску военных материалов и грузов в Финляндию. В связи с этим, остров Оланд был назван «ключом в Ботнику»⁴¹. Другим, не менее важным стратегическим объектом, по мнению командования КБФ, являлся шведский остров Готланд, который в силу своих географических особенностей позволял здесь «легко создать аэродромы и базы авиации». Выгодное положение острова, расположенного в центре Балтийского моря, давало возможность ВВС и ВМС противника проводить «активные операции как Балтике, так и в устье Финского залива»⁴².

Пытаясь определить возможную тактику Германии в начале войны, командование Балтийским флотом явно опасалось, что ее действия «будут носить активный, наступательный характер»⁴³. Делая выводы из данной оценки, Военный совет КБФ предположил, что возможные операции противника на Балтике будут выражаться в том, что Германия постарается осуществить переброску своих войск, вооружения и боевого питания через Ботнический залив в Финляндию для действий на финском фронте. Далее организует высадку морских и воздушных десантов на побережья Эстонии и Латвии, а также нанесет комбинированный удар силами надводного, подводного флота и ВВС по советским передовым военно-морским базам и кораблям в них. Кроме

того командование флота явно начало опасаться, что противник своими активными действиями на море уже в первые дни войны постарается нарушить коммуникациям КБФ и с этой целью постарается создать общую систему морской обороны, которая бы противодействовала операциям КБФ⁴⁴.

Дабы не позволить реализовать эти планы, командование Балтийского флота поставило задачи, которые прежде всего носили характер организации обороны, чтобы «не допустить прорыва флота противника в Финский залив и «не допустить захвата побережья и, в частности, островов Эзель, Даго и полуострова Ханко». Кроме этого, как и прежде, перед флотом была поставлена задача «нарушить коммуникации и базирование противника в западной Балтике и Ботнике, путем действий надводных, подводных и воздушных сил (артиллерией, торпедами, минами, бомбами)», также еще постараться «захватить и создать рубеж в Аландском архипелаге». Естественно, флот должен был оказывать содействия частям Красной армии, а точнее ее «приморскому флангу... при продвижении ее по побережью»⁴⁵.

Тем не менее, на примере «Общего плана действий КБФ» лишний раз можно убедиться в порочности той практики, когда исполнители лишь бездумно переписывали в свой план все задачи, какие продиктовало им высшее командование. Фактически при такой организации работы роль непосредственных разработчиков — сотрудников оперативного отдела штаба флота — сводилась исключительно к функциям секретарей-машинистов. И действительно, обсуждать или игнорировать те или иные боевые задачи, которые спускались «сверху», было невозможно. Поэтому получалось резкое расхождение между желаемым и действительным. Командование КБФ, наверное, понимало всю рискованность и глупость подобного абстрактного планирования, но сделать ничего уже не могло. В итоге командование флотов оказывалось в неразрешимой, тупиковой ситуации: отлично понимая, чего от него хотят, оно было вынуждено подлаживаться под мнение вышестоящего руководства, и в тоже время, осознавало несерьезный характер подобных логических построений. Если же разработчик пытался взглянуть на проблему трезвым взглядом и оценить реальные возможности флота, его могли сразу же объявить «паникером»

и снять с должности. Таким образом, получался замкнутый круг, выхода из которого не было.

В сентябре 1940 г. Военным советом Балтийского флота были разработаны планы самостоятельных морских операций, проведение которых требовалось общим оперативным планом⁴⁶. После составления этих планов, процесс разработки оперативного плана КБФ можно было считать логически завершенным.

В последующем же 1941 г. основные положения для составления оперативного плана КБФ остались практически неизменными. В «Тезисах доклада по базированию КБФ на 1941 год» заместитель наркома ВМФ и начальник Главного морского штаба адмирал И. С. Исаков 27 января 1941 г. изложил свои соображения по поводу основных боевых задач, которые могли быть поставлены перед Балтийским флотом в случае войны. Они практические не изменились⁴⁷. Тем не менее через месяц, 26 февраля 1941 г. в своей директиве уже нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов уточнил стоящие перед флотом задачи. Указав на то, что в случае войны против СССР предполагается выступление большой неприятельской коалиции в составе Германии, Италии, Венгрии, Финляндии, Румынии, Швеции и Японии, он определил, какие в рамках общего плана войны, стояли задачи непосредственно перед КБФ. Эти задачи были во многом сходны с тем, на что ориентировался флот в предшествующий период⁴⁸.

При этом, однако, следует отметить, что анализ тех задач, которые были поставлены советским командованием перед Балтийским флотом все же имели более масштабный характер, нежели те, что содержались в «Общем плане действий КБФ» 1940 г. В частности, если в «Общем плане действий» говорилось лишь о «недопущении» прорыва германского ВМФ в Финский залив, теперь же от КБФ требовали все же нанесения поражения немецким ВМС, причем еще при попытке войти в залив. Кроме того, добавилась новая задача по «недопущению» проникновения немецкого флота в Рижский залив. Наконец возникла дополнительная задача по уничтожению финского и шведского военно-морских флотов. Все это свидетельствовало об очередном усложнении оперативного плана КБФ, в ущерб его реальности и выполнимости.

Вывод из всего вышесказанного напрашивается лишь один: командование РККА и ВМФ при составлении оперативных планов флотов шло довольно примитивным, «арифметическим» путем, занимаясь лишь простым суммированием боевых задач из разных планов. При этом одна нереальная задача нагромождалась на другую нереальную задачу, что в перспективе приводило к совершенно абстрактным построениям. Однако советскому командованию, вероятно, все же не следовало забывать, что количество далеко не всегда переходит в качество. Глубокая порочность подобной практики станет понятной только в 1941 г.

Более того, согласно этой директиве, флотам требовалось к 15 апреля разработать уже оперативные планы, которые должны были лечь в основу действий флотов в начальный период войны. Действительно, к 15 апреля 1941 г. планы были уже разработаны и утверждены наркомом ВМФ. В частности, 5 апреля 1941 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов утвердил представленные Военным советом КБФ оперативный план и план прикрытия⁴⁹.

В развитие утвержденного плана с целью упреждения противника в его действиях на море командующий КБФ также полагал необходимым провести еще до объявления войны или в момент ее возникновения перевозку стрелковой дивизии из Таллина на п-ов Ханко, а также выставление минных заграждений 1-й очереди в устье Финского залива, в Ирбенском проливе, у Лиепай и Ханко. К этому же времени намечалось развернуть подводные минные заградители на подходах к базам и портам противника, а также выставить, с момента нарастания угрозы нападения, усиленные дозоры подводных лодок и надводных кораблей у своих баз⁵⁰.

Что касается операции по установке Центральной минной позиции, то она возлагалась на Эскадру и отряд минных заградителей КБФ. Общее руководство операцией должен был осуществлять командующий флотом. Минные постановки в Ирбенском проливе и Соэлозунде были поручены Отряду легких сил КБФ, а в р-не Лиепай и Ханко — плавсредствам этих баз. Центральная минная позиция должна была состоять из трех линий общей протяженностью в 24 мили. Характерно, что мины для установки этих масштабных минных заграждений должны

были еще только поступить от промышленности⁵¹. То есть КБФ не обладал тогда соответствующими материальными средствами для проведения данной операции.

Оценивая данный оперативный план КБФ, нельзя не согласиться с военно-морским историком А. В. Платоновым, указывающим на целый ряд его принципиальных недостатков⁵². Из плана видно, что предполагаемая война должна начаться непременно по тому плану, который был предначертан командованием КБФ. Строго определенное количество дней было отведено (причем, в довольно вольготном режиме) на минно-заградительную операцию флота. При этом В. Ф. Трибуц даже не допускал возможности того, что противник сможет оказать сопротивление действиям Балтийского флота или первым нанести удар по советским силам. Совершенно не предполагались действия неприятельского флота из финских шхер, нависающих над советскими морскими коммуникациями в Финском заливе. И наконец, главный момент заключался в том, что данный план вообще носил какой-то двойственный, неопределенный характер. Будучи заполненным, по большей мере, оборонительными задачами (минные операции, защита побережья от десанта, недопущение прорыва ВМС противника в Рижский и Финский заливы), план в то же время преследовал и сугубо наступательные цели. Иными словами, план не был направлен на решение какой-то одной основной боевой задачи. При этом непонятно было, каким образом могли быть обеспечены некоторые операции флота. К примеру, высадка советского десанта на Аландских островах предполагала завоевание и удержание господства (хотя бы временно) на Балтийском море. Но в плане почему-то данная задача вообще не нашла своего отражения. Или же ничего не говорилось (по сравнению с «Общим планом действий КБФ» 1940 г.) о действиях ВВС и подводок флота по нарушению неприятельских коммуникаций в Балтийском море, Финском и Ботническом заливах. Складывается впечатление, что командование надеялось, что данные задачи будут решаться попутно, по ходу осуществления боевых операций. Из этого проглядывает какая-то глубокая несерьезность, непродуманность плана хотя бы в основных, узловых вопросах.

Вероятно, что все-таки командование КБФ понимало определенную несерьезность подобного планирования и пы-

талось «разгрузить» его от излишка наступательных задач, не подкрепленных в должной мере силами и средствами. Но при этом, удаляя и добавляя те или иные задачи из плана, командование флота, очевидно, совершенно не думало о взаимосвязи оставшихся оперативных задач между собой и создании единой, целостной концепции действий флота в случае войны. То есть подход командования КБФ (да и ВМФ в целом) к этому важному вопросу был какой-то арифметический, по принципу «прибавил — отнял». Действия КБФ в плане совершенно не учитывали количественный и качественный состав флота на данный момент и реальный уровень его боевой подготовки. Тем самым все подобные построения изначально были обречены на провал, поскольку представляли собой скорее декларации, которые не были подкреплены серьезными расчетами.

Кроме того, при рассмотрении оперативных разработок советского военно-морского командования накануне начала Великой Отечественной войны не может не поражать невероятная его самоуверенность. Прежде всего, кажется удивительным, как можно было планировать операции флота на передовом театре — в южной Балтике, не обеспечив при этом даже собственного ближайшего тыла — своих коммуникаций в Финском заливе, которые по признанию исследователя Пантелеева, на всем своем протяжении находились под ударами противника? К тому же, будучи перегруженным большим количеством наступательных задач, главный оперативный план вступал в явное противоречие с реальным количественным и качественным составом КБФ на тот момент.

Наконец, самый главный недостаток предвоенного плана Балтийского флота был заложен в его порочной идее неподвижных приморских флангов армии. Другой вариант действий даже не предусматривался. По мнению Военного совета, даже для располагавшейся вблизи границы военно-морской базы в Лиепае не существовало ровным счетом никакой угрозы. В связи с этим база была опасно перегружена боевыми и вспомогательными кораблями, часть из которых находилась в ремонте. Естественно, что никто всерьез и не думал о возможности потери главной военно-морской базы в Таллине. Считалось, что уж она-то находится в таком глубоком и безопасном тылу,

что о возможности ее потери беспокоиться не стоит. В немалой степени, именно этим убеждением объяснялась столь поздняя эвакуация кораблей из Таллина, имевшая столь катастрофические последствия. Советское высшее командование было уверено в том, что Красная армия с первого дня войны будет уверенно наступать вглубь территории Польши и Германии, а Балтийский флот окажет поддержку ее действиям с моря. Подобное легкомыслие впоследствии дорого обошлось не только РККА, но и самому Балтийскому флоту.

Иными словами, оперативный план КБФ 1941 г. носил сугубо абстрактный, умозрительный характер, будучи составленным не применительно к создавшейся оперативно-стратегической обстановке и к имеющимся силам, а вообще — из расчета на значительное усиление флота в дальнейшем, его более высокую боевую подготовку и стабильное положение при морских флангах. Исходя из этого, складывается впечатление какой-то бесцельности, бессмысленности работы штаба флота в целом.

Объективно в сложившейся ситуации оперативный план следовало, вероятно, ориентировать на выполнение лишь сугубо оборонительных задач. Это более соответствовало силам КБФ. Но командованию флотом, естественно, не хотелось признавать собственную слабость и ограничиваться лишь оборонительными задачами. В результате, возникало резкое расхождение между желаемым и действительным, что в последующем не могло не привести к печальным результатам. Забегая же несколько вперед, приходится констатировать, что в условиях реальных боевых действий на Балтике летом-осенью 1941 г. КБФ оказался просто не силах завоевать и удержать господство в Финском заливе. Более того, Балтийский флот даже не смог надежно прикрыть свою основную коммуникацию Таллин — Кронштадт, чем и объяснялись огромные потери в корабельном и личном составе флота во время печально известного «таллинского перехода». Все это было расплатой за крайне непродуманное планирование накануне войны, совершенно не рассчитанное на имевшиеся силы и средства.

В итоге в условиях реальных боевых действий с сильным противником в 1941 г. Балтийскому флоту пришлось решать принципиально иные задачи. По мнению адмирала В. Г. Егорова,

основными задачами КБФ в новых условиях стали оборонительные действия морской пехоты на суше, поддержка действий армии огнем корабельной артиллерии, удары морской авиации по сухопутным объектам и эвакуационные мероприятия⁵³. Причем эти задачи стали для КБФ основными на протяжении трех лет войны, и лишь с лета-осени 1944 г. флот смог постепенно перейти к наступательным морским операциям.

¹ Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 181. Л. 22.

² См.: Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 147. Л. 38–39.

³ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 181. Л. 22об.

⁴ Там же. Л. 22об.–23.

⁵ Там же. Л. 22об.

⁶ Там же. Л. 23.

⁷ Там же. Д. 260. Л. 1. ⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ С началом боевых действий Ленинградский военный округ (ЛВО) преобразовывался в Северо-Западный фронт (СЗФ), которому в оперативном отношении должен был подчиняться Краснознаменный Балтийский флот.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 260. Л. 1–2.

¹² Там же. Д. 297. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Д. 351. Л. 1–22.

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 330. Л. 8.

²¹ Там же. Д. 77. Л. 2.

²² Там же.

²³ Все рассмотренные ниже планы операций КБФ не подписаны командующим КБФ и не имеют даты составления и утверждения.

²⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 452. Л. 1–13.

²⁵ Там же. Д. 453. Л. 1–3.

²⁶ Там же. Д. 457. Л. 1–22.

²⁷ Там же. Д. 448. Л. 19.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 21.

³⁰ Там же. Л. 31–32.

³¹ Там же. Л. 33.

³² Там же. Л. 71.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 72. Для обеспечения создания этой системы обороны Краснознаменному Балтийскому флоту надлежало решить следующие боевые задачи: «1) *Опираясь на созданную оборону, при любых обстоятельствах, не допустить прорыва флота противника в Финский залив;* 2) *Во взаимодействии с Красной Армией не допустить захвата побережья, а в частности островов Эзель — Даго и полуострова Ханко;* 3) *Нарушить коммуникации и базирование противника в западной Балтике и Ботнике, путем действий надводных и воздушных сил (артиллерией, бомбами, минами, торпедами);* 4) *Захватить и создать рубеж в Оландском архипелаге;* 5) *Содействовать приморскому флангу Красной Армии при продвижении его по побережью».* Что касается последнего пункта, то решение по нему надо было представить лишь после получения соответствующих указаний командования ЛВО.

³⁷ План боевых действий КБФ не датирован, составлен в рукописном виде, в единственном экземпляре, и не утвержден наркомом ВМФ. Вероятно, план был составлен не ранее начала июля 1940 г., поскольку к нему имеется приложение — «Состав КБФ согласно пр. НКВМФ № 00168 от 5.07.40 г.», а также карты, датированные 5 июля 1940 г.

³⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 660. Л. 1–24.

³⁹ Там же. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Л. 2.

⁴¹ Там же. Л. 2–3.

⁴² Там же. Л. 3.

⁴³ Там же. Л. 4.

⁴⁴ Там же. Л. 6–7.

⁴⁵ Там же. Л. 7–8. Далее командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц изложил свое решение по плану, которое сводилось, в первую очередь, к созданию минно-артиллерийских позиций в р-нах Финского залива (Ханко — Оденсхольм), Рижского залива (Ирбенский пролив) и р-не Либавской военноморской базы. В дальнейшем, флоту надлежало провести силами подлодок и ВВС операции по нарушению коммуникаций противника в западной части Балтийского моря с целью уничтожения его транспортов в базах и в море, захватить острова Аландского архипелага и «создать на них базу для легких сил флота и ВВС», уничтожить силами морской и армейской авиации боевое ядро флота противника, осуществить оборону баз совместно с частями Красной Армии, нанести силами бомбардировочной авиации ВВС КБФ в первые дни войны мощные удары по портам, базам и ВМС противника в Стокгольме, Карлскроне, Норчепинге, Хельсинки, Турку, Раумо, Пори, Клайпеде, Пиллау, Данциге, Заснице, Киле. Но самое главное, Краснознаменному Балтийскому флоту требовалось путем взаимодействия всех сил «при любых обстоятельствах не допустить прорыва противника в Финский залив», для чего следовало

иметь подготовленный рубеж обороны в устье Финского залива и развернутые в готовности все силы обороны устья залива (См.: Там же. Л. 10–13).

⁴⁶ Среди них был: «План операции по захвату Оландских островов», «План активных заградительных операций легкими силами ОЛС у военно-морских баз и на коммуникациях противника», «План подводной войны на Балтийском театре», «План минных постановок КБФ» и «Записку командующего ВВС КБФ по плану операций» (Там же. Д. 669. Л. 1–9; Д. 682. Л. 1–9; Д. 661. Л. 1–13; Д. 662. Л. 1–13; Д. 670. Л. 3–16).

⁴⁷ В своей записке Исаков перечислил следующие задачи: 1) уничтожение флота противника при его попытке захватить побережье, обороняемое КБФ, и недопущение прорыва его надводных сил в Финский и Рижский заливы; 2) содействие Красной Армии в захвате побережья противника и разгроме его сил; 3) действия на коммуникациях противника с целью недопущения его перевозок на Балтийском море; 4) обеспечение своих коммуникаций; 5) обеспечение продвижения фланга армии по шхерному побережью Финского залива. (Там же. Д. 166. Л. 155).

⁴⁸ Балтийский флот должен был: «...1) не допустить морских десантов немцев на побережье Латвийской и Эстонской ССР и на острова Моонзундского архипелага; 2) совместно с ВВС КА нанести поражение германскому флоту при его попытке пройти в Финский залив; 3) не допустить прорыва кораблей противника в Рижский залив; 4) содействовать сухопутным войскам на побережье Финского залива и на п-ове Ханко, обеспечивая их фланги и уничтожая береговую оборону финнов; 5) уничтожить боевой флот Финляндии и Швеции (при выступлении последней против СССР); 6) обеспечить в первые дни войны переброску двух стрелковых дивизий с северного побережья Эстонской ССР на п-ов Ханко, а также крупного десанта на Аландские о-ва; 7) прервать морские коммуникации Финляндии и Швеции в Балтийском море и Ботническом заливе». (Цит. по: Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия Российского флота, 1914–1941. М. — СПб., 2004. С. 497. Золотарев В. А., Шломин В. С. Как создавалась военно-морская мощь Советского Союза. В 2-х кн. Кн. 1. М. — СПб., 2004. С. 37–38. Платонов А. В. Трагедии Финского залива. М.; СПб., 2005. С. 14–15).

⁴⁹ Военный совет КБФ при разработке плана исходил из тех соображений, что основным операционным направлением в случае войны станет южная часть Балтийского моря и Финский залив. Предполагался захват противником о-вов Моонзундского архипелага и овладение Ригой и Таллинном. Кроме того, учитывая выгодное, нависающее положение Финляндии над побережьем Эстонии, Военный совет флота полагал, что противник может развернуть активные боевые действия на морской коммуникации Кронштадт — Таллин — Ханко. Возможность захвата островов Моонзунда и прорыва немецкого ВМФ в Финский залив вызывали особую озабоченность командования КБФ, поэтому оно подчеркивало, что главной задачей флота на первые 10–12 дней войны является недопущение прорыва немецкого флота в Финский залив, Рижский залив и высадки на о-ва Моонзундского архипелага. Выполнение этой задачи мыслилось путем организации разведки, корабельных дозоров и наблюдения за морем. Авиация КБФ должна была систематически наносить бомбовые удары по войскам десанта, кораблям и транспортным средствам противника

в пунктах их сосредоточения. Создание целого ряда минно-артиллерийских позиций — в устье Финского залива (Центральная минная позиция), Ирбенском проливе, Соэлозунде, в р-не Либавы и на рубеже Нарген — Порккалаудд (Тыловая минная позиция) — должно было обеспечить необходимые условия для боя с флотом противника. В дальнейшем, Балтийскому флоту предстояло захватить о-в Оланд, высадив на него 2 стрелковые дивизии. Также, планировалось затруднить действия противника постановкой с подводных минных заградителей минных банок на подходах к портам и базам противника, а морской авиацией — выставить мины на внутренних фарватерах. В случае обнаружения основных сил германского ВМФ (линкоров, крейсеров и войсковых транспортов) в средней и северной частях Балтийского моря, предполагалось произвести по ним предварительные удары частью сил флота во взаимодействии в ВВС ПриБОВО. Главный удар, с целью уничтожения ВМС неприятеля, полагалось нанести основными силами КБФ на минно-артиллерийских позициях. При попытке противника высадить десант до момента создания минно-артиллерийских позиций, следовало нанести главный удар всеми силами флота и Прибалтийского округа непосредственно в районе высадки (см.: Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945 гг. В 4-х кн. Кн. 1. Оборона Прибалтики и Ленинграда 1941–1944 гг. М., 1990. С. 102; Платонов А. В. Трагедии Финского залива. С. 14–15). С. 15–16).

⁵⁰ Платонов А. В. Трагедии Финского залива. С. 16–17.

⁵¹ Там же. С. 17.

⁵² Там же. С. 17–20.

⁵³ 50 лет Великой Победы: Опыт применения Советского Военно-морского флота во Второй мировой войне и его значение в современных условиях. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию Победы во Второй мировой войне 1939–1945 гг. СПб., 1997. С. 82.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ
И ОЦЕНКИ**

А. Ю. Жуков

**«УЕЗД» НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ
В ИСТОЧНИКАХ XV–XVII вв.**

Создание в последней четверти XV в. централизованного Русского государства сопровождалось рождением новой системы управления, отныне сосредоточенной в общей для всех столице. На местах Кремль вводил власть наместников. Одновременно это означало упразднение княжеств и земель как административных единиц времен феодальной раздробленности. Вместо них появились новые единицы, названные уездами. Что такое уезд — хорошо известно: прежде всего это город с государственной администрацией и окружающая его сельская местность с населением, подвластным этим управленцам. В XVIII — первой трети XX вв. уезды составляли губернии. Но ранее, в последней четверти XV–XVII вв., территория первичных уездов зачастую сама почти равнялась будущим губерниям. Возникавшие уезды и стали главными единицами нового административно-территориального устройства страны, основой для управления ее областями.

Так, уже в 1478 г. появился Новгородский уезд, который включал в себя территорию бывшего «вольного в князьях» Великого Новгорода, в т. ч. Корельскую и Ижерскую земли и южное побережье Финского залива Балтики. Впрочем, в огромную территорию нового уезда не входила Двинская земля, претензии на которую Москва предъявляла еще вечевой республике. Двинскую землю преобразовали в Двинский уезд. Когда в 1510 г. была ликвидирована удельная независимость Пскова, город Псков со всею Псковской землей также пре-

вратился в Псковский уезд. Немногим ранее, в конце XV в., разразились войны со Швецией и Ливонским Орденом. Тогда выяснилось, что управлять западными прифронтовыми землями из Новгорода несподручно: терялась оперативность. Поэтому к 1500 г. Иван III Васильевич вывел их из состава Новгородского уезда и создал на их основе новые уезды: Корельский, Орешковский, Копорский, Ямской и Ивангородский, назначив туда своих наместников. Такова простая канва событий.

Механизм создания новых уездов также был достаточно прост. Он раскрывается на материале тогдашних переписей. Возьмем, к примеру, «Переписную окладную книгу Вотьской пятины 7008 г. Корела с уездом» (заголовок публикаторов). В 1500 г. в приладожскую Корельскую землю приехал государев писец Дмитрий Васильевич Китаев. Пользуясь данными «старого письма» (предыдущей переписи Новгородского уезда 1480-х гг.), он вновь переписал все поселения края, отделив в пользу новых наместников города Корелы бывшие кормленые земли времен Новгородской республики и земли наместников князей, служивших Новгороду «мечем», и Дома св. Софии, т. е. кафедры новгородского архиепископа. В корм московским наместникам не перешли поместья, появившиеся в Приладожье в 1496–1497 гг. при устройстве пятин, а также вотчины местных и новгородских монастырей и вотчинные владения своеземцев. Последними в Москве называли слой местной феодальной знати — в данном случае карельской знати, ранее именовавшейся «пять родов корельских детей». В своем «новом письме» Д. В. Китаев фиксировал изменения, произошедшие в Приладожье со времени «старого письма», в т. ч. записал новые деревни, а также деревни и дворы, запустевшие от шведских вторжений. Описывая новый уездный центр город Корелу, он отметил: в крепости «ставятся» люди наместников, т. е. как раз при нем, в 1500 г., и происходит вселение первых московских наместников с челядью¹.

Аналогично образовывались и остальные северо-западные уезды. Казалось бы, картина нового административно-территориального устройства и механизм его создания достаточно ясны. Но коль скоро используются в качестве рабочих терминов исторические понятия, то поэтому всегда следует учитывать принцип

историзма, т. е. изменяемость значения термина со временем. Термин «*уезд*» целиком подпадает под данное правило.

Перед нами источник от 25 марта 1534 г., т. е. от времени, когда уездное деление уже прочно утвердилось. Это указная грамота новгородского архиепископа Макария об искоренении языческих требищ и обрядов в среде прибалто-финнов на Северо-Западе страны. Читаем адресат: в такие-то погосты и далее: «и во все Чюцкие уезды и Ижерские,...да и во вся Копорские, и Ямския и Ивангородские и в Корельския, и в Ореховские уезды». В таком же послании следующего архиепископа Феодосия от 8 июня 1548 г. эти адресаты повторены, но в другой грамматической форме: в такие-то погосты «и во все Чюцкие уезды и Ижерские,...да и во все Копорецкие, и Ямские и Ивангороцкие и в Корельские, и в Ореховские уезды»². Из этого заключаем, что текст адреса из первой грамоты не переписывался автоматически, однозначно, вторая грамота тоже писалась осмысленно. Но главное не в этом. Что за уезды такие во множественном числе — Корельские и Орешковские, например? Ведь каждый из них был единственным, как видно из всех переписей этих уездов.

Кроме этого, ни переписи, ни другие источники не сообщают о Чудских и Ижорских уездах, которых тогда вообще не существовало по причине отсутствия там городов и, следовательно, наместников. Впрочем, в нашем распоряжении имеется первоначальное послание самого владыки Макария на имя великого князя Ивана IV Васильевича 1533–1534 гг., которое и призывало правительство дать санкцию на вышеназванную компанию по искоренению «скверных мольбищ идольских» и обычаев; данное послание содержится в начале указной грамоты владыки Макария в город Корелу священнику соборной Воскресенской церкви Григорию от 15 января 1543 г.³

К 1534 г. архиепископ хорошо знал о языческих обрядах и мольбищах «около [т. е. вокруг. — Ж. А.] окрестных градов Великого Новаграда, в Вотской пятине, в Чюди и в Ъжере, и около Ивана града, Ямы града, Корелы града, Копории града, Ладоги града, Орешка града, и по всему поморию Варяжского моря в Новгородцкой земли...»⁴. География послания в Москву вполне понятна: речь идет о землях на северо-запад от Новгорода до широких прибрежий Финского залива и Корельской

земли у Ладожского озера. Но список городов немного разнится: добавлена Ладога, а Великий Новгород указан только как общий для всех этих северо-западных городов, главный центр управления территорией всей Новгородской земли, включая берег Финского залива и приладожскую Карелию. Поэтому, даже если мы отождествим Чюдские уезды с Ладогой и Ладожским уездом, то все равно остаются загадкой Ижерские уезды, не говоря уже о «множественном числе» всех вышеперечисленных уездов Северо-Запада.

Тогда вспомним, что в каждый город — центр уезда — назначались наместники, и не по одному, а всегда парой, или даже по трое и четверо. Они были «в уезде от государя», поэтому и подвластные им территории назывались уездом — вот, кстати, этимология этого понятия. Получается, что под уездами надо понимать эти земли, которых в каждой административной единице-уезде было по числу наместников? Тогда почему в официальных государственных переписях конца XV — первой половины XVI вв. земли «за наместниками» в уездах идут под одной этой номинацией, никак не подразделяясь на отдельные кормления, приданные каждому из данных управленцев? Ведь в остальных переписях дают довольно дотошные и исчерпывающие сведения о величине налоговых ставок и даже объеме продуктового оброка по каждому из поселений. Конечно, выдвинутая гипотеза в общем-то может работать для Корельского, Орешковского, Копорского, Ямского и Ивангородского уездов. Но как тогда быть все с теми же Чюдскими и Ижерскими уездами? Или под ними следует понимать Новгородский и Ладожский уезды? Весьма странные нестыковки и непоследовательность в текстах нескольких источников, посвященных одной теме борьбы с язычеством и охватывающих одну область проживания прибалто-финнов на Северо-Западе России, — и, может быть, район проживания вепсов, если под Чюдскими уездами понимается территория Ладожского уезда, занимавшего и западный, и восточный (вепский) берега реки Волхов.

Нестыковки указывают на многозначность самого термина «уезд» в данный период времени. В приведенных церковных по происхождению источниках уезды обозначали нечто иное, нежели основные единицы административно-территориального деления России. И установить выявленный нетрадици-

онный смысл понятия «уезд» («уезды») помогают материалы по Карелии XVI–XVII вв., например, о Ребольских волостях в 1628 г.

Ребольские волости возникли в XVI в. на самой северной оконечности Корельского уезда, входя в его Иломанский погост. Когда в результате шведской интервенции начала 1610-х гг. шведы завоевали город Корелу, им не удалось распространить свою власть на весь Корельский уезд — Ребольские волости остались в составе России. Далее, между 1621–1626 гг., проживавших тут карелов подчинили в управлении Соловецкому вотчинному округу. Однако в Ребольских волостях проживали и саамы, и около 1620 г. их подчинили Кольскому уезду, поэтому и вся ребольская территория, кстати, стала частью Кольского уезда. Территория, но не карелы — они, повторим, подчинились Соловкам⁵.

Так вот, к 1628 г. в Москве узнали, что карелы Ребольских волостей принимают из-за рубежа корельских выходцев, т. е. своих соплеменников, сбежавших из перешедшего под власть Швеции Корельского уезда (а это запрещалось условиями русско-шведского Столбовского мира 1617 г.). Посольский приказ послал воеводе Новгорода царский указ: направить на место комиссию, разобраться и арестовать перебежчиков и их укрывателей. Тот так и сделал. Но местные жители не подчинились. Как пишет посланный подьячий Богдан Воломский, в Ровкуле они явились к нему с оружием и заявили: мы де «Московского уезда» и ведает и судит нас во всем соловецкий данщик кемлянин Рудак Андреев. В аналогичных «отбойных записях» (название этих документов) из Ребол, Лендер и Кимасозера написано то же самое, только вместо Московского уезда фигурирует «московский присуд»⁶. Причем тут Московский уезд, он же присуд? А дело все в Соловецком монастыре. В 1592 г. он сам и территория его вотчины были выделены из состава Новгородского уезда в особый административный округ, подчиненный непосредственно московским приказам. На языке того времени это прямое подчинение и выражалось понятиями «уезд» и «присуд». Поскольку карелы Ребольских волостей также управлялись обителем через назначенного ею управляющего из Кеми, то ребольцы были «Московского уезда», т. е. в управлении столичных приказов, как и Соловецкий

вотчинный округ в целом. Оказывается, в сфере управления термины «присуд» и «уезд» были синонимами. Но нам важнее выяснить территориальное наполнение термина «уезд». Такие источники также имеются.

Приведем источники за 1570-е гг., которые прямо касаются кормленых земель новгородской епархии в Олонецком погосте — т. н. стане Дома св. Софии на Олонце, с центром у церкви Ильи Пророка. Владыки управляли станом с помощью своих олонецких волостелей, живших на Ильинском погосте, и своих помещиков, поместья которых располагались на территории стана. Так, в 1572 г. новгородский архиепископ Леонид пожаловал служилому человеку новгородской епархии Д. П. Кучевскому деревню в поместье: «пожаловал ... в Олонецкой волости»⁷. Здесь «Олонецкая волость» означает территорию владычного стана. В этом же стане владыка пожаловал деревней другого служителя епархии И. Малтюшина в 1574 г.: «в Ыльинском погосте в Олонецком уезде»⁸. Тут речь не идет о государственном Олонецком уезде, образованном в 1649 г. «Олонецкий уезд» — здесь именно стан Дома св. Софии на Олонце, который территориально занимал половину государственного Олонецкого погоста Новгородского уезда.

Наконец в 1575 г. тот же владыка Леонид определил размер церковных сборов для церкви св. Николая в Сумском посаде, т. е. в центре тогдашней вотчины Соловецкого монастыря на Поморском берегу Белого моря. Адресат его грамоты обозначен так: «в их Соловецкой волости на реке на Суме в Спасском уезде». Спасский уезд — это не что иное, как государственный Спасский Выгозерский погост Новгородского уезда, частью которого территориально являлась Сумская вотчина Соловецкой обители⁹. Таким образом, данные источники называют уездом и волость как часть района-погоста, и сам погост, т. е. первичные единицы административно-территориального деления. Но, может быть, такое нетрадиционное употребление понятия «уезд» было характерно только для церковников (в конце концов, и ребольцы тоже принадлежали церковной структуре — Соловецкому монастырю)?

Обратимся к материалам по соседнему с Карелией Каргопольскому уезду за 1612–1615 гг. Тогда Каргополье подверглось разграблению разбойных банд казаков и татар. Первый

такой рейд пришелся на декабрь 1612 г. 12 декабря ночью «черкасы» внезапно подошли к Каргопольскому острогу, так что в крепости смогли укрыться только жители посада и самых ближних деревень. По словам самих каргополов, они «заперлись в осад без запасов, пометав дома свои и уезды»¹⁰. Уже более опустошительные долговременные рейды были совершены в 1614–1615 гг. Поэтому в феврале 1615 г. каргополы просили царя Михаила Федоровича Романова о дозоре так: «и наши, государь, Каргопольские уезды все волости учинились пусты, <...> казаки и татарове стоят ныне в наших уездах в Кенозерской волости и подъезды у них во многие волости; <...> вели, государь, наши каргопольские уезды дозировать и досмотреть»¹¹. Эти цитаты — прямая речь самих каргополов, которые употребляют понятие «уезд» для обозначения самых мелких первичных административных единиц — не только волостей, но и улиц посада и деревень.

Итак, термин «уезд» в различных по характеру, видам и типам источниках XV–XVII вв. имеет самый широкий смысл, обозначая любую подвластную территорию самого различного подчинения и юридического статуса, и тем более размера. Данное первичное понятие уезда было всем знакомо, как таковое, оно еще держалось и в официальном употреблении, и в разговорной речи даже в XVI–XVII вв. Проведя сравнительно-исторический анализ источников, мы можем правильно истолковать значение понятия «уезды» в грамотах новгородских архиепископов 1534 и 1548 гг. об искоренении язычества в епархии. «Уезд» здесь — это подвластная любому управителю-назначенцу территория: есть территория или местное сообщество, и ими кто-то управляет, находясь в уезде от центра (столицы, монастыря, епископа и т. д.). Именно поэтому указные грамоты употребляют термин «уезд» во множественном числе. При этом одни подвластные территории «уезды» обозначены в документах по названию главных городов этих областей, другие — Чудские и Ижерские уезды — видимо, по этническому составу их жителей.

С точки зрения источниковедческого анализа термина «уезд» как обозначение основной единицы административно-территориального деления России в конце XV–XVII вв. — это второй этап развития, эволюции и бытования первичного ши-

рокосмыслового термина «уезд». Когда перед правительством великого князя Ивана III встала непростая задача по преобразованию бывших удельных княжеств и земель в новые административные единицы, в качестве их названия было избрано всем известное понятие «уезд». Термин предполагал не просто территорию, а территорию, управляемую с помощью назначенца. Ведь именно так Кремль и намеривался выстраивать новую систему областного администрирования с помощью наместников.

Третий этап эволюции понятия «уезд» относится уже к императорской России, когда появились губернии, а городов стало значительно больше. Уезд превратился в подчиненный губернскому центру административный район во главе с уездным городом, а сама губерния заняла место уезда московского периода истории России. Сейчас, кстати, намечается четвертый этап эволюции понятия «уезд», когда пока что неофициально уездом начинают называть район с районным центром-городом. Это заметно из разговоров с жителями центра и юга России. Они же все упорнее именуют области губерниями, так что с точки зрения источниковедения понятие «губерния» уже вступило в новый, второй этап. Ведь в источниковедении неофициальная запись или устная речь — это такие же подлинные и равноправные источники для анализа, как Конституция страны или Устав области.

¹ Переписная окладная книга по Новугороду 7008 г. Вотской пятины. Корела с уездом // *Временник имп. МОИДР. М., 1852. Кн. 12. Материалы. С. 1–188; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 98–99.*

² *Козкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990 [далее: ПИК]. С. 60–64, 67–72. Раннюю публикацию см. Дополнение к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. СПб, 1846. Т. I [далее: ДАИ]. С. 27–30*

³ ПИК. С. 64–65; ДАИ. С. 33–34. Обе публикации неправильно озаглавили данный указ «Посланием архиепископа Макария великому князю Ивану Васильевичу. 1534 г.» Текст послание только содержится в начале указной грамоте владыки священнику Григорию.

⁴ ПИК. С. 64; ДАИ. С. 33.

⁵ *Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 95, 101–102.*

⁶ Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 285–287 («Отбойные записи» лендерцев, ровкульцев и кимасозерцев от 15, 16 и 18 августа 1628 г.); Карелия в XVII в. Петрозаводск, 1948. С. 35–36 («Отбойная запись» лендерцев от 13 августа 1628 г.).

⁷ Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 215–216.

⁸ Там же. С. 230–231.

⁹ Там же. С. 238–239.

¹⁰ ДАИ. С. 300–301 (Письмо каргополов в Белоозеро от 15 декабря 1612 г.).

¹¹ Там же. С. 398–403 (Челобитная каргополов, февраль 1615 г.).

В. Е. Возгрин

**ДАТСКИЕ ИСТОРИКИ XVII–XVIII вв.:
НАЧАЛО ПУТИ К НАЦИОНАЛЬНОЙ
ПОЗИТИВИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ***

Историкам Дании XVII в. (как, впрочем, и всей Европы) было присуще характерное для эпохи Просвещения представление о человеческой природе как о чем-то неизменном. При этом они исходили из верного, в общем-то, положения о неизменности законов природы в собственном смысле этого слова. Эти представления делали невозможным познание истории человека в вечных его духовных превращениях, в процессе изменений человеческой природы. Они рассматривали ее как не меняющуюся предпосылку исторического процесса, тогда как их современники являлись продуктом этого процесса.

Великие открытия фундаментальных законов природы учеными XVII в. вселяли в гуманистический XVII–XVIII вв. оптимистическую надежду на светлое будущее, которое наступит, как только будут совершены такого же масштаба открытия в области человеческой природы. И тогда знание этих вечных и неизменных законов позволит внести соответствующие коррективы в поведенческие модели, в практику межличностных (межгосударственных и т. д.) отношений. А это в свою очередь

* Работа выполнена в рамках проекта Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

станет предпосылкой для решения столь многих проблем, извечно омрачающих человеческое бытие. Таким образом, «концепция прогресса в восемнадцатом веке основывалась на той же самой ложной аналогии между познанием природы и познанием человеческого духа»¹. Историкам эпохи Просвещения было свойственно презрительное отношение к ранним периодам истории человечества как к периоду варварства, не заслуживавшему внимания культурного общества. Обще-принятым является мнение о том, что расшатывать устои этого убеждения начали еще историки т. н. романтической школы XVIII в.² Ее сторонники отказались от презрительного отношения к ранней истории человечества как к периоду варварства, пытаясь найти (и находя) в ней истоки современной им цивилизации. Ими были обнаружены положительные ценности в культурах, столь заметно отличавшихся от современной. А отсюда уже было рукой подать до признания изменчивости человеческой природы, до исторического подхода к вечному процессу развития человечества. Как утверждал в своем классическом труде Р. Дж. Коллингвуд (1889–1943), впервые «это новое отношение к прошлому отражено в работе Гердера “Идеи по философии всемирной истории”, четыре тома которой были опубликованы между 1784 и 1791 годами»³. Это утверждение выдающегося английского философа истории, абсолютно верное в целом, заслуживает, тем не менее, некоторой коррекции. «Новое отношение к прошлому» впервые отразилось в трудах, опубликованных намного раньше, чем увидел свет гердеровский четырехтомник. И случилось это не в Германии, а в Дании, чья историческая наука XVIII в. явно недооценена Р. Дж. Коллингвудом, возможно, по причине ее географической и языковой периферийности. Попытаюсь исправить это положение (во многом характерное и для современной мировой историографии), — для этого, очевидно, будет достаточно даже краткого упоминания о научных достижениях датских историков, предвосхитивших идею Гердера.

Следует заметить, что для лидеров датского Просвещения было совершенно нехарактерно упомянутое презрительное отношение к древности, свойственное просветителям остальной Европы. Возможно, этому содействовал необычно высокий интерес к истории, свойственный датчанам, в том числе их коро-

лям. Так, еще в 1589 г., когда во всех европейских университетах правила бал вполне средневековая теология, король Кристиан IV повелел профессору Нильсу Крагу «поощрять интерес к истории и читать в университете лекции по ней и по дисциплинам, к ней относящимся»⁴. То есть, глубокий интерес к языческому прошлому своей страны можно отметить в высших и университетских кругах Дании задолго до 1740-х гг., которые здесь считаются началом этой блестящей эпохи. Собственно, идеи Просвещения были распространены среди творческой элиты и ранее, но в 1747 г. трудами великого просветителя, драматурга и историка Людвиг Хольберга открылась академия в Сорё, сразу же ставшая духовным и научным центром датских просветителей⁵.

Так, Арни Магнуссон (1663–1730), профессор истории Копенгагенского университета, еще в пору своей юности начал собирать древние рукописи Исландии и Норвегии. Обреченные малообразованными потомками викингов на гибель, эти листы буквально в последний момент были им спасены. Арни умел обнаруживать рукописи в самых неожиданных местах, а, уверившись, что в этих двух очагах древней культуры собрано практически все, принялся скупать их в Дании и за рубежом. Он посвятил спасению памятников скандинавской древности всю жизнь, в результате чего в университетской библиотеке отложились многие тысячи бесценных манускриптов, ставших основой для научных исследований грядущей эпохи Просвещения. Эта коллекция, равной которой нет в мире, доныне носит его имя (Arni Magnussons Samling)⁶. В том же XVII в. собирал старинные рукописи профессор истории Томас Бартолин (1659–1690), которые составили 25 фолиантов под общим названием *Bartholins Collectanea*. А в 1689 г. им совместно с Арни Магнуссоном была подготовлена и опубликована на латыни антология *Anticvitatium Danicarum de causis contemptæ a Danis adhuc gentilibus mortis libri tres* (О причинах презрения к смерти данов в пору, когда они еще были язычниками). Этот труд, в котором великолепно отразился быт, образ мыслей, религиозных представлений, культура, обычаев и традиций древних датчан, получил европейскую известность, на многие десятилетия став основным источником сведений о древнескандинавских истории, этнологии, поэзии и мифологии⁷.

Несколько позже, в 1702 г., был посмертно издан много-томный труд схожего содержания *Series dynastiarum et regum Daniæ a Skjoldo Othini filio ad Svenonem Estridium...*, подготовленный к публикации еще в 1664 г. Т. Торффэусом (1636–1719). Этот датский историк задался целью раздвинуть временные рамки известной «Истории данов» датского хрониста Саксона Грамматика (XII в.): если последний возводил истоки предков датчан к родоначальнику династии Скъольдунгов, потомков Одина, Дану, то Т. Торффэус начинает свое сочинение со столь же легендарного Скъольда Скевинга, вводя в текст сведения о куда более реальных властителях данов Горме Старом и Тюре.

Но это было не просто хронологическое и фактографическое расширение старой хроники. Историк середины XVII в. впервые подвергает текст хроники Саксона критическому анализу, положив, таким образом, начало новой отрасли исторической науки — источниковедению. Причем его критические выводы были вполне обоснованными, так как Т. Торффэус опирался в своем исследовании на документальные источники огромного собрания Арне Магнуссона (кстати, оказавшего автору неоценимую помощь). Таким образом, мы вправе назвать этих ученых исследователями и XVII, и XVIII века с его европейской источниковедческой школой. Эта порубежная позиция, тот факт, что они опередили свое время, нашли свое отражение и подтверждение в ожесточенной полемике между сторонниками нового метода и защитниками Саксона⁸.

Следует заметить, что названные выше историки были, пожалуй, единственными, кто закладывал научные основы будущему расцвету датской историографии. Остальные авторы, работавшие во второй половине XVII в. в этой области, несли на своем творчестве следы «классического» направления в датской исторической науке⁹.

По сути, они были не историками в строгом понимании этого слова, а, скорее, литераторами, не обременявшими себя знакомством с уже введенными в научный оборот источниками и создававшими романтические произведения о героях сколь угодно далекого прошлого. К счастью, на рубеже веков «классицисты» уступают место исследователям, во-первых, профессионально использовавшим архивные фонды, а, во-вторых, ставившим перед собой некую сверхзадачу — приносить своей

деятельностью пользу обществу. Другими словами, говоря о былом, они старались не забывать о реальной жизни, о требованиях современности, совершенствование которой они считали своим долгом. Этой метаморфозой датские ученые были, прежде всего, обязаны С. Пуфендорфу, который резко критиковал «классическую» историографию, ставя перед учеными позитивную задачу исправления общества.

Виднейшим представителем новых веяний в историографии был Людвиг Хольберг (1684–1754), в молодости хорошо ознакомившийся с трудами и идеями английских, германских и французских философов и историков. Уже в первые десятилетия XVIII в. у него сложились убеждения, которым он следовал всю жизнь. В статьях и вступительных очерках к своим большим произведениям Л. Хольберг определял роль источников в исторических произведениях как основную, «несущую». А в 1830-х гг. он четко сформулировал мысль о том, что для историка мало написать безукоризненно точную, документально подкрепленную историю, — он должен стремиться вскрыть тайные побуждения или роль внешних обстоятельств в действиях исторических лиц. Наконец, он четко сформулировал основную задачу исторической науки как, в конечном счете, радикального средства к совершенствованию человеческого бытия¹⁰.

Огромны заслуги Л. Хольберга и в деле воспитания будущих историков Дании. Будучи профессором истории Копенгагенского университета, прекрасно разбираясь в его структуре и функциях, он неустанно критиковал его — следы этой критики обнаружены на многих страницах его огромного авторского наследия¹¹. Одновременно историк разработал проект реформирования системы образования. В противоположность традиционной теологически-схоластической университетской программе он поставил целью активное ознакомление студентов с реальной жизнью, с современной историей, правом, экономикой и этикой. Религия и право должны соответствовать требованиям рациональности, а науку вообще следует освободить от любой зависимости от теологии.

Легко заметить поразительное сходство этих мыслей с вольтеровскими, но великий французский просветитель был на десять лет моложе своего датского коллеги, и если История Датского королевства (где были высказаны упомянутые мысли)

вышла в свет в 1732–1735 гг., то соответствующая программа Вольтера была изложена чуть ли не двадцатью годами позже («Век Людовика XIV», 1751). Отмечу, что идеи датского просветителя подкреплялись делом. Упомянутый центр датского вольномыслия, академия в Сорё, была создана не только по мысли, но и на средства Л. Хольберга.

Второй пример — упомянутая трехтомная «История Датского королевства», труд, замечательный в своих плюсах и минусах. Это — описание жизни страны с древнейших времен до второй половины XVII в., основанное как на трудах предшествующих историков, так и на источниках. Основное внимание в «Истории» уделено политическим событиям, однако Л. Хольберг освещает и такие частные сюжеты, как организацию национальной науки, положение отдельных сословий, структурное устройство центральной администрации, состояние торговли, организацию монетного дела — все постольку, поскольку это имело в той или иной степени отношение к властным функциям правительства. Однако такой подход объективно позволил автору написать широкую картину жизни страны и людей, их быта, культуры, традиций, духовных качеств — и все это в процессе изменений, метаморфоз.

Совершенно в духе эпохи, требовавшей активного «исправления» общества, Л. Хольберг выступает здесь в качестве резонера, указывавшего на те или иные грехи или промахи исторических лиц с тем, чтобы прошлое не повторилось в будущем. Причем эта его черта не случайна, так было задумано — совершенно в ключе далекого предшественника Л. Хольберга, историка А. Хуитфельда¹². Впрочем, здесь прослеживается некоторое различие. Если А. Хуитфельд поучал короля и его высших советников, оставаясь одним из них и испытывая к ним симпатию, то у Л. Хольберга позиция противоположная. Относясь, в целом, положительно к одному из своих персонажей, Кристиану II, ученый с удовлетворением отмечает, что король «пытался оказать поддержку и помощь низшим сословиям и крестьянам страны... Напротив, дворян и магнатов считал он бельмом на глазу»¹³.

Но есть в Истории Датского королевства черты, которые были совершенно чужды не только А. Хуитфельду, но и современникам Л. Хольберга. Комедийный драматург и ироничный писатель, он и в этом фундаментальном историческом труде

не может удержаться от иронии, блестящей которой едва ли не впервые осветили страницы серьезного сочинения, сделав его популярным как среди датчан, так и в других странах¹⁴. Так, например, он утверждает, что светская болтовня при дворе Свенда II Эстридсена (XI в.) «...была ненамного более изысканной, чем комплименты, которые отпускают в современных мещанских домах»¹⁵.

Л. Хольберг не ограничивал свою деятельность стенами университета и академии в Сорё. По его инициативе и поддержке короля в 1746 г. в Копенгагене было создано Общество для совершенствования датского языка и датской истории (Selskabet til det danske Sprog og den danske Histories Vorbedring). В задачи Общества входили сбор всевозможных письменных источников для последующей публикации их в принадлежащем Обществу ежеквартальном журнале Датский магазин. Душой Общества стал его многолетний председатель Якоб Лангебек (1710–1775), который, как правило, лично составлял комментарии и примечания к материалам, поступавшим в редакцию журнала. А материалов этих было множество. Не ограничиваясь их поисками в Дании, Я. Лангебек собирал материалы (делал их копии или покупал оригиналы) в частных собраниях, архивах и библиотеках Швеции, русской Прибалтики, ганзейских городах бывшей шведской Померании. Основным требованием к этим актам была их принадлежность к истории Дании.

Вернувшись домой, он приступил к изучению и публикации этих источников, число которых измерялось тысячами. Я. Лангебеком была проведена огромная работа: к каждому источнику им составлялся подробный комментарий. Всего им было подготовлено 8 томов; первые три вышли уже в 1772–1774 гг., остальные опубликовали его единомышленники — уже после смерти этого выдающегося архивиста и известного историка. Публикаторский труд занял последние 30 лет его жизни; утверждают, что после его поездок в соответствующих архивах никто не смог обнаружить ничего на «датскую» тему, что не было бы им опубликовано (лишь кое-какие материалы по Средневековью) — а ведь с тех пор прошло уже почти 300 лет¹⁶.

Источниками, которые публиковал Я. Лангебек, пользовались многие историки, в том числе П.-А. Малле, в четырехтомной Истории Дании которого (вышла в 1758–1777 гг.)

автор-компаративист проводил смелые сравнения, например, древнего общества Дании и населения императорского Рима. Выводы были в пользу Скандинавии, которую Малле рассматривал как царство свободы и законности — в противоположность римскому государству, в котором царила рабская психология и культуре которого теперь подражали датские аристократы. Книга П.-А. Малле имела шумный успех во Франции, ее перевели и на английский, после чего англичане занялись исследованиями своей древней истории в поисках свобод древнедатского образца. Затем ее перевели в Германии, результат был тот же. И лишь тогда на нее обратили внимание датско-немецкие аристократы Дании и Шлезвиг-Голштейна. Она была востребована этой элитой провинциального королевства как средство самоутверждения в качестве наследников великой культуры и традиций свободы.

Дворянская верхушка теперь могла доказать всей просвещенной Европе, что именно этот регион был некогда уникален, обладая совершенно особыми, собственными культурно-историческими ценностями и представляя собой историческую почву для более поздних представлений о человеческих свободе и мощи. Образованные, но более демократически настроенные датские студенты и университетские профессора отнеслись к этой шумихе скептически. Они принялись листать тома П.-А. Малле страницу за страницей и обнаружили то, что искали: бесспорно одаренный автор подходил к своим источникам не всегда критично, то есть проявил непрофессионализм. После чего незаурядное сочинение П.-А. Малле хоть и не было забыто, но значительно утратило в своей популярности¹⁷. Запомним этот курьезный эпизод, ярко демонстрирующий бесспорный факт: уже во второй трети XVIII в. (задолго до Гердера!) широкие круги образованного общества Дании настолько трепетно относились к своей «варварской» старине, что воспротивились ее искажению — даже в положительную сторону.

Вообще нельзя не заметить, что в Дании середины XVIII в. произошел некий взрыв интереса к истории, причем не только датской, но и всеобщей. В 1742 г. Л. Хольберг выпускает из печати свою фундаментальную «Историю евреев», а Й. Крафт в 1760 г. — историко-антропологическое «Сочинение о замечательных устройствах, обычаях и убеждениях у диких народов

для освещения проблемы происхождения и развития человечества в целом». Эта же проблема занимала известного историка, королевского историографа П. Ф. Сума. В 1769 г. вышел его солидный труд под скромным названием «Предварительный набросок истории происхождения народов в целом, как введение к началам скандинавских народов»¹⁸, а чуть позже Т. Роте опубликовал свое многотомное «Воздействие христианства на состояние европейских народов» — исследование, кстати, весьма глубокое и профессиональное даже по современным меркам.

Несколько позже (1768–1770) А. Гульдберг издает многотомную «Всемирную историю», где впервые в датской историографии значительное внимание уделяется истории культуры и внутреннему положению многих стран, истории мировой науки и международной торговли. Особую роль отвел автор истории развития национального менталитета и духа. Как он заметил однажды, «Сама истина столь настоятельно повелевает мне обращать особое внимание на развитие или угасание человеческой мысли, остроумия, просто ума, духа предприимчивости в различные эпохи и у различных народов»¹⁹.

В последней трети XVIII в. успешно продолжалась работа над «исправлением» датской истории, прежде всего древней, что, видимо, также отражало негаснущий общественный интерес к национальным истокам. Крупным научным событием стало издание П. Ф. Сумом вначале «Опыта к совершенствованию древней датской и норвежской истории (1757)»²⁰, а затем, в 1774–1781 г., четырехтомной «Критической истории Дании языческого периода от Одина до Горма Старого» (*Kritisk Historie af Danmark udi den hedenske Tid fra Odin til Gorm den Gamle*). Здесь на основе введенных автором в научный оборот источников было сделано бесчисленное количество поправок к сочинениям его предшественников. Очевидно, стремясь воспрепятствовать появлению новых ошибок в будущих сочинениях датских историков, П. Ф. Сум подготовил четырнадцатитомную «Историю Дании» (1782–1828) — огромную антологию источников, снабженных историографическими комментариями. Впервые научное издание вышло на датском языке; на родном языке были приведены и материалы, ранее публиковавшиеся исключительно в латинском переводе.

Труд этот предназначался, естественно, лишь для специалистов, поэтому П. Ф. Сум одновременно готовил еще одну, новую историю Дании для широкого читателя. Этот двухтомник (*Historie af Danmark, Norge og Holsten*) вышел в 1776 г. в форме учебника для гимназий, но, как и рассчитывал автор, получил широкое распространение среди читающей публики, выдержав множество переизданий²¹. Прошлое скандинавских стран освещалось в этом сочинении с критической точки зрения, что, как считают современные историки датской общественной мысли, отразило утопические надежды П. Ф. Сума на то, что его труд может сыграть роль своего рода зеркала для мыслящих современников²².

Во второй половине XVIII в. участились выезды датских студентов и зрелых ученых за рубеж, нередко долговременные. Стоило это недешево, но уже тогда существовали многочисленные именные фонды, предназначенные для историков, первый из которых был учрежден еще Арни Магнуссоном. Ученых привлекала сама возможность ознакомиться с передовыми идеями мировой науки, встретиться с зарубежными коллегами для обмена мнениями. Неслучайно более всего их привлекал Геттингенский университет, славившийся своими либеральными порядками не менее, чем профессорами. В эти годы там преподавали такие блестящие историки как Гаттерер, Шпиттлер и Шлёцер, — неудивительно, что уже через несколько месяцев пребывания в этой свободной республике ученых датчанин Ф. Снеedorф записывал: «Студенты, которые приезжают в Геттинген, чувствуют себя как художники, попавшие в Рим»²³.

Отрасли исторической науки, которым отдавали предпочтение немецкие профессора, весьма отличались от тех, что были доступны копенгагенским или кильским университетам. В Геттингене читали лекции крупнейшие специалисты по всемирной и новейшей, социальной и культурной истории. И, что не менее важно, здесь уже в 1780-х гг. общим стремлением было максимальное приближение к объективности в исследовательских выводах. Поэтому тот же Ф. Снеedorф, вернувшись из Германии высказал убеждения, весьма близкие тем, что лишь через полвека в более лаконичной форме сформулирует великий Леопольд фон Ранке. Датчанин писал: «Путь историка тяжок. Нужно отречься от всех предрассудков, политических

пристрастий, корыстолюбия, ненависти, страха — это его враги, с которыми он должен справиться до начала своего пути. Если историк почерпнул всю свою философию из книг, а не впитал ее с жадностью из окружающего мира, из опыта, то и правдивейшая хроника в его руках превратится в жалкую сказку. Пустячные действия вызываются значительными причинами, а для анализа больших деяний необходимо отправиться на века назад, там ища их основу, не определяемую капризами [современного] государя или его министров»²⁴.

Известно, что если следовать духу позитивизма, то сбор исторических фактов и сведений — только первая стадия процесса научного познания. За ней должна следовать вторая — обобщение этих фактов и открытие законов, которым подчиняется развитие человека и общества. Мы видели, что первая стадия была пройдена датскими историками и архивистами с блестящими успехами. В XVI–XVIII вв. был собран внушительный корпус письменных источников, на основе которого различными авторами практически одновременно создавалась национальная историография. При этом большинство исследователей посвящали первые тома своих сочинений древнейшим периодам датской истории. Другими словами, недооценка ранней истории человечества, с трудом преодолевавшаяся, начиная с Гердера, учеными Просвещения, для датской науки была не характерна ни в пору расцвета этой эпохи, ни ранее.

Сказанное можно отнести и к идее Гердера о развитии менталитета и духа. До того, как она была сформулирована немецким философом, ею руководился ряд датских историков, среди которых особое место занял А. Гульдберг. В своей «Всемирной истории» он еще в 1760-х гг. выступил с критикой представлений о статичности, неизменности человеческой природы, столь свойственных эпохе Просвещения. Мало того, будучи блестящим компаративистом, он продемонстрировал не только неравномерность развития различных племен и народов, но и сделал попытку объяснить причины этой неравномерности. Таким образом, датский ученый ступил в своем творчестве на порог второй стадии научного познания, как ее понимали позитивисты и к чему они звали историков остальной Европы — пока тщетно.

Поиск причин столь очевидно опережающего развития датской историографии эпохи Просвещения едва начат. Скорее все-

го, здесь следует обратить внимание на то, что Дания в XVIII в. относилась к малым странам Европы, не располагавшим тем универсальным разнообразием образовательных и научных возможностей, которыми могли похвастаться великие державы (эта ситуация актуальна и ныне). Поэтому многие стремящиеся к знанию датчане были вынуждены учиться в зарубежной высшей школе. Парадоксальным образом такая необходимость играла исключительно положительную роль для датской науки в целом и языкознания в частности (как в ту эпоху, так и ныне процент датчан, владеющих одним-двумя иностранными языками в разы выше, чем у населения, к примеру, великих держав — причина понятна). Не менее заметным этот феномен был и в историографии.

Действительно, в то время как немецкие, французские или английские студенты-историки в подавляющем большинстве случаев получали образование, ограниченное национальными рамками, датчане располагали возможностью широчайшего выбора между университетами (и, значит, научными школами) всей Европы. Естественно, они выбирали из них наиболее продвинутые и перспективные в смысле развития «новой» истории. А потом возвращались на родину, обогатившись всем тем, что мог им предоставить континент (как правило, они успевали за период обучения сменить два, три и больше университетов, это было нормально). Они были подобны пчелам, несущим в свой улей лучшее, что можно найти в разнотравье цветущего луга. И, если продолжить эту метафору, дома их ждали раскрытые соты в виде уже подготовленных к использованию источников, созданных их предшественниками в объемах и содержательном богатстве, непредставимом даже для куда более крупных стран. Перед ними раскрывалось перспективное поле научной деятельности, где можно было широко применить знания, идеи и мысли лучших умов эпохи, — и они использовали эту уникальную возможность в полной мере²⁵.

¹ Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории. Автобиография*. М., 1980. С. 83. (далее: Коллингвуд, 1980).

² Основоположником этого направления европейской историографии принято считать Ж.-Ж. Руссо, чьи идеи о воле народа как определяющей силы

в развитии духовного и культурного мира национальных сообществ были впоследствии развиты Гердером.

³ Коллингвуд, 1980. С. 86.

⁴ Jørgensen E. Historieforskning og Historieskrivning i Danmark indtil Aar 1800. København, 1964. S. 210 (далее: Jørgensen, 1964). Правда, лекции по истории в течение многих десятилетий читались лишь изредка. То есть, когда в этом возникла необходимость для лучшего постижения богословского материала, или если профессор истории изъявлял к этому желание. Кафедры истории вообще не существовало, и лишь с 1635 г. Копенгагенский университет «выделил ставку» для профессора истории. Но, подчеркну, в огромном большинстве европейских университетов в указанный период (и полувеком позже) история вообще не читалась.

⁵ Petersen K. Danmarkshistoriens Hvårnår skete det. København, 1969. S. 235.

⁶ Olsen G. Den unge Enevælde. 1660–1721. København, 1964. S. 371.

⁷ Danmarks historiens blå bog. Udgivet af P. Birkelund, F. Hilsted, I. Koch-Olsen, J. Paulsen. København, 1971. S. 24. (далее: Danmarks historiens blå bog).

⁸ Как вспоминал их младший современник Л. Хольберг, «саксонисты» печатно обрушивались на Т. Торфэуса, клеймя его за то, что ему было «недостаточно королевской стипендии, так как он дерзнул разрушить историю древности и лишить наш Север всей его славы и прелести..., принизить древности своей родины» (Holbergs samlede Skrifter. Bd. V. København, 1920. S. 743. /далее: Holberg, 1920/).

⁹ Другое обозначение этого направления — «тацитизм». Его представители писали, подражая великим историкам классического периода истории Рима. В годы правления Кристиана IV (1588–1648) историки И. Понтанус и И. Мёрсиус создали свои версии истории Дании. В книгах обоих авторов короли действуют согласно Божьей воле, хотя иногда и под давлением собственных эгоистических интересов. Что касается морального лица монархов, то оно определяется по воле автора, демонстрирующего, как аморальные государи наказуются Богом. В целом же короли получают свою власть непосредственно от Господа и являются Его наместниками на земле. В литературе высказывается обоснованное утверждение, что «классическая» историография сложилась в Дании под влиянием Меланхтона (Skovgaard Petersen K. Historiography at the Court of Christian IV (1588–1648). Studies in the Latin Histories of Denmark by Johannes Pontanus and Johannes Meursius. København, 2002. P. 411).

¹⁰ Голберг Л. Сокращение Всеобщей истории, с вопросами и ответами. М., 1908. С. 1.

¹¹ Stybe S. E. Universitet og Åndsliv i 500 År. København, 1979. S. 76.

¹² Арильд Хуитфельд (1546–1609), канцлер Кристиана IV, благодаря своему посту и служебным поездкам получил возможность собрать внушительную коллекцию старых рукописей, на основе которых написал свою Историю Дании. Это был крупнейший, после хроники Саксона Грамматика, труд (10 томов), надолго занявший в датской историографии центральное место и первая история страны и народа, написанная по-датски. В нем рассмотрен период от легендарного короля Дана до к. XVI в.

¹³ Цит. по: Hørby K. Den nationale historieskrivning i Danmark. København, 1978. S. 10. (далее: Hørby, 1978).

¹⁴ История Датского королевства Л. Хольберга была опубликована и в России, правда, под несколько измененным названием (История Датская. СПб., 1765–1766)

¹⁵ Цит. по: *Hørby*, 1978. S. 9.

¹⁶ *Jørgensen*, 1964. S. 208.

¹⁷ *Stigel J. Den nationale patriotisme // Dansk litteraturhistorie. Bd. 4. København, 1983. S. 310–311.*

¹⁸ В этом труде П. Ф. Сум попытался собрать воедино все имевшиеся в ту эпоху сведения о древнейших насельниках земли. При этом он использовал Ветхий Завет, античные и средневековые сочинения — скандинавские и иные, записки путешественников (к которым относился, по понятным причинам, критически) и небогатую научную литературу по этой теме. В этом труде автор выдвинул оригинальную гипотезу о том, что скандинавы, как и угро-финны, пришли на Балтику с востока.

¹⁹ Цит. по: *Jørgensen*, 1964. S. 171.

²⁰ Этот труд представлял собой критику общих работ, конкретно по истории королей Кнуда Великого, Эрика I Доброго, Эрика II Памятливого и претендента на датский трон Харальда Хордероде (XI–XII вв.),

²¹ *Danmarks historiens blå bog. S. 405.*

²² *Stigel*, 1983. S. 316.

²³ *Sneedorf F. Samlede Skrifter. København, 1794. Bd. I. S. 10.*

²⁴ *Ibid. Bd. III. S. 5, 6–7.*

²⁵ Некоторые особенности дальнейшего развития датской исторической науки отражены в: *Возгрин В. Е. Историографическая драма — датские историки до и после национальной катастрофы 1864 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Десятой ежегодной международной научной конференции. СПб., 2009. С. 236–250.*

Д. В. Кобленкова

**В ПОИСКАХ ГЕРОЯ: КАРЛ XII
В ШВЕДСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(А. СТРИНДБЕРГ, В. ФОН ХЕЙДЕНСТАМ, А. ЭНГСТРЁМ)**

Проблема падения шведского великодержавия и вопрос о роли Карла XII в мировой истории нашли отражение не только в исторической науке. В период острой дискуссии о нем — во время расцвета так называемой «новой школы», когда в работах Харальда Иерне Карл стал оцениваться не только как «харизматичный гений для лейтенантов», разоривший из-за своего честолюбия страну, но, напротив, как провидец, мыслящий в масштабах Европы, как защитник лютеранской культуры германских народов от варварства Востока, в полемику включаются два известных шведских автора — Август Стриндберг и Вернер фон Хейденстам. До них свое художественное оппозиционное видение проблемы отразили поэты Эсайас Тегнер (1782–1846) и Карл Снойльски (1841–1903). С. Уредссон отмечал, что Тегнер в столетний юбилей со дня смерти Карла (1818 г.) написал романтическое стихотворение «Король Карл, наш юный герой», в котором тот представлял защитником правого дела, величайшим сыном Швеции. Карл воспринимался как герой и гений, поскольку «все великое на свете слепо следует велению духа»¹. Иными словами, Карл шел за своей интуицией и потому не подсуден. Иррациональное ставилось выше рационального, исключительное, безусловно, было приоритетнее обыденного. Ответ на романтическую идеализацию дал Карл Снойльски в своих «Шведских картинах» (1886 г.). В стихотворении «Пожарная лошадка» (как и в «Саге о лошади» Улофа Долина)

символически изображается шведский народ, который больше не может вынести своего господина.

Эти произведения отразили основные аспекты спора о Карле: с одной стороны, эта была масштабная, завораживающая личность, с другой — именно эта личность и привела страну к краху. Вопросы более частные: являлся ли Карл хорошим стратегом и тактиком, верны ли были его установки, связанные с низложением Августа Польского и Петра, по причине которых он утратил прибалтийские провинции, а затем армию и власть, здесь, конечно, не рассматривались. Поэзия выявляла главное, что отражало мифологизирующее шведское сознание, все остальное оставалось предметом споров историков и публицистов.

В последние два десятилетия XIX в. в спор вступили прозаики и драматурги. Сначала свою резкую позицию высказал Август Стриндберг (1849–1912) в новелле «Почетный караул у смертного одра» (в русском переводе «Почетный караул»), которая входила в сборник «Шведские судьбы» (1883 г.). В ней была изображена всего одна сюжетная ситуация: спор хирурга лейб-медика Ноймана и лейтенанта Карлберга, которые в течение ночи охраняют тело убитого короля. Их дискуссия носит обобщающий характер, т. к. земным деяниям Карла подведен итог. Однако остроту конфликту добавляет маргинальное «присутствие» самого Карла, который даже мертвым вызывает страх и благоговение. Офицеру постоянно кажется, что Карл жив или готов восстать из мертвых. Этим подчеркивается степень влияния короля на сознание обычных людей, привыкших подчиняться и все принимать на веру.

Мистическому страху и уважению офицера противопоставлена скептическая позиция хирурга. Автор использует его профессию как метафору низких истин, открывающую тяжелую правду об оборотной стороне величия. Как известно, писатели для развенчания культа какого-либо исторического лица нередко подвергают его физической или физиологической дискредитации. Толстой, например, подобным образом развенчивал Наполеона. В данном случае Стриндберг посредством своего героя натуралистически снижает образ Карла и его сестер Ульрики-Элеоноры и Хедвиг-Софии, указывая на их патологические отклонения и намекая тем самым на вырождение династии.

Мертвый король описан следующим образом: «По мере того, как глаза привыкли к освещению, под мокрым плащом начинала вырисовываться фигура коротконового человека с острыми коленками, широкими бедрами, узкими покатыми плечами и большим носом, приподнявшим плащ так, что с трудом угадывалась линия необычно высокого лба»². Причину мистического шевеления трупа короля автор объяснил в той же плоскости, что «на самом деле просто ослабили перед полным окоченением связки и сухожилия». «Суставы подались, только и всего, — объяснил лейб-медик»³. Подробности такого рода рассеивают магический ореол вокруг Карла, который делал ошибки отнюдь не как Бог, а как обычный честолюбец. Анализируя его родословную, Нойман свидетельствует: «Природа сохранила качества женоненавистника и трезвенника, но трянула стариной и полностью возродила буяна, по образцу дела, однако заодно похерила скупердяя, тем самым ударила в новую крайность и создала мота»⁴. Отмечается, что в письмах у короля не было логики, «слова будто в кучу свалены и перепутаны, будто взял и вывалил из мозгов... что попало». Основным мотивом поступков Карла Нойман считает не силу, а слабость, а факт того, что король не посмел возвратиться в Стокгольм, настоящей трусостью, которая его и сгубила. «Вся его жизнь была цепью ошибок, промахов, нелепостей». Он самый шведский из всех королей, потому что вел себя как норманны и викинги, которые, вырвавшись «из своих берлог», «грабили, подобно дикарям»⁵. Стриндберг сопоставляет Карла с Александром Македонским, с которым сам Карл мечтал сравняться. Однако сравнение дается не в пользу шведского короля: Александр, писал Стриндберг, «распространял учение среди варваров, в то время как наш безбородый Лангобард совершал лишь грабительские походы» и «не погнушался призвать под свои знамена собаку-турка и снова затащить в Европу эту шваль»⁶. Карл «никогда не понимал, ибо не получил образования, что не было нужды охранять границы Польши от орд с востока, коль скоро сама Россия, цивилизованная Михаилом и Алексеем, взяла это на себя; и ненависть Карла к стоящему во всех отношениях выше его Петру настолько не обоснована ни политикой, ни историей, что ее сугубо личный характер был совершенно ясен и до того, как он... призвал турка себе на по-

мощь против изживающей остатки дикости России, каковая как раз складывалась в европейское государство во главе с царем, носившим титул доктора Оксфордского университета и члена Французской академии. Дикарем оказался Карл, превративший свои владения в пастбище, меж тем как Москвитянин свои земли распахивал»⁷. По мысли Ноймана, Карл запутался настолько, что если бы пуля не прилетела с запада, то она явилась бы с востока. Так, смерть Карла расценивается как желанная и логичная точка в судьбе палача Швеции, что его убийство — это высший приговор, лишь исполненный кем-то здесь на земле.

Впоследствии Стриндберг неожиданно смягчил изображение Карла в пьесе 1901 года, которая вошла в его исторический цикл.

В драме король появляется не сразу. Его образ формируется постепенно, из реплик героев разных сословий. Все участники диалогов (крестьянин, Недовольный, солдат, вернувшийся из русского плена, представители риксдага) в отсутствии короля дают ему критические оценки, обвиняя в экономическом обнищании и политической гибели страны. Однако как только на сцене появляется король, вошедший тихо и долго остающийся незаметным, берет верх магическая сила его воздействия. Народ падает на колени, остальные или теряют дар слова или произносят реплики с глубоким уважением, которое противоречит их рациональным установкам. Таким образом, глубинный конфликт пьесы строится на непреодолимом противоречии: разумом абсолютно все не приемлют политики короля, эмоционально же все находятся в плену его личности.

Разрабатывая образ Карла в пьесе, Стриндберг, возможно, пошел по опасному для себя пути. А. Мацевич считает, что, работая над драмой, Стриндберг пытался понять хотя бы отчасти причины того впечатления, которое Карл производил, и начал искать сходство между ним и собой⁸. Не исключено, что неожиданно для самого себя Стриндберг эти общие черты уловил. Особая замкнутость, интровертность, одиночество, нелюбовь к женщинам, тонкий психологизм, магия умного слова и, наконец, воля, переходящая в упрямство, которой король обладал. Карл в пьесе говорит менее других, но умнее, тоньше, философичнее. Особую роль Стриндберг в ремарках придает смущенной улыбке Карла. Эта особенная улыбка короля

в синтезе с мягким и тихим голосом гипнотизирует и влюбляет в себя окружающих. Карл предстает уравновешенным, волевым, всегда знающим нечто большее, почти как сверхчеловек. Впечатление, которое Стриндберг создает, свидетельствует, что на этом этапе, очевидно, он сам, углубившись в анализ загадочного психологического облика короля, оказался им увлечен, несмотря на критическую концепцию его правления. Однако основные политические ошибки Карла все же были сформулированы и в пьесе. Их озвучивает Горн в диалоге с Юлленборгом, а философско-мистическое заключение делает в пьесе визионер Эммануил Сведенборг, который на вопрос, откуда прилетела пуля, отвечает, указывая на небо: «Оттуда!»⁹

Впоследствии свою позицию Стриндберг намного резче отстаивал в прессе. С. Уредссон пишет, что через несколько недель после учреждения «Каролинского союза» (1910) Стриндберг напечатал в «Афтон-Тиднинген» статью «Поклонение фараону», в которой писал, что «обожеествлять Губителя Страны могут позволить себе только сумасшедшие или люди, находящиеся в этом особый интерес»¹⁰. В двух других статьях, в т. ч. «Губитель Швеции», Карл противопоставлялся, с одной стороны, Карлу XI, которого Стриндберг почитал, с другой — Петру I. Петру Стриндберг посвятил отдельную работу, которую не закончил. Уже ее заглавие кодифицировало концепцию: «Den Store» («Великий») ¹¹. По Стриндбергу, Петр был создателем, который имел всемирно-историческое право усовершенствовать и «собрать свою страну», а также защитить Европу от татар и турок, в то время как Карл из-за навязчивой идеи был разрушителем, вторгающимся в чужие земли и потерявшим при этом собственные¹². В итоге Карл был оценен лишь как воин, а Петр — и как воин, и как государственный деятель, которому Карл, бесспорно, по всем пунктам проиграл.

Оппозиционером Стриндберга, который, по утверждению С. Уредссона, развивал идеи Андерса Фрюкселля, выступил Вернер фон Хейденстам (1859–1940). С именем Хейденстама связаны обвинения не только в апологетике Карла XII, но также в национализме и шовинизме, т. к. он поддержал линию Харальда Иерне и фактически создал базу для восприятия шведского короля как предвестника германского нацизма, борющегося с ордами восточных дикарей. В доказательство

приводится статья Хейденстама «О характере шведов» 1896 г. и его знаменитый цикл новелл «Karolinerna» («Воины Карла XII»), вышедший в двух частях в 1897–1898 гг.

Нужно заметить, что подобная оценка нуждается в уточнениях. Хейденстам, действительно, писал о том, что каролинский период — время великих побед, но и великих бед, а также самый шведский из всех периодов истории Швеции. Однако в новеллах Карл не рассматривался им как интуитивный националист, и его политика не восхвалялась. Напротив, в «Каролинцах» король сначала показан как неуверенный в себе, но стремящийся это скрыть одинокий мальчик, получивший возможность осуществить свою мечту и вырваться из системы. Это скорее антишведский вариант, как и в случае с королевой Кристиной.

В целом у Хейденстама даны противоречивые характеристики Карла, которые, очевидно, должны показать неординарность короля. В изображении Хейденстама юный король не может нарадоваться, что, наконец, имеет право плевать косточки от вишен в лица высокопоставленных стариков и бросать им в физиономии пирожными. С юношеской компанией он пьяным носится по улицам ночного Стокгольма, срубает шпагой таблички на домах и разрубает надвое парики появившихся сановников. Но тот же самый король читает на ночь молитву и просит Бога научить его быть праведным государем для нации, не поддаваться греху гордыни и своеволия. И он же с юности, как Раскольников, размышляет о воле и утверждает, что является всего лишь ее слугой. Он страдает от провинциального комплекса, считая, что «Швеция — великое государство с маленьким и глубоко провинциальным двором на самом краю земли»¹³. Подчеркивается его «сердечная холодность», равнодушие, что он ни о чем не переживает дольше одной ночи. Хейденстам отмечает его стремление никому не повиноваться, а в новелле о Мазепе звучит характеристика такого рода: «Он покровитель всех авантюристов. Он придал аванюре величие и легитимность»¹⁴. В этой же новелле автор размышляет над тем, что Карл является героем лишь для черни, генералы устали от него и начинают им пренебрегать. В новелле «Полтава» основным мотивом решения Карла штурмовать крепость называется его желание «поразвлечься, прежде чем ... на подмогу придут татары и поляки». Вместе с тем из новеллы следует, что

и окружение Карла не в полной мере отдавало себе отчет, насколько сильна может быть оборона города. Крепость названа «жалкой, вшивой крепостенкой», и что «там сошли с ума и намерены защищаться»¹⁵. В других новеллах цикла Хейденстам также дает критические характеристики королю, который, по его мысли, даже в период неудач стремился доказать, что он избранник божий или, в противном случае, пасть как последний солдат. От лица короля произносятся слова, что «государство может стать менее важно, чем важен отдельный человек»¹⁶. Вместе с тем Хейденстам, действительно, иногда допускает при описании короля сентиментальность или романтическую гиперболу. Так, в первых новеллах о юности Карла указывается на его нежные щеки, схожесть с хрупкой девушкой. В последних — можно прочесть о прекрасном лице короля, о том, что он превосходил всех остальных, равно как и его народ, оказавшийся в мученическом венце. Этот народ во всем его винит, но в то же время мечтает лишь о том, чтобы король был спасен, и что воины Карла по-прежнему готовы погибнуть за него.

Таким образом, Хейденстам, как и Стриндберг, показывает двойственность отношения к Карлу: его деяния не принимаются, но магия личности заставляет следовать за ним. Помимо этого противоречия, Хейденстам актуализирует мысль о том, что именно эта трагическая эпоха в силу своей интенсивности стала самой значительной в истории Швеции. Это были события с большой буквы, которые заставили говорить о себе весь мир. И, несмотря на цену, которую шведы заплатили за них, эпоха укрупнила представление о шведском характере, который в тот момент был явлен миру в момент максимального напряжения сил. Швеция имела личность, и эта личность — пусть ради собственного эгоизма — сделала провинциальную страну знаменитой.

Наконец имеет смысл напомнить, что не первый раз в истории мировой литературы можно наблюдать расхождения между оценками, которые писатели дают в своих теоретических работах, и теми более сложными интерпретациями образов и конфликтов, которые представлены в их художественных текстах. Публицистические работы более прямолинейны и однозначны, в художественном произведении есть право на вымысел и эмоциональную оценку. Очевидно, это случилось и со Стриндбергом, и с Хейденстамом.

Однако чем дальше уходила в прошлое реальная история Карла, тем больше мифологизировался его образ аскета, романтика, мученика. Уже по представленным текстам можно видеть, что в сознании шведов живет тоска как по самой эпохе великодержавия, так и по тому типу исключительной личности, которую Карл собой являл¹⁷. Показательной в этом контексте является еще одно произведение — новелла Альберта Энгстрёма (1869–1940), прозаика и карикатуриста, редактора юмористического журнала «Стрик», с 1922 г. члена шведской Академии. В новелле 1914 г. «Карл XII, Геркулес и Густав Маттсон» вновь изображен спор о Карле, в котором участвуют старые шведы, тоскующие по сильной личности. Но эта дискуссия уже изображена Энгстрёмом иронически: «Послушай, капитан, что это за тип вон там на стене? Родственник он тебе что ли? Но ведь у него такой дьявольский нос, что родственником он тебе никак быть не может». «Да разве ты не знаешь, Маттсон, что это Карл Двенадцатый? Стыдно! Я повесил его портрет потому, что, замечь, люблю сильных людей! А Карл Двенадцатый — последний сильный парень у нас в Швеции». «Есть ли в нынешние времена хоть один такой атлет, или боксер, или борец, как Карл Двенадцатый?». «Он был высокий, как каланча, и носил у пояса такой меч, которого никто не мог поднять, в книгах так и написано». «Да, Карл Двенадцатый был необычайно крепкий парень, но он был невысокого роста...». «Невысокого роста? Черт подери! Сколько же в нем было росту? Сколько?» «Это был маленький человечек с рыжеватыми волосами, ростом около пяти футов, и совсем не борец и не атлет. Но когда нужно, он умел проявить силу. Он был упрямый и силенки имел побольше, чем большинство людей его роста. Сходите в Северный музей поглядеть, какую он носил одежду, когда приедете в Стокгольм!». «Что это за чертовщина насчет Карла Двенадцатого? Неужто Энгстрём сказал правду? Неужто он был шупленький коротышка, да еще и рыжий к тому же? Тогда я сниму этот портрет, вот и все!». «Не делайте этого, капитан! Если человек небольшого роста, шуплый да рыжий, но всегда наготове, как стальная пружина, и смелее всех других, любого здорового верзилу за кормой оставит, — тем больше он заслуживает уважения»¹⁸.

Другой участник спора уверен, что его кумир, обладатель немислимой силы Геркулес, был таким же коренным шведом,

как и он. Таким образом Энгстрём представляет комически сниженный образ патриота, убежденного в том, что все великие личности — шведы. Четвертый утверждает, что ни Карлу, ни Геркулесу никогда не сравняться с обычным шведским крестьянином, способным во время драки поднимать и бросать огромной величины камни, которые затем жители всем миром выкатывали «обратно шесть дней кряду». Именно это место последний рассказчик считает самым важным в шведской истории: «А вот был ли там Карл Двенадцатый? Черта с два! Готов голову прозакладывать, что и духу его там не было. Ежели бы он знал, как делаются дела в Руслагене и Норланде, то постарался бы приехать туда в отпуск, вместо того, чтобы забавляться где-то там в России и в Турции, ежели он и в самом деле любил драться!»¹⁹ Последние реплики спора еще раз показывают позицию автора, иронизирующую над шведской мечтой быть сильной нацией и иметь героя, способного влиять на ход истории. Шведская драма, по Энгстрему, состоит в противоречии между этим желанием и той слабостью воли, которая была характерна для шведов начала XX столетия.

¹ См.: *Уредссон С.* Карл XII и падение шведского великодержавия в историографии и традиции // *Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы* / Пер. с шведского В. Возгрин. М., 1999. С. 280–282.

² *Стриндберг А.* Почетный караул / Пер. Л. Жданова // *Шведская новелла.* М., 1964. С. 23.

³ Там же. С. 23.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 28.

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ *Мацевич А.* Август Стриндберг — драматург-новатор // *Стриндберг А.* Пьесы. Густав Ваза. Карл XII. На пути в Дамаск. М., 2002. С. 9.

⁹ *Стриндберг А.* Карл XII / Пер. с шведского А. Афиногеновой / *Стриндберг А.* Пьесы. Густав Ваза. Карл XII. На пути в Дамаск. М., 2002. С. 138.

¹⁰ *Уредссон С.* Цит. изд. С. 293.

¹¹ *Strindberg A.* Den Store // *Strindberg A.* Samlade Verk, 54. Historiska miniatyrer. Stockholm, 1997. S. 215–227. См. также статью Стриндберга «Шведский народ»: *Strindberg A.* Svenska Folket // *Strindberg A.* Samlade Verk, 12. Det nya riket. Stockholm, 1983. S. 22–33. Интерес также представляют публицистические

размышления о шведской истории и роли в ней Карла XII другого знаменитого шведского писателя Вильгельма Муберга. См.: *Moberg V. Min Svenska historia berättad för folket. Andra delen. Från Engelbrekt till och med Dacke.* Stockholm, 1971.

¹² Об этой неоконченной статье А. Стриндберга упоминает Д. Шарыпкин в своем исследовании: *Шарыпкин Д. Русская литература в скандинавских странах.* Л., 1975. С. 169.

¹³ *Хейденстам В. фон.* Восшествие на престол. Пер. с шведского С. Фриндлянд / *Хейденстам В. фон.* Воины Карла XII. *Лагерквист П.* Улыбка вечности. М., 1999. С. 30.

¹⁴ *Хейденстам В. фон.* Мазепа и его посланник / Пер. с шведского С. Фриндлянд / *Хейденстам В. фон.* Воины Карла XII. *Лагерквист П.* Улыбка вечности. М., 1999. С. 50.

¹⁵ *Хейденстам В. фон.* Полтава / Пер. с шведского С. Фриндлянд / *Хейденстам В. фон.* Воины Карла XII. *Лагерквист П.* Улыбка вечности. М., 1999. С. 59.

¹⁶ Там же. С. 68.

¹⁷ Эта мысль звучит во многих современных шведских исследованиях. См.: *Энглунд П.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 2009; *Тоштендаль Р.* Полтава: сражение, история и символ // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. Под редакцией Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. М., 2009. С. 21–44; *Оселиус Г.* «Полтава не подействует угнетающе на человека здорового». С Карлом Беннедиком на поле битвы // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. Под редакцией Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. М., 2009. С. 377–404.

¹⁸ *Энгстрем А.* Карл XII, Геркулес и Густав Маттсон / Пер. с шведского В. Хинкиса // Шведская новелла. М., 1964. С. 139–142.

¹⁹ Там же. С. 146.

С. Е. Ивлева

**ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ИЗДАНИЯ
О СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ
В СОБРАНИИ ЕВГРАФА ЕВГРАФОВИЧА РЕЙТЕРНА**

В 1918 г. в Русский музей поступило уникальное собрание русских гравюр и книг Евграфа Евграфовича Рейтерна (1836–1918) — одного из крупнейших петербургских коллекционеров XIX века. В книжную его часть входило несколько иллюстрированных изданий, объединенных темой изучения культурно-исторического своеобразия стран Северной Европы. Издания эти, являясь яркими образцами иллюстрированной книги XIX в., свидетельствовали об интересе собирателя к жизни сопредельных с Россией северных стран.

В конце XIX — начале XX в. Евграф Евграфович Рейтерн был заметной и уважаемой фигурой в культурной жизни Петербурга. «Весь петербургский художественный мир, — отмечали современники — хорошо знал почтенного Евграфа Евграфовича, которого в шутку, за его высокий рост, петербуржцы называли Жираф Жирафович»¹. Известный коллекционер, один из немногих истинных знатоков гравюр и иллюстрированных изданий, ближайший помощник Дмитрия Александровича Ровинского при составлении им словарей «Русских гравюров» и «Русских гравированных портретов», он пользовался огромным уважением и у коллег — собирателей, и у художественной молодежи. Но даже в неординарном коллекционерском сообществе Евграф Евграфович Рейтерн выделялся как фигура цельная и незаурядная.

Младший сын известного художника Евграфа (Гергарда-Вильгельма) Романовича Рейтерна — Гергард-Евграф-Василий

Рейтерн родился в 1836 г. и детские годы провел в Германии, где его отец совершенствовал свое профессиональное мастерство живописца у знаменитых дюссельдорфцев — Вильгельма Шадова и Теодора Гельдебранта. От отца Евграф Евграфович унаследовал развитый вкус и страсть к собирательству. Любовь к искусствам графическим пробудил у юного Рейтерна Василий Андреевич Жуковский, сам превосходный рисовальщик и офортист. На правах родственника — старшая сестра Рейтерна — Елизавета стала женой Жуковского — он посвящал будущего коллекционера в тонкости графических техник. Впоследствии, от Жуковского Рейтерну перешло много рисунков, почти все офорты поэта и прижизненные издания его сочинений.

Рейтерн, как и его отец, прослушал курс наук в Дерптском университете. С 1866 г. он постоянно жил в Петербурге и 50 лет «мирно» нес службу в департаменте герольдии Сената, дойдя по карьерной лестнице до звания сенатора. Экономия «жалование, он тратил деньги только на собирание гравюру и книг»². Огромные знания Рейтерна, были востребованы художественным сообществом Петербурга. А его умение делать «черновую работу» основательно, но без «шумной известности» было по достоинству оценено разными художественными организациями³.

И все же, главным делом жизни Рейтерна стало улучшение и расширение уникальной коллекции, которую создавал он в течение 50 лет. Основной частью коллекции стали 7,5 тыс. гравюр офортов и литографий русских художников, 304 гравированных альбомных изданий и более 1000 рисунков и акварелей. Кроме того, около 1200 томов насчитывало книжное собрание Рейтерна. Значительную его часть составили русские издания XIX в. с иллюстрациями⁴. Материалы графической коллекции Рейтерна давали полное представление о развитии печатной графики в России от момента ее появления до начала XX в. и представляли произведения всех ведущих мастеров гравюры и литографии в России от Г. И. Скородумова и С. Ф. Галактионова до А. П. Остроумовой-Лебедевой. Столь же серьезно и тщательно была составлена и книжная коллекция, вообравшая все самые значительные русские иллюстрированные издания XIX в. в том числе и иллюстрированные журналы.

В. Я. Адарюков, младший современник Рейтерна, отмечал главное свойство коллекционера: «<...> Е. Е. не увлекался

и не разбрасывался, строго следуя раз намеченной программе собирать исключительно работы наших художников-гравюров». Именно строгое следование однажды намеченному плану составления коллекции помогло Рейтерну «<...> в течение полувекового собирания создать исключительную по своей полноте коллекцию <...> доказав, что умелое коллекционирование тоже творчество»⁵. Среди иллюстрированных изданий Рейтерна интересовали, прежде всего, книги с оригинальными гравюрами-иллюстрациями: офортами, ксилографиями, литографиями и издания, являвшиеся характерными образцами художественно-графического оформления книги различных десятилетий XIX в. Все гравюрные и книжные приобретения Рейтерн фиксировал в «Записных книжках»⁶, где с немецкой педантичностью отмечал, (это касалось, прежде всего, книг) особенности экземпляра: наличие иллюстраций и технику их исполнения, качество переплета, экслибрисы, штампы и ярлыки прежних владельцев, пометы и записи на полях текста.

Передаточные описи, инвентарные книги, а также собственное, составленное Рейтерном 134-страничное описание книжного собрания «Мои книги»⁷, дают представление о характере его книжной коллекции. Практически ни одно значительное иллюстрированное издание, выходявшее в России в XIX в., не прошло мимо внимания Рейтерна. Особенно ценным было то, что в коллекции были представлены не только самые важные издания, безусловно, вошедшие в классический ряд, но и издания менее известные. Все это делало коллекцию практически уникальной.

Издания, связанные со странами Северной Европы, входившие в рейтерновскую коллекцию, количественно составили незначительную ее часть, но были объединены темой изучения истории и культуры этих стран. Кроме того, являясь «яркими образцами русской иллюстрированной книги» 1830–1870-х гг., они представляли пример использования различных иллюстрационных техник: ксилографии, гравюры на стали, литографии и были необходимы коллекционеру для «уяснения общей картины книжного развития».

Так, в собрании Рейтерна были подробно представлены русские иллюстрированные журналы 1830–1850-х гг. — особый раздел печатной графики — структура построения ко-

торых, сочетала рассказы о народах и странах с большим количеством иллюстраций. На страницах этих журналов тема культурно-исторического изучения стран Северной Европы и знакомства с их художественными достопримечательностями, жизнью и бытом скандинавских народов присутствовала постоянно. В собрании Рейтерна находились тома первого русского энциклопедического иллюстрированного журнала «Живописное обозрение», который издавали в Москве с 1835 до 1844 г. братья Полевые (сначала Николай, после его отъезда в Петербург — Ксенофонт)⁸. На его страницах русский читатель, часто впервые, мог прочитать о разных аспектах жизни стран Северной Европы, об особенностях быта ее жителей. Так, в томе за 1836 г. было рассказано о лапландцах — жителях северных округов Швеции, Норвегии и Финляндии. Текст сопровождался иллюстрацией — политипажем, изображающей «этих сынов севера»⁹ за их привычным занятием — уходом за оленями. Статью о Гренландии дополняло изображение гренландца «в байдарке, промысляющего тюленя среди льдистых бурных вод моря»¹⁰. Не забыли издатели и выходцев из стран Северной Европы, обитавших в России. Одна из самых ярких статей журнала была посвящена финнам, живущим под Петербургом. Она сопровождалась гравюрой — иллюстрацией «Чухонцы, играющие в карты», выполненной со «снятого с натуры рисунка академика Карла Ивановича Рабуса»¹¹. В номерах «Живописного обозрения» за 1838 г. рейтерновского собрания была помещена обширная статья «Норвегия и ее жители» с иллюстрациями — видами страны и типами ее жителей. Рассказ о культурных достопримечательностях Стокгольма и Копенгагена издатели «Живописного обозрения» приурочили «к визиту в Швецию и Данию цесаревича Александра Николаевича»¹², дополнив его изображениями, архитектурных объектов шведской и датской столиц.

Находился в собрании Рейтерна комплект известного иллюстрированного журнала 1850-х гг. «Живописная русская библиотека». Его издатель Ксенофонт Полевой, намереваясь создать «идеальный» иллюстрированный журнал, привлек для его оформления отечественных мастеров: М. О. Микешина, известных граверов-ксилографов Л. Серякова и Г. Гогенфельдена. Страны Северной Европы были постоянно в сфере интересов

К. Полевого. Издатель не обошел вниманием традиционные для энциклопедических журналов скандинавские сюжеты — жизнь гренландцев и эскимосов, особенности быта лопарей. Рассказы дополняли соответствующие тексту изображения. Читателям «серьезным» на страницах «Живописной русской библиотеки» Ксенофонт Полевой предложил рассказ о столице Финляндии. Он должен был стать, по замыслу издателя, своеобразным руководством для путешественников, «потому что летние поездки в столицу Великого Княжества Финляндского сделались у нас почти модной прогулкой»¹³. Перечисляя преимущества отдыха в Гельсингфорсе, Полевой указал «на оригинальную жизнь, не похожую на русскую, <...> дешевизну, честность нравов и простоту в образе жизни»¹⁴. Очерк сопровождала гравюра — иллюстрация, дающая читателю представление о центральной площади Гельсингфорса.

В собрании Рейтерна в разделе книг 1870-х гг. имелось издание, занимавшее особое место среди иллюстрированных книг о Скандинавии на русском языке. Это изданное в Гельсингфорсе в 1875 г. «Путешествие по Финляндии»¹⁵. Текст книги написал С. Топелиус — один из самых видных представителей финской литературы. Этой книгой он фактически открыл миру Финляндию, ее народ, природу, историю, культуру. Для книги Топелиуса к каждой главе издания художники А. Эфельфельд, Р. В. Экман, В. Хольмберг, К. Е. Янсон, Б. Рейнгольд и др. выполнили иллюстрации. Книга была переведена на многие языки, в том числе и на русский, и издана в типографии Финского литературного общества. Рейтерна издание привлекло прежде всего тем, что иллюстрации к нему были выполнены в сложной и трудоемкой технике гравюры на стали. Горизонтального формата, в издательском переплете терракотового цвета — это издание заняло достойное место в собрании коллекционера.

После революции для Рейтерна настали тяжелые времена. В декабре 1917 г. 82-летний «бывший сенатор» обратился к руководству Русского музея с предложением «<<...>передать музею собрание гравюр русских художников, со всеми принадлежащими к оному книгами, иллюстрациями и рисунками»¹⁶.

В феврале 1918 г. Совет Художественно и Историко-бытового отдела «высказался за необходимость приобретения для Русского музея собрания Е. Е. Рейтерна, как единственного в России

по подбору и полноте собрания произведений живописцев-графиков, оцененное Е. Е. Рейтерном крайне умеренно, особенно имея в виду, что собрать вновь такую коллекцию представляется совершенно невозможным»¹⁷. Коллекция должна была перейти в музей на условиях уплаты Рейтерну одновременно 25 тыс. рублей и «компенсировать невысокую плату предоставлением... пожизненной должности хранителя и попечителя его собрания, а также дать... квартиру в музее»¹⁸.

Осенью 1918 г. собрание полностью было перевезено в музей «вместе со всеми шкафами, в которых оно размещалось»¹⁹. В самый разгар приема коллекции, 11 ноября 1918 г. Рейтерн умер. В марте 1919 г. были подсчитаны листы основной части графического собрания, которых оказалось около 9000 тысяч. В октябре 1920 г. была закончена пошкафная опись книжного собрания Рейтерна, которое составило более 1000 (1164) единиц. В их числе в библиотеку художественного отдела музея в том же году попали и иллюстрированные издания о Северной Европе.

¹ Адарюков В. Я. Собиратели и антиквары прошлого. Е. Е. Рейтерн // Среди коллекционеров. 1921. № 8–9. С. 36.

² Нерадовский П. И. Из жизни художника. Л., 1965. С. 173.

³ С 1869 г. он — член Общества поощрения художеств (в 1869 г. еще Общество поощрения художников). С начала 1890-х гг. Рейтерн состоял действительным членом Академии художеств, с 1895 г. — член Совета Академии, председатель Комитета вспомоществования художникам, их вдовам и сиротам.

⁴ Подробно о графической коллекции Е. Е. Рейтерна см.: Н. М. Штример. Графическая коллекция Е. Е. Рейтерна в собрании Государственного Русского музея // Судьба музейных коллекций. Материалы VI Царскосельской научной конференции. СПб., 2000. С. 236–243.

⁵ Адарюков В. Я. Собиратели и антиквары прошлого. Е. Е. Рейтерн. // Среди коллекционеров. 1921. № 8–9. С. 37.

⁶ Подборка «Записных книжек» Рейтерна за много лет хранится в Отделе рукописей Государственного Русского музея (далее — ОР ГРМ). Фонд 10. Рейтерн.

⁷ Там же. Д. 33.

⁸ Полное название журнала «Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития с при-сопровождением живописного путешествия по Земному шару и жизнеописание знаменитых людей». В 1837 г. Николай Полевой переехал в Петербург, дела по журналу оставил брату Ксенофонту Полевому.

- ⁹ Живописное обозрение. 1836. Т. 2. С. 224.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Живописное обозрение 1838. Т. 4. С. 147.
- ¹² Там же. С. 40–43.
- ¹³ Живописная русская библиотека. 1858. № 14. С. 105.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Путешествие по Финляндии. Первая серия. Текст З. Топелиуса. Перевод со шведского Ф. Хеурена. Издание Ф. Тильгмана. Гельсингфорс. 1875.
- ¹⁶ ОР ГРМ. Ф. 128. Д. 303. Л. 1.
- ¹⁷ ОР ГРМ. Ф. 10. Д. 154. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Л. 6.
- ¹⁹ *Нерадовский П. И.* Из жизни художника.

Т. П. Бородина

**И. Е. РЕПИН
В ФИНЛЯНДСКОЙ ПРЕССЕ (1918–1930)**

До революции, за границей не состоялось ни одной персональной выставки Репина, если не считать отдельный павильон, предоставленный ему на Всемирной выставке в Риме в 1911 г. Но, тем не менее, иностранная публика была хорошо знакома с его творчеством и по публикациям в прессе, и по работам постоянно, появлявшимся на международных и Всемирных смотрах.

При жизни Репина его картины были представлены более чем на 50 экспозициях в Америке, во Франции, в Италии, в Чехословакии, в Германии, в Австро-Венгрии. О нем писали такие известные критики, как Фридрих Пехт, Шарль Блан, Франц Ребер, Огуст Шольц, Дени Рош, Мельхиор Воге, Кристиан Бринтон, Роза Ноймарч, Уго Оггетти, Франтишек Таборский и многие другие.

После революции, когда закрытие границы светской России оставило Репина в независимой Финляндии, особенно активными и плодотворными стали его связи с северными странами. Известно, что в Швеции, Дании и Финляндии до 1930 г., то есть, еще при жизни Репина, состоялось 24 выставки. На некоторых из них совместно с работами Ильи Репина были выставлены картины его сына — Юрия и художника Владимира Филипповича Леви, являвшегося организатором этих показов.

Национализация вкладов в банках России, разруха военного времени и вызванное всем этим тяжелое материальное положение

ние поставили Репина перед острой необходимостью поисков средств к существованию. Для художника — это, прежде всего, возможность продажи картин. С этой целью уже в 1918 г. работы Репина были выставлены в салоне Стриндберга в Хельсинки.

В октябре 1919 г. Репин совершает очень мудрый поступок: подносит в дар Финляндскому художественному обществу 7 собственных произведений и 23 картины русских художников. Из сотен его работ, находившихся в «Пенатах», он выбирает практически лучшие: «Портрет Н. Б. Нордман» (1900, х., м.), «Автопортрет с Н. Б. Нордман» (1903, х., м.), «Зимой в «Пенатах» (1903, х., м.), «Портрет Е. Н. Званцевой» (1889, х., м.), «Портрет Нади Репиной» (1898, х., м.), «Портрет В. В. Пушкиревой (Котляревской)» (1899, х., уголь.), «Портрет Р. Левицкого» (1878, х., м.). Для Репина эта акция имела очень важное значение. Она сблизила его с финскими художественными кругами и, несомненно, способствовала расположению к нему финляндского правительства и общества.

Эдвард Рихтер, корреспондент газеты «Хельсингин Саномат», в одной из своих статей о Репине, расценил подарок художника, «как выражение его преданности Финляндии»¹. Надо отметить, что в эти тяжелые годы отношение к русским эмигрантам в Финляндии было совсем неоднозначным. Огромный поток беженцев, хлынувший из России после революции, оказался обременителен для страны. Это особенно ощущалось в Выборгской губернии, где собралось наибольшее количество приехавших. Прокормить всех оказалось очень трудно, возникли серьезные проблемы с продовольствием. Кроме того, финны опасались проникновения в их страну «большевистских шпионов»². Если учитывать сложившуюся ситуацию, становятся более понятными надежды Эдварда Рихтера на то, что «вечер жизни» Репина в Финляндии, будет полным счастьем и мира, а со стороны финляндских граждан, ему лично будет оказана всевозможная симпатия и дружба! Ибо, приютить у себя величайшего современного художника великой России — это действительно особая честь»³. В мае 1920 г. подаренные Репиным работы были выставлены в музее «Атенеум». Выставка получила широкую рекламу и имела резонанс в прессе. Все центральные финские газеты: «Хельсингин Саномат», «Ууси Суоми», «Хуфвудстадсбладет» и др. комментировали акт пере-

дачи картин, выставку в музее «Атенеум» и торжественный вечер, посвященный этому событию⁴.

Репину был оказан очень теплый прием. Известнейшие финляндские художники, музыканты, литераторы, общественные и политические деятели проявили к нему глубокое уважение и любовь. Он вновь оказался в центре внимания, почувствовал себя в художественной среде, в творческой атмосфере, которая всегда была столь важна для него и которую он превыше всего ценил. Все эти события, так же как и последующие выставки, имели для Репина большое значение. Они не только поправили его материальное положение, но и внесли разнообразие в уединенную жизнь, дали заряд энергии, стимул для работы — способствовали творческому подъему.

В 1919 г. Репин в одном из писем к В. Леви сообщал: «...Я запоем, с самозабвением занят был окончанием разом четырех хронических холстов. Ах, сколько было искано, уничтожено и снова искано и все еще не окончено!!! И все же я радуюсь прибыли художественности в моих картинах. Ведь только стоит подумать, что все это готовится для выставок в больших художественных центр[ах]...»⁵ Речь здесь шла о намеченных выставках в Стокгольме в 1919 г. и в Нью-Йорке, состоявшейся в 1921 г.

Действительно, в почетный комитет выставки в США входили такие крупные деятели мировой культуры, как профессор Королевской Академии искусств в Стокгольме Оскар Бьерк, профессор истории искусств университета в Упсале Август Наар, министр при королевском дворе Швеции Аксель Валленберг, а также несколько сотрудников министерства иностранных дел Швеции и Финляндии. Такое внимание мог получить не каждый национальный художник.

Выставки Репина послереволюционного периода не претендовали на цельность и полноту. Художник показывал то, что хранилось у него в «Пенатах» и, не смотря на это, в Финляндии эти экспозиции становились художественным событием. Оскар Костиаинен, неоднократно писавший о Репине в финских журналах и газетах, (некоторое время он заведовал иностранным отделом в газете «Ууси Суоми»), в одном из писем просил Репина «не лишать финское общество возможности видеть его работы на выставках. Они так значительно выделяются на фоне

всего другого — какое знание жизни и ее форм! Ваши выставки здесь — праздник искусства»⁶. Произведения Репина, представленные на выставках 1920-х гг., разошлись по всему миру. Они оказались трудно доступными для исследования. Многие из них известны только по архивным материалам, каталогам, упоминаниям и описаниям в прессе. Поэтому остаются очень ценными прежде всего мнения современников, имевших возможность видеть работы Репина позднего периода.

Материалы прессы тех лет, особенно обзоры выставок, доносят до нас не только непосредственные впечатления критиков от картин, но и общие размышления о развитии художника, с учетом только что написанных им произведений. Именно зарубежным критикам и, в первую очередь, шведским и финским, представилась возможность и необходимость подводить первые итоги поздней творческой деятельности одного из самых знаменитых русских художников.

На выставках в Стокгольме и в Нью-Йорке Репин показал более сорока работ. Выставки же в Финляндии и в Швеции следовали тогда одна за другой. В 1920 г. он показывает свои работы в Хельсинки, в 1921 г. — в Терийоки и в Выборге, в 1922 г. — в Тампере. Наиболее значительными можно считать выставки 1925, 1927 и 1928 гг., состоявшиеся в Хельсинки в салоне Стриндберга.

Знакомый Репина, финский корреспондент Вилли Таммела прислал ему перевод своей статьи о выставке 1925 г. Она была опубликована в газете «Хельсингин Саномат»⁷. В этой статье Таммела писал: «В салоне Стриндберга большинство работ составляют маленькие рисунки карандашом и акварели, относящиеся к раннему периоду творчества, а так же портреты последних лет»⁸. В рисунках Репина он отмечал «превосходное изучение анатомии и скульптурную выразительность..., как будто они родились из глины»⁹. «По ним, — отмечал критик, — можно проследить, как постепенно и точно мастер углублялся в народную психологию...» Особенно показательны в этом смысле наброски к картине «Запорожцы»¹⁰.

Среди представленных портретов Таммела выделял созданные в «Пенатах» в 20-е годы, по его словам, «очень жизненные изображения женщин и девушек. Эти работы, — писал он, — свидетельствуют, о не погаснувшей силе созидательности 80-летнего

художника. Верно то, что Репин еще обладает зорким зрением, музыкальностью и полнотой чувств»¹¹. Особо он отмечал его способность изображать текущий момент, дыхание жизни, которое Таммела считал «великим даром артиста»¹².

По мнению Таммела, произведения Репина последних лет соответствуют современной живописи. Определяющим критерием этого, он указывал на большой интерес художника, прежде всего, к цветовой композиции. В работе Репина с цветом его особенно поражало мастерство в использовании белых и красных оттенков. Из старых же произведений Таммела отметил семейный портрет Л. Толстого и его жены (1908, х., м).

Известная в Финляндии журналистка Сигрид Шауман в статье об этой выставке, также обратила внимание на портрет Л. Н. Толстого и Софьи Александровны. Она высказала мнение, что эта работа лучше других демонстрирует присущее Репину замечательное чувство цвета. Рецензия Шауман на выставку Репина 1925 г. была опубликована в газете «Свенска Прессен», выходившей на шведском языке¹³. Как и Таммела, Шауман была поражена тем, что некоторые поздние работы Репина отличаются удивительной свежестью. «Например, — писала критик, — в “Двойном портрете украинцев” нет и следа усталости. Картина живая, с сильной композицией, фигуры людей выписаны необыкновенно четко и ярко. Эта работа Репина свидетельствует о его молодом творческом темпераменте. Как и в ранние годы, художник сохраняет способность познавать вещи не только умом, но и чувством. При этом таким сильным художественным чувством, каким обладает Репин, может похвастаться лишь небольшое число художников. Старый мастер продолжает много работать, курит крепчайшие сигары и даже купается в море. Воистину, всякому пожелаешь такого здоровья!»¹⁴

Лучшей же картиной выставки 1925 г. она считала акварельный портрет жены художника, написанный им в молодости. Среди особенно удачных работ Шауман называет наброски к картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1878–1891). «Посетитель выставки, — писала она, — невольно замирает перед набросками к Запорожцам. Поражает мастерство и сила художественного дарования, с которым они выполнены»¹⁵. В 1927 г. в салоне Стриндберга были показаны

23 работы Репина. Тогда впервые одновременно выставлялись «Голгофа» (1921–1922) и «Утро воскресения» (другое название «Христос и Мария Магдалина») (1921), а также «Черноморская вольница» (1908), «Финские знаменитости» (1922), — то есть наиболее значительные произведения Репина, написанные в последние годы. Кроме того, были представлены только что созданные портреты Цецилии Ганзен, Мери Хлопушиной и другие.

Выставки 1927 и 1928 гг. пользовались особым успехом. Последнюю даже продлевали. Комментировал эти выставки в газете «Хельсингин Саномат» Эдвард Рихтер¹⁶. Прежде всего он высказал предположение о том, что «Репину хорошо в Финляндии, не смотря на то, что одинокая деревня не может дать ему ту умственную пищу и то разнообразие, к которым привык его живой темперамент»¹⁷.

Эдвард Рихтер полагал, что не многие финляндцы имели случай познакомиться с лучшими произведениями мастера, находящимися в России. «Лишь тот, — писал Рихтер, — кто в Третьяковской галерее в Москве видел знаменитые репинские картины “Иван Грозный, убивающий своего сына”, “Крестный ход в Курской губернии”, “Не ждали”, “Запорожцы пишут письмо турецкому султану”, — лишь тот в состоянии понять, какой высоты в овладении формой и в передаче душевной жизни и движений может достичь мастер. Этот фон нужно иметь в виду, рассматривая новейшие произведения Репина. Однако зрителям не следует думать, что последние произведения художника сами по себе лишены большого значения. Напротив, маленький дамский портрет, написанный только в этом году, (портрет Мери Хлопушиной 1927 г. — Т. Б.) доказывает как у этого необыкновенно жизнедеятельного человека художественная способность и творческое рвение еще живы. Так же и остальные картины последних лет: «Грузинская танцовщица», «Акт», свидетельствуют о напряженной жизни этого пожилого представителя реализма»¹⁸.

Рихтер считал, что Репин все еще с неослабевающим даром поклоняется всему, что молодо и полно жизни. По мнению критика: «в “Мужском портрете”», он до совершенства владеет формой и красками, хотя это произведение принадлежит к самым позднейшим. Из картин 1919 г. поражает “Женская голова”

в акварели. По колориту, изысканности линий она удивительно красива и свежа. И в декоративном отношении выделяется среди репинских произведений. Эта работа внушает мысль, что Репин, раньше — мастер преимущественно психологии и формы, лишь теперь, во время своего последнего периода, более серьезно углубляется в композицию красок»¹⁹.

Для критика оказались интересны и выставленные рисунки. «В них, — пишет он, — живет дух больших времен и интересно заметить, как они примыкают к, так сказать, тому стилю, представителем которого был немецкий мастер Менцель»²⁰. С А. Менцелем Репина сравнивал и Кристиан Бринтон, автор вступительной статьи к каталогу выставки в Нью-Йорке 1921 г. Он считал, что «хотя Репин и кажется одинокой фигурой, но его можно сравнить с родоначальником немецких реалистов Адольфом Менцелем, который создавал композиции так же хорошо, как и наблюдал»²¹.

Далее Эдвард Рихтер анализирует картину «Голгофа» (1921–1922, х., м. 214×176). В настоящее время она находится в музее Принстонского университета. Это произведение Репина оказалось большой неожиданностью и загадкой для зрителей и критиков. Репин изобразил Голгофу с распятиями, увиденную глазами воскресшего Христа. В письме к А. Ф. Кони художник подробно описывал композицию своей будущей картины: «Он (Христос, вышедший из гробницы. — Т. Б.) поднялся к дороге, огибающей стену Иерусалима; это совсем близко, тут же и Голгофа; и налево хорошо были видны кресты с трупами разбойников, а посреди и его — уже пустой крест, сыто налитый кровью, внизу лужа крови. И трупы с перебитыми голеньями еще истекали, делая и от себя лужи, на которые уже собаки собрались пировать»²². В законченной композиции крест Христа лежит упавшим. И как писала, видевшая картину дочь Репина Вера: «...здесь оригинально и интересно освещение темного рассвета»²³. По мнению уже современного английского исследователя Дэвида Джексона, «интерпретация классической темы распятия, без присутствия Христа, с изображением собак, лижущих кровь — беспрецедентный случай в истории искусства»²⁴.

У финского же критика такое неортодоксальное изображение сцены распятия вызвало много вопросов. Пытаясь найти объяснение появлению этой необычной композиции, Рихтер предла-

гает вспомнить о том, что Репин вступил на поприще художника с религиозными произведениями. «Подружившись с Толстым, — пишет Рихтер, — он эволюционировал в своих взглядах и даже несколько отошел от воинствующей церкви. “Голгофа” обозначает возврат к религиозной сфере, случившийся в то время, когда вихри революции и связанное с ней возникновение ненависти к религии взволновали старого мастера. Картина доказывает, что художник снова стал основательно обдумывать вопросы религии и что в нем, несомненно, жив тот же религиозный дух, что и у великих русских писателей, например, у Достоевского»²⁵.

В это время Репин работает сразу же над несколькими картинами из жизни Христа. В письме к Кони он сообщает: «...А я, как потерянный пьяница, не мог воздержаться от евангельских сюжетов [...] они обуревают меня... Вот и теперь: есть [уже написана] встреча с Магдалиной у своей могилы [Иосифа Арим [афейского], появление его по невероятно дерзкому желанию Фомы на собрании, а также не дает мне покоя — его за утолением голода рыбой посреди всех апостолов. Нет руки, которая взяла бы меня за шиворот и отвела от этих посягательств... [...]]»²⁶.

В двадцатые годы Репин стал посещать православный храм в поселке Куоккала (сов. название пос. Репино) и даже петь на клиросе. Его возвращение в лоно Церкви действительно было связано, как выразился Рихтер, с «революционными вихрями». В 1920 г. художник писал В. Леви: «Сегодня у нас Христос воскрес — я говел — 40 лет пропустил. После анафемы Толстому дал слово не переступить порога церкви, но после глумления большевиков над христианскими святынями-церквями, я делаюсь ревностным исповедником и нахожу этот старый культ, не столь приятным, но весьма знаменательным и глубоко неизбежным в смысле объединения»²⁷.

В письме к В. Анофриеву он так же разъясняет свое приобщение к христианству: «Когда наша церковь отлучала Льва Толстого, я дал слово не преступать порога церкви. Но когда чернь грабительски встала у власти и, расходившись, стала глумиться над всеми святынями народа, осквернять церкви, я пошел в церковь.... и теперь нахожу, что церковь есть великое знамя народа и никто никогда не соберет так народ как церковь. Наши отъявленные воры, грабители уже торжественно с кафедры заявляют, что Бога нет»²⁸.

Необычную интерпретацию Репиным сцены распятия на Голгофе Рихтер пытается объяснить с позиций верующего человека, знакомого с евангельскими иносказаниями. В Священном Писании «псы» — нечистые животные. Они олицетворяли жестокость. «Псами» называли гонителей, лжеучителей, нечестивых людей и язычников, людей гордыни, ожесточенных, нераскаянных. В Евангелии Христос, используя символику, предупреждал учеников: нельзя предлагать таким людям святыне истины Евангелия. «Ибо подобно псам они могут попать их своими ногами и, возвратившись, растерзать их самих»²⁹. «Не давайте святыни псам», — говорил он.

Рихтер считал работу Репина богатой мыслями. Для него эта картина, является исповедью, выражает мировоззрение художника, понимание Репиным современности и его отношением к ней. И этим, по его мнению, она особенно интересна. «Может, в этой картине, — писал Рихтер, — можно найти выражение той мысли, что Христос убит и остались лишь грязные собаки, чтобы лизать его кровь? Такое толкование, конечно, весьма пессимистично, и обнаружило бы у художника — презрение к человечеству. Но как же объяснить эту картину?»³⁰.

Трудно сказать мыслит ли Репин в масштабе всего человечества, но если познакомиться с письмами художника этих лет, с его статьями, высказываниями в газетах, то становится ясным, что главным предметом его размышлений и страданий, как и прежде, являлась Россия, ее судьба, ее насущные проблемы. В 1920 г. в газете «Мир» Репин публикует ряд статей против советской власти³¹. В феврале 1921 г. в газете «Руль» выходит его воззвание «Люди русские»³², а в газете «Путь» — заметка о современном положении России³³.

В 1920 г., для выходившей в Париже газеты «Общее дело», Репин пишет воспоминания о Л. Н. Толстом, приуроченные к 10-летию со дня смерти писателя. Рассуждая о личности Толстого, художник неизменно возвращается к современности и дает пронзительно реалистическую характеристику сущности большевизма.

Он пишет: «Толстой знал, что самая реальная сила — бог. Несокрушимая, вечная, а человечество возникает и уничтожается как хаосы инфузорий, саранчи оставляя после себя только миазмы на земле. Гарцуют озверелые недоросли, одурманенные

безверием, но страшен бог карающий, и испытавшие десницу его узнают, что лучше бы им и не родиться на земле.... Разве может быть принята вера в коммуны нашим лишенным всякого воспитания полицейским отродьем большевизма? Какие же они коммунисты, отрекшиеся от собственности альтруисты, жертвующие собою для общего блага, способные на равенство, братство, свободу! И сам Ленин и его компания со всеми примадоннами, все это — чердачные мечтатели времен студенчества, впервые узнавшие из книг о социализме и коммунизме и сейчас же попавшие на службу в дело организованного шпионства в Германии — специально для России, — разве они могут верить теперь в возможности коммуны у воров — грабителей?! Учредилки, расстрелы, вот их средства, наемные латыши, китайцы, вот их опора. Шпионы, интриги, вот их изучение человеческих принципов»³⁴.

Учитывая такой эмоциональный фон в период работы Репина над картиной, можно допустить, что художник не случайно изобразил эпизод с собаками на Голгофе, а использовал индизнавательные формы художественного мышления, которые позволяют воспринимать не только внешний изобразительный смысл сюжета, но и подтекст его, вмещающий более широкое, обобщающее, содержание. И если согласиться с финским критиком в том, что в картине нашли выражение размышления мастера о современном положении России, то «Голгофа» Репина 1921 г. ассоциируется с Россией распятой.

По мнению Дэвида Джексона, «мощная лебединая песня 78-летнего мастера, наполненная безнадежной грустью человеческого страдания...отличается от всего, что было создано художником в эти годы...»³⁵.

Картина «Голгофа» была куплена с выставки доктором Христианом Аалем и висела у него в столовой. Она обладала таким сильным воздействием, что на время обеда ее закрывали занавесом³⁶.

Поздний период творчества Репина, мало изучен. Для исследователей он так же оказался за занавесом незнания, за завесой цензуры. В советское время, его отвергали как «упаднический». Современники Репина, и в частности, финляндская пресса, комментировавшая последние выставки художника, считали иначе.

Финские критики не могли ответить на многие вопросы, связанные с поздним периодом творчества Репина, но они, приоткрыв занавес, поставили их перед современными исследователями.

¹ R-r. E. Rjepin-nayttely Strindbergilla // Helsingin Sanomat, 1927. 24.04.

² См. об этом: Рупасов А. И. Дебаты в Эдускунте о беженцах из России. Январь 1919 г. // Российское зарубежье в Финляндии. Между двумя мировыми войнами. Санкт-Петербург. 2004. С. 24–31.

³ R-r. E. Rjepin-nayttely Strindbergilla. Финляндское художественное общество благодарило Репина за его щедрый дар — коллекцию картин, тем более ценный, что в финских художественных галереях до сих пор было мало картин русских художников, «пожертвование свидетельствует о драгоценном для нас чувстве симпатии к нашей стране, где Вы столько лет проживали». Письмо подписано вице-председателем общества Вайно Бломштедт. См.: Научно-библиографический архив Российской академии художеств (далее: НБА РАХ) Ф.25. Оп. 2. Д. 99. Л. 6.

⁴ См. об этом: Валконен О. Репин и Финляндия // Илья Ефимович Репин. К 150-летию со дня рождения. М., 1994. С. 43–44.

⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (далее: РГАЛИ). Ф.790. Оп. 1. Д. 2. Л. 13, 13 об. Письмо И. Е. Репина В. Ф. Леви 6 июля 1919 г.

⁶ НБА РАХ, ф.25, оп. 2, ед. хр. 266. Л. 4. Письмо О. Костиайнен И. Е. Репину 17 июня 1928 г.

⁷ Там же. Д. 490. Л. 6, 6 об. Письмо В. Таммела И. Е. Репину 20 января. 1925 г.

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ Там же. Л. 7.

¹² Там же. Л. 7.

¹³ S. S. Repinutställingen i Salon Strindberg // Svenska Pressen. 1925, 17.01.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ R-r. E. Rjepin-nayttely Strindbergilla.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibidem.

²¹ The Ilya Repin exhibition Introduction and Catalogue of the paintings by Dr. Cristian Brinton's heid at the New-Kindegare Galleries York City, 1921.

²² R-r. E. Rjepin-nayttely Strindbergilla.

²³ Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. 31/1356. Л. 6. Письмо В. И. Репиной П. И. Нерадовскому, 17 апреля 1922 г.

²⁴ Jackson D. The Golgota of Ilja Repin in Context // Record of the Art Museum Princeton University. 1991. V. 50. № 1. S 3–15. Эта статья представляет собою подробнейший анализ картины «Голгофа» в контексте творчества Репина.

²⁵ R-r. E. Rjepin-nayttely Strindbergilla.

²⁶ И. Е. Репин. Письма к художникам и художественным деятелям. М., 1952. С. 226.

²⁷ РГАЛИ. Ф.790. Оп. 1. Д. 2. Л. 19, 19 об. Письмо В. Ф. Леви И. Е. Репину 11 апреля 1920 г.

²⁸ Письмо И. Е. Репина В. Анофриеву. Июнь 1920 года. Илья Ефимович Репин 1844–1930. К 150-летию со дня рождения. Каталог юбилейной выставки. М., 1994. С. 282.

²⁹ Библейская энциклопедия. М., 1991. С. 168.

³⁰ R-r. E. Rjepin-nayttely Strindbergilla.

³¹ НБА РАХ. Ф.25. Оп. 1. Д. 36. Мир. 1920. (вырезка из газеты).

³² Там же. И. Е. Репин. Люди русские // Руль. 1920, 18 января (вырезка из газеты).

³³ Там же. И. Е. Репин о современной России. // Путь. 1920. 20 февраля (вырезка из газеты).

³⁴ Там же. Л. 1–3. Репин И. Е. Л. Н. Толстой. К 10-летию со дня смерти // «Общее дело». Париж. 1920. 28 ноября (вырезка из газеты).

³⁵ Об этом см.: Jackson D. The Golgota of Ilja Repin in Context. P. 3–15 Джексон пишет о том, что в картине отсутствуют характерные для произведений тех лет многослойные наложения красок, экспрессивность живописного мазка, неяркость письма. Появление такой манеры, по его мнению, надо связывать с болезнью правой руки художника, которой в это время он почти не писал. Картина, считает Джексон, написана как-будто на одном дыхании, в ней поражают не только, (страшные по материальности изображения), мертвые тела разбойников, но и живописная выразительность пейзажной среды.

³⁶ Ibid. P. 14.

Е. Ю. Дубровская

**ПОДГОТОВКА УХТИНСКОГО СЪЕЗДА
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СЕВЕРОКАРЕЛЬСКИХ ВОЛОСТЕЙ
В 1920 г.: ОБРАЗЫ ВРЕМЕНИ
В ДОКУМЕНТАХ КАРЕЛЬСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ***

Вдали от больших городов,
Посреди бесконечных лесов,
Вблизи ледяных гор, снегов и холодов
Живет одиноко заброшенным,
Забывтый миром
карельский народ...

Таким хронотопом был представлен образ Карелии и ее жителей в обращении «Карелам», под которым стояла подпись «Карьялан миес» («Karjalan mies» — «Карел») и которое было датировано 2 марта 1920 г.¹

Стереотипное для публицистической литературы конца XIX — начала XX вв., как российской, так и финляндской, изображение пространства карельско-финляндского приграничья — «отдаленного дикого севера» — традиционно дополнялось мотивом «безвременья» (заброшенности, забвения, одиночества).

Концептуализация времени по параметру «качества» задается «событиями, его наполняющими», и именно такое время относится к сфере самосознания человека, связанной с самыми архаичными пластами самосознания². Длительность негатив-

* Работа подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

ных состояний, включая состояние ограниченной свободы, ощущение безрезультатности попыток осуществить какое-либо действие, по справедливому наблюдению воронежской исследовательницы В. А. Черваневой, неизменно чувствуется значительной, а временной поток оказывается «неоднородным», что создает «предпосылки для восприятия его участков как ценностно окрашенных»³. Конструирование подобных негативных представлений о «русском периоде» в истории карельского народа и апелляция к архаической модели восприятия времени читателями и слушателями листовок и обращений характерны для агитационных материалов, которыми зимой-весной 1920 г. Временное правительство Архангельской Карелии («Тоймикунта») предвзяло подготовку съезда представителей севернокарельских волостей в селении Ухта Кемского уезда Архангельской губернии (совр. пос. Калевала)⁴. Второго марта 1920 г. появилось «Воззвание карелам», а 16 марта — обращение «К чему стремится карельский народ?» за подписью «Карельского Временного правительства». Призывы к сплочению и проявлению национальной солидарности чередовались в них с резкими выпадами против России, как царской власти, так и русского белого Временного правительства Северной области (ВПСО), «которое еще не так давно послало сюда представителей с лестными обещаниями с целью затянуть нас опять в братоубийственную бойню» и с просьбами «выступить против большевиков с оружием в руках»⁵. Речь шла о переговорах в Ухте в феврале 1920 г., которые буквально накануне съезда представителей севернокарельских волостей по поручению ВПСО безрезультатно вел с Временным правительством Архангельской Карелии генерал-лейтенант Н. А. Клюев⁶.

«Да это те же ставленники царя, — комментирует инцидент автор-переводчик обращения «Карелам», — «одна из таких групп приверженцев царя, прямых или косвенных его родственников-генералов, пришла на Север под флагом правительства Северной области, и хотели было затянуть крепче петлю, которую их отцы несколько сот лет назад бросили нам на шею»⁷. Из листовки «К чему стремиться карельский народ?» читателю предстояло узнать, что «в течение веков Карелия находилась оторванной от всего мира», когда лишь «тропинки хищников в непроходимых лесах служили путями для передвижения оби-

тателей страны». Воззвание «Карелам» рисует мрачный образ «прошлой жизни»: «постоянная нужда, горе, вечная борьба за свое существование, страх за завтрашний день» — время «нашего позорного униженного положения», когда «они с нас несколько сот лет брали подчастую даже непосильную для нас дань, сперва единовременную, а потом постоянную, в виде подати, выжимая из нас все, что можно было».

Таким образом, наряду со своими официальными воззваниями Тоймикунта выпускала более доступные для простого читателя прокламации за подписью «Karjalan mies» («Карел»), где те же призывы излагались в популярной форме, изобиловали пословицами и поговорками, стихотворными выдержками и носили отчасти литературно-публицистический характер⁸.

«По воле русских царей несколько сот лет тому назад беззащитный наш народ карельский силою оружия был заставлен покориться русскому царю» и исполнять волю «его и его ставленников»: «раз мы попали под покровительство чужого народа, то о нас заботиться стало некому. Взяли нас в руки и стали уму-разуму учить. Вот последовали приказы, указы, приказания и распоряжения. И наш карельский мужик безответный сотни лет работал как двуногое животное, не получая никакой духовной пищи — образования»⁹. Прошлое становится маркером дихотомического противостояния «своих» — обитателей «убогой хижины» в карельской глуши — и «чужих» — «алчных крокодилов», под этим зооморфным образом, традиционным в агитационной литературе для «человека из народа», скрываются и «русский урядник со шпагой» (вероятно, погрешность перевода с финского языка), и земский начальник, и становой пристав, умеющий лишь «пыхтеть за столом и стучать кулаком»¹⁰.

Обращение «К общему собранию Карелии», появившееся в январе 1920 г., рисует образ настоящего времени в судьбе карельского народа. «Из-за беспокойности, шаткости и неопределенности времени» Тоймикунта «постановила пока отложить собрание» до середины марта. В этот период предполагалось занять в долг денег в Финляндии для строительства дорог в Карелии, осушения болот, организации училищ. В каждой деревне правительство предполагало устроить крестьянский сход, «чтобы вместе решить, где что устроить в первую очередь»

и известить об этом правительство в первых числах марта. К середине февраля Тоймикунта обещала направить в каждую волость на управляемой его территории сообщения о положении дел в Беломорской (Архангельской) Карелии и объявить всему населению о перспективах проведения будущего общего собрания. На нем предполагалось решить, «каким будет правительство в Архангельской Карелии» и должны были состояться выборы членов этого правительства¹¹.

Разумеется, рядом с образами мрачного прошлого и настоящего — «спорного времени» — контрастным виделся идеальный образ грядущего. «Почему же народ поддержал свое Временное правительство?» — спрашивает автор обращения «Карелам» и дает оптимистический ответ: «Да потому, что оно защищает его интересы, его правоту, его свободу, его язык и ведет к счастливой будущности»¹².

Текст обращения к карельскому населению, датированный 16 марта, в заключительный день работы Ухтинского съезда было решено опубликовать повторно, но уже от имени собравшихся делегатов¹³. Перечислив мотивы, по которым Временное правительство Архангельской Карелии желало видеть свой край «нейтральной страной» (особый язык, самобытная культура народа, многовековая драматическая история его пребывания в сфере столкновения противоборствующих интересов воинственных соседей, провозглашенное право на самоопределение народов), Тоймикунта резюмировала: «В мире от нас больше пользы, когда мы нейтральны, а границы, возникшие при объявлении нейтралитета, «не будут нуждаться в охране, и можно сказать, что они будут безопасны для соседей»¹⁴.

В анализируемых текстах присутствует постоянное противопоставление прошлого и настоящего, их взаимная ориентация друг на друга. Если совсем недавнее прошлое характеризуется как «бессилие и разорение Карелии», то настоящее названо «непродолжительным временем самоуправления», когда «у нас царило спокойствие, чувствовался порядок, и невольно в сердце каждого вспыхивала надежда на лучшее будущее»¹⁵.

«Теперь для Карелии настала новая пора», — говорится в обращении «К общему собранию Карелии», — «мы, карелы, дружной семьей выступили с оружием в руках в защиту своей родной земли и жалких убогих жилищ» и этим «показали всему

культурному (образованному, понимающему) миру», что «мы желаем вступить в ряды независимых народностей к свободному, мирному существованию».

Примечательно, что поворотным моментом истории карельского народа январская прокламация «Карел — карелам» называет события Февральской революции в России: «К великому счастью всего населения и в особенности угнетенных (подданных) народов весной 1917 г. случилась революция, которая спихнула царя с его урядниками и исправниками»¹⁶. Дальнейший ход событий российской революции в изложении автора прокламации предстает следующим образом.

«Новое Временное правительство России заявило: соберем Учредительное собрание, сделаем для порядка законы, выберем для соблюдения законов людей, и народам, пожелавшим самостоятельно устроить свою жизнь, вроде маленького государства, даем на это полное право. Но это счастье народа в руках государства не понравилось царям в других государствах, в особенности немецкому, который и просил большевицких агентов, чтобы разогнать Учредительное собрание и устроить беспорядки»¹⁷.

Победа Февральской революции 1917 г. в России, коренным образом изменившая ситуацию в стране, действительно, открыла новые возможности для постановки вопроса о национальном самоопределении карел. Первым признаком оживления карельского национального движения под воздействием революционных событий стал созыв съезда «Союза беломорских карел» в финляндском городе Тампере 9 апреля 1917 г.

Созданный в 1906 г. «Союз беломорских карел» был инициатором подачи петиции в адрес I Государственной Думы с требованием о предоставлении ограниченной автономии для карел (ответа Думы не последовало), а также развернул соответствующую пропагандистскую работу в северо-карельских волостях. Однако в период реакции после революции 1905–1907 гг. деятельность «Союза» вскоре заглохла.

Союз ставил целью «улучшение духовного и материального положения беломорских карел» на основе всемерного сближения Российской Карелии с этнически родственным населением Финляндии при помощи и поддержке финской общественности и властей¹⁸. Листовка «Слово карельскому народу», распространявшаяся в Беломорской Карелии в начале XX в., начиналась

обращением «Карельский мужичок, выслушай-ка это слово!». Пространство, заселенное финно-угорскими народами северо-запада Российской империи, представало в ней в образе ветвистого дерева: «...финны, живущие в Финляндии, — представители того же самого народа, как и карелы. Русской речи никто из карел не понимает, потому что русские не одного корня с карельским народом. А эти три народности — карелы, лапландцы и финны — как бы сучья одного дерева, выросшего из одного корня»¹⁹.

На съезде в Тампере в апреле 1917 г. решением двух десятков собравшихся «Союз» был преобразован в новую организацию для содействия «духовному развитию и улучшению экономического положения» карельского народа. Она получила название «Карельское просветительное общество». Такое название указывало на стремление инициаторов создания общества распространить его влияние на Олонецкий край. В руководство Карельского просветительного общества были избраны прежние члены правления «Союза беломорских карел»: председателем и казначеем стал Алексей Митрофанов (Митро), его заместителем — Т. Маннер, секретарем — И. Хяркёнен, в состав правления общества вошли Е. Митрофанов, С. Аланко, В. Кеунас, П. Ахава²⁰. Основные принципы деятельности оставались теми же, что и у «Союза беломорских карел», а непосредственные цели общества были обнародованы в листовке, распространявшейся в карельских уездах. В ней говорилось, что на предстоящих осенью 1917 г. выборах в Учредительное собрание карелы должны выдвинуть свои национальные требования и рекомендовалось голосовать за тех кандидатов, которые будут выступать за автономию национальностей в составе России по федеральному образцу североамериканских штатов. Таким образом, лидеры национального движения по существу склонялись к поддержке национальной программы эсеров²¹.

19 апреля 1917 г. на собрании правления общества было принято обращение к Временному правительству, где подчеркивались особенности положения народа Беломорской и Олонецкой Карелии в Российской империи, «его языка, обычаев и общности проживания». В документе проводилась мысль о том, что Карелии необходимо предоставить автономию в составе российского государства²².

Пожелание обратить внимание на необходимость решения «карельского вопроса» изложено в адресе на имя Временного правительства, который был доставлен в Петроград в начале мая делегацией от Карельского просветительного общества во главе с Алексеем Митро. Текст этого документа впоследствии был опубликован в Выборге отдельным изданием²³.

В 1917 г. на большом летнем празднике в честь Петрова дня, традиционно организованном в «столице Беломорской Карелии» Ухте 12–14 июля (по н. ст., которым пользовались в Финляндии) раздавались радикальные требования решения вопроса о судьбе Карелии. Меньшая часть участников собрания, состоявшая, в основном, из пожилых людей, высказалась за присоединение к Финляндии, а большинство настаивало на проведении в жизнь проекта конституции, разработанного Карельским просветительным обществом.

Древний летний праздник карел, который был приурочен к дню памяти православных святых Петра и Павла, устроители предполагали сделать новым общекарельским праздником. Вскоре после июльского собрания представителей карельских волостей в Ухте прошло и собрание солдат-отпускников, уроженцев северо-карельской глубинки. Побывавшие на фронте радикально настроенные солдаты, здесь, как и повсеместно, становились инициаторами перемен в патриархальном укладе жизни родных деревень. Созванное ими 17 июля 1917 г. собрание обсудило вопрос о создании особых карельских частей, явно по образцу национальных воинских формирований, возникавших в российской армии в условиях ее демократизации. Солдаты постановили обратиться к властям с требованием скорейшего создания таких частей, которые комплектовались бы карелами Архангельской и Олонецкой губерний, а также финнами-ингерманландцами из Петроградской губернии²⁴.

Карелы-рабочие, занятые на строительстве Мурманской железной дороги, в эти же дни провели свое собрание на станции Энгозеро. Они решили «просить об образовании находящегося в зависимости от России Карельского государства», в котором главным языком делопроизводства и школьного обучения должен был стать карельский «с финской азбукой», т. е. с использованием латинской графики. Школьных учителей следовало, по их мнению, назначать из карел, таможенную границу между

Карелией и бывшим автономным в составе России финляндским княжеством предполагалось упразднить²⁵.

В течение осени 1917 г. ухтинский проект конституции Карелии обсуждался и находил одобрение на многих сельских собраниях в Кемском уезде, в частности, в с. Вокнаволок²⁶. Правление Карельского просветительного общества было уполномочено довести положения конституции до Временного правительства. Однако в обстановке нараставшего в стране хаоса правительство не нашло времени на рассмотрение проекта об автономии Карелии²⁷.

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. первоначально не вызвал каких-либо изменений в направлениях деятельности Карельского просветительного общества. Поскольку большевики признали право наций на самоопределение, его лидеры надеялись при благоприятных условиях придти к соглашению с большевистской властью.

Идея государственной независимости, вызревавшая в финляндском обществе со времени падения самодержавия, укоренялась в общественном сознании одновременно с представлением о том, что подлинную независимость страны будет гарантировать присоединение находившейся в составе России восточной половины древней исторической Карелии. По мнению многих политических деятелей, лишь такое присоединение могло обеспечить Финляндии «естественную» восточную границу, проходящую по Ладожскому озеру — р. Свирь — Онежскому озеру — Белому морю. Рабочая революция и гражданская война зимы — весны 1918 г., увенчав процесс обретения Финляндией независимости, вывели представления о необходимости территориального расширения на восток в плоскость реальной политики²⁸.

И все же население Карелии неоднозначно отнеслось к проблемам автономии края. Так, на народном съезде в Ухте, 27 января 1918 г. было принято решение, что требование автономии Карелии в составе России является недостаточным и что целью беломорских и олонекских карел должно стать создание своей карельской республики. Рассматривалось также предложение о присоединении к получившей независимость Финляндии, но эту идею поддержало лишь меньшинство. Аналогичное собрание олонекских карелов в город Повенец 24 февраля 1918 г.,

напротив, ограничилось поддержкой идеи автономии в составе России, а о Финляндии даже не шло речи²⁹.

Публицистические материалы Тоймикунты, подготовленные зимой — весной 1920 г. и отразившие представления лидеров севернокарельского национального движения «о времени и о себе», вместе с другими подготовительными документами Ухтинского съезда позволяют проследить эволюцию отношения населения севернокарельских волостей к вопросу о независимости Карелии. В источниках отразился явный поворот в настроениях населения карельского приграничья, которые сформировались в период гражданской войны и иностранной интервенции в советскую Россию.

От идеи автономии Карелии в составе России, неоднократно высказывавшейся на предыдущих съездах и митингах 1917–1919 гг., лидеры национального движения северных карел пришли к вынесенному 22 марта 1920 г. постановлению Ухтинского съезда о том, что «Карелия сама должна решать свои дела и отделиться от России, а народ свободным голосованием определял бы образ правления и государственный строй ее»³⁰.

В обращениях ВПАК к карельскому населению, схожих по стилю с прокламациями Союза беломорских карел периода Первой российской революции, накануне Ухтинского съезда 1920 г. чувствуется если не то же авторство, то очень близкое идейное и стилистическое родство. Однако в этих текстах пространственные и временные параметры представлены гораздо шире: «На Западе живут родственные нам карелы “финны”, которые поняли наши желания. Они очень сердечно, сочувственно отнеслись к нашим событиям, и так много написали в своих газетах, что обратили внимание всего культурного мира. А куда не шли газеты, известили по телеграфу, даже — за моря. Теперь весь мир знает, что на холодном Севере живет карельский народ, который после долгих лет угнетенного подданства русскому царю вступил в ряды независимых народностей с флагом свободного самоопределения, ради мирного труда и существования»³¹.

Таким образом, в рассмотренных источниках отразилось стремление деятелей ВПАК привлечь мифы об историческом прошлом карельского народа для построения новой коллективной идентичности — «единой дружной карельской семьи»,

желающей вступить «в ряды независимых народностей, к свободному, мирному существованию»³². Листовки «Тоймикунты» напоминали жителям карельской глубинки об исторических фактах, репрезентация которых должна была определить их групповую идентичность.

По наблюдению московской исследовательницы Л. П. Репиной, события, значимые для построения коллективной идентичности, подразделяются на несколько типов: «1) события с позитивным основанием, создающие идентичность путем *утверждения*, 2) события с негативным основанием, создающие идентичность путем *отрицания*, 3) события или цепь событий, которые обновляют старую идентичность»³³.

Историко-культурным фактором первостатейной значимости авторы обращения «К общему собранию Карелии», конечно же, считали возникновение на сакральном пространстве родного края рун карело-финского эпоса, которые из-за погрешностей перевода на русский язык именовались в тексте «былинами»: «Весь культурный мир знает, что на земле, о которой так много воспеваётся в былинах “Калевалы”, живет народ, который хочет свободного, мирного самоопределения»³⁴.

Воззвание «К чему стремится карельский народ?» подчеркивало: «Мы народ совершенно иного племени, чем русские. У нас свое природное воспитание, свой обычай и нравы, кои совершенно иные, чем у русских, у нас свой язык, который имеет свою литературу — это подтверждает история, у нас в природе каждого сохранить свою народность...»³⁵.

События второго типа, отмеченные негативной аксиологией, конструировали униженный, виктимный образ Карелии. Если на протяжении десятилетий финляндские публицисты призывали соотечественников: «Финляндия, не стесняйся Карелии, своей оборванной сестры в лохмотьях», то на формирование этого же образа и отношения должны были работать и представления о времени в «русский» период «прозябания в глуши», какими их рисовали пропагандистские материалы Временного правительства «Тоймикунта».

¹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-550. Оп. 1 Д. 3. Л. 41.

² Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. С. 138.

³ Черванева В. А. Архаические основы количественной оценки пространства и времени в волшебной сказке // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сб. докладов. Т. III. М., 2006. С. 187–189.

⁴ Подробнее об исследованиях проблемы см.: *Голдин В. И.* Интервенция и анти-большевистское движение на Русском Севере: 1918–1920. М., 1993; *Он же.* Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 1990-е годы). Архангельск, 2000; *Гусев К. В.* К истории Карельского мятежа (По материалам Комиссии по реабилитации при президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71–84; *Дубровская Е. Ю.* Из истории подготовки Ухтинского съезда представителей карельских волостей // Вопросы истории Европейского севера. Петрозаводск, 1995. С. 63–72; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 343–440; *Кауппа-ла П.* Формирование и расцвет автономной советской Карелии, 1918–1929 гг.: забытый успех раннесоветской национальной политики // *Ab Imperio.* 2002. № 2. С. 309–337; *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства: 1920–1941. Петрозаводск, 1999; *Мусаев В. И.* Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. — 1930-е гг.) СПб., 2007. С. 222–226.

⁵ НА РК. Там же. Д. 3. Л. 37.

⁶ *Безбережьев С. В.* Миссия генерала Ключева // Север. 1993. № 7. С. 119–31.

⁷ НА РК. Ф. Р-550. Оп. 1 Д. 3. Л. 41.

⁸ Там же. Л. 33–33 об., 38–39, 41–42 об.

⁹ Там же. Л. 38

¹⁰ Там же. Л. 38 об.

¹¹ Там же. Л. 38, 44–44 об.

¹² Там же. Л. 38 об.

¹³ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 135. Оп. 4. Д. 22. Л. 49.

¹⁴ НА РК. Ф. Р-550. Оп. 1 Д. 3. Л. 36 об.

¹⁵ Там же. Л. 36.

¹⁶ Там же. Л. 33.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Дубровская Е. Ю.* *Кораблев Н. А.* Документы периода подъема национально-демократического движения в Беломорской Карелии // *Нестор. Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография.* СПб., 2007. С. 17–19.

¹⁹ Цит по: *Витухновская М. А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006. С. 362–363.

²⁰ *Karjalan sivistysseuran ja sen edeltajan Vianan karjalaisten Liiton johtokunnan jäsenedet ja toimihenkilöt* // *Toukomies.* 1931. № 4–5. S. 98–99.

²¹ *Churchill S.* *Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo 1917–1920.* Helsingi, 1970. S. 32–40.

²² Степанов О. Прошлое и настоящее Беломорской Карелии // Прибалтийско – финские народы: История родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 292.

²³ За Карелию Архангельской и Олонецкой губернии. Российскому Временному правительству. Выборг, 1917; *Машезерский В. И.* Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 24.

²⁴ Kansallisarkisto. «Русские военные бумаги». 3942. Обзор финляндской периодической печати. № 1153. 2 (15) сент. Стремление к автономии в русской Карелии. С. 7–8.

²⁵ Ibid. С. 9 (из финляндской газеты «Uusi Päivä». 1917.10.09).

²⁶ Ibidem.

²⁷ Документы и материалы периода подъема национально-демократического движения в Беломорской Карелии (1905–1922 гг.) (сост. и вступит. статья Е. Ю. Дубровской и Н. А. Кораблева) // *Нестор* № 9. Ежекварт. журнал истории и культуры России и Восточной Европы. СПб., 2007. С. 17–21.

²⁸ *Левкоев А. А.* Национальная политика в советской Карелии (1920–1928 гг.). Автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 3.

²⁹ *Йокипини М.* Финляндия и Восточная Карелия в период так называемых «племенных войн» // Прибалтийско – финские народы... С. 315.

³⁰ НА РК. Там же. Л. 49; Suomen Ulkoasianministeriön arkisto (Архив МИД Финляндии) 11 AV2; *Советы Карелии: 1917–1992.* Петрозаводск, 1993. С. 72.

³¹ НА РК. Ф. Р – 550. Оп. 1 Д. 3. Л. 44

³² Там же.

³³ *Репина Л. П.* Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2007. Вып. 21; *Она же.* Между индивидуальным, локальным и глобальным: интегративные подходы в современной историографии // Национальные образы прошлого. Этническая доминанта в историографии и философии истории. Третьи Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2008. С. 233–249

³⁴ НА РК. Ф. Р-550. Оп. 1 Д. 3. Л. 44.

³⁵ Там же. Л. 36.

В. Н. Барышников

**АНШЛЮС АВСТРИИ И ПРОБЛЕМА
СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИХ ОТНОШЕНИЙ
НАКАНУНЕ НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ***

Дискуссия о том, когда началась Вторая мировая война нередко то затухает, то вновь вспыхивает в научных и публицистических кругах России, ясно указывая на то, что с точки зрения периодизации ее начала до сих пор существуют определенные вопросы. В этом плане весьма примечательным явилось то, что еще за полтора года до традиционной даты начала войны с политической карты Европы уже стали исчезать целые государства. Первой из числа жертв нацистской Германии оказалась тогда Австрия.

Притом, когда мы говорим об аншлюсе, то сразу же возникает несколько очевидных наблюдений. Первое это то, что присоединение Австрии Германией произошло без активных боевых действий, как бы мирным путем, а точнее, путем внутреннего нацистского переворота. Подобный сценарий развития не мог, естественно, не настораживать тех, кто учитывал возможность повторение подобной схемы, но уже по отношению к другим странам, к которым нацисты проявят свой интерес.

Последующие события в Чехословакии это предположение уже явно подтверждали. Как тогда заметил нарком иностранных

* Работа выполнена в рамках проекта Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

дел СССР М. М. Литвинов, Европа в то время уже находилась «в двух дюймах от войны»¹ и с этого момента, очевидно, уже явно не осталось таких государств, которые могли себя чувствовать в безопасности².

В данном случае, естественно, любопытным было то, какие выводы из складывающейся ситуации в Центральной Европе делали в советском политическом и военном руководстве. Безусловно, как следовало предположить, здесь наблюдалась явно нарастающая тревога в отношении безопасности своих западных рубежей. Вопрос очевидно заключался в том, что, по оценкам советского руководства, западные соседи СССР могут без какого-либо сопротивления, как это случилось с Австрией, «добровольно» либо под давлением войти в состав Третьего рейха или просто превратиться в военного союзника Германии. Берлин же в данном случае, как явно полагали в Москве, мог для этого опереться на благожелательно настроенные к немцам нацистские круги в конкретных соседних с Советским Союзом западных странах.

В этом отношении, достаточно показательным оказалась позиция СССР, которую заняло руководство страны, как только произошел аншлюс. Сразу же в Наркомате иностранных дел дали весьма негативную оценку произошедшего лишения «австрийского народа его политической, экономической и культурной независимости». В официальном заявлении главы советского внешнеполитического ведомства утверждалось, что «насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не только для отныне граничащих с агрессором (Германии. — В. Б.) 11 стран, но и для всех европейских государств»³. В военных же кругах высшего советского руководства, начали уже явно проявлять повышенное внимание к угрозе, которая могла исходить для СССР от Третьего рейха в случае повторения австрийского сценария, скажем, в отношении западных соседей Советского Союза. Особо обращалось внимание на балтийский регион и Финляндию, поскольку страны этого региона находились в непосредственной близости к жизненно важным районам СССР.

Конкретно, после аншлюса 24 марта 1938 г. начальник Генерального штаба Красной армии подготовил соответствующие предложения, которые касались плана стратегического раз-

вертывания советских войск в случае начала войны⁴. По принятому затем плану, главным и основным противником СССР в Европе четко считались Германия и Польша. Что же касается других государств, находящихся к западу от границ СССР, то, как по этому поводу указывал в своих мемуарах помощник начальника Генштаба М. В. Захаров, в разработанном тогда плане «развертывание румынской армии ввиду возможного нейтралитета этого государства не рассматривалось»⁵. Но, с другой стороны, допускалось, что «при возникновении конфликтной ситуации Литва подвергнется оккупации со стороны фашистской Германии и буржуазной Польши». Такие же страны как Финляндия, Эстония и Латвия, по мнению советского военного руководства, смогут, в случае оказания на них соответствующего немецкого давления, оказаться прямо на стороне рейха⁶. В результате, в отношении финских войск, а также войск граничащих с СССР прибалтийских государств, полагалось, что они «могут быть использованы Германией для концентрического удара на Ленинград»⁷. Таким образом, именно страны балтийского региона стали рассматриваться в Москве как государства, которые в ближайшем будущем, возможно, повторят в той или иной форме судьбу Австрии.

Естественно, в данном случае важно посмотреть, какие реальные действия предполагали осуществлять в Москве в отношении стран этого региона и конкретно в отношении Финляндии. При этом показательно, что если рассматривать данный вопрос в военной плоскости, то в случае начала войны, по плану стратегического развертывания советских войск, все же не планировалось ответных наступательных боевых действий на территории стран балтийского региона. Здесь ставилась задача лишь «обеспечить в первую очередь прочную оборону Ленинграда», а основной театр военных действий, естественно, рассматривался сугубо на западном направлении⁸.

Таким образом, накануне начала Второй мировой войны в СССР в отношении Прибалтики курс брался на попытку политического решения данного вопроса. Это четко тогда фиксировал и финский посланник в Москве А. С. Ирье-Коскинен. Он в мае 1938 г. прямо писал в Хельсинки: «Я думаю, что опасность в данном отношении большая со стороны Германии, чем со стороны Советского Союза», — и далее отметил: «отвести

опасность агрессии от границы Финляндии возможно, если мы сами лишь сможем вести свои дела так, чтобы немцы не смогли высадиться на территории Финляндии»⁹. Что же касается позиции СССР, то финский дипломат четко тогда указывал, что в Москве существуют «подозрения относительно того, что Финляндия не будет защищать свой нейтралитет против Германии, а если война возникнет на Балтийском море, предоставит свою территорию в качестве плацдарма в ее агрессии против Советского Союза»¹⁰.

Однако именно в этот момент политика Германии в балтийском регионе явно начала активизироваться и откровенно провоцировала СССР на ответные действия. При этом рейх осуществлял свои внешнеполитические действия настолько вызывающе, что не замечать демонстрируемые им интересы, в частности, к финнам было просто невозможно. Как, например, доносил в Вашингтон 1 сентября 1937 г. американский посол в СССР: «Финляндия находится в исключительно опасном положении, поскольку если с Севера будет предпринята агрессия на ленинградском направлении, то она определенно уже сложилась как военный плацдарм Германии»¹¹. При этом в историческом плане кажется очевидным, что рейх здесь во многом искусственно стимулировал подозрительность Москвы в отношении Финляндии, создавая, таким образом, достаточно напряженную обстановку в балтийском регионе. Германия явно и весьма искусно начала использовать реально существовавший страх финского руководства к восточному соседу, хорошо осознавая важность стратегических районов на Балтийском море, принадлежащих Финляндии, для безопасности жизненно важных районов СССР.

Не случайно, что именно сразу после аншлюса по приглашению нацистов в Германию отправился командующий финской армией генерал Хуго Эстерман. Сразу же после поглощения Австрии из Берлина в Хельсинки последовало приглашение, где говорилось, что программа пребывания генерала Эстермана «уже согласована и все подготовлено для встречи»¹². Причем, очевидно не до конца понимая щепетильность подобного характера действий и не отказавшись от посещения Германии в столь непростой международной ситуации, финский генерал просто объяснил это тем, что ничего сверхъестественного в Централь-

ной Европе не произошло, а «аншлюс» был осуществлен быстро и без кровопролития»¹³.

Тем не менее, этот визит сыграл, очевидно, очень важную роль в дальнейшей политике СССР в отношении Финляндии. Дело в том, что со стороны германского руководства финского генерала принимали весьма торжественно и предельно официально. Организация визита имела явно показной характер со строгим соблюдением всех внешних атрибутов встреч подобного уровня. О его поездке в рейх в немецкой прессе давалась достаточно обильная информация. Более того, в ходе визита 28 марта состоялся прием у самого А. Гитлера. Подобной чести фюрер не удостоивал еще ни одного государственного представителя Финляндии, а сама эта встреча прошла «вне согласованной программы немецкого армейского командования»¹⁴.

В целом, визит Эстермана привлек к себе заметное внимание за рубежом. Безусловно, о нем имели сведения и в Москве. Можно со всей определенностью утверждать, что об этом визите знал и лично Сталин¹⁵. Более того, очевидно, что само по себе распространение информации о происшедших у Эстермана встречах в Берлине вполне устраивало немецкое руководство, которое подчеркнуто старалось придать поездке финского генерала возможно большее официальное звучание.

Все это не могло не настораживать и другие соседние с Финляндией государства. В руководстве Швеции, в частности, аншлюс Австрии рассматривался, как «свежий показатель бесцеремонности Гитлера», что могло лишь усложнить политику северных стран. Поэтому из Стокгольма прямо давали совет Финляндии «придерживаться умной и ясной политики, независимой, но не угрожающей» СССР¹⁶.

Но обстановка событий в Австрии и обозначившийся в этой связи процесс расширения финско-германского сотрудничества уже требовали от советского руководства соответствующих более решительных ответных действий. Как отмечается в «Очерках истории российской внешней разведки», оно в Москве тогда «предприняло попытку осуществить смелый план — склонить руководителей Финляндии к сотрудничеству, учитывающему интересы обеих стран»¹⁷. Иными словами, в СССР, очевидно, решили постараться все же не допустить перспективы превращения Финляндии в потенциального союзника Германии и,

наоборот, склонить финское руководство на свою сторону. Для руководства СССР, по справедливому замечанию немецкого профессора М. Менгера, развитие советско-финляндских отношений «в данной международной ситуации и ввиду стратегического положения Финляндии потребовало большего, чем отдельные слова и жесты доброй воли»¹⁸.

В итоге Финляндия и отношения с ней стали занимать теперь весьма видное место в политической линии Москвы. В финляндские проблемы все глубже начал вникать лично И. В. Сталин. Более того, через месяц после аншлюса Австрии — 14 апреля 1938 г. был дан старт строго секретным советско-финляндским переговорам, связанным с выяснением позиции Финляндии в случае начала мировой войны.

Конкретно тогда СССР предпринял попытку склонить финское руководство к привлечению его к военно-политическому сотрудничеству, направленному против Германии. Вел эти переговоры агент НКВД в Финляндии Б. А. Рыбкин (псевдоним — Б. Ярцев), который, с самого начала этих тайных контактов с финским руководством, не скрывал, что его встречи «в апреле в Хельсинки, никак не могут быть поняты, если не учитывать того, что произошло в марте в Вене»¹⁹.

Действительно, для уяснения причин начала этих переговоров очень хорошим фоном явились проводившиеся тогда же в финской столице торжества, посвященные двадцатилетней годовщине высадки в помощь «белому движению» на территорию Финляндии немецких войск. День 14 апреля 1938 г. в Хельсинки был отмечен возложением венков из живых цветов у памятника «погибшим немецким героям»²⁰. На сами же эти мероприятия из Германии тогда прибыла очень представительная делегация в составе 40 весьма известных немецких офицеров и генералов. Как отмечает профессор Ю. Суоми, «в течение всего времени пребывания немцев во всей Финляндии проявлялось к ним исключительное внимание»²¹. Президент Финляндии К. Каллио дал в честь немецких гостей торжественный обед, а финские газеты неизменно тогда повторяли один и тот же тезис о благодарности финнов за «помощь Германии и братстве по оружию в 1918 г.»²²

Все это как раз и являлось предметом особого беспокойства со стороны Москвы, указывая на необходимость более

решительных действий. В результате можно говорить о том, что именно в это время в апреле 1938 г. в Москве началась выработываться реальная программа действия в отношении Финляндии, которая, очевидно, подразумевала возможность возникновения в Европе большой коалиционной войны, где СССР будет противостоять Германия и ее союзники. В целом, предполагаемые переговоры носили чисто военно-политический характер, которые объективно втягивали Финляндию в орбиту «большой политики».

Что же касается форм предполагавшихся переговоров, то они явно имели скрытный характер. И здесь чувствовалось скорее стремление пощупать позицию Финляндии, нежели чем, собственно, уже в данный момент перейти к вопросу о заключении с ней реального договора.

Переговоры с Рыбкиным вначале вел министр иностранных дел Р. Холсти. Он уже после первой встречи сообщил своему руководству, что советский дипломат прямо сказал, что в Москве «вполне уверены в том, что у Германии имеются широкие планы агрессии против России, что германская армия имеет цель на своем левом крыле осуществить высадку войск в Финляндии и продолжать оттуда наступление на Россию». После того «Ярцев» задал финскому министру иностранных дел прямой вопрос: «Как правительство Финляндии будет относиться к немцам?»²³. Таким образом, СССР явно не скрывал то, что представляло для Советского Союза наиболее важным в отношениях с Финляндией.

Однако эти переговоры реально ничего не дали, хотя сами они продолжались в течение всего 1938 г., и Рыбкин тогда встречался еще не только с министром иностранных дел, но и премьер-министром, а также с рядом уполномоченных для ведения переговоров лиц из состава финского правительства.

Тем не менее, отсутствие результата в начавшихся встречах не смущало советское руководство. В Москве полагали, по опыту предшествующих встреч, что «финские политики — народ упрямый и консервативный, сдвинуть их с места очень трудно»²⁴. Более того, для Сталина в НКВД была подготовлена подробная справка, в которой утверждалось, что все же «имеется реальная обстановка для того, чтобы парализовать немецкое влияние в Финляндии и вовлечь ее в орбиту Советского Союза». Далее,

в документе еще подчеркивалась необходимость развертывания широкой работы «в правительственных кругах Финляндии с целью достижения нужного нам общего и практического изменения курса внешней политики Финляндии».

В целом, по оценке финских исследователей, переговоры уже к концу 1938 г. показывали Москве, что «отношения между Финляндией и Советским Союзом могут и далее развиваться»²⁵.

Определенные надежды в СССР в развитии переговорного процесса выразились уже в тех установках, которые тогда начали даваться высшим советским командованием относительно перспективного планирования. В директиве наркома обороны К. Е. Ворошилова от 27 февраля 1939 г., о составлении оперативного плана на случай войны, Финляндия не рассматривалась в качестве возможного противника. Там указывалось, что на северном и западном направлениях могут выступить против СССР объединенные силы двух государств — Германии и Польши²⁶. В этом документе прямо говорилось, что «необходимо учитывать возможность сохранения нейтралитета Финляндией, длительность и устойчивость которого будет зависеть от политической обстановки и успехов первых операций РККА и РКВМФ»²⁷. Заметим, однако, что это было за девять месяцев до начала «зимней войны».

В результате в Москве возникла серьезная иллюзия, что начавшиеся тайные переговоры позволят СССР склонить Финляндию на свою сторону. Однако события 1939 г. показали, что данная перспектива являлась весьма призрачной. Яркой демонстрацией отсутствия особой будущности в советско-финляндском военно-политическом сотрудничестве стали итоги начавшегося в Европе в марте 1939 г. политического кризиса, связанного с нарушением Германии Мюнхенского соглашения и захватом всей Чехословакии. Более того, тогда же рейх стал уже претендовать еще и на территории ряда соседних с ней государств Балтийского региона — Польши и Литвы. Иными словами, прежняя система европейской безопасности, которая основывалась на представлениях Лондона и Парижа о возможности «договориться» с Германией, стала стремительно разрушаться.

Именно в условиях, происходивших в тот момент событий, в Хельсинки опять начались секретные советско-финляндские переговоры. Их теперь уже вел опытный советский дипломат

Б. Е. Штейн — человек, которому нарком иностранных дел М. М. Литвинов очень доверял и был даже с ним в весьма дружеских отношениях²⁸. Причем само это поручение Штейну давалось лично Сталиным²⁹, что являлось весьма показательным.

Переговоры начались 11 марта 1939 г., за четыре дня до того, как Германия оккупировала Чехословакию. Они проходили теперь у Б. Е. Штейна уже с новым министром иностранных дел Финляндии Э. Эркко. Уже через четыре дня после их начала Германия приступила к захвату всей Чехословакии, что, очевидно, несколько повлияло на ход этих переговоров. 15 марта, по сообщению Штейна, он заметил перспективу возможных перемен с финской стороны. Именно во время встречи Штейна с Эркко в его служебном кабинете вдруг раздался телефонный звонок. Как сообщал Штейн в Москву, он понял, что финскому министру была передана тревожная информация, которая могла быть только в одном — немецкие войска вступили в Прагу. «Я, — писал Штейн, — воспользовался этим известием для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что нейтралитет не может спасти малые государства от вожделиний агрессора», намекая, таким образом, на действия Германии³⁰.

Однако месячные встречи советского дипломата с финским министром иностранных дел ничего не дали. Как сообщил тогда в Берлин хорошо осведомленный немецкий посланник в Хельсинки В. Блюхер, «в эти критические дни Э. Эркко явно размежевался с Россией»³¹. С другой стороны, М. М. Литвинов, регулярно информировавший И. В. Сталина о ходе переговоров в Хельсинки, докладывал: «Вряд ли они [финны] предложат нам что-либо нас удовлетворяющее»³².

Тем не менее, именно в то время, когда шли переговоры Штейна с Эркко, нарком иностранных дел Литвинов стал обсуждать с представителями Англии и Франции проблему выработки общих адекватных действий по блокированию нарастающей угрозы миру со стороны Германии. Таким образом, тот вопрос, который СССР пытался решить с финским руководством на двусторонней основе, теперь мог быть переставлен в плоскость многостороннего соглашения, где определяющим остановилась идея военного союза в борьбе против Германии и гарантии помощи ведущих государств Европы малым странам в случае агрессии против них со стороны рейха.

В результате для СССР секретные финско-советские переговоры в Хельсинки явно становились слишком локальными, в то время как у Москвы открывались весьма широкие перспективы применения с участием Англии и Франции более радикальных мер в противовес Германии. В таких условиях советское руководство начало быстро уточнять свою позицию в отношении Финляндии. Очевидно, что в СССР уже стала придерживаться более прямолинейного взгляда по «финляндскому вопросу». В конечном итоге советско-финляндские переговоры прервались и 6 апреля Штейн выехал из Хельсинки в Москву.

Таким образом, по отношению к Финляндии ситуация для Советского Союза приобретала более запутанный характер. Однако и Запад тоже явно стал уклоняться от реализации идеи, предложенной СССР на переговорах в Москве о коллективных гарантиях в случае германской агрессии на Балтике. Об этом прямо предупредил Москву английский посланник У. Сидс. Он заявил, что «упоминание Финляндии... усложняет весь вопрос»³³. Советское руководство теперь также с не меньшей озабоченностью вынужденно было фиксировать тот факт, что в Лондоне и Париже тоже не хотят включать Финляндию в число тех государств, которым была необходима гарантия в случае начала европейской войны.

Как показали дальнейшие события, англо-франко-советские переговоры в Москве результата вообще не дали. Что же касалось Финляндии, то вследствие срыва хельсинкских переговоров отношения между двумя странами явно обострились. Советское руководство стало все более подозревать Финляндию в каких-то особых, скрытых от ее взглядов отношениях, направленных против СССР. С этого времени в военном руководстве СССР опять начали подходить совершенно определенно к оценке Финляндии как потенциального противника. Если еще до лета 1939 г. в течение некоторого времени она рассматривалась в качестве страны, которая в перспективе будет придерживаться нейтралитета, то теперь в указаниях уточняющего характера к составлению оперативного плана на будущее говорилось следующее: «Против СССР на северном и западном направлениях выступают объединенные силы Германии, Финляндии и Польши»³⁴.

О том насколько «финляндская проблема» приковывала тогда внимание советского руководства, свидетельствует тот факт,

что, как считается в ряде исследовательских, а также мемуарных работ, она стала даже одной из причин отставки Литвинова, поскольку накануне этого решения Кремля он был лично вызван к Сталину. Это произошло утром 27 апреля 1939 г. Разговор состоялся с участием Молотова и касался финляндских дел. Сама же «обстановка на заседании, — как указывается в ряде исследований, — была накалена до предела»³⁵. Конечно, тучи над М. М. Литвиновым сгущались уже давно, но объективно «финский вопрос» довершил дело. 3 мая 1939 г. М. М. Литвинов получил отставку.

Таким образом, закончился первоначальный этап развития политического кризиса в Европе. Он показал, что в его развитии уже отчетливо появилась «финляндская проблема», которая явно обостряла и до того непростую ситуацию в Европе. К тому же впереди еще было Советско-германский пакт о ненападении. Это реально вывело Финляндию на передовые рубежи противоборства между великими державами в Европе. В конечном счете, произошедшее тогда стало уже прологом к началу трагедии т. н. «зимней войны».

В итоге, можно сказать, что события в Австрии в 1938 г. сыграли очень большую роль в определении дальнейшей политики Советского Союза в отношении Финляндии накануне начала Второй мировой войны.

¹ Цит. по: *Jakobson M. Diplomaattien talvisota. Porvoo-Hels., 1968. S. 96.*

² *Ibid.*

³ Документы внешней политики СССР. Т. XXI. М., 1977. С. 128.

⁴ *Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 125.*

⁵ Там же. С. 129.

⁶ Там же. С. 126–127.

⁷ Там же. С. 128.

⁸ Там же. 131, 133.

⁹ *Ulkoasiainministeriön arkisto (далее: UM). 5. С. 18. Донесение посланника А. С. Ирье-Коскинена «О внешней политике Финляндии в случае войны», 04.05. 1938 г.*

¹⁰ *Ibid.* Донесение посланника А. С. Ирье-Коскинена «Советский Союз и нейтралитет северных стран», 03.06. 1938.

¹¹ Цит. по: *Jakobson M. Diplomaattien talvisota. S. 50.*

- 12 Документы внешней политики СССР. С. 208.
- 13 *Österman H.* Neljannesvuosisata elämästäni. Helsingi-Porvoo, 1966. S. 139.
- 14 *Wuorimaa A.* Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. Keuruu, 1967. S. 81.
- 15 Зимняя война 1939–1940. Книга первая. Политическая история. М., 1998. С. 86.
- 16 *Jakobson M.* Paasikivi Tukholmassa. Helsingi-Keuruu, 1978. S. 74.
- 17 Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997. С. 297.
- 18 *Menger M.* Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. S. 42.
- 19 *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. S. 10.
- 20 *Ibid.* S. 30; *Blicher W.* Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935–44. Porvoo – Helsingi, 1951. S. 100.
- 21 *Suomi J.* Talvisodan tausta. Neuvostoliitto Suomen ulkopoliitikassa 1937–1939. Helsingi, 1973. S. 248.
- 22 *Ibid.*
- 23 UM. 12 L / 25. Neuvostoliitto: 1938–40 — Jartzev-keskustelut ym., 14.04.1938; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 17.
- 24 Документы внешней политики СССР. Т. XVI. М., 1970. С. 37.
- 25 *Suomi J.* Talvisodan tausta. S. 330.
- 26 Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГА ВМФ). Ф. Р-1877. Оп. 1 Д. 101. Л. 16. Ссылка на директиву НКО СССР № 15201 от 27.2.1939.
- 27 Там же. Л. 14.
- 28 *Шейнис З. С.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 366–367.
- 29 См.: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 194; *Шейнис З. С.* Полпред Б. Е. Штейн (штрихи к биографии) // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 113.
- 30 Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1. М., 1992. С. 119.
- 31 Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VI. London, 1954. P. 157.
- 32 Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1236. Л. 101. Письмо наркома ИД М. М. Литвинова, 22.3.1939.
- 33 Там же. С. 460.
- 34 РГА ВМФ. Ф. р-1877. Оп. 1. Д. 101. Л. 16. Указание НШ НКВМФ, 20.6.1939.
- 35 *Шейнис З. С.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. С. 362.

А. Уитто

«ЛИНИЯ МАННЕРГЕЙМА» — ЛЕГЕНДА «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ» 1939–1940 гг.*

«Линия Маннергейма» являлась в «зимней войне» главной линией обороны финских войск на Карельском перешейке. Ее длина доходила 140 км. Однако само свое название эта линия укреплений получила только во время самой войны. Строившуюся линию создавали с учетом ландшафта местности и, прежде всего, с расчетом природного рельефа и очертаний водоемов. От границы с СССР ее расстояние на востоке перешейка к Тайпале составляли 20 км, на западе до деревни Сумма — 50 км.

Само строительство этих укреплений началось в условиях, когда в 1918 г. после окончания гражданской войны в Финляндии около десяти тысяч красных финнов эмигрировало в Советскую Россию. Там они основали Коммунистическую партию. Главной целью этой партии было с помощью большевиков начать в Финляндии новую революцию. В финской республике «красную опасность» воспринимали с несомненной тревогой, тем более что главная база большевиков располагалась у границы с Финляндией в Петрограде. Поскольку ситуация на финско-советской границе была далеко не мирной, финскому руководству следовало спешно начать возводить укрепления на Карельском перешейке. Когда в 1922 г. большевики одержали

* Перевод с финского языка выполнил к. филол. наук, доцент РХГА
С. Г. Халипов

в Советской России окончательную победу, финские работы по созданию укреплений еще только начинались.

Считалось, что самым опасным в военном отношении местом на перешейке была его западная часть, между Финским заливом и Вуоксой. Именно отсюда шла кратчайшая дорога на Выборг. Восточная часть перешейка строилась на основе использования вуоксинской водной системы и на связанном с ней озером Суванто (Суходольское), а также реки Тайпалеенйоки (Бурная), т. е. до Ладоги. Это направление, однако, не считали столь опасным, поскольку его можно было проще прикрыть. В целом, линия укреплений проходила на 75 км вдоль водоема, а сухопутная часть фронта составляла лишь 65 км. Если объединить точку начала и конца этой линии обороны, то ее длина составляла 100 км.

Вначале главным типом конструкций укреплений являлись перевоземляные огневые точки. Кроме того, в период 1920–1924 гг. на западе перешейка возвели несколько десятков небольших, бетонных позиций, созданных по проекту военного архитектора Энкеля. Они имели пулеметные гнезда и помещения для размещения личного состава, т. е. казематы. Однако данные бетонные конструкции оказались при пробных стрельбах слишком ненадежными, поскольку были построены из т. н. «остаточного бетона». Однако в то же время на вуоксовском водоеме построили на расстоянии 10 км друг от друга шесть закрытых ДОТОВ с артиллерийскими позициями. Данные крупные пушечные бастионы создали из настоящего бетона, и они оказались весьма надежными.

Тем не менее начиная с середины 1920-х гг. в оборонительных работах последовал длительный перерыв, поскольку исходя из экономии государственного бюджета, считали более важным развивать мобильность самой армии. Однако обострение ко второй половине 1930-х гг. положения в международных отношениях привело к возобновлению оборонительных работ на перешейке. Причем, в это время конструкция главной линии обороны начала частично меняться. Наряду со слабыми бастионами, выполненными ранее по проекту Энкеля, начали сооружаться на новой основе другие долговременные бетонные опорные огневые точки, которые по своей прочности являлись более мощными и представляли собой крупные бетонные сооружения.

В конце 1930-х гг. стали также строить на перешейке полевые укрепления, что означало строительство разных бревенчато-земляных ДЗОТов, траншей, полос препятствий и маскировок. Данные работы производились главным образом военными, а также гражданскими добровольцами. Своей кульминации эти работы достигли летом 1939 г. и во время последовавших затем осенью этого года чрезвычайных военных маневров. Главной составляющей основной линии обороны стали ДОТы, а промежутки между ними прикрывали полевыми укреплениями. Как раз именно перед началом войны произошли самые существенные изменения на главной линии обороны в центральной части перешейка. Были построены бункеры на северо-востоке от озера Муолаанярви (Глубокое) на перешейке Муолаа и восточнее села Муолаа-кирккюля (Правдино). Далее же на рубеже в 30 км главная линия обороны представляла собой лишь полевые укрепления.

В полосе прикрытия между государственной границей Финляндии и главной линией обороны находились полевые укрепления. Их главной целью было задерживать наступление противника так, чтобы главные войска финской армии успели бы занять позиций на главной линии обороны.

Красная армия добывала разведывательную информацию об укреплениях на перешейке. Значительную часть из них она получила от финских шпионов, особенно после того, как Вилхо Пенттикяйнен, работавший в главном штабе Финляндии, сумел в середине 1930-х гг. перебежать в СССР. Также русские располагали более поздними разведывательными данными, в частности, секретными папками по оборонительным районам на перешейке, первая из которых была изготовлена в 1937 г., а вторая, очевидно, в 1939 г.

После начала 30 ноября 1939 г. «зимней войны», Красная армия перешла на Карельском перешейке границу, финские войска к 10-му декабря с боями отступили, сдав полосу прикрытия у главной линии обороны. Однако здесь они заставили части Красной армии на более чем два месяца остановиться на т. н. «линии Маннергейма», как тогда стали именовать главные финские укрепления, скорее всего, зарубежные журналисты.

Сама «линия Маннергейма» простиралась от Финского залива через озеро Куолеманярви (Пионерское) на север до де-

ревни Сумманкюля, оттуда на восток на другую сторону озера Сумманярви к урочищу Ляхде, и далее через оборудованный полевыми укреплениями район с озерными перешейками до вуоксинской водной системы, далее к реке Тайпалеенйоки (Бурная) до Ладожского озера. Оборону обоих флангов «линии Маннергейма» эффективно поддерживали береговые батареи на Финском заливе и на Ладоге; на западе береговые укрепления Сааренпяя и Хумалйоки, а также на востоке береговые батареи Ярисевя и Каарнайоки.

На «линии Маннергейма» начались упорные бои, но, поскольку русские войска не могли продвинуться дальше и прорвать укрепления, события на фронте в середине января 1940 г. в какой-то степени затихли. Русским пришлось возобновить свою наступательную тактику лишь в начале февраля. Русские начали наступать не только в районе Соданкюля и в урочище Ляхде, но и на широком фронте. Положение у финнов со снарядами ухудшилось. В результате расход залпов ограничился лишь редкими целями. Когда западная часть финской обороны на перешейке была 12 февраля 1940 г. у урочища Ляхде сломлена, финны стали отступать до линии промежуточных позиций, к которой относились укрепления Муолаа и Салменкайайоки. В конце февраля советские войска начали ожесточенные бои за овладение этими укреплениями. Для русских линия промежуточных позиций, а также оборонительные позиции вплоть до обороны Выборга тоже представлялись как «линия Маннергейма». В результате представление у Красной армии о «линии Маннергейма» разрослось, стало гораздо больше, чем понятие финнов, поскольку, по взглядам русских, эта полоса укреплений включала множество постоянных и полевых укреплений.

Более того, после окончания войны большой пропагандистский аппарат СССР стал быстро наращивать легенду о «зимней войне». «Непобедимая Красная Армия» разгромила мощную «линию Маннергейма». Это проявилось уже в речи Молотова на заседании Верховного совета СССР в конце марта¹. Он перевернул потери «зимней войны» вверх дном, подняв мощность «линии Маннергейм» до непостижимых размеров.

В честь победы и крушения «линии Маннергейма» быстро создали, в частности, большой и праздничный альбом. Далее в Ленинграде открыли выставку военных трофеев. Сразу же по-

сле заключения мира в апреле 1940 г. был сделан в Ленинграде документальный фильм «Линия Маннергейма» о крушении «линии Маннергейма»². В советском искусстве «зимняя война» была представлена как героическое сражение Красной армии, и на эту тему проводились художественные конкурсы скульпторов и художников.

Русская литература о «зимней войне» канонизировала эту легенду. Много литературных произведений вышло в период 1940–1941 гг. Самое примечательное из них — это мемориальный полудокументальный двухтомник «Бои в Финляндии»³. Далее в СССР стали готовить детальный семитомник по истории «зимней войны», который должен был выйти к весне 1942 г., число страниц этого издания должно было составить 3500–4000. Предусматривалось, что один том будет рассматривать бои на Карельском перешейке, т. е. на «линии Маннергейма». Прочие тома должны были быть посвящены рассмотрению хода войны севернее — в Карелии и Заполярье или деятельности различных родов войск, а также политической работе и, наконец, собственно причинам войны⁴.

Однако из-за расширения географии Второй мировой войны после нападения немцев на СССР летом 1941 г. легенда «зимней войны» испарилась под влиянием более серьезных событий. Таким образом, для Красной армии находились более примечательные легенды, нежели чем «зимняя война» с Финляндией, которая была забыта и представлена лишь как «пограничный инцидент»⁵. Итак, реально, 40-километровая «линия Маннергейма» между Финским заливом и Ладожским озером содержала как ДОТы и ДЗОТы из бетона, так и полевые укрепления из дерева и земли. Долговременные укрепления подразделялись на старые казематы 1920-х гг., а также на бункера 1930-х гг. Далее, на востоке перешейка, находились артиллерийские позиции вдоль вуоксинской водной системы. В результате «линия Маннергейма» на западе перешейка содержала только 32 бункера и 10 старых казематов. На востоке перешейка было всего 6 артиллерийских позиций и 21 каземат. Таким образом, на «линии Маннергейма» всего было 69 долговременных бетонных сооружений, из которых 16 были приспособлены лишь как укрытия для войск. Если касаться перешейка Муолаа и Салменкайту, то здесь еще до «зимней войны» на главной линии

обороны находилось 36 бункеров и 20 казематов. Далее, в систему «линии Маннергейма» входили еще в качестве полевых укреплений ДЗОТы. Их было свыше 600. Также существовали ходы сообщения и траншеи (около 400 км), проволочные заграждения (около 330 км) и противотанковые заграждения (около 140 км).

¹ См.: Правда. 1939, 30 марта.

² <http://rutube.ru/tracks/2670533.html>

³ Бои в Финляндии. Воспоминания участников. Ч. 1–2. М., 1941; Бои на Карельском перешейке. М., 1941.

⁴ См.: От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006. С. 56–57.

⁵ Там же. С. 60.

Д. А. Журавлев

**СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА 1939–1940 гг.
В ВОСПОМИНАНИЯХ МЕДИКОВ**

Все менее применимым в отношении советско-финляндской войны 1939–1940 гг. становится термин «неизвестная». Произошло это в последние десятилетия и, в первую очередь, в результате исследований историков. Как отечественные, так и зарубежные специалисты изучают различные аспекты боевых действий, политической истории, экономические и социальные страницы войны. В научный оборот было введено много новых источников. Однако менее всего это коснулось мемуарной литературы. Вместе с тем, воспоминания могут служить дополнительным источником информации, вследствие наличия ряда важных деталей и самостоятельных оценок¹. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. крайне скудно представлена в отечественной мемуарной литературе. В меньшей степени это относилось к воспоминаниям военачальников разного ранга, в большей степени к воспоминаниям рядовых участников, а также гражданского населения. Существовавшее негласное вето на обсуждение данной темы сдерживало подчас желание мемуариста поделиться пережитым и увиденным в данное время. В литературе, вышедшей к середине 80-х гг. прошлого века, просматривается подчас стремление создать иной образ событий, более отвечающих официальной позиции, негативные стороны боевых действий, как правило, не появлялись на страницах данных изданий.

В полной мере это относится и к воспоминаниям медицинских работников, прошедших испытание советско-финляндской

войной. В нашем распоряжении не так и много подобных источников. Попытаемся рассмотреть их, дать характеристику.

Военные медики, те, кто проделал основную работу в период боевых действий 1939–1940 гг., М. Н. Ахутин, С. И. Банайтис, П. А. Куприянов, М. И. Черняк, не оставили воспоминаний об этом времени. Мы имеем в распоряжении лишь их научные работы², где в фокусе исследователей находятся лишь узкоспециальные вопросы.

В послевоенный период медики крайне редко касались времени советско-финляндской войны. Известный отечественный хирург, главный хирург 9-й армии в 1939–1940 гг. А. А. Вишневецкий проигнорировал указанные события, и предпочел начать свое изложение в рамках книги «Дневник хирурга» лишь с 1941 г.

Нет смысла говорить о наполнении воспоминаний высокопоставленных руководителей советской медицины в рассматриваемый период³. В лучшую сторону отличаются воспоминания Ефима Ивановича Смирнова, являвшегося в рассматриваемое время начальником Санитарного управления РККА. В них большое внимание уделяется анализу деятельности военно-санитарной службы, а также отчасти гражданского здравоохранения в период боевых действий. Однако в большей части автор воспроизводит хрестоматийную схему, выбирая для своего изложения нейтральные сюжеты, отвечающие идеологической направленности того времени. Особенно характерно это для мемуаров Г. А. Митерева, бывшего в то время наркомом здравоохранения СССР. В отдельных случаях на страницах его воспоминаний встречается прямое искажение фактов. Это относится к тезису о крайне незначительном числе обморожений в Красной армии. По его словам, солдат и командиров в условиях фронтовой полосы от обморожений спасали теплая одежда и обувь, а также спирт и водка, выдававшиеся с января 1940 г.⁴ Подобный односторонний взгляд на происходившее характерен для всего повествования Г. А. Митерева.

Валентина Валентиновна Гориневская (1882–1953) — известный отечественный хирург, травматолог, великолепный специалист, яркая личность. Казалось, того же стоило ждать и от ее мемуаров. Однако ожидания, к сожалению, не всегда оправдываются. Воспоминания В. В. Гориневской, которые она стала записывать

к концу своей жизни, так и не были не только опубликованы, но и даже подготовлены к изданию. В нашем распоряжении лишь рукопись Валентины Валентиновны — 23 тетради, которые вместили важнейшие события из жизни известного врача. Советско-финляндской войне она посвятила две тетради.

То обстоятельство, что автор вел записи в конце 1940-х гг., несомненно, отложило отпечаток на их характер. В. В. Гориневская стремится к описательной части, и если и дает оценки, то каким-то локальным событиям. Прямолинейность и открытость уступили место осторожности и взвешенности.

Вместе с тем на страницах воспоминаний находят отражение и отдельные «нефасадные» стороны деятельности медицинской службы Красной армии. Вот что сообщает о первых днях войны автор: «Я уже собралась уезжать, но в это время замнаркома, который тогда был в Ленинграде, вызвал меня и предложил поехать на несколько дней в командировку в Петрозаводск, где в то время уже скопилось довольно большое количество раненых, которые размещались в госпиталях — школах, и где, как он узнал, врачи совершенно растерялись, и не знали, как им надлежит действовать. В Петрозаводске я действительно увидела, что там полная растерянность. Я остановилась в гостинице. В буфете — никаких продуктов, вообще с продуктами в Петрозаводске было плохо»⁵. Поразительно в этом рассказе то, что ответственные за прием и размещение раненых и больных лица бездействовали в данное время, в связи с тем, что был выходной день и все свое время они посвящали своему дому, в частности, прогулке с детьми, при этом число нуждавшихся в экстренной медицинской помощи росло с каждой минутой. Открывается перед нами истинное положение в городе: «Картина была потрясающая: прибывшие раненые валялись в шинелях на каменных лестницах и на полу в коридорах. Сонный дежурный врач, которого вторые сутки не сменяли, что-то регистрировал, записывал, но довольно бестолково. Ни санпропускник, ни перевязочный, ни операционный блок не были налажены. Нигде не видно было ни врачей, ни рабочих, которые подготавливали помещения»⁶. В этих условиях раскрывается пылкая натура Валентины Валентиновны, которая устраивает скандалы и заставляет работать медицинский персонал, вместе с тем, запуская тяжеловесный механизм бюрократического аппарата в Петрозаводске. Она

сама занимается мытьем прибывших раненых. По прибытии в Ленинград, В. В. Гориневская была направлена налаживать работу хирургов в районе Терийоки. На ее долю выпала большая работа, вместе с тем, условия деятельности были сравнительно неплохими. Полевые подвижные госпитали, к которым была прикреплена Гориневская, располагались в немногочисленных оставшихся зданиях дач на берегу Финского залива. Это облегчало жизнедеятельность хирургов, спасало жизни раненых. Сообщает автор о госпитале «народной финской армии», отличавшимся от остальных по всем параметрам — полностью сохранившееся здание, великолепное оснащение. Вследствие этого, было принято решение доставлять сюда наиболее тяжело раненых из других госпиталей, что было связано, по-видимому, с малой загрузкой данного лечебного учреждения.

На страницах воспоминаний Валентины Валентиновны мы находим любопытные детали обмундирования врачебного состава в данное время: «...начальник госпиталя Штейн мне выдал полное обмундирование. Особенно мне пришелся по вкусу желтый тулупчик на бараньем меху с серым барашковым воротником. Мне в нем было тепло и уютно, и я в нем прощеголяла не только всю Финляндию, но и все зимы Великой Отечественной войны. Шлем с Красной звездой придавал мне воинственный вид. Валенки так и остались разные, выданные в Ленинграде на складе (по поводу этих разных валенок надо мной потом много смеялись). Во всяком случае мне было тепло, и я не боялась жесточайших финских морозов»⁷. Не смогла В. В. Гориневская обойти наиболее животрепещущие темы, которые стали предметом мифотворчества, а именно «кукушки» и финские мины.

Неоднократно Гориневская сообщает о неподготовленности как отдельных лиц, так и целых лечебных учреждений к тяжелой работе в этих непростых условиях. И из ее воспоминаний следует, что шел естественный отбор — либо медицинские работники приспосабливались к подобной обстановке, включались в работу, либо исчезали, и для этого существовали вполне легальные основания. Были и врачи, и средний медицинский персонал, которые, не работавшие с коллективом, отправлялись в Ленинград.

Финальная часть посвящена поездке в Выборг и представляет определенный интерес: «Среди общего разрушения вдруг

следы какого-то домашнего уюта. Вот дом с выломанной стеной, а во втором этаже застланная шелковыми одеялами деревянная кровать. На выбитых окнах треплется ветром кружевные занавесочки. Над разрушенной булочной висит уцелевший золоченный макет — знаменитый “выборгский крендель”. Рядом разбитые двери и полуразрушенная стена — стоят столики. Покрытые скатертями, на одном — чашка недопитого кофе. Страшное сочетание — полного разрушения с уголками нетронутого быта. Склады и магазины охраняют наши часовые. Ужасная картина разрушенного, сгоревшего города»⁸. Известный отечественный хирург Федор Григорьевич Углов (1904–2008 гг.) участвовал в советско-финляндской войне, был старшим хирургов в одном из батальонных пунктов медицинской помощи на Карельском перешейке. Первое издание его воспоминаний вышло в 1974 г., последующие не претерпели радикальных изменений в интересующем нас аспекте. Боевым действиям 1939–1940 гг. автор посвятил целую главу, названную им «На той войне, незапамятной...» На страницах книги большое число деталей, описание быта и условий деятельности медицинского состава в армейском районе (колоссальный объем работы хирургов), эмоций автора. Примечательно в этой связи описание состояния автора в момент получения известия об окончании войны: «Известие об этом было неожиданным, и наша тогдашняя радость не поддается описанию. Каждый как бы с удивлением и даже недоверием осматривал себя: вот я, целый и невредимый, а побывал среди тысячи смертей, и хотя втайне надеялся, что вернусь домой, но слепой огонь косил всех, не разбирая, и что ему было до чьих-то переживаний, ведь сколько их, товарищей, осталось тогда лежать на снегу...»⁹

Отдельные истории, вследствие своей драматургии, психологизма, достойны занять место среди произведений художественной литературы. Особо стоит отметить эпизод из финальной части книги, смерть от пули снайпера в последний день войны штабного шофера Виктора. Федор Григорьевич достаточно подробно останавливается на медицинских аспектах, описывая наиболее интересные случаи, останавливаясь на организации лечения раненых, характеризуя поражения военнослужащих в период боевых действий. Стоит отметить и следующее наблюдение, важное также потому, что исходит от медика. Ф. Г. Углов

описывает так называемый «поствоенный синдром», когда организм, мобилизовавший все свои силы для противостояния сильнейшим нагрузкам, условиям жизни и деятельности, получив расслабление, начинает компенсировать затраченные силы и полученные травмы. Появляется недомогание, нервная система напряжена, «возникла необходимость дать отдых телу, спасти себя от немыслимого, всюду преследующего холода, прислушаться к тому, что происходит в собственном организме». Вместе с тем видна строгая самоцензура автора. Ф. Г. Углов старательно обходит политические и военные перипетии, отказываясь от интерпретации событий. Недостаткам, которые в большом числе были присущи медицинской службе Красной армии в данное время, также нет места в данной книге. В частности, затрагивая вопрос об обморожениях в Красной армии во время войны, Ф. Г. Углов делает следующую, весьма характерную ремарку: «Впрочем, об этом много рассказано в книгах, повествующих о войне с финнами, а с чисто медицинской точки зрения этот вопрос освещается в специальных монографиях»¹⁰.

В последнее время все большее внимание исследователей привлекает такое относительно новое для нас направление исторической науки, как устная история, сложившееся в Западной Европе и Северной Америке в конце 1960–1970-х гг.¹¹ Использование методов устной истории помогает преодолеть скудость источников по некоторым темам, взглянуть на них с иной стороны. Подлинно научных исследований, затрагивающих Советско-финляндскую войну, выполненных в этом направлении, крайне мало, результаты подобных исследований малодоступны.

С определенными оговорками сюда можно включить ряд проектов, ставших известными в последнее время. В данном случае стоит назвать интернет-сайты Артема Драбкина «Я помню» (www.iremember.ru) и Баира Иринчеева «Линия Маннергейма» (www.mannerheim-line.com), широко использующих материалы своих «полевых исследований» при издании монографий.

Воспоминания Георгия Васильевича Прусакова, санитаря 100-го отдельного добровольческого лыжного батальона, являются наиболее яркими, содержат множество деталей. Г. В. Прусаков ушел на фронт добровольцем. Работая в Центральном котлотурбинном институте, он, как и ряд его товарищей, добро-

вольно вошли в состав лыжного батальона. Он формировался «на базе Инженерного училища, которое дислоцировалось тогда в Инженерном замке». Георгий Васильевич сообщает о большом внимании к лыжной подготовке бойцов, об отличном вооружении батальона. Санитаром Прусаков стал отчасти случайно. В юношеском возрасте он занимался в лагере ОСАВИАХИМа, где освоил навыки оказания медицинской помощи, и потому на учениях зимой 1939 г. он продемонстрировал свои умения и навыки. На это обратил внимание начальник санслужбы батальона, слушатель 5-го курса Военно-медицинской академии. Так Прусаков попал в санитарную часть, состоявшую из пятерых санитаров и одного врача. Основной задачей санитаров являлась эвакуация раненых до ближайших пунктов медицинской помощи. Вместе с тем, не приходилось забывать и о боевых задачах: «...что такое санитар — в боевых порядках, пока раненых нет вокруг тебя, помощь оказывать некому, перевязывать некого, стреляешь, если есть в кого стрелять. То есть самая нормальная служба, без всяких преимуществ, связанных с пребыванием в тылах, да у нас и тыла-то не было как такового»¹².

Довольно подробно останавливается Г. В. Прусаков на обмундировании и экипировке лыжников. «У нас была специальная одежда. Альпийские костюмы, на шерстяном ватине. Двусторонняя. С одной стороны белая маскировочная, а с другой стороны темно-синяя повседневная — когда нам не надо было прятаться, на марше где-нибудь. Белая ткань была плотная, но достаточно мягкая, не брезент. Капюшоны были пристегивающиеся соответствующие. Это была верхняя одежда. Затем валенки и сапоги, причем сапоги не обычные, а сшитые по специальному заказу. Сапоги предусматривали возможность крепления к лыжам скобными креплениями. У них был продолговатый прямоугольный носок, широкий рант, чтобы можно были зацепить, широкий каблук, слегка наклонный, для того, чтобы можно было застегнуть задний ремень. Затем на подъеме был ремешок с пряжкой, чтобы нога не болталась, можно было затянуть, и ремешок на подъеме, чтобы тоже можно было затянуть. Это что касается сапог. Затем выдавали по две пары носков, потом у некоторых было больше, чем две пары. Обычные носки хлопчатобумажные и шерстяные носки, причем такие, довольно солидные, толстые, в сапоге тоже тепло было.

Что еще? Верхнюю одежду я рассказал. Нижнее белье было нижнее. Костюмы были не лыжные, но типа лыжных. Шаровары с перемычкой и фуфайки, но это на самом деле не фуфайка, а рубашка, длинные рукава манжеты вязаные, воротник такой, но невысокий, и то и другое из верблюжьей шерсти. На голове подшлемник вязаный, у меня недавно его моль съела, я его выбросил. Подшлемники вязаные, и мы в теплую погоду, хотя тепло почти не было — все время под 40 градусов, — их скатывали, и еще козыречек выпускали. Буденовок не было. Только подшлемник, каска и капюшон. Помимо этого, у нас были гимнастерки и шаровары, как у всех, форма, все-таки. Какие были петлицы, не помню, не обращал внимания. Подсумки были, по-моему, белые, а у части нас были, скорее, сумки для дисков, для ППД. С одной и с другой стороны. По два диска влезало. Они перекидывались через плечо, и был еще ремешок, чтобы не болтались. Гранатной сумки у меня не было. А у остальных были гранатные сумки. Противогазные сумки не носили. Был у нас обычный сидор. Ватников у нас не было, ватный костюм у нас был. Каски были круглые, обычные, без гребешка. Часть касок была выкрашена в белый цвет. Были рукавицы с пальцем для стрельбы и перчатки. Низ был тонкий брезент, а верх коричневым, мохнатый. Внутри был ватин».

Отмечает Георгий Васильевич и особенности оснащения санитаров: «У нас как у санитаров не было повязок с красным крестом или каких-то других знаков отличия. Но нас же было пять человек, нас все в батальоне знали в лицо. Единственное, что у нас было — это сумки санитарные. При этом мы носили их, как правило, не крестом наружу, а крестом внутрь». Последнее было связано с необходимостью маскировки, так как красные кресты демаскировали на снегу.

Наиболее серьезные столкновения батальона произошли с частями шведского добровольческого корпуса. В результате боев из 764 человек в подразделении осталось лишь 136.

Как санитар, Г. В. Прусаков останавливается на потерях среди личного состава: «Много было обмороженных, хотя жир гусиный был против обморожения. Причем многие сами виноваты, что обмораживали ноги — пришли на привал, вытащи валенки из вещмешка, одень их. Нет, ходят в сапогах! Вот так многие и морозились».

Запомнился Прусакову последний день войны, его он описывает детально: «...по подразделениям, по цепочкам, по личному составу была команда — в 12 часов 13 марта должен быть прекращен огонь. И утром такая канонада была — как с нашей, так и с финской стороны! Лупили как могли. В 12 часов — муха пролети, слышно было бы. Ни одного выстрела. Мертвая тишина. Даже не верится, что так могло быть. А потом начали приходиться в себя, начали кто что мог бросать кверху... У меня лично было какое-то безразличное состояние. Вроде все оборвалось, вроде все кончилось. Была неудовлетворенность какая-то, а вроде так должно быть. Полная неопределенность».

Откровенен автор в связи с незаслуженно забытой наградой: «За финскую войну я представлялся к награде, но это потом все похерилось».

Интересны и выводы, сделанные участником двух войн: «Что больше всего запомнилось в ту войну? Больше всего запомнилась несостоятельность нашей армии, потому что с такой горсточкой, как враждебная страна, мы не смогли разделаться как следует и вовремя... Нам показали, как надо воевать. И для нас значимыми оказались бои за эти острова. Правда, потом, в Отечественную войну, через отголоски финской войны, может быть, мы показали, как надо воевать».

Данные воспоминания являются практически единичными. С сожалением стоит признать, что время для сбора материала безвозвратно потеряно. Участники тех событий в подавляющем большинстве ушли из жизни. В результате мы обречены использовать мало информативные и часто необъективные воспоминания. От нас удалена эмоциональная сторона происходивших событий, отдельные детали, краски времени. И если в историографии Советско-финляндской войны остается все меньше лакун, то относительно воспоминаний данный пробел невосполним. Стоит пожелать новому поколению исследователей быть более внимательными к потенциальным мемуаристам при изучении отдельных малоизвестных тем.

¹ Цамутали А. Н. Военные мемуары как источник по истории советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Россия и Финляндия XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 294.

² Ахутин М. Н. Хирургический опыт двух боевых операций. Куйбышев, 1940. 108 с.; Банайтис С. И. Итоги хирургической работы в армейской операции // Военно-санитарное дело. 1940. № 12. С. 1–12; Черняк И. М. О лечебно-эвакуационном обслуживании во фронтовом тылу: Диссертация...кандидата медицинских наук. Л., 1941. 326 с.; Черняк И. М. Организация и условия работы госпитальных баз на Северо-Западном фронте в советско-финляндскую войну и на Ленинградском — в Великую Отечественную войну (1939–1940 и 1941–1945 гг.) // Труды Военно-медицинского музея. Т. XXVI. Л., 1970. С. 182; Черняк И. М. О роли госпитальных баз в системе лечебно-эвакуационного обеспечения войск // Труды Военно-медицинского музея. Т. XXVIII. Л., 1965. С. 193–197.

³ Смирнов Е. И. Война и военная медицина. 1939–1945. М., 1976; Митерев Г. А. В дни войны и мира. М., 1975.

⁴ Митерев Г. А. В дни мира и войны. М., 1975. С. 58.

⁵ Фонды Военно-медицинского музея МО РФ. Гориневская В. В. Мои воспоминания. Тетрадь 14. Рукопись. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 15.

⁸ Там же. Л. 20.

⁹ Узлов Ф. Г. Сердце хирурга. СПб., 2007. С. 195.

¹⁰ Там же. С. 195.

¹¹ Лоскутова М. В. Устная история: Методические рекомендации по проведению исследования. СПб., 2002. С. 2.

¹² URL: <http://www.mannerheim-line.com/veterans/Prusakovr.htm>

Й. Бекман

**К ПРОБЛЕМЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ ИСКАЖЕНИЙ
В ОТРАЖЕНИИ ИСТОРИИ «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ»
В ФИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

История т. н. «зимней войны» (1939–1940) по-прежнему выглядит своего рода «белым пятном» в отношениях между Финляндией и Советским Союзом. Вопрос состоит в том, что, с одной стороны, финские исследователи и публицисты до сих пор не хотят отказываться от созданного в Финляндии на основе этой войны националистского мифа, а в современной России, с другой стороны, не до конца, очевидно, понимают стратегическое значение этой войны для Советского Союза. К этому присоединяется усиливающаяся в последние годы антироссийская пропаганда, целью которой является стремление заставить русских испытывать чувство собственной вины за «зимнюю войну». Это подтверждается попытками распространить миф о том, что «зимняя война» была войной «напрасной», а потому русским стоило бы попросить у финнов за нее «прощения». При этом особый интерес представляет тот факт, что финская пропаганда, относящаяся к событиям «зимней войны», в силу определенных обстоятельств еще не перешла на уровень общей международной информационной войны. В Финляндии все-таки не пытаются с помощью исторических подтасовок и фальсификаций насадить в общественном сознании общую ненависть к России, как это происходит сейчас, скажем, в Эстонии или Латвии, где активно муссируется тема выдуманного «геноцида» и «оккупации».

Однако даже само официальное название советско-финляндской войны 1939–1940 гг. является достаточно спорным.

Словосочетание «talvisota» («зимняя война») в финском языке обозначает какие угодно боевые действия, осуществлявшиеся в зимний период. В Финляндии, прежде всего, обсуждается вопрос о том, надо ли писать это словосочетание с большой буквы («Talvisota») или же можно обойтись маленькими («talvisota»)¹. В России же используются разные варианты. В свое время войну называли «вооруженным конфликтом» (что, в принципе, соответствовало действительности), затем советско-финской войной 1939–1940 гг., а в восьмидесятые годы прошлого века, в конце концов, утвердилось финское название «зимняя война», к которому иногда добавляется определение «так называемая»². Кроме того, в российской публицистике также появлялись сочинения, поддерживающие финский миф о «зимней войне». Эта опасная тенденция связана с тем, что о ходе войны (которая длилась всего сто пять дней) в Советском Союзе ранее не было подробных сведений, а занимавшихся исследованием войны специалистов было крайне мало (или даже не было вовсе). Таким образом, в определенных ситуациях российской общественности можно было сказать про «зимнюю войну» практически все, что угодно.

В результате под влиянием финской пропаганды представление о данной войне как о «неправильной» и «несправедливой», к сожалению, достаточно широко распространено в России. Об этом, в частности, свидетельствуют снятые в конце восьмидесятих годов XX в. документальные фильмы и изданные тогда же книги, а также внезапно возникшие «эксперты», являвшиеся, в основном, или дилетантами, или «охотниками за удачей». Зачастую «зимняя война» используется в Финляндии также как предлог для оправдания русофобии и распространения враждебного отношения к русским: в этом случае «зимняя война» представляется как противозаконный, преступный «геноцид», направленный против финского народа (хотя в посвященных «зимней войне» финских исторических штудиях усиленный акцент делается на огромных потерях Красной армии, которые расцениваются как справедливое возмездие). Искажение «зимней войны» проявляется в том, что в финских исторических исследованиях стало уже правилом перекаладывать всю вину за войну на плечи Сталина.

Финская журналистка Л. Хиетанен, опубликовавшая несколько книг по фальсификации истории в Эстонии и политике

апартеида в Прибалтике, пишет, что «у мелких государств не может быть собственной истории». История мелких стран всегда подделана: она искажена, мифологизирована и псевдонаучна. Чтобы предъявить миру свои права на существование, мелким странам приходится фальсифицировать историю. Но у больших стран есть возможность свободно высказываться и сообщать правду об истории³. В связи с этим можно констатировать, что история больших и малых стран, к сожалению, никогда не сможет объединиться. Такое утверждение можно вывести уже из того, что, с точки зрения официальных историографов независимой финской истории, стопятидневная драма «зимней войны» является ключевым событием, однако на огромных пространствах крупнейшего государства она воспринимается как мелкий эпизод, всего-навсего «местный конфликт», не более, которому совсем не обязательно уделять какое-то особое внимание.

Фальсификация истории «зимней войны» проявляется в Финляндии и в изображении военной экспозиции, причин войны, хода военных событий и ее последствий. Важно понять, что в Финляндии не существует честных или соответствующих действительности исторических исследований «зимней войны», поскольку все финские исторические разыскания в области Второй мировой войны, так или иначе в силу ряда психологических причин подделаны.

Самым важным для фальсификаторов финской истории становится намерение представить «зимнюю войну» законным обоснованием того, что Финляндия вступила в преступный союз с нацистской Германией, проводя совместные действия по завоеванию Советского Союза. Таким образом, «зимняя война» превращается в объяснение, оправдание и непосредственную причину всего факта участия Финляндии во Второй мировой войне. Вследствие этого финские историки максимально гиперболизируют значение «зимней войны» в 1939–1940 гг. и сводят к минимуму значение последовавшей за ней и продолжавшейся более трех лет преступной военной агрессии 1941–1944 гг. Характерно также то, что это совместное немецко-финское противозаконное военное нападение на Советский Союз в Финляндии именуется всего лишь «война-продолжение» («jatkosota»), то есть второй фазой «зимней войны». За подобными концептуальными трюками скрываются попытки подвести легитимную

основу под операцию «Барбаросса» и всю преступную немецкую военную агрессию. Кроме того, известно, что начавшееся нападение на Советский Союз летом 1941 г. в Финляндии называли «летней войной», что свидетельствует о вере в гитлеровский план стремительной победы. Соответственно Московский мирный договор 1940 г. в посвященных «зимней войне» финских исторических исследованиях пренебрежительно именуется всего-навсего «перемием», что также подчеркивает стремление принизить значение этого события, придав ему характер временного неокончательного решения. Наконец, финские историки упорно игнорируют достоверное свидетельство о том, что Финляндия согласилась подписать Московский мир 1940 г. лишь после того, как в Берлине Герман Геринг лично пообещал финскому послу Т. М. Кивимяки, что все потерянные территории «с процентами» вернутся обратно в ближайшем будущем, как только Финляндия и Германия совместно атакуют Россию.

Центральную часть в мифе о «зимней войне», созданном в финской историографии, занимает положение о «единстве народа в зимней войне» («*talvisodan yhtenäisyys*»), т. е. идея о том, что война как бы «сплотила воедино» весь финский народ после гражданской войны 1918 г., которая разделила население на победивших «белых» и репрессированных «красных». К этому присоединяется миф о том, что все финны в сложившейся ситуации совершенно сознательно и добровольно «объединились» в войне против Советского Союза.

К сожалению, однако, данное представление не совсем соответствует действительности, поскольку в Финляндии в годы войны все же существовали элементы проявления движения сопротивления, о котором исследователи до сих пор не считают нужным вспоминать. Оппозиция и в особенности представители финской коммунистической партии, противостоявшие фашистской политике, проявлявшейся в Финляндии, стали в двадцатые годы прошлого века объектами непрерывных политических репрессий. Коммунистическая партия была объявлена в Финляндии вне закона, а вся ее издательская деятельность запрещена. Многие финские коммунисты провели «зимнюю войну» в тюрьмах в качестве политических заключенных. Для многих это тюремное заточение распространилось и на время «войны-продолжения» 1941–1944 гг. Для финских

политических заключенных тогда существовали также особые концлагеря. К тому же следует учитывать еще и то, что участие в боевых действиях было в Финляндии обязательным для всех, кто подлежал воинскому призыву. В результате т. н. спонтанное «единение» не до конца соответствует действительности и скорее в данном случае является лишь весьма красивым мифом. Более того, утверждения о «единении в зимней войне» на деле сейчас активно используются антироссийской пропагандой как доказательство того, что весь финский народ якобы яростно ненавидел русских.

Важную часть в фальсификации истории «зимней войны» занимает примыкающий к этому миф «об оккупации», то есть версия, скопированная финской пропагандой с мифов об оккупации СССР Эстонии и Латвии. При этом военные успехи Финляндии превозносятся с помощью утверждений о том, что финны «победили» в войне 1939–1940 гг., поскольку смогли противостоять «советской оккупации». Согласно финским экспертам, Советский Союз собирался оккупировать всю Финляндию, иначе говоря, стране грозила та же участь, что и «оккупированным» странам Прибалтики⁴.

Эта версия выдвигается всякий раз, когда встает вопрос о том, следовало ли Финляндии соглашаться на территориальные претензии Советского Союза, выдвинутые им перед «зимней войной». Как известно, маршал К. Г. Маннергейм, к примеру, был готов согласиться на территориальные требования СССР, однако финский министр иностранных дел Элиас Эркко, особым образом избранный до этого на пост главы внешнеполитического ведомства страны, не наделил направленную на переговоры в Москву финскую делегацию никакими полномочиями. По этому поводу в обиход финского народа даже вошло весьма распространенное выражение, определяющее советско-финляндскую войну 1939–1940 гг., как «война Эркко» («Erkon sota»). Данный факт также весьма очевидно оспаривает расхожее утверждение о все том же «единении» финского народа и о И. В. Сталине, как единственном виновнике начавшейся «зимней войны».

Более того, искаженные представления о том, что только война с Советским Союзом помогла Финляндии отвести от себя угрозу «советской оккупации», дают финнам повод избежать неприятных размышлений, что, возможно, «зимняя война» была

напрасной. В созданной финской стороной истории «зимней войны» даже не упоминается о целом ряде предшествовавших ей событий 1920–1930 гг., ставших процессом, который, собственно, и привел к войне. Естественно, не вспоминается также ни об ошибках финских политиков, в особенности Э. Эркко, ни об общественно-политической атмосфере в стране, которая явно была основана на профашистской конфронтации с Советским Союзом⁵.

Само начало войны, поводом к которой стало сообщение о пограничном инциденте вблизи деревни Майнила (так называемом «майнильском обстреле», «Mainilan laukaukset»), переданное по московскому радио, является типичным примером фальсификации истории, которая произошла в то время. Согласно московскому радио, 26 ноября 1939 г. в окрестностях деревни Майнила со стороны Финляндии было произведено по советской территории несколько артиллерийских выстрелов, что, собственно, и послужило причиной начала войны. В связи с данным фактом финская сторона провела «расследование», которое в действительности оказалось фиктивным, но в результате его уже было сделано заключение, что «русские пограничники преднамеренно обстреляли сами себя». На самом деле ничего подобного не происходило. Тем не менее в финской мифологии «зимней войны» упорно живет «правда» о том, что советские пограничники якобы преднамеренно устроили артобстрел на своей территории, дабы иметь повод развязать войну против Финляндии⁶.

Искажая историю «зимней войны», можно с легкостью добиться пробуждения реваншистских чувств и требований «вернуть Карелию обратно», несмотря на то, что вся Карелия, собственно, и не относилась к утраченным территориям, поскольку в результате «зимней войны» Финляндия потеряла лишь Карельский перешеек и северное Приладожье. Однако в этом случае мы имеем дело с хитроумной стратегией, применяемой финскими историческими фальсификаторами, которые в противовес этому из списка исторических деяний Финляндии стремятся дистанцироваться от факта оккупации Финляндией в 1941–1944 гг. советской Карелии. Если постоянно говорить о Карельском перешейке как о «Карелии» и под песню о «сталинских преступлениях» требовать ее возвращения, реальные

факты в сознании людей неизбежно сместятся и смешаются, так что никто уже не сможет оценить размеры преступлений Финляндии, совершенных при финской оккупации советской Карелии в 1941–1944 гг. Кроме того, из утверждений финских историков следует, что фашистская оккупация советской Карелии была незначительным и маловажным фактом «продолжения» войны. А по мнению профессора Тимо Вихавайнена, финская оккупация советской Карелии была, помимо всего прочего, «великим актом гуманизма». В любом случае, фальсифицированная история «зимней войны» является важной частью финской реваншистской пропаганды.

Превращение мифа о «зимней войне» в национал-реваншистскую мифологию, которая распространяется сейчас по России, является прямой угрозой для российской национальной безопасности, поскольку финская пропаганда целенаправленно стремится пробудить в русских людях чувство вины. В этих условиях, очевидно, что сейчас российским исследователям следует начать более активное и беспристрастное изучение «зимней войны». Россия смогла эффективно противостоять странам Прибалтики, насаждающим фальсифицирующие историю лживые мифы о «советской оккупации». Теперь российским историкам пора уяснить для себя всю правду о фальсификации истории «зимней войны» и принять необходимые контрмеры.

¹ Согласно грамматическим правилам, названия такого рода пишутся со строчных букв.

² *Bäckman J.* Miten venäläinen kirjoittaa talvisodan? // *Historiallinen Aikakauskirja*. № 3. 2006.

³ См.: *Hietanen L.* Viron kylmä sota. Helsinki. 2008; *Hietanen L.* Antifasistinen päiväkirja. Suomen antifasistinen komitea. Helsinki. 2010.

⁴ См.: *Manninen O.* Miten Suomi valloitetaan — Puna-armeijan operaatio-suunnitelmat 1939–1944. Helsinki. 2008.

⁵ *Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko — vaikenematon valtiomahti. Helsinki. 2009.

⁶ *Barysnikov V.* Ammuttiinko Mainilassa ollenkaan? // *Ulkopolitiikka* Vol. 1. No. 1. 2004; *Venälaistutkija epäilee: Mainilan laukauksia ei koskaan ammuttu* // *Helsingin Sanomat*. 2004.14.02.

К. С. Балашова

**ВЛИЯНИЕ ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ,
СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ 1948 г.
НА СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИХ
ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ***

«Финский народ, проиграв войну, выиграл мир», — так оценивал события, произошедшие после окончания Второй мировой войны в советско-финляндских отношениях, в 1952 г. премьер-министр Урхо Кекконен в своей речи в момент открытия «Памятника героям» в городе Лахти¹.

Действительно, этот исторический поворот дал возможность маленькой стране внести наряду с другими государствами значительный вклад в решение многих коренных международных проблем современности, прежде всего таких, как мирное сосуществование государств с различным социальным строем и выработка новых организационных форм сотрудничества. СССР и Финляндия представили мировому сообществу бесценный политический опыт строительства межгосударственных отношений в XX веке: от противостояния и войны до перманентного и прочного состояния мира, дружбы и сотрудничества. «Финляндский опыт» приобрел большое международное значение².

Борьба вокруг перспектив развития страны и связанные с этим противоположные тенденции находят отражение в исто-

* Работа выполнена в рамках проекта Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

риографии Финляндии при оценке первых послевоенных лет. Уже со второй половины 1940-х гг. стали выходить книги финских авторов, посвященные войне и первым шагам после ее завершения³. В послевоенные годы появляется все больше работ по истории современной Финляндии и советско-финляндским отношениям⁴. Причем очевидно, что в финской историографии явно просматривается тенденция, связанная с тем, чтобы ослабить историческое значение подписанного в 1948 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Финляндией и Советским Союзом⁵.

Действительно, материалы исследований о внешней политике свидетельствуют, что первые послевоенные годы были периодом острой политической и идеологической борьбы, центральный вопрос которой можно сформулировать так: останется ли Финляндия антисоветским форпостом на севере Европы или в ее политике одержит победу установка на укрепление добрососедских отношений с СССР и мирное сосуществование.

В этом смысле весьма интересны книги, посвященные Ю. К. Паасикиви и анализу его деятельности после войны. Так, в 1960 г. вышел сборник статей, основная тема которого — внешнеполитическая линия Паасикиви⁶. В книге освещены отдельные моменты политической деятельности Паасикиви, его роль в формировании нового внешнеполитического курса. В сборнике также отмечается весомый вклад Паасикиви в подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Финляндией и СССР, также как и значительная роль самого договора в становлении дружественных советско-финляндских отношений во всех областях общественной жизни.

Поражение Финляндии во Второй мировой войне означало крах не только ее политики агрессии против СССР в союзе с германским фашизмом, но и всей предшествовавшей линии враждебности по отношению к великому соседу на Востоке. Страна нуждалась в новых внешнеполитических ориентирах, в коренной перестройке отношений с Советским Союзом.

Анализируя уроки прошлого, тяжелое положение, в котором оказалась Финляндия из-за антисоветской политики своего руководства, и смотря в будущее, Ю. К. Паасикиви говорил: «Главным и определяющим во внешней политике Финляндии является отношение нашей страны к великому восточному со-

седу — Советскому Союзу. Это — наша основная задача, которую мы должны решить и от которой зависит будущее нашего народа... Недоверие должно быть устранено, должна быть установлена дружба. По моему убеждению, в коренных интересах нашего народа проводить внешнюю политику так, чтобы она не была направлена против Советского Союза. Мир и согласие, а также добрососедские отношения с Советским Союзом, основанные на полном доверии, являются первым принципом, которым следует руководствоваться в нашей государственной деятельности»⁷. Соглашение о перемирии, подписанное Финляндией с одной стороны и СССР и Великобританией с другой стороны 19 сентября 1944 г., положило начало повороту к новому курсу. В ходе выполнения этого соглашения должны были произойти и действительно произошли важные перемены в расстановке политических сил в Финляндии, были намечены пути развития советско-финляндских отношений.

Важнейшей особенностью этого периода стало активное участие широких народных масс Финляндии в формировании новой внешней политики. Так, в октябре 1944 г. было создано общество «Финляндия — Советский Союз» — первая основанная в Финляндии после войны демократическая организация⁸.

На первоначальном этапе отношения с Советским Союзом велись через Контрольную Комиссию союзников. В полном объеме официальные дипломатические отношения были возобновлены после подписания в 1947 г. Парижского мирного договора⁹. Через поставки по репарациям открылся путь к финляндско-советской внешней торговле, которая имела существенное значение для обеих сторон. Основная линия внешней политики Финляндии представляла собой парадокс: интеграцию в западные структуры можно было осуществить только через тесное сотрудничество с Москвой¹⁰. На официальном уровне российско-финляндские отношения в области культуры на фоне разделения Европы являлись примером поступательного развития сотрудничества. Однако на практике количество взаимных проектов сводилось к минимуму¹¹.

6 апреля 1948 г. в Кремле состоялось подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндской республикой. Оно стало крупнейшим событием в истории советско-финляндских отношений, имеющим одно-

временно важное международное значение¹². На основе договора был осуществлен коренной переворот в отношениях между Советским Союзом и Финляндией от длительного периода недоверия и отчужденности к прочному миру, сотрудничеству и дружбе. Договор заложил прочный фундамент добрососедских отношений, основанных на принципах взаимного уважения суверенитета и независимости, равенства и невмешательства во внутренние дела друг друга¹³.

Таким образом, соглашение о перемирии 1944 г. и Мирный договор 1947 г. заложили новую основу отношений Финляндии с Советским Союзом. Однако оба этих акта были связаны с исходом войны, отношениями между победителем и побежденным. Договор же 1948 г. зафиксировал окончательный поворот в отношениях между двумя странами к лучшему — к дружбе, доверию, взаимопониманию, придал этим отношениям качественно новое содержание¹⁴. Обе стороны подтвердили «свою решимость действовать в духе сотрудничества и дружбы в целях дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей между Советским Союзом и Финляндией»¹⁵.

Анализ положений Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией, их сопоставление с целями, которые ставили перед собой обе страны при его заключении, а также с последующей практикой советско-финляндского сотрудничества позволяет разделить обязательства, которые взяли на себя СССР и Финляндия, на три основные категории: о совместном отпоре агрессору; о дружбе и добрососедском сотрудничестве; о совместных действиях в интересах упрочения мира и международной безопасности. Такой схемы, в частности, придерживался Ю. К. Паасикиви, излагая в своей речи 9 апреля 1948 г. содержание и значение только что заключенного договора с Советским Союзом¹⁶. Разумеется, это деление — как, впрочем, и любое другое — условно, так как договор 1948 г. представляет собой единое целое, все его положения важны, находятся в тесной взаимосвязи и дополняют друг друга.

Оценки Советским Союзом и Финляндией Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи зафиксированы в целом ряде совместных советско-финляндских документов, в частности, в коммюнике от 21 июля 1970 г., 24 апреля 1971 г.,

28 февраля 1972 г., 17 октября 1974 г. Развернутая совместная оценка значения договора и его важнейших положений содержится в советско-финляндском заявлении от 6 апреля 1973 г., принятом по случаю 25-летия договора.

Договор 1948 г. открыл широкие перспективы для всестороннего развития взаимовыгодного сотрудничества между СССР и Финляндией. Впервые развитие такого сотрудничества между обоими государствами стало не просто возможностью, а закрепленной в межгосударственном договоре обязанностью. В ст. 5 стороны подтвердили «свою решимость действовать в духе сотрудничества и дружбы в целях дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей между Советским Союзом и Финляндией»¹⁷.

Осмысливая значение советско-финляндского договора 1948 г. на фоне развития отношений между Советским Союзом и Финляндией, можно прийти к следующим выводам: во-первых, Финляндия, подписывая договор с Советским Союзом, продемонстрировала готовность к коренной перестройке внешнеполитического курса на новых, демократических основах, готовность строить свои отношения с восточным соседом на принципах, которые исключали бы возврат к прежней политике вражды к СССР. Этот поворот был заслугой тех сил страны, которые уже внесли определенный вклад в попытку преодоления трудных исторических наслоений прошлого и формирования новой внешней политики Финляндии. Прежде всего это, естественно, относилось к таким государственным деятелям соседней страны как Ю. К. Паасикиви и У. К. Кекконен.

Во-вторых, договор 1948 г. открыл возможности для всестороннего развития взаимовыгодного советско-финляндского сотрудничества в различных областях политической, экономической, научно-технической и культурной жизни, контактов по линии общественных организаций, туризма и др.¹⁸ За время действия договора заложенные в нем идеи дали богатые плоды. Сегодня между Россией и Финляндией осуществляются контакты буквально во всех областях этой деятельности.

И, наконец, в результате заключения договора были созданы благоприятные условия для проведения Финляндией взвешенного внешнеполитического курса — «линии Паасикиви — Кекконена». Заключая Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной

помощи с Советским Союзом, Финляндия продемонстрировала готовность строить отношения со своим восточным соседом на принципиально новой основе, готовность к коренному изменению своей внешней политики. Впервые линия дружбы с СССР была провозглашена официальным внешнеполитическим курсом Финляндии.

Советско-финляндский договор принадлежит к числу важнейших документов послевоенного времени. Отношения, сложившиеся на его основе, показывают, как две страны, принадлежащие к разным социально-экономическим системам, решают проблемы взаимного обеспечения безопасности, налаживают равноправное и взаимовыгодное сотрудничество¹⁹. Историческое значение договора состоит в том, что его заключение явилось поворотным моментом в отношениях Финляндии с Советским Союзом, переходом от вражды к дружбе.

После заключения в 1948 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи перед СССР и Финляндией встала задача использовать благоприятные возможности, которые открывал договор для укрепления взаимного доверия и сотрудничества. Для того чтобы эти возможности стали реальностью, необходимо обеспечить активное участие широких слоев финского народа в осуществлении курса на дружбу с СССР.

В первой половине 1950-х гг. произошло заметное расширение советско-финляндских культурных и общественных связей. Возрос обмен делегациями деятелей культуры, ученых, представителей молодежи. В Хельсинки были организованы выставки советского изобразительного искусства. С 1951 г. начинает приобретать устойчивый характер туризм. Летом 1953 г. было положено начало установлению дружественных связей между советскими и финскими городами. Первыми городами-побратимами стали Турку и Ленинград, а также Лахти и Запорожье²⁰.

Большую работу по развитию культурных связей между СССР и Финляндией проделало общество «Финляндия — Советский Союз». По инициативе общества в связи с годовщиной Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, которая с 1949 г. ежегодно стала отмечаться в Финляндии как большой общенародный праздник, было начато проведение недель, а позднее месячников советско-финляндской дружбы²¹.

Благоприятное развитие добрососедских отношений и укрепление взаимного доверия между СССР и Финляндией на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, расширение внутривластной основы «линии Паасикиви — Кекконена» открыли путь для дальнейших важных шагов в интересах советско-финляндской дружбы и сотрудничества.

Укрепление советско-финляндских отношений отразилось на упрочении общего международного положения Финляндии, на повышении ее престижа на мировой арене. В декабре 1955 г. Финляндия была принята в члены ООН, куда она была порекомендована Советским Союзом еще в 1947 г. В том же году Финляндия вступила в Северный совет²².

По окончании срока пребывания на посту президента республики Ю. К. Паасикиви, подводя в марте 1956 г. итог своей деятельности на этом посту, с полным основанием мог сказать: «Самым важным было то, что удалось наладить отношения с нашим восточным соседом — Советским Союзом. Нашим стремлением было... найти политику, которая соответствует существенным интересам обеих сторон — как Финляндии, так и Советского Союза. Эта политика добрососедства и доверия, последовательно соблюдаемая, была успешной для нас»²³.

Продление Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи и результаты президентских выборов в 1956 г. завершили важный этап в советско-финляндских отношениях и внешней политике Финляндии — формирование «линии Паасикиви», курса на дружбу, доверие и сотрудничество с Советским Союзом.

С 1956 г. значительно оживились советско-финляндские политические связи. Состоялись обмены визитами председателя президиума Верховного Совета СССР и финляндской правительственной делегации. В состоявшихся беседах было подчеркнуто то, что СССР и Финляндия поддерживают дружественные отношения, не позволяя никаким внешним событиям влиять на них. Было также отмечено, что отношения в области торговли, культуры, научно-технического сотрудничества, спорта и других областях достигли широких масштабов и успешно развиваются²⁴.

Важным событием в советско-финляндских отношениях был первый официальный визит президента У. К. Кекконена в Со-

ветский Союз в мае 1958 г. Президент Финляндской республики подчеркивал во время визита, что добрососедские отношения СССР и Финляндии прочны и стабильны, что они вытекают из национальных интересов обоих народов. Именно поэтому, заявил У. К. Кекконен, «мы хотим поддерживать эти отношения во всякую погоду: в погожие дни, а если понадобится, то и в бурю»²⁵.

С 1957 г. получает все более широкое распространение такая форма общественных контактов, как проведение недель и месячников советско-финляндской дружбы, недель дружбы советской и финской молодежи²⁶.

В 1958 г. в Москве было основано общество «Советский Союз — Финляндия», задача которого — содействовать советско-финляндскому культурному обмену и сотрудничеству с финскими организациями. Общество сразу же получило широкую поддержку со стороны различных советских организаций, занимающихся отношениями с Финляндией²⁷.

В тесном контакте с обществом «Финляндия — Советский Союз» общество «Советский Союз — Финляндия» выполняло свою миссию: распространяло в Советском Союзе знания о Финляндии, отмечало знаменательные события финской культуры, устраивало просмотры фильмов о Финляндии, организовывало встречи с представителями финской культуры и общественными деятелями, а также помогало распространять знания о Советском Союзе в Финляндии. При сотрудничестве обществ «Советский Союз — Финляндия» и «Финляндия — Советский Союз» ежегодно в Финляндии проводились недели культуры различных республик Советского Союза и соответственно недели финской культуры в советских республиках.

Следствием вышеназванных мероприятий стало заключение 1960 г. Соглашения о сотрудничестве в области культуры между Финляндией и Советским Союзом. Данное соглашение, прежде всего, закрепило уже установившийся культурный обмен, а также создало возможности для его расширения при поддержке обоих государств²⁸. Сочетание государственных и общественных усилий по укреплению советско-финляндской дружбы стало одной из примечательных черт отношений между СССР и Финляндией.

Одними из первых в послевоенной Европе Советский Союз и Финляндия не только провозгласили, но и на практике присту-

пили к перестройке своих отношений на началах равноправия, взаимного уважения независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела, взаимовыгодного сотрудничества. Во многих случаях они стояли у истоков разрядки, выступали первопроходцами, демонстрируя миру примеры все новых форм взаимовыгодных связей, несмотря на различия в мировоззрении и социальном строе.

Таким образом, фундаментом положительного развития финляндско-советских отношений служит заключенный в 1948 г. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который создал предпосылки для взаимного доверия, вследствие чего постепенно в советско-финляндских отношениях произошел коренной поворот — от сдержанности к растущему доверию, от точек соприкосновения — ко все большему взаимопониманию, от отдельных соглашений — к широкому и долговременному программному взаимодействию.

¹ Кекконен У. К. Финляндия и Советский Союз. Статьи и речи. М., 1960. С. 63.

² См.: Циттербергер С. Финляндия после 1917 года. Кеуру, 1995. С. 18.

³ См., например: Finland and World War II. 1939–1944. Edited by John H. Wuorinen. New York, 1948; Korhonen A. Toisen maailmansodan aika // Suomen historian käsikirja. Porvoo — Hels., 1949; Korhonen A. Viisi sodan vuotta. Hels., 1958 и др.

⁴ Hevämäki L. Vaaran vuodet. 1944–1948.. Hels., 1955; Mäkinen A. Demokratian ystävät ja viholliset. Hels., 1949; Soini J. Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyllisyyssain vaiheet 1944–1944. Hels., 1956; Halsti W. H. Me, Venäjä ja muut. Hels., 1969.

⁵ См.: *Vihavainen T.* Kansakunta rähmällään. Suomettumisen lyhyt historia. Keuruu, 1991.

⁶ *Paasikivi J. K.* Itsenäisyys-rauha-valtiollinen sivistus. Hämeenlinna, 1960.

⁷ Линия Паасикиви. Статьи и речи Юхо Кусти Паасикиви. 1944–1956 гг. М., 1958. С. 16.

⁸ *Kinnunen K.* Suomi-Neuvostoliitto-Seuran historia. Hels., 1998. S. 12.

⁹ См.: Мирный договор с Финляндией. М., 1947.

¹⁰ *Люра М.* Финны и русские // Международная жизнь. 1998, № 2. С. 6. 11 *Siikala K.* Suomen kansainväliset kulttuurisuhteet. Hels., 1976. S. 52.

¹² *Федоров В. Г.* Советский Союз и Финляндия. Добрососедство и сотрудничество. М., 1988. С. 69.

¹³ *Бартедьев Т., Комиссаров Ю.* Тридцать лет добрососедства (к истории советско-финляндских отношений). М., 1976. С. 4.

- ¹⁴ Федоров В. Г. Советский Союз и Финляндия. Добрососедство и сотрудничество. М., 1988. С. 70.
- ¹⁵ См.: Советско-финляндские отношения 1948–1983. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в действии. Документы и материалы. М., 1983. С. 18.
- ¹⁶ Бартьев Т., Комиссаров Ю. Тридцать лет добрососедства. С. 96–97.
- ¹⁷ См.: Советско-финляндские отношения 1948–1983. С. 20.
- ¹⁸ Бартьев Т., Комиссаров Ю. Тридцать лет добрососедства. С. 122.
- ¹⁹ Карвонен Т. Советский Союз и Финляндия: сотрудничество, добрососедство. М., 1977. С. 10.
- ²⁰ Бартьев Т., Комиссаров Ю. Тридцать лет добрососедства. С. 126.
- ²¹ Там же. С. 139.
- ²² Арinen О. Linjamiehet. Paasikivi-Seuran historia. Hels., 2005. S. 117.
- ²³ Линия Паасикиви. Статьи и речи Юхо Кусти Паасикиви. 1944–1956 гг. С. 310.
- ²⁴ Арinen О. Linjamiehet. Paasikivi-Seuran historia. S. 219.
- ²⁵ Кекконен У. К. Финляндия и Советский Союз. Статьи и речи. С. 141.
- ²⁶ Бартьев Т., Комиссаров Ю. Тридцать лет добрососедства. С. 148, 149.
- ²⁷ Киппинен К. Suomi-Neuvostoliitto-Seuran historia. Hels., 1998. S. 284.
- ²⁸ Карвонен Т. Советский Союз и Финляндия: сотрудничество, добрососедство. С. 129, 130.

Н. И. Барышников

ИЗ ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ В ФИНЛЯНДИИ ГАЗЕТЫ «КАНСАН УУТИСЕТ»

К середине 1950-х гг. в Финляндии сложилась достаточно напряженная внутривнутриполитическая ситуация. 1 марта 1956 г. в стране началась всеобщая забастовка. Как отмечают финские исследователи, «события марта 1956 г. в истории независимой Финляндии были уникальными», поясняя эту мысль, далее подчеркивалось, что «во время забастовочного движения не удалось избежать столкновений бастующих с полицией и опасных ситуаций»¹. Действительно, тогда в этой масштабной забастовке приняло участие почти 500 тыс. человек. Длившаяся 19 дней, она практически парализовала всю экономическую жизнь в стране. Наряду с промышленными предприятиями в забастовке приняли участие рабочие таких отраслей экономики, как железнодорожный и морской транспорт, а также работники почты. Как не без иронии в тот момент отмечали финские коммунисты, в забастовке не приняли участие лишь полицейские, а также еще определенный ряд категорий работающего населения, в частности, тех, кто был занят «на работах для безработных»². В сложившейся в этих условиях обстановке руководство коммунистической партии приходит к выводу, что «всеобщая забастовка открыла новый этап, этап большего взаимного доверия, основывающегося на сознании классовых интересов рабочих, и расширения предпосылок для единства действий в рабочем движении Финляндии»³. В данном случае одной из первоочередных задач теперь здесь стали считать

создание новой левой газеты, которая могла бы объединить рабочее движение и усилить прокоммунистические настроения в этой стране.

Издание этой новой газеты началось с 12 декабря 1956 г. Вместо существовавших ранее газет — «Тюэкансан Саномат»⁴ и «Вапаа Сана»⁵ в Финляндии начала выходить одна, самая распространенная впоследствии в этой стране, рабочая газета «Кансан Уутисет» («Народные новости»)⁶. Издание первого ее номера стало, фактически, попыткой продолжения прежних традиций в финской рабочей печати, которые вели свое начало еще с 1895 г., когда стала публиковаться первая газета финских рабочих — «Тюэмиес». Теперь созданный новый орган левой печати начал уже представлять точку зрения как КПФ, так и ДСНФ. В результате, впервые в истории Финляндии был решен вопрос об образовании общей центральной газеты левых прокоммунистических сил этой страны.

Характеризуя общее направление «Кансан Уутисет» председатель ее правления Эйно Кильпи в первом пробном номере этого издания указывал, что она будет стремиться, прежде всего, оказывать непосредственную поддержку в идейной борьбе за свои социально-экономические права малоимущим слоям населения Финляндии. Что же касается внешнеполитической концепции новой газеты, то Кильпи подчеркнул, что «в области внешней политики “Кансан Уутисет” должна, естественно, продолжать ту же самую линию, что и ее оба предшественника — “Вапаа Сана” и “Тюэкансан Саномат”». То есть поддерживать то внешнеполитическое направление, которое преследовало цель «создания близкого, доверительного и нелицемерного отношения к Советскому Союзу»⁷. Причем Э. Кильпи особо отметил, что новая газета ставит задачу доведения до читателей правдивых сведений обо всех событиях внутренней жизни страны и международной политики. «Абсолютная правда... Правда побеждает!» — был тот, лозунг, который выдвинул тогда ее председатель⁸.

Таким образом, задача новой газеты заключалась в том, чтобы критически оценивать пропагандистские штампы, которые существовали в финской печати того времени, делать ее оппозиционной и в тоже время выдвигать свои положения, которые соответствовали бы взглядам прокоммунистических

сил страны, отличающих их от т. н. «лживой» буржуазной пропаганды. При этом, как отмечалось в решениях, проходившего в 1960 г. XII-го съезда КПФ, в новой газете виделось еще то, что она, как и другие печатные органы левых сил должна была стать «главным орудием нашей массово-просветительной деятельности». Но при этом в установках ЦК обращалось еще особое внимание на то, что общая «цель в ближайшие годы состоит в значительном увеличении тиражей наших газет». Поэтому прокоммунистическую, левую прессу руководство КПФ рассчитывало сделать массовой. Но эта задача уже предполагала, чтобы образ новой газеты мог конкурировать с другой издающейся в Финляндии периодикой. Поэтому ставилась цель сделать новые издания весьма популярными в финском обществе, заботясь «об улучшении и расширении содержания наших газет, чтобы они еще лучше удовлетворяли возрастающим требованиям читателей как в качестве боевых рабочих газет, так и в качестве источника своевременной разносторонней информации»⁹. В целом именно газета «Кансан Уутисет» должна была выполнить эту одну из центральных задач в поставленных тогда целях ЦК финской компартии.

В итоге, прежде всего стали обращать внимание на массовость этого издания. И в начале число подписчиков «Кансан Уутисет» действительно стало расти. Это можно зафиксировать при анализе числа ее подписчиков. В первые годы начала издания «Кансан Уутисет» на нее сразу же стали подписываться свыше 45 тыс. человек¹⁰. Причем, возросло и число тех, кто был в различных районах страны уполномочен заниматься ее распространением. Таких людей стало почти на две тыс. больше, чем, скажем, это было у газет «Тюэкансан Саномат» и «Вапаа Сана» вместе взятых¹¹. «Очень отраднo, — отмечал тогда генеральный секретарь КПФ В. Песси, — что читатели проявляют о ней заботу и чувство ответственности¹².

Естественно, что чисто формальный подход к начавшейся работе не мог до конца решить поставленные перед новой газетой задачи. Важно было, как считали ее учредители, прежде всего усилить работу по распространению газеты среди различных категорий населения страны. Не решалась также и ее главная цель — создать газету, которая имела бы по своей сути общенациональный характер. Это же, по крайней мере,

требовало организацию сбора материала в различных районах Финляндии. Ввиду отсутствия тогда на местах собственных штатных корреспондентов, газета часто вообще не получала необходимых ежедневных сведений, освещающих жизнь всей страны. Причем местный актив КПФ и ДСНФ явно еще оказывал недостаточную помощь в этом отношении. Тем не менее, отмеченные в момент начала издания «Кансан Уутисет» недостатки, постепенно стали устраняться и газета приобретала в стране все большее и большее значение.

Но наиболее важным в данном случае становилось то, чтобы с самого начала создания газеты обратить наиболее пристальное внимание, прежде всего на ее содержание. Сделать так, чтобы важнейшие вопросы, которые волновали определенную часть жителей всей страны, непосредственно нашли свое отражение на ее страницах. В этом плане, в соответствии с политической ориентацией «Кансан Уутисет», в газете началось систематическое освещение движения населения Финляндии за свои социальные права, а также раскрывались задачи, которые были связаны с вопросами т. н. «классовой борьбы». Кроме того в газете широко освещались проблемы левого и коммунистического движения в целом. Также журналисты газеты стали пытаться дать еще и свой анализ вопросов внешней политики, стремясь это сделать под углом зрения рассмотрения реализации принципов «мирного сосуществования государств с различным социальным строем» и активной пропаганды укрепления дружбы Финляндии с Советским Союзом.

При рассмотрении конкретной деятельности «Кансан Уутисет» на отдельных этапах исторического развития страны того периода, естественно, трудно коснуться всех аспектов содержания газеты. Тем не менее рассмотрение ее материалов за период с конца 1950-х до начала 1960-х гг. дает представление об их разностороннем и многообразном характере, о стремлении газеты как можно полнее учитывать различные интересы и запросы читателей. К тому же, «Кансан Уутисет» стала довольно крупным по своему объему периодическим изданием. Число ее страниц колеблется в разные дни недели от 8 до 16, а формат соответствовал стандартам всех ведущих газет Финляндии. Таким образом «Кансан Уутисет» имела возможность ежедневно и обстоятельно информировать читателей по многим вопросам,

представляя свой, нетрадиционный для финской прессы, взгляд на развивающиеся события.

Конкретно, первая, вторая, третья, а также последняя страницы газеты обычно были заполнены информацией о внутренних и международных событиях. На четвертой странице помещается передовая статья редакции, которая еще подкреплялась историко-партийными или теоретическими материалами, а также снабжалась политическими фельетонами, карикатурами, посвященными злободневным событиям внутренней или международной жизни. Кроме того, здесь также давался краткий обзор финских (иногда и зарубежных) газет. На других страницах освещались вопросы культуры и искусства, экономики, профсоюзного движения, деятельности местных организаций КПФ и ДСНФ, спорта. Активно также публиковались отклики на статьи, опубликованные в газете и письма читателей. Они помещались под рубрикой «Свобода слова». В этих письмах, как правило, весьма остро критиковались, прежде всего, внутренние порядки в стране.

В целом, наиболее теоретической в газете была, прежде всего, четвертая страница, которая фактически являлась тогда главной. На ней представлялось изложение вопросов т. н. марксистско-ленинской идеологии, теоретических проблем современного международного коммунистического движения и борьбы за мир, а также истории КПФ и левого движения в Финляндии. Авторами многих статей по этим вопросам являлись такие известные левые исследователи-ученые и политические деятели как Аймо Аалтонен, Вилле Песси, Нестори Парккари, Туре Лехен, Эйно Невалайнен, Ерма Симпура, Суло Суванто, Антти Хювенен. Важное воспитательное и пропагандистское значение в это время занимали на страницах газеты, например, такие статьи как: «Интернационализм и национальная независимость» (18 октября 1958 г.) и «Основание Коммунистического интернационала и его международное значение» (10 марта 1959 г.), написанные В. Песси: «Жизненность марксизма» (20 марта 1959 г.), «Ревизионизм в рабочем движении» (28 декабря 1958 г.), «Почему Эберт и Носке спасали капитализм» (16 января 1959 г.) и многие другие. Газета проводила большую работу по доведению до читателей и разъяснению решений совещаний коммунистических и рабочих

партий, проходивших в 1957-м и в 1960 гг., документов съездов КПСС, а также съездов коммунистических и рабочих партий в других странах.

Далее тогда активно освещались исторические по своей сути визиты в Финляндию первых лиц советского государства. Дело в том, что до конца 1950-х гг. в Финляндию никогда не приезжали высшие представители СССР. Поэтому первый визит Н. С. Хрущева, который посетил соседнюю страну в 1957 г., а затем спустя три года повторил подобный визит, имели весьма подробное освещение на страницах этой газеты. Также подробно писалось в «Кансан Уутисет» и об официальном визите в Финляндию в 1961 г. Л. И. Брежнева. Не менее серьезно откликнулась газета и на первые и тоже своего рода исторические «визиты дружбы» советских военных кораблей, торжественные встречи которых были организованы вначале в Хельсинки в 1958 г., а затем в Турку в 1961 г.

Много места «Кансан Уутисет» отводила также позитивному освещению ситуации в Советском Союзе и в государствах Восточной Европы. В течение 1957–1962 гг. газета регулярно публиковала материалы о развитии экономики в отдельных районах Советского Союза. Особенно подробно освещались в газете и те изменения, которые происходили тогда на территории Советской Карелии. В начале 1959 г. о Карельской АССР была напечатана целая серия специальных статей, подготовленная финским корреспондентом, побывавшим в различных районах советской Карелии.

Кроме того, газета постоянно знакомила читателей с произошедшими положительными достижениями советской науки и техники, с успехами в развитии культуры в соседней стране. Действительно, в это время в СССР добились немалых результатов, которые, можно считать, имели мировое значение. В частности, именно тогда в Советском Союзе активно начали осваивать космическое пространство. Полет в космос Ю. Гагарина являлся в это время достаточно яркой тому иллюстрацией. Неслучайно потому исключительно большое значение в пропаганде дружбы между Финляндией и Советским Союзом имели материалы, подготовленные и напечатанные газетой в период посещения Финляндии в 1961 г. первым советским космонавтом.

Информируя читателей о событиях внутренней и международной жизни, «Кансан Уутисет» активно использовала сообщения многих телеграфных агентств, давая комментарии к отдельным материалам, публикуя при этом острые заметки на наиболее злободневные темы дня. Краткие обзоры на внешнеполитические темы читатель мог найти под рубрикой «Зарубежная почта», а на внутривнутриполитические темы — под рубриками: «Мнение», «Из экономической жизни», а также под каким-нибудь общим заглавием, где была собрана серия заметок о правительстве, парламентских фракциях, об отдельных политических деятелях. В полемике, которую вели тогда журналисты газеты с представителями других политических партий и их печатью, большую роль играли политические фельетоны. Под псевдонимами «Тааветти», «Юоркунан Юсси» и «Нуотта» регулярно появились тогда сатирические рассказы, разоблачающие политику противников Советского Союза или левых сил, высмеивающие отдельные явления в общественной, культурной жизни Финляндии.

Важной особенностью новой газеты стало то, что она к тому же стремилась стать популярной для различных категорий населения Финляндии. Поэтому наряду с социально-экономическими разделами, а также политическими и международными материалами, которые обильно публиковались в это время в «Кансан Уутисет», почти четверть газеты занимала информация о культуре и о спорте. Причем здесь подбор статей был самым разнообразным. Начиная с аналитических работ, касающихся раскрытия творчества финских и зарубежных деятелей литературы и искусства, и заканчивая разбором отдельных произведений современных писателей, рецензиями на кинофильмы, спектакли и новые книги. Особое внимание в газете также уделялось информации о культурной и спортивной жизни страны и зарубежных государств в целом, а также деятельности левой организации «Кийла» (объединяет писателей, артистов, художников, скульпторов) и спортивного рабочего союза «ТУЛ». Причем, исходя из того, что население Финляндии проявляло тогда исключительно большой интерес к спорту, «Кансан Уутисет» вообще стремилась помещать на своих страницах очень много спортивных материалов. В номере, который выходил в понедельник, традиционно

спорт занимал примерно половину всей содержательной части этой газеты.

Кроме того, большое внимание в отделе культуры газеты конкретно уделялось пропаганде советской культуры. В результате, в «Кансан Уутисет» часто помещались статьи о советских классиках — М. Горьком, В. Маяковском, М. Шолохове. Писалось в это время еще и о спектаклях русских, а также советских драматургов. Особо много помещалась тогда в газете материалов, в частности, о пьесах А. П. Чехова, которые в тот период наиболее часто ставились в театрах Финляндии. Не обходили финские журналисты своим вниманием еще и творчество советских композиторов Д. Шостаковича, А. Хачатуряна, С. Прокофьева. Характерной особенностью газеты также стали публикации переводов стихов советских поэтов. Таким образом, «Кансан Уутисет» становилась той газетой, которая все больше раскрывала для финской общественности незнакомые до этого стороны культурной жизни в СССР.

Тем не менее, наряду с аналитическими статьями и хроникой культурной, научной и спортивной жизни того времени в газете было много и чисто занимательных материалов. Учитывая разнообразие интересов читателей, редакция «Кансан Уутисет» печатала, в частности, серии развлекательных «комиксов», фотографии победительниц конкурсов красоты, манекенщиц и т. п. Также «Кансан Уутисет» регулярно помещала на своих страницах различные сведения о кулинарии, вязании, кройке и шитье, полезные советы о том, как воспитывать детей и предупреждать отдельные заболевания и т. д. В дни праздников, отмечаемых в Финляндии, газета выходила еще с приложением, в котором содержались материалы сугубо развлекательного характера: короткие литературные произведения, серии юмористических заметок, шуток, анекдотов, кроссвордов, различных задач-головоломок, рисунков художников-юмористов и т. п. Это было не совсем привычно для коммунистической газеты, но позволяло, как можно более широко, привлекать внимание к печатающимся в «Кансан Уутисет» материалам самых разнообразных ее читателей.

В целом общий вид газеты стал, несомненно, привлекателен и достигался благодаря удачному расположению рубрик, освещавшихся «Кансан Уутисет», разнообразию шрифтов, наличию

большого количества фотографий (в среднем до трех фотографий на полосе). Широко практиковались также переносы продолжения статей с первой страницы на другие. В результате этого, первая страница с ее крупными заголовками и обилием фотографий, несомненно, сразу же приковывала внимание читателей к этой газете. В отличие от многих крупных финских газет, «Кансан Уутисет» не была к тому же перегружена рекламой и объявлениями.

Естественно, стремление редакционного коллектива сделать газету еще более интересной для широких масс читателей, увеличить число ее страниц, добиться большего разнообразия материалов очень разительно отличало «Кансан Уутисет» от прежних газет левой ориентации. Но все это серьезно зависело и от ее финансовых возможностей. Тем не менее, за годы, прошедшие с момента основания «Кансан Уутисет», материальное положение ее значительно улучшилось. В этом отношении важную роль сыграло непрерывное увеличение тиража газеты. Несмотря на большую безработицу в стране и рост материальных затруднений тех категорий населения, на которые была рассчитана эта газета, в апреле 1960 г. общий тираж ежедневных газет КПФ и ДСНФ достиг 103 тыс. экземпляров¹³.

Это позволило газете иметь свою собственную типографию, оснащенную современной по тем временам полиграфической техникой. Также важным для благоприятного имиджа «Кансан Уутисет» стало то, что ее редакция разместилась в благоустроенном доме печати в Хельсинки на улице Котканкату, 9. Кроме того, был подобран весьма профессиональный, творческий коллектив, который функционировал на основе ведущих отделов газеты: информации, парламентской деятельности и обзора событий в столичной губернии Уусимаа, спортивный, сельскохозяйственный, экономической жизни и профсоюзный¹⁴. В состав же редакции входило три сменных редакционных секретаря, которые непосредственно руководили выпуском газеты¹². Имелось еще также ответственное лицо за непосредственное распространение газеты¹⁵ и семь подчиненных ему бюро в Хельсинки, Лахти, Хямеенлинна, Котка, Лаппеенранта, Ювяскюля и Тампере¹⁶. Причем разветвленная сеть уполномоченных по распространению газеты (к началу 1963 г. их

насчитывалось около 3,5 тыс.)¹⁷ позволила редакционному коллективу поддерживать широкий контакт с читателями, знать их мнение о газете и их критические замечания.

В газете также существовал штат собственных зарубежных корреспондентов, которые находились в Советском Союзе, Чехословакии, Болгарии, ГДР, США, Англии, Австрии и Швеции¹⁸. Материалы же о внутренней жизни страны готовились силами сотрудников отделов редакции и с помощью актива газеты на местах¹⁹.

За период, прошедший с момента основания газеты «Кансан Уутисет», изменился также состав ее руководства. Уже в первый год выхода газеты вместо Ярно Пеннанена редактором ее стал видный деятель левых сил Финляндии, кандидат в члены ЦК КПФ Ерма Симпура. После трагической гибели Маурн Рюэмя, происшедшей в ноябре 1958 г., редакционный совет возглавила член политбюро ЦК КПФ Мирьям Суванто. С июля 1963 г. в связи со смертью Э. Кильпи, пост председателя правления газеты занял К. Л. Куло.

В целом, редакционный коллектив тогда постоянно боролся за то, чтобы самая крупная в стране рабочая газета читалась большинством населения и стала бы одной из самых распространенных в стране. Эта задача являлась важнейшей для компартии и ДСНФ. В результате, действительно, тогда «Кансан Уутисет» из года в год становилась все более и более популярной в среде различных категорий населения Финляндии. Это проявилось в том, что начался стремительный рост тиража этой газеты. В 1957 г. она выходила тиражом 45 821 экземпляров, в 1958 г. — 46 483, в 1959 г. — 51 630, в 1960 г. — 53 991, в 1961 г. — 56 447 и в 1962 г. — 58 515 экземпляров²⁰. Приведенные цифры показывают, что за пять лет — с 1958 г. по 1962 г. — тираж газеты увеличился на 12 694 экземпляров, или на 27,7 процентов.

Из более чем 200 газет, которые тогда издавались в Финляндии, «Кансан Уутисет» заняла по тиражу седьмое место²¹, оставив далеко позади центральные газеты наиболее многочисленных и влиятельных политических партий — Аграрного союза и Социал-демократической партии. Центральный орган Аграрного союза газета «Мааканса» имела в 1962 г. тираж 19 тыс. экземпляров, а социал-демократическая газета «Суомен

«Социалидемокраатти» выходила тиражом 38 тыс. экземпляров. Характерно, что большинство традиционных газет, которые имели тираж больший, чем «Кансан Уутисет», на протяжении многих лет не могли заметно его превзойти. Тираж же некоторых влиятельных газет, таких как «Ууси Суоми» и «Хувудстадсбладет», за десятилетие — с 1951 по 1961 г. — уменьшился на несколько тысяч²².

Все это свидетельствовало о хороших перспективах в развитии левой прессы в Финляндии. Однако следует все же признать, что в дальнейшем газета «Кансан Уутисет» так и не смогла составить серьезную конкуренцию «традиционной» финской прессе, превратившись, как это задумывалось, в единый информационный центр левого рабочего движения. В последующем эта газета стала постепенно терять свое прежнее лицо и изначальную «идейную» заостренность, которую ранее особенно четко можно было наблюдать на ее страницах. В результате, фактически, время конца 1950-х — начала 1960-х гг. стало именно тем периодом в издании этой газеты, когда она добилась наибольшего позитивного успеха и создала образ того, к чему в впоследствии должны были стремиться финские газеты левой политической ориентации.

¹ Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2010. С. 321.

² Из истории Коммунистической партии Финляндии. М., 1960. С. 188.

³ Там же. С. 190.

⁴ «Tuokansan Sanomat» («Газета трудящихся»), орган Центрального комитета финской Коммунистической партии (КПФ), изд. с 1946 г.

⁵ «Vapaa Sana» («Свободное слово»), орган Демократического союза народа Финляндии (ДСНФ), изд. с 1945 г.

⁶ Kansan Uutiset. 1956, 12. 12.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ XII съезд Коммунистической партии Финляндии. М., 1961. С. 131.

¹⁰ Финляндия. Краткий обзор. Хельсинки, 1962. С. 51.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ См.: Там же. С. 30.

¹⁴ Kansan Uutiset. 1963, 14. 01.

¹⁵ См.: Työkansan Sanomat. 1950, 02. 12; Kansan Uutiset. 1962, 31.12.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Kansan Uutiset. 1963, 04. 01.

¹⁸ Ibid. 1958, 06. 12.

¹⁹ Kommunisti. 1959, № 9. S. 341, 353.

²⁰ Kansan Uutiset. 1963, 02. 01.

²¹ Финляндия. Краткий обзор. Хельсинки, 1962. С. 50–51. Все приводимые ниже сведения о тираже финских газет того периода далее взяты из этого справочника.

²² Там же. С. 51.

**НАУКА, КУЛЬТУРА
И РЕЛИГИЯ**

О. А. Кривдина

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ АНТИЧНОСТИ В КОРОЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ СТОКГОЛЬМА

В Стокгольме в северном крыле Королевского дворца находится Музей античности, называемый также и Музей древностей. Этот музей был основан шведским королем Густавом III в 1792 г. Густав III правил Швецией с 1771 по 1792 гг. От своей матери — принцессы Луизы Ульрики он унаследовал любовь к искусству, литературе, путешествиям и собиранию уникальных произведений. Создавая музей древностей для всеобщего обозрения, король стремился представить свою коллекцию античной скульптуры, приобретенную во время его поездок по Италии в 1783–1784 гг.

Шведские историки время правления Густава III и его сына Густава Адольфа называют Густавианской эпохой¹, и это, несомненно, справедливо. Густав III, вступив на престол в 1771 г., мечтал о роли «просвещенного монарха в духе своего дяди, Фридриха II Прусского»². Он проводил внутренние преобразования в плане требований «просвещенного абсолютизма»: отменил пытки, преобразовал суды, ввел порядок в армии и флоте, заботился о развитии торговли и промышленности. Сам король увлекался литературной деятельностью, покровительствовал наукам и искусствам, основал шведскую академию по образцу французской. Среди всех этих преобразований важное место занимало приобретение Густавом III произведений античной скульптуры — статуй, портретных бюстов, композиций, рельефов, ваз и других предметов.

Говоря о Густаве III, мысленно представляешь себе короля таким, каким он изображен Ю. Т. Сергелем в знаменитом памятнике, открытие которого состоялось в Стокгольме в 1808 г. Выдающийся шведский скульптор Юхан Тобиас Сергель (1740–1814) во время своего пребывания в Риме задумал создать статую, представляющую Густава III в позе, подобной статуе Аполлона, с наброшенным на руку плащом. В 1791 г. была вылеплена модель, отлитая из гипса (высота ее 96 см), в настоящее время хранящаяся в Национальном музее в Стокгольме. В 1793 г., уже после смерти короля, скульптор завершил работу над большой моделью, по которой велась отливка статуи из бронзы (гипсовая модель не сохранилась). У Сергеля статуя была приобретена в 1796 г. для последующей установки на набережной Стокгольма. Запечатленный скульптором момент вызывает ассоциации с торжественным событием — окончанием военных действий и подписанием в 1790 г. Верельского мирного договора. Об этом зрителю должна говорить уже сама поза монарха, опирающегося левой рукой на мемориальный камень и одновременно придерживающего лавровый венок победителя. В правой руке Густав III держит оливковую ветвь — символ мира (в гипсовой модели эта деталь утрачена).

Покровительствуя литературе и искусству, Густав III в 1773 г. основал Королевскую оперу. Именно с оперой связаны решающие моменты в судьбе этого монарха — начало его правления и уход из жизни. Во время посещения им парижской оперы 1 марта 1771 г. пришло известие о неожиданной смерти отца — короля Адольфа Фредрика³. 16 марта 1792 г. на маскараде в стокгольмской опере капитан Я. Ю. Анкарстрём выстрелил Густаву III в спину. Спустя две недели король скончался от последствий ранения. Новым шведским королем стал сын покойного Густав Адольф (1778–1837), которому в момент смерти отца было 13 лет. До 1796 г. Швецией правил дядя Густава IV — Карл Зюдерманландский⁴, в эти годы был сформирован и начал принимать посетителей Музей античности.

Музей произведений античного искусства в Королевском дворце Стокгольма — своеобразный мемориальный памятник, посвященный Густаву III и открытый в октябре 1794 г. По мнению шведских историков и искусствоведов, принцип общественного доступа был новой идеей и «смелым шагом, вызвавшим

появление одного из самых ранних музеев в Северной Европе»⁵. Помещения, предоставленные для экспонирования античной скульптуры во дворце, подверглись архитектурной перестройке. Два смежных зала получили выход на террасу дворцового сада. Главный вход был размещен со стороны Львиной террасы.

Первоначальной основой королевской античной коллекции были произведения, принадлежавшие матери Густава III, однако большая часть их погибла во время пожара во дворце в 1697 г. Во время поездки Густава III в Рим распродавались коллекции произведений античного искусства, активно велись раскопки и обнаруженные в земле статуи, их фрагменты или другие предметы выставлялись на продажу. Именно так, за год до приезда шведского короля в Рим, в Тиволи на вилле Адриана была обнаружена мраморная статуя «Эндимион», столь сильно пленившая Густава III, что он упорно настаивал на ее покупке. В течение года Римские власти откладывали свое решение на выдачу разрешения на вывоз статуи в Швецию. Представленная в Риме на продажу эта статуя привлекла внимание многих важных персон, посетивших в тот год Италию. Однако решение было принято в пользу шведского короля, и прелестный Эндимион отправился в Королевский дворец в Стокгольме. Поразительное по красоте воплощения в мрамор обнаженное тело спящего юноши принадлежит к высшим достижениям римской скульптуры и датируется первой половиной второго века нашей эры. В трактовке мифа об Эндимионе существуют два варианта. По одному — за красоту Зевс взял юношу на небо, где он полюбил Геру, за что был погружен Зевсом в вечный сон. Другой вариант мифа повествует о любви к Эндимиону богини Луны Селены (или Артемиды), посещавшей и целовавшей спящего юношу в пещере в течение 30 лет. Она уговорила Зевса исполнить желание Эндимиона, просившего себе даровать вечный сон, бессмертие и юность⁶. Как человека, исключительно интересующегося литературной и театральной деятельностью, этот скульптурный образ не оставил короля Густава III равнодушным.

Перед приездом короля в Италию велись переговоры о приобретении двенадцати скульптур у гравера Джованни Вольпато (Giovanni Volpato). В период пребывания Густава III в Риме покупка была осуществлена. В это число входили статуи Аполлона и Дианы, девяти муз и жрица. Именно эти статуи наряду

с «Эндимионом» заняли достойные места в Большой каменной галерее дворца. Мраморные бюсты, рельефы, вазы и другие предметы были сконцентрированы в Малой каменной галерее. Обе галереи Музея античности запечатлены художником Хиллестрёмом (Hilleström) во время присутствия посетителей, прохаживающихся по залам и рассматривающих скульптуру. На переднем плане в Большой каменной галерее изображена статуя «Эндимиона», вдоль одной из стен в промежутках между колонн отчетливо видны статуи муз, а у противоположной стены стоят вазы. В настоящее время такое же экспонирование скульптуры в Большой и Малой каменных галереях сохраняется.

Особенно большое приобретение античных статуй, бюстов и различных мраморных фрагментов (91 предмет) было сделано от наследников знаменитого итальянского графика Д. Пиранези (Giovannbattista Piranesi). В 1760–1770-х гг. семья Пиранези приобрела репутацию антикваров, которые пополняют коллекции королевских и аристократических семейств по всей Европе, в числе которых Россия и Швеция. Добытые из раскопок мраморные фрагменты и части статуй, алтарей, урн, архитектурные детали промывали, распределяли по видам и дополняли недостающие куски. Таким образом, создавалась настоящая индустрия по добыче античных произведений, их подновлению, воссозданию и продаже. Значительные закупки были сделаны в мастерской семьи Пиранези для Римского папы Пия VI в музей Клементино в Ватикане, для императрицы Екатерины II и короля Густава III.

Одним из уникальных произведений античной скульптуры в собрании Музея Густава III стал портрет римского императора Коммода (180–192 годы правления) в образе Геркулеса. Соединение белого мрамора (лицо, шея) и коричневого (кудри, усы, борода и накидка из шкуры льва) придает особую декоративную выразительность образу. Историки, ссылаясь на Элия Лампидия, отмечают, что в последние годы правления Коммод начал отождествлять себя с Геркулесом, требуя от Сената называть себя не Коммодом сыном Аврелия, а Геркулесом сыном Юпитера. По его требованию месяц август переименовали в коммод, сентябрь — геркулес, октябрь — непобедимый и т. д. В 190 г. император переименовал Рим в Город Коммода⁷. Этот портрет повторяет фрагмент полуфигуры Коммода в образе Геркулеса,

имеющей большое количество деталей и выполненной из одного блока белого мрамора.

Необходимо отметить факт того, что в Италии короля Густава III сопровождал скульптор Ю. Т. Сергель. Он прекрасно понимал, что привезенные в сентябре 1785 г. из благодатного юга в холодный шведский климат мраморные произведения не следует оставлять на открытом воздухе и советовал королю разместить их не в парках, а в помещениях дворца, что и было выполнено. Первым директором «Gustav III-s Antikmuseum» стал Карл Фредрик Фреденхайм (Carl Fredrik Fredenheim), способствовавший созданию экспозиции приобретенных королем скульптур.

История создания и формирования коллекции античной скульптуры в Королевском дворце Стокгольма характерна для своего времени — конца XVIII века, когда интерес собирательства достиг своего апогея в различных странах, в том числе и Северной Европы. В специфике выбора и покупке скульптуры проявился вкус шведского монарха и желание создать уникальное собрание, одно из лучших в Европе.

¹ *Лагерквист Л. О.* История Швеции. Стокгольм, 2004.

² Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т. 4. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. С. 453–454.

³ *Лагерквист Л. О.* История Швеции. С. 106.

⁴ *Широкорад А. Б.* Северные войны России. М., 2001.

⁵ *Touati A.-M. L.* Gustav III's Museum of antiquities. Stockholm, 1993. S. 6.

⁶ Мифологический словарь. Сост.: М. Н. Ботинник, М. А. Коган и др. Л., 1959. С. 214.

⁷ *Лампидий Э.* Коммод Антонин // Властелины Рима. М., 1992.

Л. Б. Александрова

**КЛАССИЦИЗМ В АРХИТЕКТУРЕ ФИНЛЯНДИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.
ГУСТАВИАНСКИЙ ПЕРИОД (1775–1809)**

Так называемый Густавианский период хронологически соответствует времени правления шведских королей Густава III Адольфа и Густава IV Адольфа. В архитектуре Финляндии это время характеризуется, как период становления стиля классицизма¹.

Во второй половине столетия всеобщий европейский экономический бум достиг Финляндии. Этот период, позднее известный как эпоха «свободы и процветания», принес развитие и благосостояние, благодаря меркантилистской экономической политике. Быстрое развитие страны, отразилось и на быстром росте населения. К концу эпохи шведского господства в 1809 г. Финляндия имела население в 900 000 человек, т. е. возросло более чем на 50 % по сравнению с 1770-х гг. Построенная вблизи города Хельсинки на архипелаге в Волчьих шхерах в середине XVIII в. крепость Свеаборг обеспечивала относительно безопасную и спокойную жизнь в стране. Все это стимулировало созидательную строительную деятельность.

Густав III Адольф продолжал политику насыщенного урбанистического развития, базирующуюся на принципах классического планирования. При нем было устроено деление Финляндии на провинции, с городами Хямеенлинна, Оулу, Хейнола и Куопио в качестве новых столиц этих провинций. Местные пожары стимулировали, а строительные декреты направляли урбанистическое развитие герцогства Финляндского.

Основными мероприятиями в области градостроительства этого периода было основание новых городов, создание городских планов на принципах регулярности и их застройка зданиями в классическом стиле.

Закладкой в 1775 г. города Куопио была осуществлена старая цель создания крупного центра в восточной части сельско-хозяйственного района страны. Созданный в 1776 г. Пэром Кьелманом первоначальный проект плана, основанный на прямоугольной сетке кварталов, заложил основу регулярности в планировку города. В 1798 г. Даниэль Холл расширил границы города, добавив длинную диагональную улицу. В своем проекте он стремился отойти от однообразной прямоугольной схемы и создал улицу, которая идет под острым углом к Церковной площади. Эта улица также связывает прибрежные районы с центром города.

Тампере, ярко выраженный индустриальный город, был основан в 1779 г. Густавом III как свободный город на порогах Таммеркоски. Сила воды мощных порогов, необходимая для промышленности, обусловила выбор места. В этом городском плане нашел отражение либерализм Густавианской эпохи. Согласно плану четыре участка земли вдоль границ центральной площади выделялись для приходов различных вероисповеданий, с надеждой, что кальвинисты-гугеноты и пресвитериане шотландцы соединятся с лютеранами и православными в строительстве нового города. Тем не менее развитие города Тампере реально получило развитие лишь в XIX в.

Третьим городом, основанным в этот период, был город Каски. План был разработан в 1767 г. и переработан в 1785 г. архитектором Карлом Йоханом Кронштедтом. В данном случае налицо классическая прямоугольная сетка плана с четырьмя площадями, расположенными симметрично по осям городского плана.

Научный прогресс придал культуре этого периода в целом новые перспективы. Совершенствовалась строительная техника. В процессе строительства фортификационных сооружений, наиболее значительной из которых была крепость Свеаборг, существенно повысился уровень искусства обработки камня, были изобретены печи обжига. Застекленные окна стали обычным явлением, улучшился общий комфорт жизни.

Строительство находилось под строгим административным контролем. С 1770-х гг. проекты всех общественных зданий

должны были отсылаться начальнику общественных работ в Стокгольме для проверки. Были изданы законодательные акты, призывающие к использованию огнеупорных материалов, чтобы улучшить противопожарную безопасность и сохранить леса. В Финляндии, тем не менее, они могли исполняться только в исключительных случаях. В частности, церковные приходы были освобождены от этих обязательств и использовали для строительства своих церквей традиционный материал — дерево. Стилиевое единство архитектуры в дальнейшем постепенно совершенствовалось благодаря образцовым планам, влияние которых распространялось на местную архитектуру посредством разнообразных увражей с чертежами построек.

Король Густав III в конце столетия предпринял путешествие в Италию, которое пробудило его интерес к античности, что имело почти непосредственное влияние на архитектуру Финляндии. В связи с этим стилистически архитектуру финского классицизма второй половины XVIII в. можно разделить на два этапа: ранние постройки с высокими мансардными крышами, созданные на основе принципов французского классицизма, и постройки рубежа веков с их ориентацией на классические образцы палладианского направления.

В Густавианский период жилая застройка городов была очень разнообразна. Наиболее популярны были прямоугольные в плане различных размеров дома с высокими крышами. Богатые горожане обычно строили двухэтажные дома с мансардными крышами. Позднее крыши все же преобразовались в крыши с более низким наклоном в соответствии с новыми строительными декретами начала XIX столетия, в результате чего эти типичные для XVIII столетия черты исчезли почти полностью из городского ландшафта многих городов. Подавляющее большинство городских домов все еще были деревянными. Целые группы буржуазных каменных домов были построены в Турку, Хельсинки и Порво; дома с ярко выраженными индивидуальными чертами были возведены в Пиетарсаари и Коккола.

Апелляционный суд в городе Вааса (сегодня церковь Муста-саари, 1786), построенный по проекту архитектора К. Ф. Аделькранца, представляет французский классицизм, который вошел в моду в конце 1760-х гг. Но здесь уже отмечается постепенное внедрение классической системы путем обработки фасадов

пилястрами. Мансардные крыши, тем не менее, все еще возвращали к предыдущему периоду стиля шведского архитектора Хорлемана. Аналогично решен фасад дома заместителя в Вааса, построенный Аделькранцем в 1780–1787 гг. Характерным примером дома с мезонином может служить особняк, построенный по проекту Карла Шрёдера и Эрика Палмстедта в 1782–1792 гг.

Таковы же по своей архитектуре общественные здания, формировавшие центры городов. Это здание ратуши г. Раума, построенное в 1776–1777 гг. архитектором К. Ф. Шрёдером, здание караульни в Лапеенранте (1772, автор неизвестен), Кафедральный собор в городе Оулу (1776 г.) арх. Даниэля Хёгмана, церковь в городе Лисалми (1779 г.) Симона Юккя-Сильвёна, ратуша в городе Хамина Йохана Брокмана (1798 г.)

Прекрасные городские дома Густавианского периода имели большие, более просторные комнаты, а также улучшенные внутренние связи. В результате расширения дверных проемов можно было устанавливать двойные двери. Типичный образец — это двухэтажный дом, построенный Йоханом Солитандером в Порвоо в 1792 г. С 1760-х гг. окна домов верхушки среднего класса стали выше, чем ранее, и вместо маленьких окон появились большие оконные проемы с шестичастной расстекловкой. Финский исследователь Пекка Кярки заметил², что архитектурные идеалы буржуазии обратились к городам континентальной Европы, которым Стокгольм четко следовал. Источником при проектировании ранних густавианских построек была книга чертежей Капитана Карла Вийнблада, опубликованная в 1755–1756 гг. и состоявшая из проектов сорока каменных и тридцати деревянных домов.

Развитие сельского хозяйства эпохи меркантилизма стало основой для расцвета загородных имений в финской провинции. Архитектура усадебных комплексов также вступила в новую фазу. Наиболее влиятельным строителем и планировщиком был Кристоффер Фридрих Шрёдер (1722–1789), городской архитектор в Турку и член городского управления Гильдии каменщиков, который составлял планы домов для владельцев близлежащих усадеб и чугуноплавильных заводов. Архитектурные идеалы Шрёдера были типичны для осторожного провинциального архитектора. Не имевший амбиций как новатор, он предпочитал

придерживаться безопасных, укоренившихся форм позднего барокко, как было рекомендовано в книге образцов. Постройки Шрёдера включают следующие двухэтажные кирпичные усадебные дома: Фагервик в Инкоо, Лапула в Наантали, Лемписаари в Аскайнен, Тейё в Перниё и Виксберг в Паймио.

Строительство двухэтажных деревянных усадебных домов при чугунолитейных заводах в Карья началось в 1782 г. и производилось также по планам Шрёдера. Заказчик, Магнус Линдер, решил построить усадьбу в новейшем стиле, и он послал рисунки Шрёдера, напоминавшие образцы из книги Вийнблада, архитектору в Стокгольм. Этим архитектором был Эрик Палмстедт, только что возвратившийся из учебной поездки по Италии, и поэтому именно он был в состоянии перевести планы Шрёдера к определенным канонам палладианского неоклассицизма. Строительство производилось до 1790-х гг., и результатом был «прочный, теплый, приличный и с хорошими пропорциями как снаружи, так и изнутри дом», — так Линдер писал в своих восторженных отзывах. Усадьба в палладианском стиле расположена на вершине высокого холма, окруженного романтическим ландшафтом в соответствии с идеалами новых пейзажных английских парков, имела гладкие с рустованной обшивкой стены, напоминающей каменную кладку. Стройные белые пилястры, проходящие по двум этажам, создают определенный ритм фасадам этого прямоугольного, окрашенного в желтый цвет здания. Консольный фриз того же цвета проходит под карнизом. Мансардная крыша имеет треугольный фронтон, акцентирующий центр. Восьмичастные двухстворчатые окна на верхнем этаже были тогда самыми большими в Финляндии. Наиболее прекрасное воплощение Густавианского классицизма было найдено в официальных интерьерах залов на верхнем этаже: большой зал имеет обои голубого и серого цвета с рисунком тосканских колонн среди богатого классицистического орнамента.

Одной из наиболее крупных планировочных работ Шрёдера было обновление зданий чугунолитейного завода в Фагервике. Йохан Вильгельм Хайзинг и Микаэль Хайзинг купили разрушенный завод, починили и модернизировали оборудование и перестроили жилые дома. Под руководством Шрёдера были построены из серого гранита мастерские, дома для рабочих вдоль широкой заводской улицы выполнены из дерева, а оловянный

завод из кирпича. Все главные производственные постройки имели мансардные крыши. Жилой флигель внутреннего двора со стороны озера был построен первым, а главное здание завершено в 1773 г. Деревянный флигель, покрытый штукатуркой, завершил композицию внутреннего двора. Усадебный дом возвышался над большим комплексом производственных зданий, который включал и отдельно стоящую церковь, построенную ранее. Двухэтажное, с мансардной крышей главное здание Фагервика — это чистейший образец Рококо-Классицизма. Интерьеры включали прекрасные гобелены с растительным орнаментом, изображениями развалин храма и китайскими мотивами, выполненными в ярких красках. Сад в регулярном французском стиле был спланирован прямо перед усадебным домом; склон был разбит на террасы. Парк в английском стиле площадью около 100 акров был разбит позади усадьбы. Единственный в Финляндии китайский павильон был возведен в парке вблизи озера в 1780 г.

Скромные сельские имения строились в формах Рококо-Классицизма также традиционными методами деревянного строительства. Впечатляющий экземпляр — усадьба Пуккила, построенная в 1760-х гг. в Пииккиё. Отделка комнат восходит к образцам из книги Вийнблада; установленная в интерьерах мебель еще содержит черты рококо. Близок к этой постройке интерьер столовой с прекрасными живописными гобеленами в усадьбе в Яккарила в Порво.

Королевские неоклассические мечты о Пантеоне стали реальностью, когда была закончена в 1798 г. круглая церковь в Хямеенлинна, спроектированная придворным архитектором Луизом-Жаном Деспре. Эта церковь — чистейший пример позднего густавианского классицизма. Она небольшая, но монументальная, решена в очень простых и строгих формах. Круглая в плане, она оформлена двумя колоннами в западной части и перекрыта куполом (башня и трансепты были пристроены позднее). С этой постройки начинается второй этап раннего классицизма, полностью ориентированный на палладианский вариант развития нового стиля.

Также ко второму периоду густавианского классицизма относится здание Старой Академии в Турку (1802–1811) Карла Кристофора Гьёрвела. Постройку отличает безордерное решение

главного фасада, когда большой треугольный фронтон венчает не традиционная колоннада, а выступающий ризалит. Основным декором становятся наличники оконных проемов и рустовка стены первого этажа.

В первые годы XIX в. начал свою строительную деятельность архитектор итальянского происхождения Карло Басси (1772–1840)³, основное творчество которого связано уже с периодом ампира. К 1802 году относится его первая работа в Финляндии — это постройка в Корпогорде, а в 1806–1811 гг. по его проекту строится здание в Виурле. Обе постройки решены в строгих классицистических формах. Они безордерные, лишь центральные части выделены незначительно выступающими ризалитами, соответственно в пять и три оси, завершающимися фронтонами. Его постройки отличаются простотой и ясностью архитектуры, свойственной строгому классицизму⁴.

В восемнадцатом столетии растущее население в густонаселенных поселках нуждалось в новых церквях. Лишь около пятнадцати новых приходов были учреждены в Финляндии за все столетие, но вместо старых церковных приходов было учреждено около 120 подчиненных «церковных округов». Это привело к увеличению строительной активности к концу столетия. Всего было построено 11 каменных церквей, 120 деревянных и еще 130 колоколен⁵.

Мастера-строители были людьми из народа, которые обучались своему искусству у старшего поколения, чаще всего у своих отцов. Наиболее известные строители — это Антти Пиимянен и его сын Микаэль с юго-востока, Матти Окерблом и его племянник Матти Окергрэн из Хяме, Антти Хакола и его сын Габриэль из южной Остроботнии, Матти Хонка и Антти, Матти и Каапо Хакола из центральной Остроботнии. Самый известный строитель — Яакко Туомаанпойка Рийф (1753–1808), чей отец Тоймас Каарленпойка Рийф был каменщиком и плотником. Он — первый местный мастер, который получил академическое архитектурное обучение в Стокгольме. Карьера его сына Каарла Яаконпойка Рийф (1783–1808) была прискорбно короткой, так как он и его отец умерли во время эпидемии в Стокгольме.

Местные мастера-строители, как правило, не были знакомы с главными памятниками европейского барокко. В композиции разнообразных крестовых церквей, ими построенных,

можно увидеть, как уменьшается число вариантов барочных приемов в сложной силуэтной линии культовых построек центрального типа. Большие мировые стили достигали северных окраин через многие промежуточные стадии, трансформируясь в самобытные постройки. Деревянная архитектура интересно сочетала старые традиции с новыми веяниями, как с востока, так и с запада. Ближайшей моделью был, конечно, Стокгольм, в особенности церковь св. Екатерины, спроектированная Жаном де ля Валле⁶.

Между 1765 и 1807 гг. более сотни проектов церквей и колоколен были посланы в Комитет Королевского надзора для установленного законом утверждения. Комитет обычно отвечал отсылкой собрания своих собственных, более современных проектов церквей соответствующего размера; местные мастера, в свою очередь предлагали свою собственную интерпретацию этих планов. Ларс Петерсон исследовал этот процесс в деталях, и на основании этих исследований были сделаны следующие выводы относительно классификации вариантов планировочных решений крестообразных деревянных церквей: равноконечный крест, двойной крест, крестообразный план с внутренними скошенными углами, крестообразный план с внешними скошенными углами и самый сложный 24-угольный план. Здесь очевидно усложнение крестообразного плана.

Простые крестообразные церкви продолжали строиться в юго-западной Финляндии в течение всего XVIII столетия. Еще в 1755 г. мастер Антии Пиимянен (1714–1775) построил церковь в Драгсфьярде в соответствии с равноконечным крестовым планом с маленькой центральной башней на квадратном основании, возвышающейся над коньком высокой крыши. Внутреннее перекрытие состояло из двух цилиндрических сводов с восьмиугольным досчатým куполом на средокрестии. Купола этого типа получили распространение в финских церквях в середине XVIII столетия, купол в Драгсфьярде — первый среди них.

Тип удлинённых церквей с колокольной в западной части продолжал использоваться в юго-западной Финляндии. Как явный приверженец этого типа, мастер Антии Пиимянен применил его в своих церквях в Марттила (1765) и Ленгельмяки (1772). Чертежи церкви в Марттила — это самые старые планы деревянной церкви в Финляндии, посланные в Швецию на утверждение.

Интендантский Комитет отклонил чертежи, но приход тем не менее воздвиг церковь с башней и луковичными куполами в соответствии с первоначальным планом Пиимянена.

Церкви в Куоревеси (1779), Куру (1781) и Пихлявеси (1780–1782) были построены мастером Матти Окербломом (1740–1819), учеником Антии Пиимянена как зальные церкви с западной башней. Именно он ввел этот тип церквей в центре провинции Хяме. Церковь же в Куру отличается высокой оригинальной по форме, напоминающей тыкву, западной башней.

Церкви строились также и в глухих местах. Примером может служить церковь в Пихлявеси, построенная в 1780–1782 гг. Матти Окербломом. Десять частных владений и четыре арендные фермы отдаленных деревень Пихлявеси объединились, чтобы построить деревянную церковь, которая должна была быть приблизительно равноудалена от этих населенных пунктов. Колокольня с луковичным куполом, возвышающаяся с западного конца постройки, служила своеобразным ориентиром для путников. Стены деревянных построек были соединены в углах без остатка и не обшиты досками; покрытое дегтем дерево светилося на свету, проникавшему сквозь ветви высоких хвойных деревьев. Внутри гладкие балки перекрытия резко выделяются на нерасписанных стенах.

Церковь в Петяявеси, построена в 1763–1765 гг. Яакко Леппяненом из Весанка. Эта крестообразная церковь с высокой крышей вместе с расположенной рядом колокольней, построенной уже в 1821 г. Эрки Ляпяненом в остроботнийском стиле, выделяется как одна из наиболее красивых и хорошо сохранившихся ансамблей финской деревянной архитектуры. Финский исследователь Петтерссона так описывает эту постройку: «Голое, неокрашенное дерево господствует как в экстерьере, так и в интерьере; двери, балки на уровне низких концов арок и деревянные нервюры арок окрашены в красный охристый цвет. Поверхность дерева в интерьере демонстрирует мягкую сероватую патину, тогда как своды светятся всеми оттенками красной сосны. Атмосфера интерьера неподражаема. Концентрированные, логические архитектурные формы, нежный контур деревянных стен и досчатых сводов и мягкий свет, проходящий через окна, сочетаются так, чтобы создать эффект интимности, подчеркивая не совсем ровный настил пола и крепкие скамьи

с панелями и мягко профилированными концами»⁷. Остроботнийские мастера с начала XVIII столетия начали строить простые крестообразные церкви, но в конце этого столетия они развили простые формы этого типа, достигнув высшего совершенства в церквях с 24 углами. Одним из ранних образцов была церковь в Палтаниеми, построенная мастером-строителем Иоханом Кнуббом из Вёюри. Главное достоинство церкви, помимо ее удачного местоположения, — это ее интерьер. Белоснежные стены были расписаны фресками в стиле рококо в 1778–1781 гг. Эмануэлем Гранбергом.

Одним из наиболее знаменитых церковных строителей центральной Остроботнии был Антти Антинпойка Хакола (1709–1778). Среди его наиболее значительных сохранившихся до нашего времени работ — это церкви в Кеуруу и Виррат. Церковь в Кеуруу (1756–1769) — одна из ранних построек мастера. Расположенная в центре поселка она удачно организовывала окружающее пространство⁸. Ее высокая дранковая крыша, украшенная ромбовидным узором, и круто поднимающаяся ввысь колокольня хорошо просматривались на расстоянии. Здесь Хакола воспроизводит вариант вытянутой церкви с западной башней; интерьер повторяет крестообразный план. Потолок перекрыт полуциркульным сводом, а стены усилены скрепленными под навесом крыши балками. Белоснежные внутренние стены были расписаны фресками в 1780 г. в стиле рококо. Восьмиугольная ризница за церковью была добавлена к восточному трансепту в 1832 г., одновременно с расширением окон.

Желание расширить внутреннее пространство и придать центрический облик крестообразной церкви привело к скашиванию углов трансепта и средокрестия. Деление стен на более короткие части давали возможность мастерам использовать более короткие бревна и соответственно более низкорослые деревья. Наиболее близкими архитектурными предшественниками были церковь Риддархольм в Стокгольме и церкви Адольфа Фредерика в Карлскроне и Стокгольме, при строительстве которых в качестве основного источника использовались чертежи Браманте и его последователей собора св. Петра в Риме. К этому времени планы с внутренним скашиванием углов становятся популярными, а в последней четверти столетия в практику вошло также и скашивание внешних углов. Двадцатичетырехугольная

церковь была кратким опытом в течение этого периода, когда два стиля частично совпадали.

Церковь в Виррат представляет собой крестообразную церковь, в своей основе похожую на церковь в Кииминки. Она была построена в 1773–1774 г. Антти Хакола; двумя годами позднее по его же проекту напротив церкви была возведена колокольня. Ризница датируется 1859 г.

Антти Хакола был первым мастером-строителем, который строил церкви с 24 углами, скашивая углы как снаружи, так и внутри. Окрашенная в красный цвет церковь в Куортане, построенная в 1777 г., покрыта высокой крышей с узорчатой драпкой, повторяющей рисунок плана. Большая башня над коньком крыши в форме луковицы возвышается над средокрестием. Общая гармония нарушается только орнаментальными рамами окон более позднего времени. Стены слегка наклонены наружу, подчеркнутая таким образом устойчивость форм. В интерьере четко ощущается центричность композиции. Первоначально алтарь был расположен на юго-восточном откосе; позднее прихожане перенесли его на обычную позицию в центр восточного трансепта.

Сын Антти Хакола Каапо построил в 1785–1787 гг. 24-угольную церковь в Юлихярмя со стенами трансепта еще более наклоненными, чем в церкви в Куортане. Продолжая традицию строительства многоугольных церквей, в данной постройке мастер очень близко воспроизводит первоначальный план церкви в Куортане.

Церковь в Кииминки, построенная Матти Хонка в 1760 г., сохранила свой первоначальный интерьер. Она двадцатиугольная. Небольшая по высоте покрытая драпкой крыша, повторяет план здания. Высокий шест с флюгером возвышается над коньком средокрестия. Интерьер перекрыт цилиндрическим сводом; окрашенные в белый цвет стены сохранили первоначальные доски и восхитительные фрески Микаэля Топпелиуса. Стоящая рядом колокольня построена в стиле «остроботнийского ренессанса» в 1777 г.

Прихожане Руовеси в конце XVIII столетия ясно ощутили, что их старые церкви, построенные в предыдущем веке, слишком малы. В результате выбора между зальным и крестообразным планом община поручила Матти Окерблуму построить кресто-

бразную церковь. 24-угольная церковь с высокой остроконечной крышей была освящена в 1778 г. Перекрытия очень живописны: трансепт имеет цилиндрический свод, а центральное пространство венчает высокий восьмиугольный купол. Отдельно стоящая с луковичным завершением колокольня была построена Анти Пиимяненом в 1772 г.

Общая тенденция к укрупнению крестообразных церквей в восточной Финляндии следовала независимым курсом развития. План «двойного креста» имел исключительное предпочтение. Этот тип базировался на равноконечном кресте, а центральное пространство увеличивалось расширением внутренних углов креста. Прототипами была две церкви в Хамина — это церковь Ульрики Элеоноры, которая была построена в 1730–1731 гг. и уничтожена пожаром в 1742 г., и церковь Елизаветы, построенная в 1748–1751 гг. на том же месте и погибшая в пожаре 1821 г.

Характерные суженные наружу трансепты церквей в Хамина вероятно продиктованы круглым планом города. Хенрик Шульц, строитель церкви Ульрики Элеоноры, использовал план местного мастера Арви Юнккаринона, который руководил строительством более поздней церкви Елизаветы. Учениками Юнккаринона были Август Сорса и Юхан Салонен. Эти мастера, прекрасно сведущие в технике углового соединения, приспособили нововведения к традициям строительства старых деревянных церквей. Долгое время деревянные церкви в Саво и Карелии, обладающие богатством деталей, не известным на западе, имели широкое распространение. Для них свойственно сочетание средневековых и византийских черт, таких как порталы с трилистниками и подковообразные двери. Трифольный портал церкви в Яркёля, выполненный Арви Юнккариноном, известен нам только по рисунку Селима А. Линдквиста, сделанному в 1892 г.

Церковь в Леми, расположенная к северо-западу от Лапеенранты содержит уникальные, восстановленные трифольные своды. Эта крестообразная церковь была построена в 1786 г. Юханеном Салоненом (1738 — начало 1800-х гг.). Для нее характерны трансепты, суженные наружу и дранковая крутая крыша. Восьмиугольный фонарик парит над средокрестием. Досчатые своды, с проходящими поперек трифольными секциями, доминируют во внутреннем пространстве; купольный свод, который повторяет

этот мотив, венчает общее великолепие. Соседствующая колокольня была перестроена в 1930 г. по первоначальному плану сына Юхана Салонена Матти (1761–1823). Матти Салонен, помимо этого, руководил строительством церквей в Уусикикко, Венёки и Кивеннапа. Все они находятся на территории Российской Федерации после Второй мировой войны.

Вторая финская церковь с двойным крестообразным планом после церкви св. Елизаветы в Хамина была построена в 1754 г. в Микели Августом Сорса. Она сгорела в 1806 г. Будучи больше, чем церковь в Хамина, церковь в Микели имела угловые расширения, центральную башню и огромную пирамидальную крышу. Другие ранние церкви этого типа известны только по историческим документам. Церковь в Лаппе, построенная Юханом Салоненом и освященная в 1794 г., — это единственная крестообразная церковь, которая существует до настоящего времени: сегодня она стоит в центре современного города Лаппенранта. Концы поперечного нефа выходят наружу, но угловые расширения между ними не скошены, а расположены под прямым углом. Ризница и тамбур — в концах трансепта. Большой сложный объем церкви венчает пирамидальная крыша. Свод необычайно крутой.

Деятельность Яакко Рийфа⁹ в конце XVIII века занимает особое положение между местным строительством и позднейшей академической архитектурой. После обучения в Стокгольмской академии в своих постройках он отдавал предпочтение равноконечному кресту с внутренними скосами в качестве основной плановой схемы. Он располагал ризницу в конце восточного трансепта, а алтарь — в скосе между восточным и южным концами креста. В интерьере для большей выразительности он широко использовал классицистические элементы, такие как пилястры и антаблемент. Его церкви имеют низкие цилиндрические своды в трансептах и досчатый купол, сформированный парусами сводов с расширенной верхней частью. Размер центральной башни зависел от размера и количества колоколов. Рийф использовал ряды пилястр в интерьере, пилястры и колонны на внешних стенах. Наиболее ранние его работы — это церкви в Луодо (1780 г.) и в Ларсмо (1787–1788). Самый прекрасный экземпляр подобного типа — это церковь в Орвайнен, построенная в 1797 г.

Церковь в Вимпели — наивысшее достижение остроботнийского мастера Яакко Рийф¹⁰. Тенденция к центрическим планам в это время нашла свою кульминацию в этой церкви, построенной в 1807 г. Двенадцатиугольный объем на цокольном основании перекрывает большой многоугольный купол. Угловатый потолок повторяет формы крыши, которая в свою очередь повторяла центрический план Римского Пантеона так близко, насколько это возможно в технике деревянной угловой конструкции. Непосредственным образцом для Яакко Рийфа была, конечно, церковь в городе Хямеенлинна, спроектированная Луи Жаном.

Густавианский период оказал существенное влияние на формирование и утверждение классицизма в Финляндии. Это отразилось прежде всего в использовании классических форм палладианского типа как в каменных, так и в деревянных постройках. Поэтому расцвет стиля ампир в финской архитектуре во многом был предопределен предшествующим периодом.

¹ В отечественной литературе по истории архитектуры упоминаются лишь отдельные постройки этого периода. См.: *Розентуллер П. Б.* Архитектура Финляндии XVII — перв. пол. XIX в. // ВИА. Т. 7. М., 1963. С. 483–484.

² Цит. по: *Nikula R.* *Architektur und landscape. The building in Finland.* Hels., 1993. P. 55.

³ Несмотря на то, что для его творчества характерно влияние итальянской архитектуры, свое архитектурное образование он получил в Академии в Стокгольме.

⁴ О широком распространении архитектуры строгого классицизма свидетельствует факт строительства архитектором-самоучкой Габриэлем Бонсдофом в 1793 г. собственного дома в Турку. См.: *Konsten i Finland fran medeltid till nutid.* Hels., 1978. P. 97.

⁵ *Finland. A cultural encyclopedia.* 2. Hels., 1999. P. 23.

⁶ Эта большая крестово-купольная церковь строилась с 1656 по 1690 гг.

⁷ Цит. по: *Nikula R.* *Architektur und landscape. The building in Finland.* P. 62–63.

⁸ В настоящее время она затенена новой каменной церковью. См.: *Ibid.* P. 63.

⁹ *Wickberg N. E.* *Finnish architecture.* Hels., 1962. P. 15.

¹⁰ *Ibid.* P. 14.

В. Г. Бурков

СОЛЯРНЫЙ СИМВОЛ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗНАКАХ ФИНЛЯНДИИ

Среди основных символов, используемых в государственных знаках Финляндии, особое место занимает солярный санскритский знак в виде крюкового креста (свастика). Этот знак связан с древним культом Солнца у многих народов и встречается уже в эпоху верхнего палеолита. Он известен и в Азии и Центральной Америке. В Европе его распространение относится к бронзовому веку, а в эпоху переселения народов он проникает через финно-угорские племена на европейский север, в Скандинавию и на Балтику, становится одним из символов верховного скандинавского бога Одина¹.

Впервые солярный символ в государственных знаках Финляндии появился в 1918 г. 4 марта этого года главнокомандующий «белой» финской армией генерал Карл Густав Маннергейм для награждения солдат и офицеров, отличившихся в ходе гражданской войны против «красных» финнов учредил специальную награду, ставшую первым фалеронимом независимой Финляндии, – «Крест Свободы»². Автором его рисунка был известный финский художник Аксель Галлен-Каллела. На четырех лучах серебряного креста (наподобие российского Георгиевского креста), покрытого белой эмалью с геральдической розой в центре, он поместил древнефинскую свастику. В связи с окончанием гражданской войны в Финляндии 28 января 1919 г. «Крест Свободы» был упразднен. Однако с началом «зимней войны» (советско-финляндской войны 1939–1940 гг.) 8 декабря 1939 г.

«Крест Свободы» был возрожден и 16 декабря 1940 г. правительство приняло решение о включении этой награды в разряд постоянных знаков отличия страны под названием «Орден Креста Свободы».

На всех его знаках (крестах и звездах) было изображение древнефинской свастики. Ее позолоченное изображение было дано на крестах первых четырех степеней (Большой крест, кресты 1, 2 и 3 степени), а посеребренное — на кресте 4 степени. При этом кресты трех высших степеней покрыты белой эмалью, кресты 3 и 4 степени военного класса — черной эмалью, а гражданского класса — голубой эмалью. Кроме этого, древнефинская свастика изображена и в центре, в круглом медальоне, пятиконечной орденской звезды, составляющей орденские знаки «Ордена Креста Свободы» Большого креста и креста первой степени. Орденская звезда, предназначенная для военных, имеет также скрещенные мечи, проходящие через ее центр. Девиз ордена — «За Отечество».

Орденскими знаками награждались, как военные, так и гражданские лица. На реверсе крестов, выданных в военное время, стояли соответствующие даты: 1918, 1939 и 1941. Большой крест носится на плечной орденской ленте, крест первой степени — на шейной ленте, а остальных степеней — на груди. Орденская лента военного класса — красная с двумя белыми полосками, а гражданского класса — желтая с двумя красными полосками. При этом у трех высших степеней обоих классов полоски проходят по краям ленты, а у остальных — по центру. Лента военного класса имеет бант, внутри которого располагаются две руки с занесенными мечами (одна с прямым клинком, а другая — с изогнутым)³, а на ленте гражданского класса, также имеющей бант, — располагается веночек⁴. Кроме того, в период второй мировой войны, как элемент повышающий статус награды, орденские знаки могли вручаться с «дубовыми листьями».

Солярный знак присутствует также на ряде примыкающих к «Ордену Креста Свободы» наградах: «Кресте Маннергейма» двух степеней и «Кресте Скорби».

«Крест Маннергейма» был учрежден в 1941 г. и являлся чисто военной наградой⁵. По внешнему виду он совпадал со знаками «Ордена Креста Свободы». Его аверсная часть покрыта черной

эмалью с золотой древнефинской свастикой. В центре, вокруг геральдической розы, расположен венок и две руки с мечами. Крест первой степени носился на шейной орденской ленте «Креста Свободы» военного класса первой степени. Крест второй степени носился на заголке, на левой стороне груди.

«Крестом Маннергейма» первой степени награждались «за выдающиеся заслуги, проявленные при командовании крупными воинскими соединениями» (на уровне не ниже армейского корпуса). Такой награды были удостоены маршал К. Г. Маннергейм и начальник генерального штаба финской армии генерал А. Э. Хейнрикс⁶. «Крестом Маннергейма» второй степени награждались, как за умелое командование подразделениями и частями, так и за личную храбрость, проявленные в ходе боевых действий. Эта награда была одной из наиболее почетных в финской армии.

С 14 мая 1943 г. награжденному «Крестом Маннергейма» второй степени вместе со знаком выдавались 50 тысяч финских марок. В августе 1943 г. в статут этого фалеронима было введено дополнение, по которому разрешалось повторное награждение «Крестом Маннергейма» второй степени. В этом случае над полученным ранее крестом крепился значок в виде двух скрещенных маршальских жезлов. Подобной награды удостоились четыре человека: генерал-майор А. Паяри, полковник М. Ао, капитан Х. Винд и лучший военный финский летчик унтер-офицер А. Юутилайнен. Всего «Крестом Маннергейма» был награжден 191 человек⁷.

Древнефинский солярный знак был изображен и на так называемом «Кресте Скорби» (воинский знак «Ордена Креста Свободы» четвертой степени на черной ленте). Этот памятный знак выдавался ближайшим родственникам погибших офицеров в ходе боевых действий (родственникам погибших унтер-офицеров и рядовых выдавалась бронзовая медаль «Креста Свободы» на черной ленте) без права ношения.

Кроме этого, древнефинская свастика (в изображении «Ордена Креста Свободы») украшала и реверс медали Войны за независимость, а также была изображена на целом ряде памятных крестов периода «зимней войны» и «войны продолжения». Например, на почетном кресте Северного фронта, кресте «За заслуги» в военно-воздушных силах и др.

28 января 1919 г. К. Г. Маннергейм учредил высшую награду Финляндии — орден «Белой Розы» с девизом «На благо Отечества»⁸. Разделенный на два класса: гражданский и военный и имеющий пять степеней, этот орден также был связан с древнефинской свастикой. В перечень орденских знаков Большого креста ордена «Белой Розы», наряду с крестом на плечевой орденской темно-синей муаровой ленте, орденской пятиконечной звездой, входила и золотая орденская цепь. Созданная по эскизу Аксель Галлен-Каллела, цепь состояла из девяти геральдических роз (по числу исторических провинций страны в XVI веке), соединенных древнефинской свастикой. (В 1963 г. свастика была заменена на двенадцатилистники.)

Первыми кавалерами Большого креста ордена «Белой Розы» стали монархи Швеции и Дании Густав V и Кристиан X, которым эту награду вручил лично К. Г. Маннергейм во время его первого зарубежного вояжа в качестве главы государства в феврале 1919 г.⁹ За выдающиеся военные и гражданские заслуги Большой крест ордена «Белой Розы» на орденской цепи мог украшаться бриллиантами (для военнослужащих знак ордена и орденская звезда выдавались со скрещенными мечами). За выдающиеся военные заслуги Большим крестом ордена «Белой Розы» с бриллиантами и мечами был награжден К. Г. Маннергейм, а за выдающиеся гражданские заслуги — сенатор Отто Сенрот, министр Карл Энкель и известный финский композитор Ян Сибелеус¹⁰.

В период Второй мировой войны в качестве одной из основных государственных эмблем древнефинская свастика использовалась в качестве знака различия в финляндских вооруженных силах. Так, на погонах артиллеристов вместе с изображением горящей гранаты поверх скрещенных пушечных стволов было и изображение свастики¹¹. Она же украшала погоны и левый нагрудный карман темно-синей униформы финских летчиков¹². Свастика, и это вполне естественно, была и на знамени финского добровольческого батальона СС, действовавшего в составе германской дивизии СС «Викинги» в 1941–1943 гг.¹³

Наконец, солярный знак в виде древнефинской свастики с 1920 г. по настоящее время изображается в крыже президентского флага (штандарта) Финляндской Республики¹⁴.

¹ Подробнее см.: *Похлебкин В. В.* Словарь международной символики и эмблематики. М., 2004. С. 354–357.

² *Викторов-Орлов Н. В.* Награды Финляндии. Челябинск, 1992; *Потрашков С. В.* Ордена и медали стран мира. М., 2008. С. 143–146; *Bergroth T. C.* Vapaudenristitin Ritarikunta-Isänmaan Puolesta. Porvoo.1997; *Castren K.* Les Ordres Nationaux de la Finlande. Hels., 1975.

³ Подобное изображение связано с гербом шведской провинции «Карелия» 1562 г. В настоящее время это основная часть официального герба финской исторической провинции «Карелия» (Karjala).

⁴ Существует еще одна очень редкая разновидность «Креста Свободы» первой степени с геральдической розой на орденской ленте. Этого высокого знака отличия был удостоен маршал К. Г. Маннергейм — см.: *Царева Т. Б.* Полная энциклопедия орденов и медалей Второй мировой войны. Ростов-на-Дону, 2010. С. 291.

⁵ Подробнее см.: *Aromäki J.* Mannerheimin Ritarit. Hämeenlinna.1985; *Hurmerinta I., Viitanen J.* Suomen Puolesta Manneheim-ristin ritarit 1941–1945. Saarijärvi. 1994.

⁶ Потрашков С. В., Лившиц И. И. Награды Второй мировой войны 1939–1945. М., 2009. С. 222.

⁷ Там же.

⁸ *Vartio V., Kontturi L.* Suomen Valkoisen Ruusun Ritarikunta. 1919–1939. Hels., 1939.

⁹ *Потрашков С. В.* Ордена и медали стран мира. С. 29.

¹⁰ *Афонькин С. Ю.* Всё о самых знаменитых орденах мира. СПб., 2008. С. 182.

¹¹ *Макдонелл Л.* Знаки различия и боевые награды Второй мировой. М., 2003. С. 171.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 14.

¹⁴ *Laurila K. K.* Suomen lippu. Helsinki. 1999. S. 18. (В 1920–1945 и в 1946–1978 гг. соллярный знак был вписан в четырехконечный крест, напоминающий российский георгиевский крест, а с 1978 г. — существует в виде изображения первого наградного знака отличия Финляндии — «Креста Свободы»).

Б. С. Жаров

СКАНДИНАВСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО БАЛЕТА

Слава петербургской школы русского балета базируется на достижениях наиболее ярких представителей россиян. Хорошо известны также французские хореографы, которые содействовали ее развитию. Менее известно, что в создании балетной школы участвовала и скандинавская школа, ярким представителем которой был Христиан Петрович Иогансон (1817–1903)¹. Этот блестящий шведский танцовщик, балетмейстер и фантастический балетный педагог учился у датского хореографа Августа Бурнонвиля и связал русскую балетную традицию с датской школой классического танца.

Балетный театр в Швеции появился при королевском дворе в 1773 г., когда король Густав III, правивший в 1771–1792 гг., отдал распоряжение создать в Стокгольме Королевский театр с драматической, оперной и балетной труппой. Балетные спектакли в первое время играли подчиненную роль и входили в состав опер, иногда также драм. Поскольку зрителями были практически одни и те же люди из окружения короля, жизнь каждого балета была весьма недолгой: 3–4 показа, и надо создавать новый балет. За год в шведском Королевском Театре давалось около 200 балетных спектаклей. Интересно, что, в отличие от нашего времени, тогда в балетных труппах мужчин было гораздо больше, чем женщин, а в самом начале балерин не было вообще.

20 мая 1817 г. в Стокгольме родился мальчик, которого называли Pehr Christian Johansson. По нормам современной пере-

дачи шведских имен на русском языке это должно выглядеть так: Пер Кристиан Юханссон. Пока назовем его так, хотя позже в России судьба распорядилась по-своему.

Пер Кристиан с детства проявил большой интерес к балету. Он был принят в балетную школу Королевского театра в Стокгольме и сразу проявил необыкновенные способности. В 1834 г., когда ему было всего лишь 17 лет, на одном из балетных спектаклей он своим выступлением произвел такое неизгладимое впечатление на кронпринца Оскара (в будущем короля Швеции Оскара I, правившего в 1844–1859 гг.), что кронпринц решил за счет казны послать талантливого юношу учиться в Копенгаген и Париж.

Следует сказать, что шведский балет в этот период не был особенно заметен на Европейском фоне. Совершенно по-другому обстояли дела с датским балетом, который в тот момент занял ведущие позиции в Европе. Прославил его Август Бурнонвиль (August Burdonville, 1805–1879), который остался в истории балетного искусства как один из крупнейших представителей романтического направления. Он был сыном французского балетмейстера Антуана Бурнонвиля, но родился в Дании, жил почти всю жизнь в Дании и прославил датскую культуру². Блестящий танцовщик, балетмейстер, педагог, он работал в Копенгагенском Королевском театре почти полвека: с 1830 по 1877 г., создал более 50 балетов, некоторые из которых («Неаполь», «Сильфида») до сих пор идут на сценах всего мира, включая Москву и Санкт-Петербург. Он был создателем собственной системы хореографического обучения, основателем уникального датского балетного стиля, получившего в балетной литературе название «школа Бурнонвиля». Этот стиль характеризовался неповторимой взаимосвязью танца и великолепной актерской игры. Необычайно высоки были у Бурнонвиля требования к мужчинам-танцовщикам, и его ученики достигали поразительных результатов.

Пер Кристиан Юханссон учился у Августа Бурнонвиля и, как видно из дальнейшего, очень хорошо усвоил уроки великого хореографа. Вернувшись в Швецию, он 1 июля 1837 г. занял положение первого танцовщика и несколько лет с блеском исполнял главные партии в балетах шведского Королевского театра, вызывая каждый раз бурные аплодисменты.

К этому времени уже блистала на сцене выдающаяся балерина Мария Тальони (Marie Taglioni, 1804–1884), вошедшая в историю как замечательная романтическая балерина, в частности, впервые использовавшая танец на пуантах как средство художественной выразительности, а также впервые выступавшая в платье, получившем название «пачка». Ее отцом был знаменитый итальянский хореограф Филиппо Тальони, матерью шведская балерина, родилась она в Стокгольме и часто выступала на сцене Королевского театра. Пер Кристиан Юханссон стал ее партнером.

Мария Тальони много гастролировала по Европе. В частности, в 1837–1842 гг. она с большим успехом выступала в Санкт-Петербурге. Практика приглашения иностранных танцоров, так же как певцов, в императорские театры Санкт-Петербурга была в тот период весьма распространена. В очередную поездку в 1841 г. она отправилась вместе с Пером Кристианом Юханссоном. На многих спектаклях присутствовал российский император Николай I, который лично предложил ему постоянно работать в Санкт-Петербурге.

Так, в отличие от большинства гастролеров, шведский танцор не только один раз выступил в Санкт-Петербурге, но и остался здесь на всю жизнь. Он обрел в соответствии с русскими традициями новое имя: Христиан Петрович Иогансон. Именно в таком виде его имя вошло в историю русского балета. В газетах писали, что он принадлежит к лучшим классическим танцорам, которые восхищали зрителя легкостью, грациозностью и благородством движений.

Подчеркивалось, что Х. П. Иогансон был великолепным партнером. Длительное время он выступал с лучшей русской балериной романтического направления Еленой Ивановной Андреевной (1819–1857), которая в 1842 г. стала первой русской исполнительницей партии Жизели в одноименном балете.

Х. П. Иогансон исполнял виртуозные партии, обнаруживая точный расчет и абсолютную выверенность. Современники отмечали, что, бисируя, артист мог в мельчайших деталях повторить удачное исполнение. Подчеркнутое изящество манер и поз выдавало в нем приверженца эстетики ушедшего «галантного» века.

Впоследствии Х. П. Иогансон стал первым исполнителем многих балетных партий: полковника Бленваля («Две тетки,

или настоящий и прошедший век»), живописца Альвареса («Мечта художника», Первого танцора («Балетмейстер в хлопотах»), молодого крестьянина Фрица («Фауст») и других. С конца 1840-х гг. он стал выступать и в пантомимных ролях, в которых проявлял незаурядное актерское мастерство: Гренгуар («Эсмеральда»), художник Сальвадор Роза («Катарина, дочь разбойника»). Танцевал также в балетах: «Талисман», «Воспитанники амура», «Герта», «Дая» и других. В общей сложности он выступал на петербургской сцене с 1841 по 1884 г.³

Если о его личных выступлениях можно говорить с искренним восхищением, то преподавательская и репетиционная деятельность вообще ничего, кроме чувства глубочайшего уважения, не вызывает. Великие достижения русского балета конца XIX — начала XX в. — а в известном смысле и далее — базируются на неутомимой деятельности Иогансона-педагога. Большинство русских танцоров и балерин, выступавших на сценах мира в первые десятилетия XX в., были его прямыми учениками.

В 1860 г. Х. П. Иогансон начал свою преподавательскую деятельность в Петербургском театральном училище (слово «хореографический» в названии появилось позднее). Следует напомнить, что оно было основано в Санкт-Петербурге еще в 1738 г. (4 мая) императрицей Анной Иоанновной под названием «Танцевальная Ее Императорского Величества Школа», а первым преподавателем был француз Жан Батист Ланде (Jean-Ba(p)tist Landé). Многие замечательные представители русского балета получили там свое образование. Интересно отметить, что гораздо позже, только в 1783 г. по распоряжению Екатерины II был построен Большой Каменный театр, от которого ведет свою историю Императорский Театр оперы и балета (с постройкой в 1860 г. нового здания, ставшего Мариинским театром).

Новые тенденции принес с собой в Петербургское театральное училище Х. П. Иогансон, который играл в нем все более и более важную роль и, наконец, в 1869 г. стал здесь главным педагогом. Кстати говоря, уже с 1850 г. Париж стал сдавать ведущие позиции в области балета, этот вид искусства в наступивших новых временах постепенно стал угасать во Франции. Именно Россия приняла на себя роль законодателя, как в обучении артистов балета, так и при создании новых спектаклей.

Во время работы с учениками Х. П. Иогансон проявлял необыкновенный талант в нахождении новых движений. Неслучайно поэтому Мариус Иванович Петипа (1818–1910), главный балетмейстер петербургской балетной труппы, высоко ценивший педагогический талант Иогансона, часто присутствовал на его уроках и нередко напрямую брал из его классных упражнений материал для своих новых балетов.

Х. П. Иогансон значительно достиг необыкновенных высот в педагогике мужского классического танца. Одним из лучших его учеников был Павел Андреевич Гердт (1844–1917), который окончил училище всего лишь в 1864 г., но уже в 1866 г. стал первым танцовщиком Мариинского театра и танцевал на его сцене вплоть до 1916 г. За это время он исполнил более 100 ролей, был первым исполнителем партий принца Дезире («Спящая красавица»), Зигфрида («Лебединое озеро»), Абдерахмана («Раймонда») и исполнителем главных мужских партий практически всего репертуара.

Шведский танцовщик Густав Иванович Легат (1837–1895), приехавший из Швеции, также учился в Петербургском театральном училище, но еще до Иогансона, он окончил его в 1857 г. и потом всю жизнь выступал попеременно в Мариинском театре в Санкт-Петербурге и в Большом театре в Москве, исполняя главные партии. Учениками Иогансона стали сыновья Легата, ставшие одними из лучших танцоров в истории русского балета.

Николай Густавович Легат (1869–1937) был самым любимым учеником Х. П. Иогансона, выступал в Санкт-Петербурге в 1888–1914 гг., затем в Париже, Лондоне и других городах Европы и затем основал балетную школу в Лондоне. Его брат Сергей Густавович Легат (1875–1905) был очень талантлив, но прожил недолгую жизнь, покончив жизнь самоубийством. Оба были также прекрасными художниками, вдвоем создали замечательную серию из более чем в 100 шаржей на деятелей русского балета той эпохи.

И все же, пожалуй, наибольших успехов Х. П. Иогансон достиг в обучении балерин, так как большую часть времени работал в женских классах совершенствования. К числу наиболее ярких учениц принадлежит дочь педагога Анна Христиановна Иогансон (1860–1917), с первых шагов обнаружившая необыкновенное дарование и достигшая больших высот.

Среди других его воспитанниц должны быть названы Матильда Феликсовна Кшесинская (1872–1971), блиставшая на петербургской сцене в 1890–1917 гг., всемирно знаменитая Анна Павловна Павлова (1881–1931), Ольга Иосифовна Преображенская (1871–1962), Тамара Платоновна Карсавина (1885–1978).

Особого упоминания заслуживает Агриппина Яковлевна Ваганова (1879–1951), танцевавшая до 1916 г. «Царица вариаций», — говорили о ней знатоки. После 1919 г. она преподавала в Петроградском, затем Ленинградском хореографическом училище, которому в 1957 г. было присвоено ее имя. С 1991 г. это знаменитое учебное заведение носит название Академии русского балета.

Христиан Петрович Иогансон при жизни носил появившееся тогда почетное звание «Заслуженный артист Императорского Петербургского балета». В 1891 г. широко праздновался его 50-летний юбилей работы в Санкт-Петербурге. Он давал уроки практически до кончины 12 декабря 1903 г.

¹ Фактические данные взяты из шведских источников: Nationalencyklopedin. Stockholm, 1993. Bd 10; Nordisk familjebok: Konversationsleksikon og realencyklopei. Ugglepplagan. Stockholm, 1910. Bd 13.; Svensk uppslagsbok. Stockholm, 1955; URL: <http://www.se.wikipedia.org> и др.

² Очевидно, его имя принято произносить и писать не «Огюст», как следовало бы по-французски, а «Август». На русском языке лучшей работой о нем является книга известного датского историка балета: *Фридеригиа А. Август Бурнонвиль*. М., 1983.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 13. СПб., 1894.

Т. А. Шрадер

**ВСЕ НА ЛЫЖИ, КАК СКАНДИНАВЫ
(ЛЫЖНЫЙ СПОРТ В РОССИИ,
КОНЕЦ XIX — НАЧАЛА XX в.)**

В северных районах России, как в европейской ее части, так и в Сибири люди издавна пользовались лыжами как средством передвижения. Наряду с использованием лыж в быту, на охоте, в военном деле население нередко соревновалось в беге на лыжах во время различных народных праздников.

События конца XIX — начала XX в. связаны с периодом освоения труднодоступных арктических районов, которые осуществлялись в значительной степени представителями скандинавских стран. Это не могло не волновать умы российских граждан. Ведь во всех скандинавских экспедициях — во время перехода Фритьофа Нансена и его команды на лыжах по Гренландии, плавания шхуны «Фрам» к Северному полюсу, достижении Руалом Амундсенем Южного полюса и в период многих других смелых походов скандинавов одним из основных средств передвижения были лыжи, что привлекало внимание людей. К тому же, в многочисленных газетах и журналах, издаваемых в России, писали о больших достижениях скандинавов в лыжном спорте.

Вероятно, поэтому в ряде городов России, в первую очередь в Москве и Санкт-Петербурге в конце XX в. лыжи начали входить в обиход россиян и использоваться в чисто спортивных целях.

Необходимо отметить значительное количество специальной литературы по лыжам, опубликованной в России на стыке веков.

Книги знакомили читателя с развитием лыжного спорта, техникой бега, типами лыж и др.¹ Большое количество вышедшей тогда на тему лыж литературы явно указывало на то, что этот вид спорта в тот период был достаточно популярным.

Первые в стране соревнования по лыжам состоялись в Петербурге на покрытом снегом льду Невы 13 февраля 1894 г. Они проходили в центре города от Николаевского моста до здания Сената. Расстояние лыжного пробега составляло $\frac{1}{4}$ версты. Победил в этих соревнованиях А. Деревецкий с результатом 1 мин 35 сек. Вторые соревнования состоялись 8 марта и их выиграл П. Москвин и первая женщина-лыжница Т. Юрьева. В Москве первые соревнования состоялись в следующем 1895 г.

Но все же днем рождения лыжного спорта в России считается 16/29 декабря 1895 г., когда был торжественно открыт Московский клуб лыжников². С этого момента ежегодно здесь стала выходить брошюра «Спутник лыжника»³. Брошюра бесплатно распространялась среди членов клуба. В ней можно было познакомиться с различными типами лыж, одеждой, предлагаемой для походов на лыжах, которая состояла из двубортного пиджака на шерстяной подкладке, брюк из верблюжьего сукна, из той же материи шапки, сапоги же (пъексы) были обязательно кожаные⁴.

В издававшемся тогда периодическом издании печатались также расписания совместных походов со станций Петровская, Замоскварецкая, Сокольничья. Совместные походы осуществлялись с декабря по март. Причем здесь придерживались определенных правил и походы проходили под руководством командора (спортивного руководителя). На ноябрь 1898 г., к примеру, личный состав клуба был представлен следующим образом: 5 почетных членов, включая Фритьофа Нансена, действительные члены — 231 человек, командоры — 9 человек, сезонные посетители и члены соревнований — 106, всего 351 человек.

Любопытно, что не только мужчины, но женщины на этих соревнованиях добивались весьма серьезных результатов. Так, одна из сезонных посетительниц г-жа О. Л. Фишер за пройденные ею на лыжах в общей сложности 440 версты получила дамский приз — золотую брошь с бриллиантами в виде звезды⁵. Членами клуба был разработан даже значок в виде пятиконечной звезды с аббревиатурой «МЛК» и обозначен год основания — 1895.

Какова же история создания этого клуба? В 1894 г. члены Московского клуба велосипедистов решили сменить велосипед на лыжи во время зимнего сезона 1894–1895 гг. На лыжи встало 20 человек и среди них возникла идея создания клуба лыжников. Был разработан Устав, который 3 марта 1895 г. был подан на утверждение в министерство внутренних дел. Устав утвердили, и активная деятельность клуба началась с августа 1895 г.

17 декабря 1895 г. за Тверской заставой у деревни Коврайская состоялось торжественное открытие Клуба. Председателем Клуба был избран И. П. Росляков. Члены Клуба вели активный образ жизни — организовывались различного рода встречи, вечера, балы, маскарады, рождественские елки с подарками. В апреле 1898 г. проездом в Москве находился Фритъоф Нансен. На вокзале его встретили члены Клуба, приветствовали на шведском и норвежском языках и вручили Ф. Нансену значок клуба. Ф. Нансен ответил благодарственным словом и сказал, что симпатизирует Клубу лыжников в Москве⁶.

Первое официальное соревнование клуба проводилось 28 января 1896 г. на Ходынском поле. Длина трассы составляла 3 версты, победитель соревнований прошел ее за 18 мин 25 сек. В 1901 г. в Москве создано Общество любителей лыжного спорта, которое отделилось от Клуба и значительно оживило лыжную деятельность в городе. Уже в 1902 г. в Москве состоялись три соревнования, в которых пробовали свои силы лыжники клуба и Общества на дистанции 25 верст.

В 1910 г. в Москве уже насчитывалось десять лыжных клубов, а за сезон 1909–1910 гг. здесь состоялось 18 соревнований, причем 100 участников соревнований в эстафетной гонке прошли дистанцию в 60 верст вокруг Москвы. В 1911 г. лыжники из Московского сокольнического клуба прошли на лыжах от Москвы до Петербурга⁷.

В России явно начало расти число любительских клубов лыжников. Создавались такие клубы в Архангельске, Ярославле, Костроме, Рязани, всего в 32 городах. В 1910 г. в Москве начала деятельность Московская лига лыжебежцев (так назывались лыжники в тот период), которая осуществляла руководство и контроль за работой лыжных клубов, составляла планы соревнований. Самым быстрым лыжебежцем в России

был Павел Бычков, который по своей основной профессии был дворник. Кстати, в советский период в 1948 г. он получил звание «Заслуженного мастера спорта в СССР»⁸. В Российском Государственном историческом архиве (РГИА) хранятся дела, раскрывающие историю и деятельность клуба лыжников в Санкт-Петербурге⁹. В 1897 г. в столице России был создан клуб под названием «Полярная звезда». Устав клуба был подписан в министерстве внутренних дел 16 декабря 1897 г. Членами клуба был разработан значок в виде пятиконечной красной звезды с надписью «Полярная звезда», а по овалу «Кружок любителей лыжного спорта». По Уставу клуба 1897 г. в члены его не допускались лица моложе 21 года, а также ранее судимые, или юнкера, или нижние чины, состоявшие на военной службе. Воспрещалось вступать в это объединение и «лицам женского пола». Это ограничение, однако, уже по уставу 1909 г. было снято. Членские взносы для мужчин составляли 8 рублей, для женщин — 5 рублей¹⁰. Деятельность клуба согласовывалась с полицией, а ежегодные отчеты посылались в управление Санкт-Петербургского градоначальника.

В начале деятельности этого объединения центр его располагался на Невском проспекте 68, а в зимнее время помещение находилось на станции Шувалово Финляндской железной дороги. Позднее контору клуба можно было найти по адресу Дмитриевский переулок дом 16, в квартире № 4, принадлежавшей «господину Яблонскому». В зимнее время лыжисты собирались по адресу — поселок Парголово, дом П. М. Титанена (Шуваловский парк) или в деревне Юкки у дома 26.

На основании отчетов клуба «Полярная звезда» можно составить представление о характере деятельности этого клуба. Президентом клуба являлся А. А. Яблонский, командором — С. В. Иванов. В зимний период открытие сезона проходило торжественно, совершался молебен, поднимался российский флаг. Основным занятием членов клуба были лыжные прогулки. В сезон 1899–1900 гг. было совершено 14 таких прогулок, далее за период с 1900–1906 гг. число таких прогулок возросло уже в более чем два раза. Походы совершались на расстояния от 20 до 40 верст, иногда проходили они в рождественские праздники. Участники прогулок получали различного рода поощрения. Более того, 24–25 декабря 1902 г. три лыжника клуба совершили поход

на территории Великого княжества Финляндского. Они ходили от Выборга до водопада Иматра и их путь составил 66 верст¹¹.

Кроме того, росло число посетителей клуба, которые вместе с членами клуба совершали свои прогулки. Если в 1902 г. в прогулках участвовало 424 человека, то в сезон 1909–1910 гг. клуб посетило свыше 1300 человек. В отчете за 1909–1910 гг. можно узнать, что клуб участвовал в Санкт-Петербургской выставке физического развития и спорта, за что получил диплом. В 1910 г. в поселке Южки члены клуба организовали соревнование по прыжкам с трамплина. В этом же году клуб вступил в члены Всероссийской лиги лыжебежцев, а командор С. В. Иванов был избран членом правления Союза. Члены клуба поддерживали тесные контакты с клубами в Архангельске и Перми¹².

Большой интерес представляют различного рода публикации о лыжном спорте в России. К примеру, К. Кометс, владелец спортивного магазина в Петербурге, в котором можно было купить снаряжение для походов на лыжах, издал две книги о лыжном спорте. Автор дал широкий охват истории возникновения лыж с древнейших времен, о развитии этого вида спорта в мировом масштабе, а также представил различного вида лыжи, популярные для любителей этого вида спорта. Он писал, что военное министерство и министерство просвещения в России уделяли тогда большое внимание развитию лыжного спорта в школах, гимназиях, в военных училищах, в высших школах. Популярное в то время выражение «in's Grüne» (на природе) заменено выражением «picnik sur la neige» (пикник на снегу). Давая рекламу своему магазину, К. Кометс подробно описывал виды лыж, которые можно приобрести в его магазине, среди которых особенно отмечены норвежские лыжи «telemarks», а также канадские, каянские, самоедские и др.¹³

Представляет также интерес изданная в России книга Гуго Сандберга «Лыжный спорт». Ее автор, финский лесничий из Кумониemi, написал книгу на финском языке, которая затем была переведена на шведский, а со шведского на русский. В этом издании автор описывает различного типа финские лыжи, предлагает подходящую для походов одежду, дает руководство бега на лыжах. Можно сказать, что благодаря этим популярным и зачастую рекламным изданиям, в России лыжи становились модным видом отдыха.

Тем не менее следует подчеркнуть: интерес к лыжам в России в рассматриваемый период начал стремительно расти. Наряду с любителями лыжных прогулок, которых было немалое количество, появилось уже достаточное количество спортсменов. Кроме того, лыжи стали активно пользоваться в военных частях.

Всероссийская лига лыжебежцев 2 января 1911 г. объединила все клубы России. Тогда в соревнованиях уже участвовало свыше 400 лыжников, а в 1913 г. их стало уже 700 человек. В 1913 г. чемпионы России Павел Бычков и Александр Немухин впервые участвовали в Международных соревнованиях «Северные игры», проходивших в Швеции. Успеха они не добились, но многому научились. На соревнованиях в 1913 г. в Петербурге впервые официально участвовали скандинавские лыжники, которые выиграли в забегах. Российские спортсмены на этих соревнованиях впервые использовали лыжную мазь¹⁴.

Таким образом, лыжный спорт в России стал популярен. Российские спортсмены уже начали соревноваться со скандинавами. К здоровому образу жизни по распоряжению министерства просвещения страны привлекались учащиеся. Выпускавшаяся специальная литература доходчиво доносила до читателя основы ходьбы на лыжах, пропагандируя различные виды лыж, среди которых самыми лучшими считались норвежские. К сожалению, начало Первой мировой войны в 1914 г. и события 1917 г. на время приостановили развитие в России этого вида спорта.

¹ *Иогансен Я.* Изготовление лыж норвежских, каянских, лапландских, канадских, самоедских, новгородских и охотничьих и езда на лыжах. Практическое руководство для любителей СПб., 1906; *Иогансен Я.* Изготовление лыж норвежских, каянских, лапландских, канадских, самоедских, новгородских и охотничьих и езда на лыжах. СПб, 1915; *Бородин С. В.* Лыжный спорт. СПб., 1911; *Кометс К. Е.* Лыжный и лыжно-парусный спорт. СПб., 1904; *Кометс К.* Лыжный, лыжно-парусный и лыжно-саночный спорт. СПб., 1910; *Бородин С. В.* Лыжный спорт. СПб., 1911; *Сандберг Г.* Лыжный спорт. СПб., 1900; Книга спорта. Зимние развлечения для юношества. СПб.-М., 1902; Руководство для бега на лыжах. СПб., 1903; Московская лига лыжебежцев. Известия Московской лиги лыжебежцев. М., 1911; *Раменская Т. И.* Лыжный век России. М., 1998.

² *Раменская Т. И.* Лыжный век России. С. 17

³ Спутник лыжника. Издание Московского клуба лыжников под редакцией секретаря О. Н. Высоцкого. Москва.

- ⁴ Там же. М., 1899. С. 6.
- ⁵ Там же. С. 28.
- ⁶ Там же. М., 1897–1889. С. 39.
- ⁷ *Раменская Т. И.* Лыжный век России. С. 197.
- ⁸ Там же. С. 19.
- ⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф 1284. Оп. 188–1913. Д. 1.
- ¹⁰ Там же. Л. 54, 55, 89.
- ¹¹ Там же. Л. 7.
- ¹² Там же. Л. 57, 62.
- ¹³ *Кометс К.* Лыжный и лыжно-парусный спорт. С. 24–26.
- ¹⁴ *Раменская Т. И.* Лыжный век России. С. 20.

Т. В. Папаскири, И. В. Кириленко

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ДИЗАЙНА СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

Проблема исторической оценки дизайна скандинавских стран и Финляндии уже затрагивалась в той или иной степени в научно-искусствоведческой литературе¹. Тем не менее следует учитывать, что староскандинавский стиль уходит своими корнями в начало XIX в., в частности, в сферу литературы. Тогда художники, поэты и ученые, глубоко интересующиеся скандинавской мифологией, создавали эпические произведения, черпая темы из мира викингов. Для разработки этого стиля в области искусства потребовалось более длительное время. Хотя изящные украшения с использованием извивающихся драконов появились как декоративные бордюры во внутренней отделке еще в 1841 г. при строительстве королевских апартаментов вблизи Христиании (прежнее название Осло), начиная со второй половины столетия, староскандинавские мотивы стали широко распространяться в изобразительном искусстве. Археологические раскопки, в частности, норвежских кораблей в Туне в 1867 г. и в Гостаде в 1880 г. послужили стимулом для широкого распространения этого стиля.

Норвегия, с ее вытянутым прекрасным побережьем, изрезанным глубокими фиордами, врезающимися в скалы, обращена на запад, к океану. Это — страна смелых мореходов. Основные местные материалы — дерево и шерсть — искусно использовались в средневековых церквях и в прекрасных гобеленах XVII–XVIII вв. В отличие от Дании, где небольшие расстояния

между крайними точками и развитая водная сеть привели к ее централизации, Норвегия топографически расчленена на бесчисленные небольшие общины, расположенные вдоль фиордов и в заболоченных долинах.

Кроме географических и топографических факторов, большую роль в формировании скандинавского дизайна сыграл климат. За исключением небольшого различия в климате Дании на юге и в северных районах, во всех остальных странах наблюдается относительно длинная и местами суровая зима и короткое лето. Подобный климат послужил причиной развития зимнего дизайна, (как назвал его Йенс Бёрнсен, директор Датского конструкторского совета в 80-е гг.). Он проявился в архитектурных деталях таких, как крутые крыши и маленькие окна, в прочном снаряжении для использования на открытом воздухе, например, лыжи, лопаты для снега, в утепленной спортивной и рабочей одежде, и в современной конструкции машин: от буровых установок для работы со льдом до огромных ледоколов.

Прежде всего скандинавский климат породил интерес к жилищам и их мебелировке, которого не наблюдалось нигде в Европе. В определенные периоды этот интерес почти перерастал в культ. Безопасный, теплый и уютный дом, стоящий на морозе среди снегов под звездным зимним небом даже сейчас воспринимается как символ, связанный с ностальгией, когда универсальная во всем мире техника и средства связи делают жизнь в индустриальных странах все более однообразной. В отличие от общественной жизни Европы, где улицы и площади служат основным местом встреч, скандинавская семья и общественная жизнь концентрируются в доме.

В Норвегии журнал «Бунют» («Новости жизни») был основан в январе 1941 г., группой молодых архитекторов, художников и дизайнеров. В первом его номере, вышедшем после войны в мае 1945 г., была опубликована идейная статья Хаакана Стенставальда, озаглавленная «Наш национальный характер». В этой статье Стенставальд утверждал, что главной целью норвежского дизайна должен быть поиск национальной самобытности, основанной на традициях. Основное содержание этой статьи выражало общее мнение об отставании норвежского дизайна от дизайна других скандинавских стран. Искусство Дании почти не испытало такой войны как в России. Оно продолжало раз-

виваться в 1940-е гг. на основе очень прочного фундамента, заложенного в предшествующий период. Признанные авторитеты, такие как Аксель Салто, Алвар Аалто, Кааре Клинт, Хеннингсен и др. продолжали быть ведущими дизайнерами, но с каждым годом заявляли о себе более молодые таланты, особенно в области мебели, изделий из серебра и керамики. Основу дизайнерского стиля заложили Арне Якобсен, Ханс Вегнер, Бруно Матссон, Гертруда Васегорд и многие другие.

В Швеции в 1970-х гг. в области изящных искусств, декоративно-прикладного искусства и дизайна началась специализация. Почти одновременно во всех скандинавских странах произошли изменения, связанные с перестройкой системы образования, расширившие возможности подготовки мастеров и дизайнеров. В результате этого область дизайна разделилась на отдельные самостоятельные группы, каждая из которых сохраняла свою направленность, свои критерии и задачи. Эти изменения приблизили мастеров к сфере изящных искусств и отдалили их от промышленности, они способствовали тому, что дизайнеры теснее соприкоснулись с областями техники, являющимися важной составной частью промышленности. По мнению многих искусствоведов, это был необходимый процесс, который дал ощутимые результаты. Для ремесленников процесс «отдаления» означал значительные изменения в роли и статусе, что повлияло на будущее производство. Согласно новой норвежской политике развития культуры, сформулированной в течение этого переломного десятилетия, ремесленники, работающие в области «изящных» искусств рассматривались как единое целое и пользовались законодательной поддержкой Министерства культуры и науки, которая способствовала развитию искусств. Новая норвежская культурная политика явилась уникальной и прогрессивной.

Экономический спад, наблюдавшийся в шведской промышленности, заставил компании проанализировать и по-новому оценить свою продукцию. Работники «Фёренинген свенск форм» убедились в том, что анализ продукции во многих странах укрепил их во мнении, что хороший дизайн играет большую роль, и это послужило своего рода стимулом для достижения намеченных целей. Промышленность Швеции могла выдержать конкуренцию на мировом рынке только благодаря хорошему дизайну и высокому качеству технического исполнения.

«Фёренинген свенск форм» явился свидетелем постоянного, вплоть до нынешнего времени интереса к открытию конструкторского центра в Стокгольме, деятельность и услуги которого можно сравнить с деятельностью и услугами, предоставляемыми конструкторским центром нового типа, действующего под эгидой «Общества в Мальмё». Эти планы нашли поддержку и одобрение у многих организаций, связанных с дизайном и декоративно-прикладным искусством, а также у многих изготовителей и потребителей.

В начале 1982 г. была проведена крупная выставка «Дизайн и традиция в Швеции» в музее искусства и ремесел Рёкса в Гётеборге. Экспозиция охватила развитие декоративно-прикладного искусства и промышленного дизайна, начиная с 1890-х гг., и, самое главное, дала возможность занимающимся декоративно-прикладным искусством и дизайном продемонстрировать свое видение современного дизайна и свое представление о его будущем. На выставке были представлены две основные темы: поэтический функционализм и новое восприятие дизайна. Налицо мечта об обогащении функционального промышленного дизайна новым художественным вкусом. В Швеции, где прочно укоренился функционализм и социально-эстетические идеалы, будущее дизайна предстало новым эстетическим звучанием бытовых предметов первой необходимости.

Возрождение стиля викингов проявлялось по-разному в каждой скандинавской стране. В Швеции развитию этого стиля примерно в 1870 г. способствовала небольшая, но влиятельная группа лиц, связанная с художественным развитием, но этот стиль не стал популярным. В Стокгольме в это уже время удалось использовать староскандинавские мотивы в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве.

Швеция познакомилась с развитием дизайна в Англии в основном через Австрию и Германию. Ввиду того, что Швеция располагала значительными ресурсами и ее правительство было более склонно к административной и организационной централизации, дизайн в стране развивался с четко сформулированными социальными задачами: «больше красивых вещей для повседневного пользования», — и это стало характерным лозунгом. В полном соответствии с этой социальной и эстетической задачей, в 1930 г. была организована функционалист-

ская выставка в Стокгольме, в которой принимали участие все страны этого региона.

Ничего неожиданного было в том, что Швеция оказалась непревзойденной в области гравирования по стеклу и в стекольном производстве. Фирма «Оррефорс» завоевала множество медалей, ее успехи открыли путь к американскому рынку. Высокой оценки заслужили также художественные ткани, выполненные Мартой Маас-Фьёттерстрём и др., что свидетельствовало о прочных позициях Швеции в разных областях декоративно-прикладного искусства и дизайна. Традиции художественного стекла и тканей глубоко укоренились в Швеции. Большое стекольное производство выросло из кустарного промысла еще в XVIII в., ткачихи и художники по раскраске тканей унаследовали богатство идей от старых крестьянских традиций, на них были изображены быт, разная графика, сценки из деревенской жизни.

Скандинавский дизайн следует рассматривать как особую область в рамках культурного развития этих стран. Дизайн, другими словами, — это «предметы обихода по-скандинавски». Можно ли оценивать искусство независимо от политики, экономики и нравов общества? Вопрос проблематичен, но есть основания предположить, что дизайн в различных его проявлениях связан с другими течениями в обществе и его благополучии. Более того, скандинавский дизайн в значительной степени зависит от конкретных внешних факторов. Это не означает, что недооцениваются внутренние созидательные факторы. Несомненно, большое значение имеет изучение влияния одного дизайнера на другого; говоря о скандинавском дизайне, используют «сравнительный» метод. Великое искусство и бедность в стране не могут идти рука об руку.

Функционально направленная выставка, организованная Асплундом в Стокгольме в 1930 г. получила международное признание и послужила важным источником вдохновения для многочисленных архитекторов и дизайнеров во всей Скандинавии. Точно так же легендарные выставки Снедкерлаугета, организованные в Копенгагене, особенно после Второй мировой войны, оказали влияние и дали стимул большому числу конструкторов мебели в других скандинавских странах. Даже в военные годы, когда вся творческая деятельность была парализована, нейтральная Швеция предоставила убежище многим

архитекторам и дизайнерам из растерзанных войной братских стран. Здесь, в Швеции, они встречались, обменивались идеями и опытом, более или менее совместно строили планы относительно своей работы, ожидая наступления мира. Почти все исландские дизайнеры, присоединившиеся к этой группе позднее, проходили обучение в каждой из скандинавских стран.

Расположенная на юге этого региона Дания состоит из полуострова европейского континента и прилегающих 300 островов. Низко расположенная плодородная земля служит опорой для эффективной промышленной базы. Дания обращена своим вытянутым, открытым побережьем к Англии и западной Европе и вполне естественно, что датский вариант скандинавского дизайна испытал очевидное влияние английского искусства и ремесел. В стране фермеров с богатыми традициями изготовления керамических изделий способствовало специализации. Копенгаген с давних пор был важным портом и торговым центром, что помогло Дании приобщиться к европейской культуре раньше других скандинавских стран.

С точки зрения шведских специалистов 1940-е гг. были годами изоляции, прерванных контактов. По мнению историка искусств Дага Видмана, «периодом идиллического размышления о прошлом декоративного формализма» явилось другое течение, которое возникло с развитием промышленного дизайна и под влиянием конструктивистского искусства, особенно если его сравнить с функционализмом и другими передовыми течениями 1920-х и 1930-х гг. «Жесткий» и лишенный фантазии, этот стиль характеризуют килтские сервизы Кая Франка и бытовые приборы из нержавеющей стали Арне Якобсена. Будучи простым и логичным, этот стиль хорошо сочетался с металлами и новыми материалами, например, пластмассой.

В самой Швеции функционализм проложил себе дорогу. К 1940 г. Швеция в результате (после некоторого колебания) предложенного социал-демократическим правительством принципа функционализма стала функционалистической и осталась ею до настоящего времени. С уверенностью можно сказать, что внутренняя политика Швеции способствовала развитию шведской архитектуры и дизайна в том направлении, которое позднее привело к «национально-интернациональному» стилю.

Функционализм также быстро утвердился и в Финляндии, но в основном как результат ее внешней политики. Молодая, динамично развивающаяся республика имела одну главную цель — видеть свою страну на карте мира в качестве уважаемого члена сообщества наций. Следуя более или менее тем же националистическим побуждениям, которые раньше вдохновляли архитекторов и дизайнеров павильона Парижской выставки (1900 г.), дизайнеры попытались создать новый интернациональный стиль, чтобы показать, что Финляндия шагает в ногу со временем. Вскоре ведущие архитекторы создали функционалистские шедевры, появившиеся сразу же в журналах многих стран мира. Социальный аспект функционализма, который нельзя отвергать полностью не играл в Финляндии такой ведущей роли, как в Швеции.

Хотя в этот период скандинавские страны разделяли многие идеи относительно дизайна, каждая страна демонстрировала что-то свое. Финские изделия, например, обычно предназначаются для более элитарного потребителя, чем изделия в других странах. Так, в середине 1950-х гг. в прессе, в конструкторских организациях возникла оживленная дискуссия о путях и возможностях финского дизайна. Наибольшей критике подверглась промышленность из-за отсутствия интереса к предметам быта и за резкое различие между предметами массового производства и более престижными художественными изделиями. Дебатировался также вопрос о необходимости поощрения «звезд» среди дизайнеров, награждение их за лучшие изделия.

В Дании также развитию дизайна способствовали напряженные и увлекательные споры относительно архитектуры и дизайна, что частично было вызвано Стокгольмской выставкой 1930 г. Однако реакция там была абсолютно отлична от реакции в Швеции и Финляндии. Этому было несколько причин, среди которых основная — географический фактор. На Швецию непосредственное влияние оказал Баухауз в Германии, в то время как Дания, более тесно связанная с английским дизайном и искусством, воспринимала массовое и авторское производство. Реакцию, получившую распространение в Норвегии, трудно объяснить в некоторой степени из-за ее региональной разобщенности, которая замедлила появление новых веяний. Позднее стали организовывать ежегодные выставки,

названные «Развитие скандинавского дизайна», которые путешествовали по скандинавским странам и успех этих выставок обеспечивал производство новых и качественных изделий. Наряду с прессой и специальными журналами, посвященными дизайну, эти выставки сыграли большую роль в обмене мнениями и во взаимовлиянии в мире скандинавского дизайна — вероятно, до такой степени, что скандинавский дизайн оказался оторванным от событий, происходящих за пределами Скандинавии, но он набирал силу и совершенствовался внутри каждой страны.

Самая удивительная черта современного дизайна и декоративно-прикладного искусства скандинавских стран и Финляндии — это его интернациональный характер. В настоящее время трудно определить с первого взгляда место изготовления различных предметов. Отличительные национальные особенности в значительной степени утрачены: новые тенденции выходят за рамки национальных границ, появляются одновременно в нескольких местах и лишены четких стилистических особенностей. Кроме того, важную роль в распространении новых идей после 1970-х гг. сыграли конференции Всемирного совета декоративно-прикладного искусства. После каждой такой конференции в предметах прикладного искусства, изготовленных в различных скандинавских странах, четко прослеживаются особенности национальной культуры. После 1970-х гг. в скандинавском декоративно-прикладном искусстве и дизайне заметно влияние двух отличительных черт международного характера. Одно из влияний пришло из Соединенных штатов, где декоративно-прикладное искусство заметно освободилось от традиционного подхода.

Это влияние еще связано с тем фактором, что многие известные дизайнеры, скульпторы, архитекторы в это время творили в США, например, Карл Миллес, Элиел Сааринен и др.

Исландия и Норвегия, которые всегда ориентировались на Запад, вследствие своего географического положения, наиболее ошутимо восприняли американские идеи, в то время как другие скандинавские страны продолжали придерживаться скандинавских традиций. Особенно большое значение имело развитие студийных ремесел в рамках национальных традиций, влияние которых наиболее заметно проявлялось в производстве стекла.

Среди стилистических направлений, которые появились в декоративно прикладном искусстве — «хай-тек» («высокая техника») и во многих работах отмечается влияние «нового искусства». В настоящее время декоративно-прикладное искусство вновь приобрело изящество, стало более утонченным. Предпочтение отдается тонкому фарфору, менее грубой керамике. Художники набивных тканей отказались от смелых сюжетов и вновь обратились к более романтичному стилю, используя изящные, пастельные тона.

В настоящее время изделия скандинавского и финского дизайна «завоевали весь мир». Не только в огромной сети магазинов «Икеа», но и во многих художественных салонах представлены уникальные изделия из стекла — от абстрактных ваз, утонченных сосудов с цветными вставками до значительных глыб, скульптур и т. д. И будто произошла встреча с такими мастерами, как: Тимо Сарпанева (Финляндия), Олле Альбертус (Швеция), Бертилл Валлиен (Швеция), Тапио Вирккала (Финляндия) и др. Произведения искусств фирмы «Оррефорс» представлены не только в Лондоне, но также и в России — в Москве и в других странах ближнего зарубежья.

¹ Design in America. The Grandbrook vision 1925–1950; Design in Sweden / The Swedish institute, the Swedish Society of Crafts and Design/ Ed. By m/Boman: / art/ Transe from Swedish Uddevalla, 1985; Scandinavian modern design 1880–1980 Cooper-Hewitt museum / Ed. By D. R. Mc. Fadde. N. Y., 1982; Кириленко И. В., Папаскири Т. В. Скандинавский дизайн. Традиции и современность М., 1996; Папаскири Т. В., Кириленко И. В. «Северное сияние» скандинавских стран и Финляндии. Скандинавские чтения. СПб., 2008.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Л. Б., канд. искусств., Русская христианская гуманитарная академия

Баданов В. Г., канд. ист. наук, доцент Карельского филиала Северо-Западной академии государственной службы

Базарова Т. А., канд. ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Балашова К. С., Санкт-Петербургский государственный университет

Барышников В. Н., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Барышников Н. И., д-р ист. наук, профессор Северо-западной академии государственной службы

Бородина Т. П., канд. искусств., Музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты»

Бекман Й., д-р общ-пол. наук, доцент Хельсинкского университета

Бурков В. Г., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Вавулинская Л. В., канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН

Васара В.-Т., Санкт-Петербургский государственный университет

Возгрин В. Е., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Геуст К.-Ф., д-р наук, музей авиации Финляндии

Дубровская Е. Ю., канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН

Жаров Б. С., профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Жуков А. Ю., канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН

Журавлев Д. А., канд. ист. наук, Военно-медицинский музей Санкт-Петербурга

Ивлева С. Е., Государственный Русский музей

Катцова М. А., Санкт-Петербургский государственный университет

Кент Н., д-р наук, профессор университета Кембридж

Кириленко И. В., член МХФ, союза дизайнеров России, союза дизайнеров Москвы, международной ассоциации союза дизайнеров.

Кобленкова Д. В., канд. ф. наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Кораблев Н. А., канд. ист. наук, доцент Карельского филиала Северо-Западной академии государственной службы

Кривдина О. А., канд. искусств., Государственный Русский музей

Кривошеев Ю. В., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Лебедев А. А., канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

Макуров В. Г., канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН

Папаскири Т. В., член МХФ, союза дизайнеров России, союза дизайнеров Москвы, международной ассоциации союза дизайнеров.

Петров П. В., канд. ист. наук, Государственный музей-заповедник «Петергоф»

Софронова З. Н., Санкт-Петербургский государственный университет

Уитто А., д-р наук. Военно-историческое общество Финляндии

Фокин В. И., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета,

Шкваров А. Г., канд. ист. наук, Университет Хельсинки

Шрадер Т. А., канд. ист. наук, Музей антропологии и этнографии РАН

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Aleksandrova L. B., candidate of archeology, Russian Christian academy for humanities

Badanov V. G., candidate of historical science, associate professor of the Karelian branch of North-Western Academy of State Service

Bazarova T. A., candidate of historical science, Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science

Balashova K. S., Saint-Petersburg State University

Baryshnikov V. N., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University

Baryshnikov N. I., PhD in History, professor of North-Western Academy of State Service

Borodina T. P., candidate of historical science, I. E. Repin memorial estate "Penaty"

Bekman Y., PhD in social-political sciences, associate professor of Helsinki University

Burkov V. G., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University

Vavulinskaya L. V., candidate of historical science, Karelian scientific centre of Russian Academy of Science

Vasara V.-T., Saint-Petersburg State University

Vozgrin V. E., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University

Geust K.-F., PhD., museum of Aviation in Finland

Dubrovskaya E. Y., candidate of historical science, Karelian scientific centre of Russian Academy of Science

Zharov B. S., professor of Saint-Petersburg State University

Zhukov A. Yu., candidate of historical science, Karelian scientific centre of Russian Academy of Science

Zhuravlyov D. A., candidate of historical science, Saint-Petersburg Military-Medical museum

Ivleva S. E., the State Russian Museum

Katzova M. A., Saint-Petersburg State University

Kent N., PhD., the Cambridge University professor

Kirilenko I. V., the member of designers' association of Russia, designers' association of Moscow, international designers' association

Koblenkova D. V., PhD, associate professor of Nizhegorodskiy State University named after N. I. Lobachevski

Korablev N. A., candidate of historical science, associate professor of the Karelian branch of North-Western Academy of State Service

Krivdina O. A., candidate of historical science, the State Russian Museum

Krivosheev Ju. V., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University

Lebedev A. A., Saint-Petersburg State University of cinema and television

Makurov V. G., candidate of historical science, Karelian scientific centre of Russian Academy of Science

Paaskari T. V., the member of designers' association of Russia, designers' association of Moscow, international designers' association

Petrov P. V., candidate of historical science, State Reserve museum "Petergof"

Sofronova Z. N., Saint-Petersburg State University

Uitto A., PhD., Military-historical society of Finland

Fokin V. I., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University

Shkvarov A. G., candidate of historical science, University of Helsinki

Shrader T. A., candidate of historical science, Museum of anthropology and ethnography of Russian Academy of Science

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Preface	8
ЛЮДИ И СОБЫТИЯ	
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ	11
<i>Т. А. Базарова</i>	
Первый российский вице-канцлер П. П. Шафиров в донесениях и записках западноевропейских дипломатов	12
<i>Н. Кент</i>	
Впечатления англичанина Джозефа Ачерби о Лапландии в конце XVIII в.	24
<i>Т. П. Бородина</i>	
Надзор сысковой полиции Финляндии за И. Е. Репиным и его семьей (По материалам Национального архива Финляндии)	33
<i>К.-Ф. Геуст</i>	
Советские военнопленные в финской армии в 1939–1940 гг. . .	46
<i>З. Н. Софронова</i>	
Настроения в финской армии по допросам военнопленных, взятых в плен на территории Карелии партизанскими отрядами (за период 1942–1944 гг.)	60

<i>Л. И. Вавулинская</i>	
Иностранные военнопленные в Карелии во второй половине 1940-х гг. (По материалам Пудожского района)	67
ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА.	79
<i>А. Г. Шкваров</i>	
Русские гарнизоны в Великом княжестве Финляндском: проблемы взаимоотношений с местным населением	80
<i>В. Г. Баданов, Н. А. Кораблев</i>	
Проблема восприятия олонекким земством финляндского аграрного опыта при проведении реформы П. А. Столыпина	90
<i>В.-Т. Васара</i>	
Отношение финской общественности к русским накануне «зимней войны».	108
<i>В. И. Фокин</i>	
Антифашистское движение и страны Северной Европы накануне Второй мировой войны	115
<i>В. Н. Барышников</i>	
К вопросу о бомбардировке района Ленинграда с территории Финляндии 22–23 июня 1941 г.	127
<i>В. Г. Макуров</i>	
Карелия на завершающем этапе Великой Отечественной войны 1944–1945 гг.	139
<i>Ю. В. Кривошеев</i>	
Восстановление промышленного потенциала Карельского перешейка в 1940-х гг. и человеческий фактор	149
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ.	155
<i>А. А. Лебедев</i>	
Петровский линейный корабль «Ингерманланд» в судьбах российского флота	156
<i>М. А. Катцова</i>	
«Коллективная небезопасность» Северной Европы: кризис сотрудничества скандинавских стран и Финляндии осенью 1939 г.	169

<i>П. В. Петров</i>	
Оперативное планирование на Краснознаменном Балтийском флоте в 1935–1941 гг.	203
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ.	
227	
<i>А. Ю. Жуков</i>	
«Уезд» на Северо-Западе России в источниках XV–XVII вв.	228
<i>В. Е. Возгрин</i>	
Датские историки XVII–XVIII вв.: начало пути к национальной позитивистской историографии	237
<i>Д. В. Кобленкова</i>	
В поисках героя: Карл XII в шведской художественной литературе (А. Стриндберг, В. фон Хейденстам, А. Энгстрём).	251
<i>С. Е. Ивлева</i>	
Иллюстрированные издания о странах Северной Европы в собрании Евграфа Евграфовича Рейтерна	261
<i>Т. П. Бородина</i>	
И. Е. Репин в финляндской прессе (1918–1930)	268
<i>Е. Ю. Дубровская</i>	
Подготовка Ухтинского съезда представителей сеveroкарельских волостей в 1920 г.: образы времени в документах карельского национального движения	280
<i>В. Н. Барышников</i>	
Аншлюс Австрии и проблема советско-финляндских отношений накануне начала Второй мировой войны.	292
<i>А. Уитто</i>	
«Линия Маннергейма» — легенда «зимней войны» 1939–1940 гг.	304
<i>Д. А. Журавлев</i>	
Советско- финляндская война 1939–1940 гг. в воспоминаниях медиков.	310
<i>Й. Бекман</i>	
К проблеме существующих искажений в отражении истории «зимней войны» в финской историографии.	320

<i>К. С. Балашова</i>	
Влияние договора о Дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 г. на становление советско-финляндских отношений в области культуры.	327
Н. И. Барышников	
Из истории появления в Финляндии Газеты «Кансан Уутисет»	337
НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ.	349
<i>О. А. Кривдина</i>	
Из истории создания Музея античности в Королевском дворце Стокгольма	350
<i>Л. Б. Александрова</i>	
Классицизм в архитектуре Финляндии второй половины XVIII века. Густавианский период (1775–1809).	355
<i>В. Г. Бурков</i>	
Солярный символ в государственных знаках Финляндии.	369
<i>Б. С. Жаров</i>	
Скандинавская составляющая петербургского балета	374
<i>Т. А. Шрадер</i>	
Все на лыжи, как скандинавы (лыжный спорт в России, конец XIX — начала XX в.)	380
<i>Т. В. Папаскири, И. В. Кириленко</i>	
Историческая оценка дизайна скандинавских стран и Финляндии	387
Краткие сведения об авторах	396
Information about authors	398

CONTENTS

Preface	9
PEOPLE AND EVENTS THROUGH THE PRISM OF HISTORY	11
<i>T. A. Bazarova</i> The first Russian Vice-Chancellor P. P. Shafirov in reports and correspondence notes of the west European diplomats.	12
<i>N. Kent</i> The Englishman Josef Acherbi impressions on Lapland in the end of XVIII century	24
<i>T. P. Borodina</i> The Finnish Detective police supervision for I. E. Repin and his family (based on the materials of the Finnish National Archives)	33
<i>K. F. Geust</i> Soviet prisoners of war in Finnish Army in 1939–1940s	46
<i>Z. N. Sofronova</i> Attitudes and spirits in Finnish army on interrogations of prisoners of war captured on the territory of Karelia by guerillas groups (during the period of 1942–1944)	60
<i>L. V. Vavulinskaya</i> Foreign prisoners of war in Karelia in the second half of 1940 th (on the materials of Pudozhskiy region)	67

ECONOMICS, WAR AND POLITICS	79
<i>A. G. Shkvarov</i> Russian Garrisons in Grand Duchy of Finland: the problems in relationship with local population.....	80
<i>V. G. Badanov, N. A. Korablev</i> The problem of accepting the Finnish agricultural experience by olonezkiy zemstvo (country council) while performing the reforms of P. A. Stolypin	90
<i>V.-T. Vasara</i> Attitude of Finnish public to Russians on the eve of “the winter war”	108
<i>V. I. Fokin</i> Anti-fascist movement and North European countries on the eve of the World war II	115
<i>V. N. Baryshnikov</i> On the question of bombing the Leningrad’s district from Finnish territory 22–23 of June 1941	127
<i>V. G. Makurov</i> Karelia on the final stage of the Great Patriotic war 1944–1945 ..	139
<i>Ju. V. Krivosheev</i> Reconstruction of industrial potential of Karelian Isthmus in 1940 th and human factor	149
THE BALTIC SEA: COOPERATION AND CONFRONTATION	155
<i>A. A. Lebedev</i> Peter’s battleship “Ingermanland” in the fate of Russian Navy	156
<i>M. A. Katzova</i> “Collective insecurity” of Northern Europe: the crisis of cooperation between Scandinavian countries and Finland in autumn of 1939	169
<i>P. V. Petrov</i> Operative planning on decorated with the order of Red Banner Baltic Navy in 1935–1941	203
HISTORICAL SOURCES, OPINIONS AND ESTIMATIONS	227
<i>A. Ju. Zhukov</i> “Parish” in the Northwest of Russia in sources of XV–XVII centuries ..	228

<i>V. E. Vozgrin</i>	
Danish historians of XVII–XVIII centuries: the first steps to national positivist historiography	237
<i>D. V. Koblenkova</i>	
Searching for the hero: Carl XII in Swedish fiction literature (A. Strindberg, V. von Heidenstam, A. Engstrom)	251
<i>S. E. Ivleva</i>	
Illustrated editions about North European countries in Evgraf Evgrafovitch Reitren's assemblage	261
<i>T. P. Borodina</i>	
I. E. Repin in Finnish press, periodicals 1918–1930.	268
<i>E. Ju. Dubrovskaya</i>	
Preparing for Uhninskiy congress of representatives of North Karelian volost (district) in 1920: the time period images in documents of Karelian national movement.	280
<i>V. N. Baryshnikov</i>	
Anschluss of Austria and Russian-Finnish relations problem on the eve of the World War II	292
<i>A. Uitto</i>	
“Mannerheim line” — the legend of “the winter war” 1939–1940	304
<i>D. A. Zhuravlev</i>	
Soviet-Finnish war 1939–1940 in medical's memories	310
<i>Y. Bekman</i>	
On the question of existing misrepresentation reflecting the history of “winter war” in Finnish historiography	320
<i>K. S. Balashova</i>	
The impact of the Treaty on Friendship, cooperation and mutual aid of 1948 for establishing Finnish-Soviet cooperation in cultural sphere.	327
<u>N. I. Baryshnikov</u>	
Glimpses of history of appearance in Finland the newspaper “Kansan Uutiset”	337
SCIENCE, CULTURE AND RELIGION	349
<i>O. A. Krivdina</i>	
From the history of establishing the antiquity museum in Royal Palace in Stockholm.	350

<i>L. B. Aleksandrova</i>	
Classic style in Finnish architecture in the second half of the XVIII century. Gustavian period (1775–1809)	355
<i>V. G. Burkov</i>	
Solar symbol in state signs of Finland.	369
<i>B. S. Zharov</i>	
Scandinavian component of Petersburg ballet.	374
<i>T. A. Shrader</i>	
Everybody start skiing as Scandinavians (skiing sport in Russia in the end of XIX – the beginning of XX centuries)	380
<i>I. V. Kirilenko, T. V. Paaskari</i>	
Historical conceptualization of design in Scandinavian countries and Finland.	387

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
И
СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Материалы Двенадцатой ежегодной
международной научной конференции

Художник *О. Д. Курта*
Верстка *О. М. Кукушкиной*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 21.03.2011.
Формат 60 × 84^{1/16}. Бум. офсетная. Гарнитура Octava.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,71. Тираж 1000 экз.
Заказ № 34

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Литография»
191119, С.-Петербург, Днепропетровская ул., д. 8

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15,
Издательство Русской христианской гуманитарной академии.
Факс: (812) 311–30–75; тел.: (812) 310–97–91
email: editor@rchgi.spb.ru. URL: <http://www.rhga.ru>